

Р.ШТЕЙГЕРВАЛЬД

“Третий
Путь”

Тереза
Маркузе

Р. ШТЕЙГЕРВАЛЬД

» ТРЕТИЙ ПУТЬ «

Герберта
Маркузе

Перевод с немецкого А. Д. Попова и В. М. Родина

Под редакцией и с предисловием Я. Г. Фогелера

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
МОСКВА · 1971

ROBERT STEIGERWALD

HERBERT MARCUSES „DRITTER WEG“

Akademie-Verlag, Berlin, 1969

Маркузе — один из крупнейших современных буржуазных философов, наиболее агрессивно выступающий против коммунизма. Показ классовой природы его философских концепций, вскрытие их опасной сущности — наиболее актуальная задача, стоящая перед марксистами-ленинцами.

Книга содержит глубокий и всесторонний анализ взглядов Маркузе, дает развернутую и аргументированную критику его философских построений, под влияние которых подпадают многие люди на Западе, и прежде всего молодежь.

1—11—5
10—71

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию советского читателя книга, написанная западногерманским философом-марксистом Робертом Штейгервальдом, представляет значительный интерес. Она посвящена критике философских и политических идей американского философа немецкого происхождения Герберта Маркузе, имя которого получило широкую известность в капиталистическом мире во второй половине шестидесятых годов. Как идеолог левобуржуазного экстремизма, Г. Маркузе явился своеобразным «идейным отцом» того широкого движения «новых левых», которое нашло свое наиболее яркое проявление в студенческих бунтах 1967—1968 годов в капиталистических странах Америки и Западной Европы. Смыкаясь с другими псевдореволюционными идеологами этого движения — с троцкистами, анархистами, маоистами, с мелкобуржуазными теоретиками «третьего пути», Маркузе все же развил и проповедовал такие варианты идеологии «левого» оппортунизма, которые наиболее ярко и адекватно выразили характерные настроения социальных слоев, принявших участие в «левом» движении. Растущее среди масс разочарование «американским образом жизни», несбывшиеся мечты о создании общества «всеобщего благоденствия», всеобщее возмущение кровавой американской агрессией в Индокитае — все эти и другие факторы получили к середине шестидесятых годов своеобразное отражение в идеологии «новых левых». Широкое движение солидарности с национально-освободительной борьбой колониальных и зависимых народов всколыхнуло умы и сердца многих людей во всех странах мира, в том числе и части интеллигенции и студенчества в таких цитаделях империализма, как США и ФРГ. Но там, где влияние коммунистических партий, революционной идеологии рабочего класса было еще недостаточными, получили определенное влияние такие идеологи «нового левого» движения, как Маркузе. Особенно в

США и ФРГ многолетняя пропаганда антикоммунизма и антисоветизма, подавление коммунистического движения мешали и мешают оппозиционно настроенной части средних слоев, бурно растущей мелкобуржуазной интеллигенции и молодежи сблизиться с рабочим движением и воспринять идеи научного коммунизма. Смыкаясь в этом отношении не только с идеологами правого оппортунизма, но и с профессиональными антикоммунистами крайне правого толка, Маркузе именно в этих странах своеобразно спекулировал на политической незрелости и глубоко укоренившихся антикоммунистических предрасудках, впервые вышедших на арену социальной борьбы широких слоев населения.

В то же время опыт классовой борьбы последних лет еще раз подтверждает, что умелая марксистско-ленинская критика, примером которой может служить и предлагаемая книга страстного пропагандиста марксизма Р. Штейгервальда, способна помочь лучшей части подлинных борцов из числа движения «новых левых» освободиться от оков антикоммунизма и перейти на сторону революционного рабочего движения, под испытанные знамена коммунистических партий. Замечательное подтверждение этому — героическая Анджела Дэвис, которая прошла сложный жизненный путь: американская негритянка, рано познавшая ужас расизма, она не сразу стала коммунисткой. Ее первые шаги в университетах США, Франции и ФРГ (в частности, и в университете Франкфурта-на-Майне) проходили под определенным влиянием идей Маркузе. Но в те годы, когда Анджела Дэвис изучала философию под руководством одного из тогдашних горячих последователей Маркузе, доцента Франкфуртского университета Оскара Негта, — в том же Франкфурте-на-Майне писал свою книгу и в острых спорах с радикально настроенными студентами критиковал философию Маркузе западногерманский коммунист Роберт Штейгервальд. Многим радикально настроенным студентам и молодым рабочим ФРГ Р. Штейгервальд помог преодолеть «детскую болезнь левизны» и найти путь к марксизму-ленинизму.

Франкфуртский университет долгие годы являлся центром идейного влияния Маркузе. В годы, предшествовавшие установлению гитлеровского господства в Германии, здесь сложилась известная франкфуртская школа в области философии и социологии, то есть то идеиное те-

чение, в недрах которого формировались и развивались взгляды Маркузе. Здесь, в Институте социальных исследований, начали свою деятельность основоположники этой школы — М. Хоркхеймер и Т. В. Адорно. Вместе с основными представителями этого течения Маркузе в начале 30-х годов эмигрировал в США, Хоркхеймер и Адорно вскоре после окончания второй мировой войны вернулись во Франкфурт-на-Майне, Маркузе и Фромм остались в Америке, но часто приезжали и читали лекции во Франкфуртском и других западноевропейских университетах. После отставки Хоркхеймера и смерти Адорно традицию франкфуртской школы продолжают нынешний руководитель Института социальных исследований проф. Ю. Хабермас, а также проф. Х. Байэр, Л. Фридебург, доценты А. Шмидт, О. Негт, А. Веллмер и др. Учитывая роль и значение франкфуртской школы в современной идеологической борьбе, в особенности ее влияние среди ревизионистов наших дней, необходимо подчеркнуть вклад Р. Штейгервальда в критику этих идей. В феврале 1970 года философы-марксисты ФРГ провели во Франкфурте-на-Майне первую научно-теоретическую конференцию, посвященную критике идей франкфуртской школы: опубликованные в ФРГ материалы этой конференции являются ценным вкладом западногерманских коммунистов в защиту и развитие идеологии марксизма-ленинизма. В своем докладе на этой конференции «Насколько критична критическая теория Герберта Маркузе?» Р. Штейгервальд говорил: «Теория Маркузе не есть каприз отдельной личности. Она выразила в понятиях суть настроений целого социального слоя. Речь идет о той части новой, особенно интеллектуальной мелкой буржуазии, которая сознает, что она живет в исторически безвыходном положении, но все же не готова еще полностью и безоговорочно перейти на позиции социалистического рабочего движения. Оставаясь между фронтами, она предпочитает оправдывать эту свою позицию утонченным антисоциализмом»¹. Принципиальная критика западногерманскими коммунистами идей Маркузе и всей идеологии «новых левых» уже дала в ФРГ конкретные результаты. Тот самый Социалистический немецкий студенческий союз, который еще в середине шестидесятых годов имел определенные заслуги в мобилизации оппозиционных сил в борьбе против империализма, возглавлял левое студенческое движение в ФРГ и активно проповедовал идеи Маркузе, к концу

шестидесятых годов был охвачен непреодолимым кризисом и самораспустился. Его место в авангарде прогрессивного студенческого движения во многих университетах ФРГ занял новый студенческий союз «Спартак», стоящий на позициях научного социализма и сотрудничающий с западногерманскими коммунистами. Конечно, подобные примеры не означают, что задача критического преодоления влияния идей Маркузе и других проповедников «третьего пути» решена. Негативные примеры этого влияния можно привести из опыта классовой борьбы многих стран. Об этом говорилось и на XXIV съезде КПСС.

«По-прежнему актуальна борьба против правого и «левого» ревизионизма, против национализма, — говорилось в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС. — Именно на националистические тенденции, и в особенности те из них, которые принимают форму антисоветизма, буржуазные идеологи, буржуазная пропаганда охотнее всего делают ныне ставку в борьбе против социализма и коммунистического движения. Они подталкивают оппортунистические элементы в компартиях к своего рода идеологической сделке. Они как бы говорят им: докажите, мол, что вы антисоветчики, а мы будем готовы провозгласить, что вы-то и есть подлинные «марксисты» и занимаете вполне «самостоятельные позиции». Ход событий показывает, кстати, что такие люди становятся на путь борьбы и против компартий в своих странах. Пример тому — ренегаты типа Гароди во Франции, Фишера — в Австрии, Петкова — в Венесуэле, деятелей группировки «Манифесто» в Италии. Борьбу против такого рода элементов братские партии рассматривают как важное условие укрепления своих рядов. Таким образом, даже эти примеры — а их можно было бы умножить — свидетельствуют о том, что борьба против ревизионизма и национализма остается важной задачей коммунистических партий»².

Предлагаемая в русском переводе книга Р. Штейгервальда возникла непосредственно в ходе борьбы западногерманских коммунистов за преодоление влияния псевдореволюционных идей «левого» оппортунизма. Ее автор является видным участником этой борьбы и завоевал своими научными трудами признание не только в ФРГ, но и за ее пределами. Он родился во Франкфурте-на-Майне в 1925 году, в семье рабочего и рано начал трудовую деятельность. Сын активного антифашиста, Р. Штейгервальд в 1945 году участвует в создании первых послевоенных

социалистических организаций рабочей молодежи в ФРГ, становится одним из руководителей социал-демократического союза молодежи «Соколы» в земле Гессен и вскоре вступает в конфликт с правым руководством СДПГ. Вместе с группой передовых молодых социалистов Р. Штейгервальд порывает с СДПГ и вступает в ряды Коммунистической партии Германии. В связи с этим американские оккупационные власти еще в 1948 году лишают его работы в молодежной редакции гессенского радиовещания, а несколько лет спустя Роберту Штейгервальду пришлось за свою коммунистическую деятельность отсидеть пять лет в застенках боннского государства. Эти годы, как он сам впоследствии рассказывает, были для него и годами своеобразного университета и закалки. Выйдя на свободу, он работает некоторое время в качестве наборщика-печатника, а вскоре становится одним из редакторов теоретического марксистского журнала «Марксистиче Блеттер», выходящего во Франкфурте-на-Майне с 1962 года. Здесь он систематически публикует свои научные статьи по философии и по самым актуальным вопросам идеологической и политической борьбы.

В апреле 1969 года Р. Штейгервальд — делегат первого съезда Германской коммунистической партии в Эссене. К этому времени он уже успел блестяще защитить диссертацию, посвященную критике философии Маркузе, и получить степень доктора философии. Эта диссертация и легла в основу предлагаемой книги, которая в первом варианте была опубликована в издательстве Академии наук ГДР и по лицензии в прогрессивном издательстве «Паль — Ругенштейн» в ФРГ.

Советский читатель получит из предлагаемой книги наиболее полное представление о научной несостоятельности и реакционной направленности идей Маркузе. Подходя исторически к анализу формирования и развития этих идей, Р. Штейгервальд выделяет в деятельности Маркузе три периода. В период 1928—1932 годов Маркузе принадлежал в дофашистской Германии к тому кругу леволиберальной буржуазной интеллигенции, который группировался вокруг франкфуртского Института социальных исследований и часто сближался с идеологами тогдашнего правого руководства СДПГ. Первым непосредственным философским наставником Маркузе был основоположник немецкого экзистенциализма М. Хайдеггер. Р. Штейгервальд впервые в марксистской литера-

туре подробно исследует генезис той экзистенциалистской ревизии диалектического и исторического материализма, одним из зачинателей которой был Г. Маркузе в первый период своей деятельности. Третья глава книги Р. Штейгервальда, посвященная критике маркузианских идей этого периода, подверглась в русском издании некоторым сокращениям. Опущены разделы, посвященные первой философской статье Маркузе, в которой он под видом «феноменологии исторического материализма» сделал одну из первых попыток «соединения» экзистенциализма с марксизмом (1928 г.); в другой статье тех лет Маркузе с тех же позиций критиковал австрийского неокантианца Макса Адлера. Решающее значение для понимания современного маркузианства имеет данный в этой главе глубокий анализ той ревизии идей молодого Маркса, с которой Маркузе выступил в 1932 году в теоретическом органе СДПГ «Ди гезельшафт». Проблематика отчуждения, поднимаемая в этом «комментарии» Маркузе к впервые опубликованным в те годы «Экономическо-философским рукописям 1844 г.» К. Маркса, подробно разработана советскими и зарубежными философами-марксистами и достаточно знакома советским читателям.

Второй период деятельности Г. Маркузе протекал в основном в 1933—1941 годах в США. Характеризуя работы этого периода, Р. Штейгервальд в четвертой главе своей книги раскрывает противоречивость идейной эволюции Маркузе в те годы. С одной стороны, Маркузе включился в борьбу против гитлеровского фашизма, что нашло свое отражение в целом ряде очерков тех лет, и в особенности в завершающей этот период книге «Разум и революция. Гегель и возникновение социальной теории» (1941 г.). Р. Штейгервальд справедливо увидел в этой книге лучшее произведение Маркузе, хотя именно здесь сделана новая попытка ревизии философии Маркса с позиции левого неогегельянства. С другой стороны, этот период завершается переходом Маркузе на службу в Управление стратегической разведки США, что привело не только к длительному перерыву в его философских публикациях (1941—1952 гг.), но, очевидно, положило начало новому, третьему периоду во всей его деятельности.

В философском плане для начала третьего послевоенного периода характерно обращение Маркузе к идеям фрейдизма. Подобно Фромму и другим представителям франкфуртской школы, Маркузе уже и раньше пытался

использовать некоторые идеи австрийского основателя психоанализа З. Фрейда для ревизии основ исторического материализма Маркса и Ленина. Но в начале пятидесятых годов он уже читал специальный лекционный курс в Вашингтонской психиатрической школе и затем публикует свой «философский очерк о Зигмунде Фрейде» — книгу «Структура инстинктов и общество» (в первоначальном американском варианте она озаглавлена «Эрос и цивилизация»).

Р. Штейгервальд подробно останавливается на тех основных положениях фрейдизма, которые Маркузе использовал и своеобразно истолковал для обоснования той «критической теории», которую он в этот период противопоставил марксизму-ленинизму. В настоящее время марксистская критика фрейдизма и неопрейдизма имеет актуальное значение, ибо не только в США, но и в других странах наблюдается повышенный интерес к этим идеям, в особенности среди мелкобуржуазной левой интеллигенции.

Вслед за разработкой своего варианта неопрейдизма Маркузе в годы разгара холодной войны занялся, в рамках руководимого З. Бжезинским Русского института при Колумбийском университете, фальсификацией «советского марксизма» (1951—1952 гг.). Завершив свои подготовительные «исследования» уже с помощью Рокфеллеровского фонда в стенах Русского института Гарвардского университета (1952—1953 гг.), Маркузе выпустил в 1957 году одну из самых антисоветских книг — «Советский марксизм. Критическое исследование» (в ФРГ эта книга издана в 1964 г. в переводе А. Шмидта под названием «Социальное учение советского марксизма»). Особенность этой книги состояла в том, что ее автор выступает отнюдь не с позиции откровенного и непримиримого противника марксизма и врага коммунизма, а прикрывается маской «доброжелательного критика», претендует на «объективность» изложения, чуть ли не на «марксистский» подход к анализу развития советской философии. Именно в этой книге Маркузе выступает одним из основоположников той самой «теории конвергенции», которая в шестидесятых годах стала одним из основных направлений антикоммунизма.

Таковы некоторые моменты рассматриваемых Р. Штейгервальдом трех этапов формирования и развития идей Маркузе до начала шестидесятых годов.

В середине 60-х годов Маркузе приобретает широкое влияние, становится идеологом «новых левых» в США и в других капиталистических странах, идейным вождем бунтующего студенчества. Анализу некоторых проблем разразившегося в странах государственно-монополистического капитала в шестидесятых годах «бунта интеллигентов» посвящена вводная, первая глава данной книги. Нужно заметить, что с тех пор, как писалась эта глава, творческая марксистская мысль во всем мире подвергла более глубокому исследованию новые явления в капиталистическом мире, что нашло свое отражение на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 года. Социальные последствия начавшейся научно-технической революции и попытки империализма приспособиться к новым условиям получили своеобразное отражение и в различных буржуазных и мелкобуржуазных теориях шестидесятых годов. В противоположность тем извращенным толкованиям, которые давали эти теории таким новым явлениям классовой борьбы шестидесятых годов, как «бунт интеллигентов и студентов», итоговый документ Московского совещания «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил» отмечает: «В нашу эпоху, когда наука превращается в непосредственную производительную силу, интеллигенция все больше пополняет ряды работников наемного труда. Ее социальные интересы переплетаются с интересами рабочего класса, ее творческие устремления сталкиваются с интересами хозяев-монополистов, для которых прибыль превыше всего. Хотя имеется существенная разница в положении различных групп интеллигенции, все большая ее часть вступает в конфликт с монополиями и с империалистической политикой правительств. Кризис буржуазной идеологии и притягательная сила социализма способствуют вступлению интеллигенции на путь антиимпериалистической борьбы. Союз работников умственного и физического труда становится все более значительной силой в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс, за демократический контроль над производством, учреждениями культуры и информации, за развитие образования в интересах народа»³.

Очевидно, эти новые явления классовой борьбы в условиях обостряющегося общего кризиса капиталисти-

ческой системы, противоборства двух мировых систем и развертывания научно-технической революции и явились социальной основой появления маркузианства шестидесятых годов. Этим объясняется и тот успех, который имел в некоторых кругах левой интеллигенции главный труд Маркузе «Одномерный человек» (США — 1964 г., ФРГ — 1967 г.). Как показывает Штейгервальд в заключительных разделах своей работы, последующие книги и очерки Маркузе [«Критика чистой терпимости» (1965 г.), «Конец утопии» (1967 г.), «Очерки об освобождении» (1968 г.)] лишь дополняли и пропагандировали ту концепцию, которая наиболее полно выражена в «Одномерном человеке». Поэтому вполне оправдано, что Штейгервальд переработал в 1970 году для советского издания завершающие разделы своей книги, ибо в период издания первого немецкого варианта его книги еще можно было надеяться на поворот к новому, четвертому периоду в деятельности Маркузе, на поворот его к рабочему движению, к преодолению тяготеющего над ним антисоветизма и антикоммунистических предрассудков, характерных для работ третьего периода. Однако, как справедливо заключает Штейгервальд, такой поворот и начало нового этапа в деятельности Маркузе не наступил и, вероятно, не наступит. Последние высказывания Маркузе свидетельствуют скорее о новом повороте вправо, к более усугубленному антикоммунизму. Так, в декабре 1970 года Маркузе дал интервью Гансу Энценсбергеру — западногерманскому поэту и издателю «Курсбуха», ежеквартального органа «новых левых» ФРГ. В этом интервью на тему «США: проблемы организации и революционного субъекта» Маркузе излагает применительно к условиям антиимпериалистического движения в Америке свои взгляды на формы и методы организации левых сил и вновь отрицает революционное призвание рабочего класса. Приписывая марксизму им же самим сочиненное понятие о пролетариате как классе людей, лишенных всех средств существования, нищих и ограниченных, занятых исключительно неквалифицированным физическим трудом, Маркузе объявляет это понятие и всю теорию марксизма-ленинизма «устаревшими» и неприменимыми к современному «высокоразвитому» капитализму. И тут же, противореча самому себе, он толкует о «новом рабочем классе», куда включает растущий слой «белых воротничков», работников умственного труда, служащих и интеллигенцию, по существу под-

тверждая то, что именно марксизм-ленинизм раскрыл как структурные изменения пролетариата. Но, считая американских рабочих обуржуазившимися и неспособными стать революционной силой, Маркузе продолжает возлагать надежды исключительно на бунт студентов, негров, так называемых «аутсайдеров». Вступая на опасный путь пропаганды национализма, он отрицает возможность «политической классовой борьбы» в США и предсказывает лишь «расовую войну». Однако центральным пунктом этой беседы оказывается новый для Маркузе момент: теперь он ведет нападение на учение В. И. Ленина о революционной партии нового типа, об организационных принципах революционного движения. Смыкаясь по существу с «аргументами» открытого американского антикоммунизма в духе пресловутых «учебников по коммунизму» шефа ФБР Гувера, Маркузе целиком отрицает всемирно-исторические завоевания, одержанные революционным движением России и других стран под руководством ленинских коммунистических партий. Он пытается отрицать то, что общественно-историческая практика нашего времени неопровержимо доказала: победа социалистической революции и ликвидация капитализма возможны лишь под руководством революционного рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия. Маркузе хочет видеть в такой партии лишь источник «вождизма», лишь путь к «диктатуре самозванных революционаристов». Эти нападки на коммунистические партии и ленинское учение не случайны в писаниях Маркузе. Дело в том, что к концу 60-х годов охватившая весь мир активная борьба марксистско-ленинских партий против идеологии «левого» оппортунизма, составной частью которой явилась и данная книга Р. Штейгервальда, принесла свои плоды. Лучшая часть революционной молодежи, студенчества и левой интеллигенции на практике убедилась в ошибочности идей маркузианства, разочаровалась в своих прежних кумирах и ложных пророках и обратилась к идеям марксизма-ленинизма, к рабочему движению и коммунистическим партиям, стала искать новые организационные формы и методы успешной антиимпериалистической борьбы.

Теряя влияние, Маркузе повернул вправо, смыкаясь уже не только с идеологами правого оппортунизма типа Фишера, но и с крайне правым американским антикоммунизмом. Это — лишнее подтверждение тех заключитель-

ных выводов, к которым приходит Р. Штейгервальд в своей книге на основе рассмотренных им работ Маркузе конца 60-х годов.

Исторический подход автора к рассмотрению генезиса идей Маркузе органически сочетается в данной книге с систематической критикой этих идей с позиций марксизма-ленинизма. Прежде всего Штейгервальду удалось хорошо раскрыть связь «критической теории» с философскими идеями экзистенциализма, левого неогегельянства, неофрейдизма и франкфуртской философской и социологической школы. Отвергая философский материализм и материалистическую диалектику Маркса и Ленина, сводя диалектику к субъективистскому варианту диалектики субъекта-объекта, подменяя закон отрицания отрицания «негативной диалектикой» абсолютного отрицания, отрицая теорию отражения, Маркузе, оставаясь в рамках философии франкфуртской школы, подготовил общеполитические основы своей концепции «Одномерного человека». Используя экзистенциалистско-антропологическое толкование отчуждения, отвергая само понятие объективных законов общественного развития в их марксистском понимании, противопоставляя историческому материализму основанную на идеях фрейдизма концепцию биологически обоснованной психики и психически определяемого социального поведения абстрактного человека, Маркузе подготовил социально-теоретические предпосылки своей «критической теории» высокоразвитого индустриального общества. При этом его идеи, — и это, к сожалению, недостаточно нашло отражение в данной книге, — во многом перекликаются с теориями единого индустриального общества и откровенных апологетов государственно-монополистического капитализма типа Арона или Ростоу и леволиберальных критиков этого капитализма типа Гэлбрайта или даже Миллса.

К лучшим разделам книги Штейгервальда относятся его критика «негативной диалектики» Маркузе, рассмотрение проблем фрейдизма и рационализма в работах этого автора, то есть критика философских основ концепции «третьего пути».

В своей концепции «негативной диалектики» Маркузе не оригинален. Эта идея подробно развивалась теоретиками франкфуртской школы, в особенности Адорно, в частности в его книге «Негативная диалектика» (1966 г.). Теодор Визенгруд Адорно (1903—1969 гг.) вернулся в

1949 году во Франкфуртский университет и с 1953 года до последних дней руководил там Институтом социальных исследований. В написанных совместно с Хоркхеймером (род. в 1895 г.) «Диалектике просвещения» (1947 г.) и «Авторитарная личность» (1950 г.) он внес основной вклад в разработку этой идеи. Выступая против гегелевского и марксистского понимания диалектики как совокупности всеобщих объективных законов, Адорно, ссылаясь при этом на В. Бенямина, понимает под диалектикой противоречивость единичного и особенного в субъективной деятельности и мышлении человека. В своей «Философии новой музыки» (1949 г.) Е. Адорно на этой основе дал своеобразное толкование творчества композиторов А. Шенберга и А. Берга и развил эстетическое учение этого направления музыки. Выступая в роли теоретического обоснования анархистского индивидуалистического бунта личности против навязанной ей отчужденной социальной сущности, негативная диалектика провозглашает средством борьбы против капитализма не социалистическую революцию, а «Великий отказ». Не пролетариат, а взятую в отрыве от ее социальной сущности, от конкретно-исторических общественных отношений «личность» призывают не подчиняться «правилам игры», формам позитивистского мышления, товарному фетишизму. Не в творческом труде, не в организованной революционной деятельности, а в игре, «свободном» художественном творчестве, в отбрасывании всех норм морали «Великий отказ» дает этой личности самоудовлетворение. Штейгервальд хорошо показал, как в негативной диалектике Маркузе ради субъективизма и индивидуализма отбрасывается закон отрицания отрицания, подменяя его «радикальным отрицанием» в прямом созвучии с маоистскими идеями культурной революции. Всякая закономерная генетическая связь нового качества со старым отвергается, на месте научного познания законов диалектического революционного отрицания старого новым ставится сознательно утопическая мысль об абсолютном отрицании всякой необходимости, закономерности, непрерывности, преемственности. Исторически эта концепция имела под собой, как говорит Штейгервальд, элемент прогрессивного обоснования: она возникла в антифашистской борьбе и стремилась разоблачить преемственность буржуазного просвещения и фашизма, буржуазно-либерального рационализма и тоталитарного иррационализма

нацистов, апологетический характер позитивистского псевдонаучного мышления. Но на деле она оставалась на буржуазных классовых позициях и объективно часто смыкалась с контрреволюцией, ибо эта концепция не признает реальную диалектику классовой борьбы пролетариата и революционного перехода от капитализма к социализму. Ее «Великий отказ» распространяется и на любые формы организации рабочего движения и диктатуры пролетариата.

К теоретическим источникам концепции «третьего пути» Маркузе относится и развитая З. Фрейдом (1856—1939 гг.) теория психоанализа, точнее говоря, сложившееся под его влиянием учение фрейдизма. Биологизация психологии и психологизация социологии противопоставляются историческому материализму и материалистическому пониманию сознания. Р. Штейгервальд дает краткое изложение того варианта фрейдизма, который воспроизведен в работах Маркузе. Актуальность критики этого варианта фрейдизма лишний раз подчеркивается тем, что Маркузе летом 1970 года выступил на юбилейном конгрессе в Штутгарте, посвященном 200-летию со дня рождения Гегеля, с докладом о «Необходимости ревизии исторического материализма», в котором он вновь призывает осуществить эту ревизию, опираясь на концепцию фрейдизма. Все беды человечества, все противоречия современного буржуазного общества получают при этом не научное объяснение, а психобиологическое истолкование. И их преодоление связывается не с ликвидацией капиталистического строя, а с изменением структуры инстинктов, с освобождением человека от «репрессивной культуры», от подавления и извращения инстинктивных потребностей. Не социальная революция, а сексуальная свобода провозглашается многими маркузианцами панацеей от всех бед. Хотя сам Маркузе и возражает против подобных «вульгаризаций» его концепции «третьего пути», но несомненное созвучие мотивов здесь прослушивается.

Необходимо заметить, что в советской философской литературе имеется начиная с 20-х годов богатая традиция марксистской критики как учения З. Фрейда, так и различных ревизионистских попыток соединения марксизма с фрейдизмом. Книга Р. Штейгервальда является ценным вкладом в критику современного маркузианского варианта неофрейдистского ревизионизма, но она, естественно, не исчерпывает всей проблематики в этой области.

Уже после выхода в свет немецкого издания книги Штейгервальда в Западной Германии идеологи антикоммунизма опубликовали сборник «Психоанализ и марксизм»⁴, в который вошли как советские марксистские работы по критике фрейдизма, так и статьи авторов, стоящих на антимарксистских неопрейдистских позициях, и ревизионистов. Новое распространение идей Э. Фромма, В. Рейха и других приверженцев близких к маркузианству идей неопрейдизма делает необходимым дальнейшую углубленную критику этого антимарксистского идейного течения.

К философским основам маркузианства относится и специфическая интерпретация буржуазного рационализма, а также критика позитивистской философии. Р. Штейгервальд показывает определенную эволюцию взглядов самого Маркузе по этим проблемам. В книге «Разум и революция» Маркузе внешне выступает как защитник диалектического разума и острый критик апологетического позитивистского образа мыслей. Но в «Одномерном человеке» идеолог «третьего пути» по существу не только критикует иррациональный и даже противоразумный характер современного американского общества, но и отождествляет разум вообще с апологетическим позитивизмом. Призывая революционеров отказаться от «культы рационализма», мыслить утопическими категориями невозможного, отбросить объективный, научный анализ общественной действительности и законов ее развития, Маркузе возвращается на позиции экзистенциализма и иррационализма. Не специфическое капиталистическое злоупотребление наукой и техникой, а всякая наука и техника сами по себе оказываются источниками «одномерности» мышления и поведения людей, средствами порабощения индивида обществом. Как правильно отмечает Р. Штейгервальд, в этой антирационалистической концепции «одномерности» находит извращенное отражение страх средних слоев перед последствиями научно-технической революции в условиях государственно-монополистического капитализма. С позиции этих слоев Маркузе в «Очерке об освобождении» (1969 г.) называет рабочий класс «консервативной» и «стабилизирующей системой» силой. Р. Штейгервальд с противоположной позиции революционного рабочего движения убедительно раскрывает несостоятельность тех «фактов», или, точнее говоря, той их интерпретации, с помощью которой Марку-

зе пытается обосновать свое отрицание революционного призвания пролетариата, свой тезис об экономической стабильности современного капитализма, свое противопоставление друг другу различных сил мирового революционного процесса.

Вместе с тем критика концепции «одномерности» нуждается, на наш взгляд, в одном существенном дополнении. Дело в том, что государственно-монополистический капитализм действительно сумел извлечь определенные выгоды из начавшейся научно-технической революции и ее первых социальных последствий, используя новые методы и средства для манипуляции сознанием людей, в том числе и части рабочего класса, для новых приемов идеологической классовой борьбы. И одна из причин успеха и влияния «Одномерного человека» состоит в том, что Маркузе по-своему критически обратил внимание на эти новые явления «высокоразвитого индустриального общества», как он предпочитает именовать государственно-монополистический капитализм. Очевидно, лишь всесторонний марксистско-ленинский анализ социальных последствий научно-технической революции в условиях современного капитализма и борьбы двух мировых систем позволит полностью преодолеть влияние таких левооппортунистических идеологов, как Маркузе, которые претендуют на первое «ультрареволюционное» слово в этом сложном вопросе.

Конечно, такой анализ выходил бы за рамки данной книги, но, хотя у Р. Штейгервальда много интересных мыслей по этому вопросу, тем не менее некоторые аспекты концепции «одномерности» остаются в тени. Мы имеем в виду прежде всего те аспекты, которые нашли своеобразную разработку с совершенно иных классовых и идейных позиций у новейших апологетов американского капитализма — у авторов ряда футурологических работ. Ближайшие десятилетия американского общества рисуются в этих работах не только в виде процветающего царства техники и рациональной организации общественной жизни, но и как начало абсолютного господства над образом мыслей и поведения членов этого общества с помощью новейших достижений техники, биологии, психологии, биохимии и др. «Рационально» формируя потребности людей и их удовлетворение, создавая то самое иллюзорное «счастливое сознание», о котором столь резко высказывался Маркузе, будущее американское общество, если

верить подобным футурологам, полностью преодолевает внутренние противоречия и интегрирует все возможные оппозиционные силы. Жизнь уже сейчас убеждает в нереальности подобных реакционных утопий. Но это не избавляет марксизм-ленинизм от необходимости давать систематический и всесторонний анализ новых явлений общественного развития и их тенденций. Серьезным вкладом в такой анализ явилась творческая работа Международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в 1969 году. С тех пор марксисты всего мира, в том числе и советские ученые, уже много сделали для анализа сущности, особенностей и социальных последствий современной научно-технической революции. Развернута также критика буржуазной футурологии и антинаучных теорий научно-технического прогресса. И тем не менее популярность в капиталистических странах как апологетической футурологии, так и «критических теорий» типа Маркузе лишний раз подтверждает, что сделано пока еще недостаточно. В частности, недостаточно еще раскрыта и показана трудящимся массам принципиальная противоположность социальных последствий научно-технического прогресса в условиях социализма и в условиях капитализма. На этом спекулируют такие ренегаты, как Гароди и Фишер, перекликаясь с идеями Маркузе.

Ряд ценных дополнений к книге Р. Штейгервальда советский читатель может получить и из работ советских философов, посвященных критике идей Г. Маркузе.

В зарубежной печати за последние годы появились новые работы марксистов о Г. Маркузе; на некоторые из них ссылается и Р. Штейгервальд в данной книге. И тем не менее на сегодняшний день именно предлагаемая книга является наиболее полным и фундаментальным марксистским трудом по критике маркузианства.

Нам особенно приятно также еще раз подчеркнуть, что в лице автора данной книги советская общественность знакомится с одним из талантливых представителей героической Германской коммунистической партии, с верным другом Советского Союза и защитником пролетарского интернационализма, твердо и последовательно отстаивающим идеи марксизма-ленинизма в трудных условиях классовой борьбы в ФРГ.

*Кандидат философских наук
Я. Г. Фогелер*

ВВЕДЕНИЕ

Теоретическая деятельность Герберта Маркузе началась в середине двадцатых годов, однако значительное внимание она привлекла лишь в начале шестидесятых годов. Поскольку тогда никакого коренного поворота в его творчестве не произошло, причины его неожиданного широкого влияния заключаются в совпадении теории, уже давно развиваемой им, с объективными процессами (о них как раз еще следует поговорить), в воздействии этой теории на социальные слои, к которым Маркузе обращается со своими произведениями, и в определенных личных качествах Маркузе.

Маркузе неожиданно добился в развитых капиталистических странах, а там в кругах молодой интеллигенции и у представителей правого уклона в рабочем движении, некоторого временного успеха; при этом правый уклон в этом движении находится под более сильным влиянием социал-демократизма. Если говорить о развитых капиталистических странах, то им присущи в эту эпоху, между прочим, следующие общие признаки: дальнейшее развитие государственно-монополистического капитализма с его своеобразным воздействием на формирование общественных процессов. В результате появляются новые формы капиталистических противоречий, которые, в свою очередь, делают необходимыми новые моменты тактики революционного рабочего движения. Кроме того, в этих странах в рассматриваемый период усиливается научно-техническая революция, которая имеет глубокие социальные последствия и оказывает существенное воздействие и на роль интеллигенции. В некоторых из этих стран впервые внутри продолжавшейся сравнительно долго фазы экономического процветания наступают глубокие экономические спады. Покров из понятий гуманизма и демократии, которым руководящие империалистические круги США смогли прикрыть себя благодаря участию США в антифашистской освободительной борьбе наро-

дов, все больше спадает вследствие их агрессий против антиимпериалистических освободительных движений.

Все это происходит в мире, для которого характерно укрепление мировой социалистической системы, крах системы колониализма, значительное обострение классово-вой борьбы между социализмом и империализмом в мировом масштабе. Это оказывает существенное влияние на условия борьбы всех основных классов. В условиях всемирного перехода от капитализма к социализму, общего кризиса капитализма, его политической и моральной дискредитации значительная часть именно молодой интеллигенции бунтует против буржуазных устоев. Она ищет новые, лучшие формы жизни. Тем самым обстоятельства толкают ее на путь левого развития.

Откровенная интеграция правого социал-демократического руководства в государственно-монополистическую систему обесценила социал-демократизм в глазах молодых оппозиционно настроенных интеллигентов. Так, например, в ФРГ социал-демократические студенческие союзы открыто выступают против правого руководства СДПГ. В США вообще нет социал-демократии. Поэтому там в кругах интеллигенции распространены другие разновидности «третьего пути», не социал-демократические, а левобуржуазные,— происходит как бы разделение труда среди идеологов «третьего пути». В то же время система правых социал-демократических взглядов все менее предназначается лишь для «домашнего употребления» и все более ориентируется на «экспорт» в социалистические страны. Обе формы «третьего пути» — как мы покажем ниже — совпадают в некоторых основных пунктах и именно этим раскрывают свой, в конечном счете, буржуазный классовый характер: их концепция общества идеалистична в своей основе; роль рабочего класса как главной революционной силы нашей эпохи оспаривается; политика рассматривается с волюнтаристских и «этических» позиций. Главными объектами атаки этих идеологов оказываются важнейшие орудия руководства классовой борьбой пролетариата — партия и государственная власть пролетариата.

Серьезные проблемы и трудности международного коммунистического движения и мировой системы социализма также оказывают влияние на идеологические процессы, происходящие в буржуазных и мелкобуржуазных слоях населения. Это, а главным образом социальное

происхождение этих слоев и их еще не преодоленная привязанность к формам буржуазной идеологии — пусть даже к прогрессивным формам буржуазного сознания — образуют основу восприимчивости этих кругов к левобуржуазной версии «третьего пути».

Маркузе добился успеха прежде всего среди левобуржуазной интеллигенции и у правых оппортунистов в рядах международного коммунистического движения¹. Хабермас в 1968 году правильно отмечал — хотя и с иных позиций: «Левые экзистенциалисты в Париже, философы группы «Праксис» в Праге и Загребе смогли после войны поставить анализ «мира человеческой жизни», данный в работах позднего Гуссерля, на место хайдеггеровского анализа «существования», но обе «школы» опираются на феноменологическую основу такого марксизма, который получил своеобразное истолкование у Герберта Маркузе»².

Борьба, которая развернулась за последние годы в главных империалистических странах против американской агрессии во Вьетнаме, против планов распространения атомного оружия, против ликвидации буржуазной демократии и социальных прав, против ухудшения условий жизни, образования и труда молодых интеллигентов, уже привела к усилению сотрудничества рабочей и студенческой оппозиции, к повышению дисциплинированности и сознательности движения левой интеллигенции, к накоплению нового опыта и выявлению новых форм борьбы. Это наглядно доказало неточность или ложность некоторых основных тезисов Маркузе. Поэтому за последние годы его влияние, по крайней мере в Федеративной Республике Германии, уменьшилось. Этот опыт и тот факт, что некоторые сторонники Маркузе своими действиями в ходе борьбы усугубляли ошибки теории, вынудили Маркузе заняться примерно с середины 1967 года внесением поправок в некоторые важные положения своей теории.

Борьба с правым уклоном в международном коммунистическом движении, которая выдвинулась на первый план прежде всего в связи с событиями в ЧССР, должна привести и к усилению борьбы против антисоветских взглядов в леволиберальных и левобуржуазных кругах.

Можно ожидать в будущем периоды значительного оживления идеи левобуржуазного «третьего пути». В такие периоды вновь усилится влияние теории Маркузе или аналогичных теорий. Намечающиеся поправки сведутся,

вероятно, к тому, чтобы в данных условиях больше не называть «антиреволюционной» определенную часть западноевропейского рабочего движения и добиваться этим ее вступления в антисоветский фронт хотя бы по «отдельным» вопросам. В этом направлении уже наметилось сближение на платформе антисоветизма Маркузе, Блоха и других деятелей из числа сторонников левобуржуазного «третьего пути» и теоретиков правого уклона в коммунистическом движении, ежегодно встречающихся на острове Корчула в Югославии в так называемой «летней школе» философов.

Влияние Маркузе в названных слоях связано с тем, что основные компоненты левого варианта «третьего пути», разработанные за последние пятьдесят лет, появляются в его произведениях в совокупном, несколько оригинальном и теоретически более серьезном виде. Его философия и политика «третьего пути» воспринимается — в отличие, например, от построений Адорно и других — как более «активное» начало, причем Маркузе сам участвовал в акциях пацифистской, демократической и антиавторитарной «социалистической» оппозиции. Его личный жизненный путь свидетельствует об оппозиционных настроениях. Однако его по существу антиимпериалистическая, отчасти даже антикапиталистическая позиция всегда связана с отчужденным, а большей частью открыто враждебным отношением к реальному социализму³. Именно это вводит в заблуждение часть молодой интеллигенции, которая в социальном отношении происходит не из рабочего класса и хотя настроена оппозиционно, все же мыслит еще в буржуазном духе. Ведь Маркузе подчеркивает различия между пролетарской и левобуржуазной позицией по таким коренным вопросам, как роль рабочего класса и его организаций, его государства, соотношение необходимости и свободы.

Эти различия воздействуют в разных странах не одинаково. В странах с сильным революционным движением рабочих они более вредны, чем в Федеративной Республике Германии, где тенденция вовлечения в политику и сдвига влево широких кругов молодой интеллигенции, несмотря на все связанные с этим проблемы, дала больше позитивных, чем негативных результатов, ибо марксистам удается с помощью совместных акций и серьезных дискуссий оттеснить на второй план антикоммунистические, дезориентирующие положения в рассуждениях Маркузе.

В этих объективных и субъективных факторах заложены главные причины того, что философия и политика Маркузе служат левобуржуазному бунту молодых интеллигентов в развитых капиталистических странах и правому уклону в международном коммунистическом движении.

Поэтому мы не можем согласиться с теми критиками Маркузе, которые, подобно Гансу Гейнцу Гольцу (ФРГ), предлагают вести «дружескую критику» в адрес Маркузе⁴. С этим можно согласиться лишь в той мере, в какой сторонники Маркузе являются не сознательными приверженцами империализма, а его критиками, к политическому союзу с которыми мы стремимся. Но Гольц путает этот политический союз с теоретическим согласием, когда он явно видит в Маркузе марксиста⁵. Конечно, на словах Маркузе против империализма, против античеловечных методов его господства, за революцию, формально даже за социализм. Но анализ показывает, что революция и социализм у Маркузе не имеют ничего общего с этими понятиями в марксизме-ленинизме: в отношении движущих сил революции у Маркузе принципиально иные представления, чем у Маркса, Энгельса и Ленина. Об этом Гольц знает и говорит, но не делает из этого тех выводов, которые, на наш взгляд, должны быть сделаны.

Ясность относительно теоретических разногласий является предпосылкой необходимого антиимпериалистического союза с друзьями Маркузе. Величайшая политическая гибкость возможна только при величайшей верности принципам. Мы не можем отказаться, даже в условиях союза, от теоретической борьбы. Мы считаем, что эта борьба даже необходима, чтобы помочь поборникам «третьего пути» в преодолении тех буржуазных форм и буржуазного содержания сознания, которые как раз и мешают развертыванию эффективной политической активности и, кроме того, вводят в заблуждение значительную часть молодой левоопозиционной интеллигенции.

Мы не можем не учитывать при этом направление развития Маркузе на протяжении десятилетий. Развитие и ряда других деятелей шло аналогичным путем, например эволюция Сартра. Конечно, абстрактно говоря, идея «третьего пути» может быть идеей перехода. Но именно поэтому она двусмысленна. Исходя из нее, можно прийти к пролетарской точке зрения, но можно — и к буржуазной.

Например, Эрнст Фишер, который явно отказался от

социалистических классовых позиций⁶, встал в своих теоретических и политических высказываниях последних лет на одну платформу с Маркузе, Сартром и др. Таким образом, мы должны постоянно учитывать не только нынешнюю теоретическую позицию представителей лево-буржуазного варианта «третьего пути», но и исследовать тот процесс, в ходе которого развивается этот вариант.

Не имеющий влияния одиночка, который придерживался бы подобных взглядов, мог бы оставить нас равнодушными. Но влиятельного в массах учителя молодой интеллигенции следует, естественно, спросить, для чего он их воспитывает, на чьей стороне он находится, кому он служит, чем собирается он оправдать свою ответственность педагога?

Итак, в теоретических и политических вопросах мы должны относиться к Маркузе значительно критичнее, чем рекомендует Ганс Гейнц Гольц. Критика в адрес Маркузе должна быть направлена на выявление специфических расхождений с марксизмом-ленинизмом у той части бунтующих интеллигентов, о которой идет речь, а также упомянутого ревизионистского течения в международном коммунистическом движении. Эта критика должна раскрыть главные компоненты упомянутой концепции «третьего пути», их формирование, их социальные и теоретические корни. Она должна показать и критически проанализировать характер объединения этих компонентов в трудах Маркузе и в связи с этим их воздействие на расхождение во взглядах между марксистами и маркузианцами на реальный социализм, на проблематику рабочего класса и его организаций, на соотношение необходимости и свободы в общественной практике.

Этим обозначены рамки нашей работы, которая призвана исследовать прежде всего проблемы современного бунта интеллигентов, социальные и теоретические истоки маркузианской концепции «третьего пути», а также саму маркузианскую «сумму» компонентов «третьего пути», наконец, теоретические и тактические выводы для марксистской политики, направленной на критику, союз и единство действий с маркузианцами.

Предметом этой работы является, таким образом, критика тех основных положений во взглядах Маркузе, которые стали теоретической основой современного лево-буржуазного варианта «третьего пути».

Глава I

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО «БУНТА ИНТЕЛЛИГЕНТОВ»

Поскольку эта работа исходит из внутренней взаимосвязи между философскими рассуждениями Маркузе и современным «бунтом интеллигентов», необходимо рассмотреть некоторые особенности этого бунта.

Большую роль внутри оппозиции в Федеративной Республике Германии играет так называемое антиавторитарное движение, которое охватывает прежде всего часть молодой интеллигенции. В конце марта 1968 года во Франкфурте-на-Майне состоялась чрезвычайная конференция делегатов того самого Социалистического немецкого союза студентов (СДС), который когда-то был самым сильным левым студенческим союзом в ФРГ, но теперь распущен своими анархистскими протагонистами-покровителями. На конференции один из представителей этого союза, Вольфганг Лефевр, бросил автору данной работы полемическую реплику, что между коммунистами и антиавторитаристами существует принципиальное расхождение в вопросе о том, что такое социализм. Большинство делегатов СДС согласились с Лефевром. Очевидно, следует выяснить, какой же именно принцип лежит в основе этого расхождения. Изучение соответствующих материалов показывает, что «антиавторитарное» течение выдвигает следующие основные тезисы.

В метрополиях массы подвергаются манипуляциям, они пересыщены в социальном отношении и не заинтересованы в фундаментальном изменении системы. Их партии и профсоюзы удобно устроились в рамках системы и стабилизировали ее. Коммунистические партии Западной Европы также стали реформистскими. Только борьба, которую ведет «третий мир», может продвинуть вперед дело освобождения человечества.

Социалистические государства, мол, обюрократились, государство там не отмирает, партия стала самодовлеющей.

Собственная практика воспринимается как отвлекающий маневр с целью облегчить борьбу для сил национально-освободительного движения и «третьего мира», где проходит актуальный фронт мировой революции. В метрополиях следует работать среди социально отверженных групп — студентов, школьников и рабочих в районах, охваченных кризисом. Понимание организации в значительной мере проникнуто стихийными представлениями и опирается на анархистскую федеративную модель¹.

Причины этой оппозиции интеллигентов коренятся во всех сферах современного, то есть государственно-монополистического капитализма. Научно-техническая революция и социальная борьба рабочего движения в условиях существования быстро развивающегося реального социализма, соревнование между системами социализма и капитализма обуславливают быстрый численный рост студенчества, изменение его социального состава в сторону постепенного увеличения доли выходцев из трудящихся семей, все более активный процесс включения растущей части интеллигенции в состав рабочего класса; последнее касается, во-первых, социального положения интеллигенции, во-вторых, ее реального положения в процессе производства, в-третьих, прогрессирующего превращения ее первоначально индивидуализированных условий труда в такие коллективные условия, которые до сих пор были типичны только для индустриальных рабочих. Все это, а также повышение роли непосредственных производителей ведет к глубоким изменениям в жизни и сознании значительной части интеллигенции и стимулирует оппозиционные настроения и волнения.

При этом многие из этих условий являются лишь косвенно причинами современной интеллектуальной оппозиции. Во-первых, лишь некоторые из этих факторов играют роль в требованиях интеллектуальной оппозиции. Во-вторых, эта оппозиция имеет значительно больше сторонников среди студентов на факультетах общественных наук, чем на факультетах математических и естественных наук². Однако именно характер основных требований, выдвигаемых в антиавторитарных выступлениях, таких как отказ даже от объективно необходимого авторитета (у Маркузе имеется, правда, по этому поводу нес-

колько более осторожных замечаний), который ставится на одну доску с классовым подавлением, сводится к нему или изображается как форма «отчуждения», «овеществления» человека; отказ от всякой не стихийно возникшей формы организации, выходящей за рамки простого общения людей и т. п., показывает, что мы имеем дело, в лучшем случае, с нерелективным недialeктическим отрицанием объективного содержания новых проблем. Дело в том, что никакое искажение затронутых проблем в условиях капитализма не может устранить того факта, что названные факторы в огромной степени непосредственно связаны с характером современных производительных сил (важнейшей из которых, как известно, является человек, его рабочая сила, его знания, его способности), и поэтому эти факторы действуют и при социализме, хотя в социальном отношении они проявляются иначе.

Причины для появления интеллектуальной оппозиции заключаются также в противоречии между небывалым ростом производительных сил и производительности труда, с одной стороны,— благодаря чему созданы небывалые материальные средства для лучшей жизни всех членов общества — и беспрецедентной монополизацией богатства и власти узким слоем представителей монополистического капитала, с другой стороны³, что обуславливает злоупотребление огромными средствами и силами в деструктивных целях (гонка вооружений, агрессия во Вьетнаме). Эти мощные производительные силы оказываются (в условиях «иррациональности» и деструктивности капиталистической системы, что вытекает из погони за прибылями) недостаточными для решения таких социальных проблем, как проблема американских цветных или проблема голода в обширных частях мира.

Источником интеллектуальной оппозиции являются также жалкие нищенские условия, в которые поставлены высшие учебные заведения некоторых стран, в том числе ФРГ, правительство которой, однако, растрчивает огромные средства на бессмысленную и опасную гонку вооружений, порожденную той политикой, которая направлена на ликвидацию результатов войны, развязанной и проигранной собственной социальной системой.

К этому нужно добавить противоречие между воспитанием в духе «свободы» и «демократии», в духе классических идеалов, еще не до конца упраздненным в высших учебных заведениях, с одной стороны, и конкретными

агрессивными действиями или агрессивными войнами против освободительных народных движений на Кубе, в Доминиканской Республике, Конго, Анголе, против народов Вьетнама и других стран так называемого «третьего мира», с другой стороны, а также между демагогией о свободе и ликвидации конституционных прав в собственной стране. Если это представляет собой общие причины усиления оппозиции империалистической системе, оппозиции, которая легче всего возникает у более юной, восприимчивой, морально менее развращенной и одновременно более образованной части населения, которая к тому же еще «отдыхает» в социальном отношении⁴, то для антиавторитарной формы интеллектуальных бунтов имеются все же специфические причины. Решающую причину этого антиавторитарного движения следует искать в государственной или «институционной» сфере. Речь идет о противоречии между государственно-монополистической системой с присущим ей способом решений проблем планирования, ставших до некоторой степени объективно необходимыми, с помощью регулирующих и формирующих методов, с одной стороны, и индивидуально стихийными настроениями, особенно широко распространенными именно среди интеллигенции вследствие ее традиционно индивидуализированных условий жизни, образования и труда — с другой. Во-вторых, отрицание ими пролетарских авторитетов, то есть партии рабочего класса и его государства, приводит эти буржуазно-оппозиционные силы к абстрактному, на первый взгляд, антиавторитаризму.

Это течение носит буржуазно-индивидуалистический характер в классическом смысле слова. Но оно складывается в эпоху, когда буржуазная демократия уже не является «классической», а все больше низводится монополиями до фарса.

Таким образом, в основе антиавторитарного течения лежит противоречие между государственно-монополистическим тоталитарным «формированием» и так называемой буржуазной индивидуальной свободой, а также между буржуазным индивидуализмом и пролетарским коллективизмом, организованностью, «авторитетом». Поэтому это течение, которое является анархистским по своей природе, включает в себя как оппозицию государственно-монополистическому характеру системы, так и отрицательное отношение к реально существующему социализму как возможной альтернативе.

Это течение смыкается, как уже отмечалось, с ревизионистскими тенденциями в международном коммунизме. Имеется немало причин для таких ревизионистских тенденций. Коммунизм развился в массовое движение. В настоящее время оно должно действовать в главных капиталистических странах в таких условиях, которые делают необходимой политику борьбы за глубокие реформы. При этом опыт показывает, что некоторые незрелые коммунисты могут соскользнуть на платформу реформизма. Это происходит, например, в том случае, если при разработке необходимой политики глубоких реформ недостаточно четко учитывается проблема основных государственно-монополистических инструментов власти и задача их в конечном счете слома. Некоторые другие проблемы также создавали благоприятные моменты для известных ревизионистских тенденций внутри отдельных коммунистических партий: например, необходимая критика нарушений ленинских норм партийной жизни и коллективности руководства — с известными серьезными последствиями таких нарушений; далее, проблемы развития социализма как системы в целом, в частности проблемы перехода от строительства основ социализма и по существу экстенсивной формы социалистического воспроизводства к построению социализма на его собственной основе, к интенсивным формам социалистического воспроизводства и овладению научно-технической революцией (неуменьше отдельных коммунистов овладеть этими процессами толкает к административным методам руководства, ведет к левым и правым формам оппортунизма); проблемы диалектического сочетания централизма и демократизма, творческой индивидуальности и коллективизма, интернационализма, необходимой социалистической интеграции и патриотизма в этих новых условиях. Такие сложные вопросы находили и находят свое теоретическое и практическое решение с позиций марксизма-ленинизма. Однако некоторые из этих проблем — особенно после XX съезда КПСС — были сделаны ревизионистскими силами в капиталистических странах исходным пунктом для своих атак на марксизм-ленинизм и социалистические страны. Зачастую при этом социалистический гуманизм трактовался с ревизионистских позиций как мелкобуржуазный антропологизм, марксистская философия сводилась к философии «человека», марксистская категория практики преподносилась в искаженном антро-

пологическом виде. На этой основе объединились лево-буржуазные философы и теоретики ревизионистской «практики» в некоторых коммунистических партиях, как это ясно показали ежегодные сборы «летней школы» на острове Корчула. Наконец, нельзя недооценивать давления со стороны империалистической политики и пропаганды. Неправильные тактические рассуждения (о завоевании масс с помощью оппортунистических уступок) или выпячивание тактических аспектов за счет стратегических тоже играют негативную роль.

Ревизионисты в рядах международного коммунизма заодно с авторами «третьего пути» говорят о «перерождении» реального социализма, требуют «человеческого» социализма. Как только они начинают уточнять эти требования, так мы находим недиалектические, абстрактные, «классово нейтральные», неисторические лозунги свободы, по существу классово индифферентные рецепты демократии и «социалистические» концепции плюрализма, наконец, требование ликвидации социалистического государства. В некоторых случаях интернационалистическая точка зрения приносится в жертву националистически ограниченной оценке внутренних и внешних процессов.

Развитию ревизионистских тенденций в коммунизме способствует также слабость принципиальной теоретической борьбы или недостаточный уровень этой борьбы.

Антиавторитарная оппозиция в ФРГ в своей конкретной критике социализма оперирует теми же выражениями, что и правый уклон в международном коммунизме. Она присоединяется, однако, и к маоистски ультралевым тезисам. «Культурная революция» в Китае трактуется ею как антибюрократизм, как свержение ставших чуждыми авторитетов. Отсюда вырастают симпатии к позиции Мао.

Заслуживает внимания то, что немало наших «критиков», которые открыто занимают буржуазную позицию, трактуют «культурную революцию» точно так же, как «антиавторитаристы»⁵, и приветствуют ее по тем же самым причинам. Это указывает на подлинный социальный, то есть на мелкобуржуазный характер «левой» антиавторитарной концепции, конвергирующей с маоизмом.

Для более глубокого понимания антиавторитарных бунтов интеллигентов, буржуазного характера их представлений о стихийности мы должны иметь в виду следующее. Необходимым элементом всякого общественно-

го производства являются производственные отношения. Решающим производственным отношением при капитализме является собственность класса капиталистов на средства производства, отсутствие собственности у непосредственного производителя, который живет продажей своей рабочей силы. Маркс в первом томе «Капитала» при анализе капиталистического накопления указывает на то, что капиталистический процесс воспроизводства постоянно воспроизводит капиталистические отношения. Это является важнейшим признаком капиталистического воспроизводства, так как гарантирует воспроизводство самой системы. Поэтому нет ни автоматического краха капитализма, ни мирного вращивания капитализма в социализм. Социалистическая революция необходима в силу объективных причин.

Это постоянное автоматическое воспроизводство капитализма служит социально-экономической основой того, что процессы выработки сознания, протекающие при капитализме автоматически, стихийно, не могут преодолеть общественные рамки буржуазного строя, поскольку они являются формами буржуазного сознания. Ленин — прежде всего в работе «Что делать?» — исследовал социальные процессы, порождающие такое буржуазное сознание, как сознание стихийное. Он вывел из этого необходимость социалистической выработки сознания, необходимость вырабатывающего сознание фактора: партии и идеологической классовой борьбы.

Стихийно возникающее при капитализме сознание является буржуазным не вследствие таинственного автоматизма. Господствующий класс выдвигает идеологов, чтобы они распространяли буржуазное сознание. Господствующий класс обладает важными средствами создания общественного мнения. За столетия общественной жизни на основе частной собственности на средства производства возникла «социальная психология» собственности и владения. Имущественные идеи стали своего рода «второй натурой» людей настолько прочно, что нередко говорят о «стремлении к наживе», объясняя, таким образом, эксплуатацию и угнетение биологическими причинами.

Пролетариат не располагает вначале необходимыми элементами образования для того, чтобы понять свое общественное положение в целом, — экономические и социальные условия, их исторический характер, свою соб-

ственную всемирно-историческую роль, чтобы выработать свое собственное, глубоко обоснованное классовое сознание. Для этого он нуждается в фундаментальных научных знаниях — таких, какими обладали Маркс, Энгельс и Ленин.

Все же и стихийный процесс развития капитализма порождает противоречия, сопротивление и оппозицию рабочих, по крайней мере надежды на лучший порядок человеческого общежития. Этим объясняется тяготение рабочих к социализму, благодаря чему только и становится возможным внесение социалистического классового сознания в рабочий класс.

Здесь следует указать прежде всего на другой объективно и закономерно развивающийся при капитализме процесс, который также определяет классовые отношения между буржуазией, пролетариатом и другими классами: прогрессирующая концентрация производства и централизация капитала, прогрессирующая экспроприация мелких и средних собственников, растущее обобществление процессов производства, все более отчетливо выявляющееся противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Если постоянное воспроизводство капиталистических отношений создает необходимость в систематической социалистической идеологической работе, то из этого другого процесса, который также является существенной составной частью капиталистического накопления, вытекает возможность того, чтобы эта идеологическая работа не имела утопический или волюнтаристский характер.

Но стихийный процесс не создает еще критического по отношению к обществу в целом сознания класса, не создает еще в этом смысле классового сознания. Для этого необходимы научные разносторонние исторические знания, служащие борьбе рабочего класса, поскольку только такая позиция позволяет сегодня освободить мысль и исследования от «системы лжи» господствующих эксплуататорских классов.

Марксист не может не обращать на это внимание. Он не может апеллировать к стихийности процессов развития сознания. Он не может требовать просто свободы, свободы формирования общественного мнения. Он должен знать, что «свобода», требуемая таким образом, на такой почве, без процесса преобразования производственных отношений, означает буржуазную свободу, свободу

эксплуатации и — в качестве духовной свободы — свободу для идей господствующих кругов быть господствующими идеями. Не учитывать этого — означало бы защищать буржуазные интересы. В условиях государственно-монополистической системы подобное требование свободы вполне может быть формой буржуазно-демократической оппозиции, но еще не социалистической.

Глава II

ИСТОЧНИКИ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ»

До сих пор внимание обращалось на такие источники левобуржуазной, интеллектуальной оппозиции, которые связаны с нынешними условиями борьбы. Однако речь идет о том, что эти нынешние условия находятся в определенной исторической взаимосвязи, вытекают из нее. Мы не можем в этой работе даже хотя бы вскользь коснуться этой взаимосвязи, но должны все же указать на некоторые ее общественные и духовные аспекты, потому что теории Маркузе отражают, между прочим, более широкое течение буржуазно-прогрессивной идеологии.

Основные условия отношений между буржуазией и пролетариатом развиваются конкретно историческим образом. Переход от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму создал новые условия для проблемы стихийности сознания, поскольку монополия, как метко сказал Гильфердинг¹, стремится не к свободе, а к господству. Здесь заложены экономические и социальные возможности для внутрикапиталистического противоречия между защитой стихийности, индивидуальной буржуазной свободы, с одной стороны, и стремлением к монополистической диктатуре — с другой.

Защита стихийности, однако, носит столь мало принципиально антибуржуазный характер, что ревизионизм, то есть течение буржуазной идеологии в рабочем движении, ревностно заботится о культе стихийности и именно этим служит капиталистической системе. Социалистическое сознание обладает принципиально иным качеством, нежели стихийное. Социалистическое сознание содержит обязательный минимум научных взглядов на характер

капиталистического общественного строя, на его историческую природу и необходимость его смены социализмом. Такие взгляды не вытекают из стихийных процессов сознания, основой которых служит механическое нерелективное отношение к существующему капиталистическому строю². Для левобуржуазной критики марксизма является типичным то, что она именно эту нерелективно-механистическую позицию апологетов стихийности выдает за подлинно марксистскую и клеветнически изображает ленинскую позицию как скрытогегельянскую (Корш, Фетчер и др.³). Это тесно связано с индивидуалистским интеллигентским отрицанием организованности, с враждебным отношением буржуазных интеллигентов к необходимости партии, распространяющей и развивающей социалистическое сознание в рабочих массах.

Очевидно, была необходима такая серьезная угроза всей капиталистической системе, которую представляют собой первая мировая война, Великая Октябрьская социалистическая революция, общий кризис капитализма, глубокое потрясение буржуазного самосознания предвоенного периода, был необходим переход к государственно-монополистическому капитализму, чтобы указанная тенденция к подавлению свободы при капитализме привела к реализации противоречия между монополией и индивидуальной стихийностью.

Выражением этого конфликта было левое течение в рядах интеллигентов буржуазно-гуманистического толка, возникшее в канун первой мировой империалистической войны, во время самой этой войны и в период Октябрьской и последовавших за ней революций. Мы хотим здесь только назвать имена некоторых ученых и деятелей искусства из числа буржуазных гуманистов, которые в этих условиях сближались с революционным рабочим движением, часто даже переходили на сторону этого рабочего движения: Анри Барбюс, Ромен Роллан, Бертольд Брехт, Иоганнес Р. Бехер, Генрих Манн, Арнольд Цвейг, Ганс Эйслер, Бела Балаш, Георг Лукач, Альфред Курелла.

Великая Октябрьская социалистическая революция изменила основу классовых отношений между буржуазией и пролетариатом. Пролетариат перестал быть только угнетенным и эксплуатируемым классом. Он создал социально-экономическую систему, конкурирующую с капитализмом, который в связи с этим перестал быть «само

собой понимающимся». В этих условиях проблема стихийности стоит иначе постольку, поскольку на одной шестой части земли и теоретически, и практически понятие стихийного больше уже не совпадало с понятием капиталистического.

Но прежде всего Октябрьская революция положила начало совершенно новой эпохе всемирной истории, главным содержанием которой является начатый этой революцией переход от капитализма к социализму. Мы живем в эпоху борьбы двух противоположных общественных систем, в эпоху социалистических революций и национально-освободительных революций. Это эпоха крушения империализма и ликвидации колониальной системы, эпоха перехода все новых народов на путь социализма. В эту эпоху рабочий класс, его борьба, созданная им мировая социалистическая система находятся в центре мирового развития, все больше определяют главное направление этого развития. Одновременно империалистическая система дискредитирована в экономическом, социальном, политическом и идеологическом отношении как никогда. Эта система эксплуатации и угнетения огромной массы людей, тяжелейших экономических кризисов и кровавых грабительских войн вступает в общий кризис, состоящий из нескольких этапов.

Этот исторический глобальный процесс, включающий деятельность нынешних сторонников левобуржуазного «третьего пути» и тем самым «третьего пути» Маркузе, осуществляется и осуществляется весьма сложными, противоречивыми путями и в такого же рода формах. При этом наблюдаются периоды приливов и отливов в революционном процессе. Глобальный процесс пронизан величественными победами революции, но он знает и горькие поражения, и ошибки революционеров с тяжелыми последствиями.

Все это многообразно и противоречиво отражается в мышлении масс, в том числе интеллигенции. Каждый вынужден так или иначе сталкиваться с проблемой: капитализм или социализм.

В этот новый период в рядах буржуазно-гуманистической интеллигенции возникли новые тенденции левого направления. Мы хотим указать на те из них, которые имели значение для образа мыслей Маркузе и проявляются также в образе мыслей и деятельности современных поборников «третьего пути».

В самом общем смысле можно констатировать усиливающуюся критическую тенденцию в социальных вопросах и вопросах культуры. Уверенность в собственных силах человека в буржуазном обществе поколеблена и уступает место сознанию, проникнутому идеей кризиса «человека». Благодаря этому внутри буржуазной философии получают усиленное развитие антропологические тенденции. «Человек» все больше и непосредственнее выдвигается на первый план буржуазного философствования. Он становится, например, центральной темой всех разновидностей экзистенциализма. Новая антропология подчеркивает роль индивидуальной активности в процессе практики. Это относится к левобуржуазным и фашистским разновидностям этой новой антропологии. Дело в том, что происходит идеологическая переориентация не только левых, демократических и гуманистически настроенных буржуазных кругов, но и реакционной буржуазии. Открытие «человека» происходит и в фашистской форме (культ «сильной личности», фюрера). Протест против «бездушного аппарата» (капитализма) существует и как иррациональная философия жизни⁴. Имеются также определенные связи между «левыми» и «правыми» течениями внутри буржуазии.

Левобуржуазная версия не приближается к известным тезисам Маркса без того, чтобы одновременно не ревизовать их.

Одна буржуазная школа — она связана с деятельностью Оппенгеймера и Маннгейма во Франкфурте-на-Майне — подключается к Марксу, чтобы свести исторический материализм и учение об идеологии к «социологии» знания, приподнять роль буржуазной интеллигенции по сравнению с основными борющимися классами: четко выраженная буржуазная форма «третьего пути». А другие левобуржуазные теоретики стремятся связать Маркса с Гегелем на левогегельянской основе, чтобы разработать критическую теорию социальных и культурных явлений (феноменов): франкфуртская школа Хоркхеймера и Адорно, в которой в значительной мере сложился образ мыслей Маркузе.

Исследовательская мысль обращается с особым вниманием к наследию Гегеля и Маркса, стремясь подкрепить различные течения «доказательствами» из истории философии. Благодаря этим усилиям для науки были открыты новые тексты молодого Гегеля. Левобуржуаз-

ные теоретики пытаются использовать эти новые источники и только что опубликованные тогда «Экономическо-философские рукописи» молодого Маркса в духе названных левобуржуазных течений.

Столкновение теоретиков буржуазного гуманизма с развивающимся фашизмом также повлекло за собой — при условии отклонения реального социализма — появление левобуржуазных версий «третьего пути». На этой почве возникает направленный против фашизма принципиальный разрыв между классическим буржуазным гуманизмом, классической буржуазной философией, с одной стороны, и буржуазной реакцией, фашизмом — с другой. Книга Маркузе о Гегеле 1941 года в такой же мере относится к этому направлению, как романы Томаса Манна «Лотта в Веймаре» и «Доктор Фаустус». Заслуга этой позиции в деле защиты гуманистического буржуазного наследия не вызывает сомнения. Однако она содержит в себе двойную опасность: с одной стороны, благодаря этому может быть вообще скрыта преемственная связь между фашизмом и капитализмом, фашизм может быть истолкован как мистический несчастный случай в истории, с другой стороны, исходя из этого можно пытаться (и это достаточно часто происходит) объявлять революционное рабочее движение чисто количественным исполнителем, простым душеприказчиком буржуазного гуманизма, лишая таким образом это движение его теоретической и политической самостоятельности.

Это современное левогегельянство имеет, следовательно, культурно-критические, социально-критические и антифашистские корни. Оно связывает классический гуманизм и своеобразно адаптированного Маркса в духе указанного выше подчинения марксизма и рабочего движения буржуазному гуманизму.

Развитию теории и практики «третьего пути» способствовали также известные процессы в рабочем движении. Распространение марксизма и рост рабочего движения обусловило перед первой мировой войной, когда во II Интернационале возобладал оппортунизм, известное упрощение и искажение теории. Этому благоприятствовало возникновение рабочей бюрократии и рабочей аристократии, что создало вместе с другими факторами, проанализированными Лениным⁵, почву для появления оппортунистических и ревизионистских взглядов.

«Ортодоксальные» интерпретации марксизма Каутским также все больше подчинялись таким тенденциям, все больше опускались ниже уровня даже диалектики Гегеля. Под влиянием дарвинистских взглядов Каутский и другие «ортодоксы» выделили в марксизме нейтральную науку естествоведческого типа, которая имеет дело с законами, действующими как законы природы без участия человека, и с основанной на этом политикой рабочего движения. По существу это был отрыв теории от политики, марксизма от рабочего движения, что в корне извращало как теорию, так и практику. Не только неокантианский ревизионизм Бернштейна, но и «ортодоксальный» механистическо-материалистический эволюционизм Каутского извращали диалектико-материалистический характер марксизма. «Ортодоксальные» воззрения проникли частично и в коммунистическое движение, прежде всего благодаря философским работам Бухарина. Бухарин проповедовал диалектику механического равновесия разнонаправленных факторов. Движение, по его словам, возникает из нарушения этого равновесия и служит восстановлению последнего.

Эти механистическо-детерминистские взгляды наталкивались на протест не только ревизионистских авторов, например Гендрика де Мана, но и на сопротивление левобуржуазных теоретиков, которые были близки к марксизму и основательно изучили диалектику Гегеля. Здесь следовало бы назвать прежде всего Лукача, собрание его работ «История и классовое сознание»⁶, содержание которых мы должны коротко обрисовать, ибо эта книга стала с 1923 года основным поставщиком теоретических положений для всех ультралевых и правооппортунистических ревизий марксизма. Сам Лукач часто и остро критиковал свою книгу. Было бы совершенно неправильно низводить Лукача как автора «Истории и классового сознания» в теоретическом и практическом отношении до уровня его эпигонов. Для него книга явилась этапом на пути к марксизму, но она намного лучше того, что делают из нее сегодня Маркузе, Сартр⁷ и др., кто никогда не совершал того решающего перехода от позиции «третьего пути» к позиции революционного рабочего движения, который, как известно, совершил Лукач. Даже эта книга переходного периода содержит уже критику современных версий «третьего пути» левых. Стоит сравнить, например, критику в адрес Эрн-

ста Блоха⁸, идей индетерминизма, которые еще сегодня разделяются Маркузе⁹, индивидуализма¹⁰ или подтвержденного в поздних произведениях Маркузе тезиса о том, что оппортунизм, как всегда, объединяет экономический механизм и этический утопизм¹¹, — стоит все это сравнить, чтобы увидеть, насколько несправедливым было бы простое осуждение книги в целом. Все же мы должны, по уже указанным причинам и в связи с новыми ревизионистскими ошибками Лукача, коснуться некоторых центральных философских положений этой книги.

Основное содержание книги состоит в следующем: бытие носит общественный характер¹², диалектика есть отношение между субъектом и объектом. Вне этого отношения нет никакой диалектики¹³. В частности, нет никакой диалектики природы. Природа является только общественной категорией¹⁴, и диалектика природы является выражением овеществленного мышления¹⁵. Диалектика есть взаимодействие между субъектом и объектом в процессе истории¹⁶. Предметный мир имеет значение лишь как продукт субъекта. Решающим является движение пролетариата к самосознанию, к классовому сознанию¹⁷. Это сознание преобразуется в коллективное действие.

При изложении этих тезисов Лукач абсолютизирует различие между обществом и природой¹⁸. Натурфилософия Гегеля, оказавшая влияние на Энгельса при разработке им диалектики природы, игнорирует якобы это различие и приходит поэтому к абсурдным положениям¹⁹. Под влиянием диалектики природы марксизм был якобы построен как естественнонаучная модель и как мировоззрение. Это было сделано вопреки Марксу, который, наоборот, понимал естествознание и технику только как функцию общества. В основе этой ошибки лежит, мол, овеществление мышления и тем самым природы. Это ведет к механически созерцательному противопоставлению природы и общества, что якобы лежит в основе энгельсовской теории отражения и его понимания практики²⁰. В действительности, мол, мы являемся по отношению к истории «внутренними» существами, в связи с чем будто бы отпадает проблематика отражения.

В вопросе о пролетариате Лукач концентрирует свое внимание на проблеме классового сознания. Только это сознание, по его словам, превращает класс в революционный субъект. Буржуазия и пролетариат имеют дело с оди-

наковой общественной реальностью²¹. Их лучшие мыслители пытаются постигнуть эту реальность²². Гегелю это удалось сделать лишь в мистической форме. Только Маркс сумел найти ответ на поставленные этой реальностью вопросы.

Мысли, развивавшиеся в этой связи, близки к выводу, будто различие между Марксом и Гегелем, между пролетариатом и буржуазией состоит в том, что один дал правильный ответ на вопросы, которые правильно сформулировал другой²³. Тем самым по существу отрицается идеологическая самостоятельность пролетариата²⁴. Различие в качестве ответа выводится просто из положения классов²⁵, что приводит к решению проблемы выработки социалистической теории и формирования сознания в духе механистического материализма и ставит под вопрос необходимость пролетарской партии²⁶.

Это частично те тезисы, которые вытекают из аргументов Лукача в соответствии с их внутренней логикой, хотя он, например, не отрицал партию. Наоборот: он пытается именно в этой книге воспринять ленинскую теорию партии, но при этом он не полностью порывает с теорией стихийности²⁷. Однако это ничего не меняет в логическом содержании тезисов, которые, соответственно, и до сих пор используются нашими нынешними антиавторитаристами.

Уже указывалось, что Лукач позднее сам часто и резко критиковал свою книгу. Он говорил, что все его эссе были написаны в 1921—1922 годах, когда его творчество характеризовалось переходом от Гегеля к Марксу. В основных философских вопросах его книга содержит признаки этого перехода. Он сам называет вопросы теории познания. В своем сочинении «Мой путь к Марксу» он писал в 1933 году: «Опыт Венгерской революции, хотя и показал мне весьма остро несостоятельность всякой синдикалистской теории (роль партии в революции), но ультралевый субъективизм еще долго оставался живым во мне (отношение к дебатам о парламентаризме в 1920 году, к мартовским событиям 1921 г.). Это помешало мне прежде всего действительно и правильно понять материалистическую сторону диалектики в ее всеобщем философском значении. Моя книга «История и классовое сознание» (1923 г.) очень ясно показывает этот переход. Несмотря на сознательную попытку преодолеть и «снять» Гегеля через Маркса, основные вопросы диалектики ре-

шались еще идеалистически (диалектика природы, теория отражения и т. д.). Все еще сохранявшиеся элементы теории накопления Р. Люксембург искусственно смешивались с ультралевосубъективистской активностью»²⁸. Свою новейшую критику тогдашних тезисов Г. Лукач дал в новом «Предисловии» 1967 года к западногерманскому переизданию своей книги «История и классовое сознание» (1968 и 1970 гг.). За исходное Лукач при этом берет понятие труда в марксистской философии — труда как процесса обмена веществ между человеком и природой²⁹. Если исключить это исходное понятие, то экономическая теория лишается своего основания. Тогда исследуются сложные структуры, материальный базис которых игнорируется. Тем самым, отмечает Лукач, перечеркивается специфический характер гуманизма и практики у Маркса.

В работах Маркузе мы найдем все изложенные здесь основные тезисы Лукача: сведение диалектики к диалектике субъекта и его практики; отрицание диалектики природы; механистическо-материалистическое представление о процессе сознания; сведение Маркса к Гегелю; отрицание партии рабочего класса.

Конечно, было бы неправильно утверждать, что Маркузе может быть сведен к молодому Лукачу. У Маркузе совсем иной путь развития. Он идет от Хайдеггера, а не от Гегеля, постоянно придерживается в противоположность Лукачу субъективно-идеалистической, индетерминистской позиции. Дело состоит, таким образом, не в том, чтобы говорить о таком сведении, а в том, чтобы показать некоторые специфические источники понимания Маркса Маркузе. И теории молодого Лукача относятся к числу этих источников.

В 1923 году подошел к концу послевоенный революционный период в Центральной Европе. В связи с этим существенно изменились условия идеологической классовой борьбы. Работа Лукача «История и классовое сознание», а также почти одновременно появившаяся и в основных своих тенденциях однотипная работа Карла Корша «Марксизм и философия»³⁰ длительное время оставались последними популярными трудами, которые объективно служили теоретической основой левобуржуазных вариантов, претендовавших на «истинный марксизм». В период начавшейся затем относительной стабилизации капитализма, продолжавшейся несколько лет, концепции «третьего пути» играли менее значительную роль. Однако такое

положение совершенно не случайно изменилось с наступлением великого мирового экономического кризиса и его идеологических последствий. На это время приходится опубликование известных ранних произведений Маркса, за которые ухватились теоретики левобуржуазных взглядов. Наиболее сильной по своему содержанию и воздействию работой этого рода и этого периода является комментарий Герберта Маркузе к «Экономическо-философским рукописям», завершённым Марксом в 1844 году во Франции. Мы еще вернемся к этому комментарию.

Фашизм и вторая мировая война прервали в Германии деятельность также и левобуржуазных теоретиков. Все же некоторые из их ведущих представителей продолжали в эмиграции разрабатывать свои теории. К ним принадлежал и Маркузе. В новых условиях формировался в антифашистской борьбе союз между рабочим движением и частью буржуазно-демократических, буржуазно-гуманистических сил, и это приводило к усилению антифашистских и к ослаблению антисоветских и антикоммунистических аспектов в теориях подобных левобуржуазных мыслителей.

После второй мировой войны сложилась во многих отношениях иная ситуация в классовой борьбе. Хотя немедленно вновь появилась концепция «третьего пути», ее воздействие, однако, приобрело сложный характер.

В Германии в рамках общих закономерностей, которые определяют характер нашей эпохи и современной идеологической классовой борьбы, действовали некоторые особые факторы. К ним относится прежде всего военное поражение германского империализма. Это в корне изменившееся соотношение сил в мире и в Германии наложило свой отпечаток на идеологическую классовую борьбу. Идеями марксизма-ленинизма была вдохновлена победа Советского Союза. В ходе и в результате освободительной борьбы их восприняла новая значительная часть трудового народа многих стран. В ряде других стран эти идеи доказали свою способность служить путеводной звездой при решении сложных задач. Одновременно учение Маркса, Энгельса, Ленина в возрастающей мере становилось компасом для антиколониальных движений. В некоторых главных империалистических странах возникли сильные, массовые марксистско-ленинские партии.

Все это обусловило значительное распространение

марксизма. Хотя догматизм, известный упрощенческий подход к теории, культ личности, серьезные нарушения социалистической законности создали немалые трудности, все же в целом возникли намного более благоприятные условия для творческого развития марксистско-ленинской теории.

Но и для буржуазной философии возникли новые условия, причем создалась сложная диалектическая ситуация.

Среди государств, боровшихся против фашизма и победивших, находились и такие, которые сражались под знаменем буржуазных идеалов свободы и демократии. Господствующие круги западных империалистических держав долгое время поощряли германский империализм и фашизм и охотно видели в нем острое, направленное против СССР. Международное развитие вынудило их вступить в войну против гитлеровской Германии. При этом им пришлось пропагандировать антифашистские идеи, давно преданные ими буржуазно-демократические идеалы. Народы этих стран действительно боролись за эти идеалы. По крайней мере вначале они связывали с этими идеалами далеко идущие, антикапиталистические, социалистические цели. Примечательно, что большинство английского народа выбрало в 1945 году не консервативную, то есть открыто выражающую интересы крупного капитала партию военного триумфатора Черчилля, а лейбористскую партию, на которую народ возлагал свои надежды социалистического характера!

Все это обусловило возрождение буржуазно-демократических и буржуазно-гуманистических идеалов. Именно представители левобуржуазных воззрений получили в связи с этим новые более благоприятные возможности борьбы³¹. Трудности и временные срывы в социалистическом строительстве некоторых стран, а также возрождение буржуазно-демократических и гуманистических идеалов послужили толчком для распространения концепции «третьего пути».

Такие принципы были тогда выгодны немецкой империалистической буржуазии, совершенно или в значительной мере лишенной своих политических, идеологических и военных средств власти. Тотализация буржуазной идеологии фашизмом, переход всех основных школ буржуазной философии на фашистские позиции привели и к по-

ражению империалистической идеологии в тот момент, когда был разбит германский империализм. Это банкротство было к тому же подкреплено материально и юридически актами международного осуждения этой идеологии (например, в Потсдамском соглашении).

В этих условиях развивалась с тех пор идеологическая классовая борьба между буржуазией и пролетариатом. Критика в адрес марксизма появилась вначале лишь в социал-демократической ревизионистской или теологической форме. Эта критика пользовалась «демократическими» и «европейскими» аргументами с целью, поставив фашизм и коммунизм на одну доску под знаком «тоталитаризма», развить своего рода официальный крупнобуржуазный вариант «третьего пути».

Из этого варианта, в свою очередь, выделился левобуржуазный вариант «третьего пути», который сначала обратился к тезисам экзистенциализма — этой философской реакции мелкой буржуазии на общий кризис капитализма. Экзистенциализм с его стереотипами о бессмысленности бытия, загадочности и непознаваемости мира, с его абсолютизацией субъекта и его «проекта», который только и придает смысл существованию, был желателен для буржуазии непосредственно после окончания войны, в период наибольшей слабости германского империализма, когда речь шла как раз, наоборот, о том, чтобы «раскрыть» бытие и смысл фашизма, создать условия для новой жизни, претворить в жизнь новый гуманизм.

При этом влияние экзистенциализма Сартра и Мерло-Понти было сильнее, чем воздействие немецкого экзистенциализма. Оба автора в противоположность в основном пассивно-квиегистскому характеру немецкого экзистенциализма развили более активную разновидность этой философии. В центре ее внимания стояла не проблема смерти, а проблема свободы, хотя и истолкованной в субъективистском духе. Кроме того, Сартр и его друзья были активными борцами Сопротивления, в то время как главные представители немецкого экзистенциализма либо, подобно Хайдеггеру, вначале активно примкнули к нацистам, либо, подобно Ясперсу, разочаровались в политике³². Французские экзистенциалисты, будучи активными мелкобуржуазными антифашистами, но не марксистами, кокетничали с некоторыми элементами марксизма. По этой причине их хорошо можно было использовать для философского обоснования «третьего пути» между

капитализмом и социализмом. Буржуазия сознательно подключилась в период своей слабости, действуя по старому рецепту, к этой наиболее левой разновидности буржуазного сознания, что облегчалось тем, что руководство СДПГ предпочло тогда идти «третьим путем».

Несколько позднее левокатолические и протестантские круги впервые вновь выступили с претензией на раскрытие гуманистического содержания в произведениях молодого Маркса. Здесь следует назвать Вальтера Диркса, Кнаппштейна, Пауля Тиллиха и Эриха Тира. Они вслед за Маркузе и де Маном занялись комментариями к «Экономическо-философским рукописям» Маркса, но не нашли тогда широкого отклика. Время для столь далеко идущего левобуржуазного «возрождения» Маркса еще не наступило.

Это связано и с тем, что к этому времени власть германского империализма уже начала консолидироваться. В период ожесточенной холодной войны буржуазные круги проявляли мало интереса к любому виду своеобразной дискуссии вокруг марксизма. Левые варианты «третьего пути» временно утратили свою значимость в классовой борьбе, тем более, что и со стороны марксистов в условиях обостренной холодной войны не уделялось внимания возможностям политического союза с некоторыми сторонниками левобуржуазных взглядов.

Мы переживаем с тех пор период прямой, острой теоретической атаки на марксизм, ведущейся прежде всего клерикальными силами³³.

Однако некоторые круги христианской церкви довольно рано поняли — примерно в 1952—1954 годах, — что стремление к уничтожению коммунизма чревато атомной катастрофой. Из среды этих кругов, начиная с того времени, развивается течение, которое постоянно растет и лучше всего характеризуется словами Брокмёллера о «крещении коммунизма» — а сегодня больше говорят о «крещении диалогом». Однако среди сторонников этой новой формы «третьего пути» мы встречаем и в ФРГ искренне прогрессивных деятелей, таких, например, как евангелический теолог Гольвитцер.

Первым выражением этой новой тенденции была вступительная лекция доминиканца Марсея Рединга, прочитанная на кафедре теологической морали университета в Граце в 1952 году. Тема лекции «Фома Аквинский и Карл Маркс». Рединг согласился считать Маркса, как и

Фому, гениальным и оригинальным последователем Аристотеля. Аристотель становится в известной мере «недостающим звеном» между Марксом и Аквинским. При этом Рединг поставил — во времена папы Пия XII это требовало большого мужества — вопрос: Аристотель, Фома, Маркс могли бы понять друг друга и вести дискуссию на основе общей проблематики. Почему не можем делать этого мы? ³⁴

Другим, более отчетливым признаком нового подхода была книга Брокмёллера «Христианство на заре атомной эпохи» ³⁵. Его исходная историко-философская позиция носит отчасти расистский и геополитический характер. Его общий подход к марксистской философии опирается на Веттера. Но в католической церкви он впервые сформулировал тезис о том, что церковь не связана никаким определенным типом собственности. Начинается новая эпоха, к которой церковь должна приспособиться. Она не может занимать ни европоцентристской, ни прокапиталистической позиции; она должна попытаться сохранить свое существование в новую эпоху. При этом она должна стремиться к тому, чтобы «обратить марксизм в свою веру», как она это сделала когда-то с Аристотелем.

Таким образом, здесь нам как бы высказали еще один мотив новой тактики: понимание того, что будущее принадлежит социализму и тем самым перед церковью возникает вопрос, как ей спасти свое существование в условиях социализма.

Во второй половине пятидесятых годов условия идеологической борьбы между капитализмом и социализмом вновь становятся более сложными и противоречивыми. С одной стороны, продолжается консолидация власти германского империализма и милитаризма. Он все больше переходит с этого момента к открыто агрессивной политике. Но, с другой стороны, укрепляется, и не только в общем плане, мировая система социализма, все больше разрушается колониальная система, а социалистическое немецкое государство становится все более прочным в экономическом, политическом и идеологическом отношении. Социализм на немецкой земле уже нельзя больше уничтожить. Успехи социалистического строительства в ГДР, развитие неизбежного союза ГДР с СССР и другими социалистическими странами все более убедительно доказывали обреченность всех реакционных планов западногерманского реваншизма.

Вместе с тем в эту эпоху в развитых капиталистических странах быстрыми темпами разворачивается научно-техническая революция. В то же время агрессивная сущность империализма разоблачила себя перед всем миром рядом новых кровавых преступлений (в Конго, Вьетнаме и др.).

Мы уже указывали на идеологические последствия таких изменений. В таких условиях разворачивается идеологическая классовая борьба и в Западной Германии. Внутри крупной буржуазии в этот период складываются две группировки, придерживающиеся различных тактических установок для достижения одной и той же цели — ликвидации итогов второй мировой войны; одна — откровенно грубая (характеризуется такими политическими деятелями, как Штраус, Гуттенберг, Барцель, Шрёдер) и другая — ориентирующаяся на «новую» восточную политику, пользующаяся косвенными, более «мягкими» и в большей степени идеологическими средствами.

В философской борьбе против марксизма вновь возрождаются теперь старые тезисы левобуржуазного «третьего пути». Отныне они берутся на вооружение и сторонниками отнюдь не левобуржуазной политики, и этим раскрывается политико-социальный характер этих тезисов.

Так, еще в 1951 году была создана «комиссия по марксизму» при евангелических академиях. Она получала деньги для своей деятельности от того же самого федерального министерства внутренних дел, которое организовало процесс над КПГ и добилось запрещения партии³⁶. Комиссия открыто поставила своей целью критику марксизма в связи с «господством советского марксизма в восточной части Германии»³⁷. В этой целевой установке времен холодной войны коренится возобновление попыток «антропологизировать» марксизм, — такие попытки предпринимались Маркузе еще в начале тридцатых годов, о чем мы расскажем ниже, — свести его к категории «отчуждения»³⁸. И именно в этом теоретическом контексте вновь появляются идеи, высказанные ранним Лукачем. Так, например, Ландгребе выдвигает следующие аргументы в третьем томе «Очерков по изучению марксизма»: положения, выдвинутые Энгельсом, представляют собой «дегенерацию диалектики». Ибо диалектика зиждется на «взаимодействии сознания и производительной физической деятельности»³⁹.

Это пока что *petito principii* *, ибо по самому своему определению диалектика только тогда духовна, когда она создается лишь субъектом. Но ведь это точка зрения не Маркса, а Фихте.

Вслед за Веттером, Гоммесом и другими реакционными критиками марксизма⁴⁰ теперь утверждается, что Маркс был выше противоречия между материализмом и идеализмом. Здесь, явно спекулируя именем Маркса, но во имя антикоммунизма, проявляется претензия на создание философии, стоящей и над материализмом, и над идеализмом.

Диалектика Маркса якобы «не материалистична постольку, поскольку она является не законом движения существующей самой по себе природной материи, а законом самопроизводства человеческого рода. Для этого самопроизводства характерно постоянное взаимодействие материального изменения условий жизни людей благодаря их физической деятельности — и осознание этого изменения»⁴¹.

Примерно в то же самое время, когда Ландгребе писал эти слова, Сартр выдвинул во Франции аналогичные положения, которые, в свою очередь, были переняты левобуржуазными кругами в ФРГ⁴². Сартр считает: история — продукт человека, а он — продукт истории. Человек находится в истории и поэтому может ее познать (ср. Лукач, 1923 г.). Он делает историю, она ему, следовательно, не чужда, она познаваема им, в то время как природа является чем-то внешним для него, отдалена от него таким множеством опосредствующих звеньев, что для него закрыт доступ к ее подлинно внутренней сущности. Следовательно, хотя и имеется познание (диалектика) истории, но нет познания (диалектики) природы. Диалектика есть, в сущности, практика субъекта, который, будучи оторван от своей природной оболочки, в конечном счете представляет собой лишь дух, сознание. Диалектика природы лишь *reg analogiam* и в соответствии с постулатом о единстве мира и мышления извне навязана природе. Из-за этого возникает опасность антропологизации природы и натурализации человека, дезинтеграции человека⁴³.

Мы видим, таким образом, распространение аргументов, которые первоначально выдвинул Лукач. Они стали

* *Petito principii* — лат., аргумент, основанный на выводе из положения, которое само еще требует доказательства. — *Прим. ред.*

основными положениями левобуржуазного варианта «третьего пути». Речь идет о распространении, которое выходит за рамки левобуржуазных сил. Это привело к тому, что эти положения в настоящее время представляют собой самую действенную форму критики марксизма. Ее особенность состоит в том, что эта критика марксизма выдает себя за восстановление подлинного образа мыслей Маркса. Мы уже сделали по этому поводу некоторые критические замечания. Дальнейшая критика, однако, должна быть связана с полемикой против Маркузе, который включил названные здесь основные положения в свои произведения.

Распространение и воздействие этих основных положений вытекает из особенностей идеологической классовой борьбы в современную эпоху. Основные тенденции эпохи все больше определяют процессы формирования идеологии и в буржуазном лагере. Само собой разумеется, это весьма сложные процессы, которые очень трудно анализировать. Они происходят в условиях комплексных изменений в обеих мировых системах и получившего небывалый размах империалистического манипулирования сознанием. Те слои буржуазии и мелкой буржуазии, которые включаются в движение и сближаются с левыми политическими силами, ни в коей мере не имеют заранее склонности к марксизму и рабочему движению. Но они живут в условиях, которые способствуют выработке левобуржуазных представлений о «третьем пути». Это, а также стремление предупредить действительное развитие левых тенденций побуждает консервативных и реакционных буржуазных идеологов обращаться к тезисам левобуржуазного толка, дабы включить их в отнюдь уже не левобуржуазную политику.

Герберт Маркузе в значительной мере стоит в центре всего этого развития.

Пolemика с ним касается, таким образом, не только проблематики, связанной с одним определенным идеологом, но имеет дело с коренными идеологическими процессами в тех слоях буржуазии, которых объективные общественные изменения толкают на путь развития влево, но которые еще не встали на путь революционного рабочего движения или не восприняли его марксистской теории. Все же процессы, которым подвержены эти слои, нередко отражаются таким образом, что теоретики этого течения считают себя марксистами и, исходя из этого, подвергают

критике не только империализм, но и «извращенный», по их мнению, реальный социализм.

В этих условиях интерес к марксизму постоянно растет именно в среде молодых буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов. С одной стороны, они достаточно информированы, чтобы не удовлетворяться фразеологией официальной пропаганды. С другой стороны, многие из них считают возмутительным это противоречие между реальностью и идеологией. Это, следовательно, ни в коей мере не является только буржуазно-оборонительным или буржуазно-агрессивным интересом к марксизму; конечно, такая заинтересованность тоже имеется, но все больше представляет собой подлинное стремление (при всех антикоммунистических воздействиях и влияниях) серьезно, хотя нередко лишь в чисто теоретико-созерцательном духе, изучить марксизм. Еще никогда не наблюдалось в ФРГ столь большого интереса к марксизму, не возникало так много институтов по исследованию и борьбе с марксизмом, не публиковались столь многими солидными буржуазными издательствами произведения Маркса, Энгельса и других марксистов, а также монографии о марксизме или против него⁴⁴.

Краткое резюме показывает, что в исследуемый период в пользу левобуржуазного варианта «третьего пути» в философии действовали следующие факторы.

Общей основой является сложная система отношений, складывающихся в эпоху всемирного перехода от капитализма к социализму, в эпоху общего кризиса капитализма, в условиях обострения противоречий между государственно-монополистическим регулированием и буржуазной стихийностью, между основными классами общества и между их различными слоями.

Проникновение механистическо-детерминистских концепций (Каутский, Бухарин) в рабочее движение, отделение теории от практики у некоторой части рабочего движения, преуменьшение значения субъективного фактора в общественном развитии облегчают появление левобуржуазных вариантов «третьего пути».

Антифашистская и демократическая борьба буржуазно-гуманистических сил также стимулировала этот процесс.

Серьезное ослабление империалистической системы после второй мировой войны сделало левые версии «третьего пути» необходимым инструментом отвлечения вни-

мания движущихся влево буржуазных и мелкобуржуазных кругов.

Понимание того, что капитализм изжил себя и антигуманен, что победа социализма неизбежна, традиционная критика марксизма неэффективна, способствует распространению теорий «третьего пути» среди многих интеллигентов, которые не готовы или еще не готовы перейти на позиции социализма.

Главным содержанием этого «третьего пути» является возрождение антропологии, «практики» как средства защиты индивидуальной стихийности от объективной причинной обусловленности наших действий, а также от государственно-монополистического регламентирования. Марксизм сводится к этой антропологии и «практике». Объективная реальность отрицается как выражение овеществленного сознания и как ограничитель свободы. Из этой абстрактной индивидуалистической точки зрения развивается абстрактно антиинституционная и антиавторитарная оппозиция. Ее сущностью является отделение авторитета или учреждения от их конкретного общественного классового содержания. На практике это означает, с одной стороны, затушевывание внутренней взаимосвязи реакционных, фашистских учреждений или авторитетов с капитализмом. Так, эта оппозиция выступает, в частности, против монопольно-капиталистических форм буржуазных учреждений и авторитетов. Но, с другой стороны, она направлена против сущности социалистических учреждений и авторитетов. Эта левобуржуазная позиция со стороны ее гуманистического содержания представляет собой возрождение основных идей классического буржуазного гуманизма и романтики. Она направлена против реального марксизма, но выдается при этом за подлинный марксизм. Все это течение будет усиливаться в зависимости, с одной стороны, от дальнейшего роста авторитета марксизма-ленинизма и, с другой стороны, от возрастающей остроты борьбы между марксистами-ленинцами и теоретиками ревизионистских тенденций в международном коммунизме, в зависимости, наконец, от дальнейшего обострения классовой борьбы между силами единого всемирного революционного процесса, с одной стороны, и империализмом — с другой.

Все эти причины придают теории «третьего пути» между капитализмом и социализмом, между буржуазией и пролетариатом двойственный характер: с одной стороны,

она служит барьером против дальнейшего развития влево и тем самым имеет буржуазную природу. С другой стороны, она будет для многих своих сторонников необходимым переходным этапом на пути к рабочему движению. При этом совсем не одно и то же, идет ли речь о тех людях, которые вырываются из буржуазного окружения и сближаются с рабочим движением, или о тех, кто подобно Эрнсту Фишеру давно отказался от принципиальных классовых позиций. В обоих случаях она имеет стратегически иную значимость. В обоих случаях для марксистов напрашиваются разные политико-тактические выводы. Маркузе следует рассматривать в этой большой партии сторонников «третьего пути» как одну из ее ключевых фигур теоретического и политического плана, и в этом качестве следует рассмотреть и подвергнуть критике его идеи.

Глава III

РАННИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКУЗЕ (1928—1932 гг.)

Герберт Маркузе родился 19 июля 1898 г. в Берлине. Его родители принадлежали к еврейской буржуазии. Во время первой мировой войны он был солдатом. Как противник войны, становится в 1917 году социал-демократом. В 1918 году являлся членом совета солдатских депутатов в Берлин-Рейникендорфе. Будучи сторонником Розы Люксембург, после убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта вышел из социал-демократической партии. В 1919—1922 годах Маркузе изучает философию в Берлине и во Фрейбурге. После защиты диссертации работает в Берлине редактором-рецензентом издательства. В 1927 году возвращается во Фрейбург, чтобы заняться научной работой. Это было время, когда главой фрейбургских философов был еще Гуссерль, а с 1928 года его ученик Хайдеггер.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКУЗЕ

Научную деятельность Маркузе можно разделить на три периода. В качестве критериев для периодизации я использую соответствующую конкретную философскую направленность его работ и ее очевидную взаимосвязь с политическими аспектами.

Содержанием первого периода являются попытки объединить экзистенциализм Хайдеггера (феноменологию), диалектику и исторический материализм под знаком экзистенциализма. Этот период начинается в 1927 году, когда Маркузе переезжает во Фрейбург, и заканчивается с приходом фашизма к власти. Это означает, что Маркузе остается на этой позиции еще и в первый период своей деятельности во Франкфуртском институте социальных исследований.

Второй период показывает теоретический отказ — под влиянием фашизма — от Хайдеггера, усиленное внимание к современному левогегельянству, которое, используя марксистские положения, выступает критически в области культуры и социальной теории. В политическом отношении в этот период деятельности Маркузе характеризуется тем, что он принимает участие в антифашистской борьбе и сближается с австромарксистскими кругами. Этот период оканчивается второй книгой о Гегеле, то есть в 1941 году.

Третий период деятельности Маркузе начинается его некоторыми статьями после выхода второй книги о Гегеле, но свое первое значительное выражение он получает в опубликованном в 1954 году «Послесловии» ко второму американскому изданию второй книги о Гегеле. Даже при Рузвельте было исключено, чтобы руководящие сотрудники секретной службы — а Маркузе в это время являлся им — могли придерживаться левых политических взглядов. В разгар холодной войны у Маркузе уже ничего нельзя больше найти о левом варианте «третьего пути».

С политической точки зрения для него характерны вначале иллюзии относительно США (в предисловии ко второй книге о Гегеле), отрицательное отношение к Советскому Союзу и, вообще, к реальному социализму, разочарование в пролетариате на основе неправильной теории — активистской формы «третьего пути». Он ориентируется на «третий мир» и на определенные «неинтегрированные» слои в «индустриальных странах» и остро критикует империализм.

В начале шестидесятых годов в творчестве Маркузе вновь усиливаются левобуржуазные взгляды. Однако в целом не намечается более глубокого поворота в его философии, и я не хотел бы по одним лишь политическим оттенкам подразделять третий период в его творчестве. Перечень публикаций Маркузе показывает, что он в 1942—1954 годах очень мало публиковался. Не является ли это следствием его активной работы в секретной службе США?

К концу шестидесятых годов Маркузе под впечатлением крупных забастовочных боев рабочего класса Западной Европы вынужден на некоторое время пересмотреть ряд своих основных идей. Однако эти колебания длились недолго. В связи с обостренной борьбой против правого уклона и против вдохновленной этим уклоном контррево-

люции в ЧССР у Маркузе наступил опять поворот в сторону усиленного антикоммунизма.

Во всяком случае ясно одно: правый и левый оппортунизм — а теория Маркузе относится к обеим разновидностям или представляет собой, как мы покажем ниже, мостик между ними — не обладает действительно твердым теоретическим фундаментом, способным выдержать бурные и глубокие, зачастую острые повороты классовой борьбы и сдвиги на международных классовых фронтах. Поэтому идеологи оппортунизма, в том числе и Маркузе, вынуждены при каждом таком крупном повороте по существу заново формулировать свою теорию. И Маркузе вынужден будет до тех пор всякий раз пересматривать свою «критическую теорию», пока он не освободится от оппортунизма и не перейдет недвусмысленно на позицию революционного рабочего класса, его теории и политики.

Первый период деятельности Маркузе характеризуется тем, что он пытался «соединить» философию Хайдеггера с диалектикой и историческим материализмом. Это проявилось в его первых статьях, опубликованных в Германии в 1928—1932 годах¹.

МАРКУЗЕ РЕВИЗУЕТ МОЛОДОГО МАРКСА

В 1932 году в подготовленном московским Институтом Маркса — Энгельса — Ленина полном издании сочинений Маркса и Энгельса впервые появились на языке оригинала так называемые «Экономическо-философские рукописи 1844 г.»², написанные Марксом, но отнюдь не подготовленные им для печати. Эти рукописи не были Марксом разработаны до конца, и они даже стилистически были очень неоднородны. Хотя эти рукописи были написаны Марксом еще в период его освобождения от распространенных в те времена идей и от унаследованных им мыслей, хотя они действительно были еще рукописями периода формирования его мировоззрения, однако на них немедленно набросились в Западной Европе, и прежде всего ревизионистские теоретики. Ревизионисты надеялись подкрепить ссылками на эти рукописи и соответствующей интерпретацией идей Маркса свою антропологически этическую концепцию и использовать Маркса против марксизма.

Маркс и Энгельс сами критически отзывались о своих работах, написанных даже еще позднее, часть которых

они, в противоположность «Рукописям», все же опубликовали. Так, К. Маркс в предисловии к своей работе «К критике политической экономии» называл написанную им позднее вместе с Ф. Энгельсом «Немецкую идеологию» работой, главной целью которой было свести счеты с их прежней философской — то есть гегельянской и фейербахианской — совестью³. Энгельс в 1888 году отмечал, что даже раздел о Фейербахе в работе «Немецкая идеология» 1845 года еще отчетливо показывает недостатки их экономическо-исторических представлений тех лет⁴. О работе «Святое семейство», которая была написана еще до «Немецкой идеологии», но тоже после «Рукописей», Маркс в письме Энгельсу от 24 апреля 1867 г. отмечает, что он еще раз прочитал это сочинение и думает, что «нам нечего стыдиться этой работы, хотя культ Фейербаха производит теперь очень смешное впечатление»⁵. Все эти критические замечания относятся к сочинениям, написанным после тех «Рукописей», в которых проявлялся культ Фейербаха. Некоторые положения «Рукописей» по своему содержанию еще представляют собой в большей мере идеи Фейербаха, чем Маркса, и, следовательно, критика Марксом и Энгельсом «Святого семейства» и «Немецкой идеологии» в еще большей мере относится к рассматриваемым «Рукописям» 1844 года.

Ранний период творчества Маркса, то есть период выработки его мировоззрения, явно завершается в «Немецкой идеологии», хотя его взгляды и позднее продолжали постоянно развиваться. В вопросах теории государства это блестяще доказано со времени выхода в свет ленинского труда «Государство и революция». В области развития политической экономии это в последнее время в немецкой литературе хорошо показал В. Тухшерер в работе «Прежде чем возник „Капитал“»⁶. На это указал и Т. И. Ойзерман в книге «Формирование философии марксизма» (М., 1962). Таким образом, всякая попытка истолковать все творчество Маркса исходя из его «Экономическо-философских рукописей», как это до сих пор делают некоторые «друзья» марксизма, означает выступать против Маркса⁷.

Среди первых авторов, кто предпринимал такие попытки, мы находим и Герберта Маркузе. Его большая статья «Новые источники для обоснования исторического материализма. Интерпретация впервые опубликованных рукописей Маркса»⁸ является с тех пор источником почти

всех попыток ревизовать марксизм с помощью «молодого Маркса».

Мы не собираемся давать здесь анализ парижских «Рукописей» Маркса 1844 года и затем на такой основе полемизировать с комментарием Маркузе. Это требовало бы весьма обширного самостоятельного исследования. Речь идет лишь о том, чтобы на примере комментария Маркузе выявить его собственные взгляды на некоторые основные философские вопросы, которые имеют важное значение для раскрытия тематики нашей работы. В некоторых случаях нам придется обратиться к самим «Рукописям» Маркса и их подлинному значению. Того, кто желает более основательно познакомиться с марксистским анализом этих «Рукописей», следует адресовать к другим работам⁹.

Так, например, Манфред Бур (ГДР) в своей статье «Отчуждение — философская антропология — критика Маркса» подчеркивает, что комментарий Маркузе 1932 года к Марксу вместе с комментарием Гендрика де Мана, написанным в тот же период, содержит все последующие стереотипы буржуазной и ревизионистской «критики» Маркса, ссылающейся на молодого Маркса, которые встречаются и в наши дни¹⁰. Бур кратко исследует ту роль проблематики отчуждения, которая занимает центральное место в этом ревизионизме¹¹. Прежде всего нельзя из этого понятия делать некую надысторическую категорию, которая затем служит мерой для всех других общественных явлений. Затем Бур дает научную оценку характера самих «Экономическо-философских рукописей». Неправильно, по его словам, расценивать эти рукописи как некое единое целое, на базе которого можно было бы дать обоснованную интерпретацию Маркса. Мы приведем довольно большую цитату из этой статьи Бура, так как считаем его оценку структуры и характера «Рукописей» одной из лучших в марксистской литературе: «Экономическо-философские рукописи» являются рукописями в узком, буквальном смысле слова. Они распадаются на несколько частей, в которых освещаются различные предметы исследования. Поэтому постоянно ставящийся вопрос, является ли Маркс, написавший «Экономическо-философские рукописи», еще молодым Марксом, отнюдь не имеет решающего значения. Гораздо важнее тот факт, что эти «Рукописи» имеют характер подготовительных работ и характеризуют переходную стадию в идейном развитии

Маркса. По своей форме они являются критической рефлексией на только что прочитанное и продуманное, рефлексией, смешанной с самостоятельными, но далеко еще не до конца созревшими мыслями. На это указывают даже многочисленные стиливые разрывы в «Рукописях». (Бур делает здесь следующую сноску: «В трех частях «Рукописей», где Маркс полемизирует с национально-экономической литературой, его язык совершенно четок и его утверждения воспринимаются без труда... В тех же местах, где он воспроизводит собственную рефлексию, его язык становится похожим на стиль изложения его статей в «Немецко-французских ежегодниках». Эти места содержат много риторики, но зато меньше высказываний по существу. Это обстоятельство бросается в глаза, и оно должно бы давать пищу для размышлений». — *Р. Шт.*). Это должно было бы побудить и к тому, чтобы не завышалась самостоятельная систематическая ценность «Рукописей» по сравнению с тем, что мог дать 26-летний Маркс с учетом возможного уровня его идейного развития и накопленного им опыта.

Маркс начал в 1843—1844 годах подробно и чрезвычайно интенсивно заниматься политико-экономической литературой и полемизировать с ней. «Экономическо-философские рукописи» представляют собой первый продукт его изучения политической экономии, написанный в течение нескольких месяцев. В «Рукописях» он еще далек от того, чтобы присвоить политической экономии ранг науки, то есть встать на позицию критики политической экономии, хотя он выдвинул ряд немаловажных критических замечаний в адрес прежней и современной науки политической экономии. Всегда существует большое различие между тем состоянием, когда мыслитель находится в стадии критического усвоения науки, и состоянием, когда он занят позитивной работой над созданием этой науки. В «Экономическо-философских рукописях» Маркс находился исключительно на стадии критического усвоения науки политической экономии. Бур указывает на то, что Маркс в «Рукописях» делает, например, то, чего он позднее повсеместно и сознательно избегает: он подвергает рассмотренные теории и общественную жизнь своего времени морализующей оценке. «Известный из «Капитала» анализ действительных экономических и общественных процессов и отношений при капиталистическом способе производства едва присутствует в «Рукописях»,

в лучшем случае лишь в зачаточной форме». Подход Маркса в то время явно ориентируется еще на Сисмонди, чьи произведения используются наряду с другими. Маркс следовал тогда еще критике капитализма Сисмонди, больше морализующей, чем аналитической. «Следует четко исходить из этого положения вещей, ибо оно позволяет сделать выводы об использовании понятия отчуждения и его функций в „Экономическо-философских рукописях“». Во-первых, это понятие сравнительно редко употребляется в «Рукописях» для характеристики общественных отношений. Оно используется преимущественно для моральной оценки различных негативных явлений капитализма, отмеченных экономистами-современниками. Кроме того, оно служило тогда Марксу «конструкционным элементом изображения», подобного тому, как этот термин употреблялся Фейербахом и Гегелем. «В ряде разделов своих рукописей Маркс употребляет этот термин всегда там, где он хочет выразить свое моральное возмущение положением пролетариата, безжалостным стремлением класса капиталистов к прибыли, а также и свое возмущение той классической политической экономией, которая воспринимает оба эти момента и все, что из них вытекает, как нечто само собой разумеющееся, как нечто естественное.

Таким образом, понятие отчуждения служит в «Экономическо-философских рукописях» Марксу не для анализа действительных экономических и общественных процессов и отношений при капитализме, а для того, чтобы квалифицировать как аморальные их последствия для людей, в первую очередь для пролетариев». В комментариях «Рукописей» следует все это учитывать, равно как и весь характер этих «Рукописей»¹².

В «Рукописях», а также, частично, и в «Немецкой идеологии» Маркс пользуется еще фейербаховскими понятиями. Эти понятия неизбежно являются еще абстрактными, философски бесцветными, ибо они еще не столь богаты общественно значимым содержанием, как в более поздний период, но служат они в основном уже для выражения иного, чем у Фейербаха, содержания. Идя от философии, двигаясь наощупь, осуществляя теоретическую революцию, Маркс подходит к критическому раскрытию основ капитализма. Конечно, это в научном отношении еще не всесторонне обоснованный, опирающийся на исключительно богатый эмпирический материал анализ ос-

новых законов капитализма, который был сделан поздним Марксом. И коммунизм еще не обоснован в социально-экономическом отношении как необходимый результат общественного развития классовой борьбы пролетариата. Но то, что является коммунизмом, оказывается по крайней мере гениально предугаданным, и это совсем другая философия, нежели философия Фейербаха или то, что делает из этого Маркузе. Мы встречаемся здесь с гениальным предвосхищением марксизма, с его первыми зарницами. Это отнюдь не родоначальник буржуазного антропологизма наших дней, в который молодой Маркс может быть «включен» только при грубой фальсификации его взглядов. Однако в последующем происходила такая фальсификация, а затем сведение позднего именно к такому молодому Марксу. Подобная процедура сведения направлена против всего развития Маркса и является именно поэтому антимарксистской.

Теперь обратимся к статье Маркузе о «Рукописях».

Основной ревизионистский тезис Маркузе гласит: весь Маркс заключен в его раннем творчестве.

Маркузе начинает с тезиса, который сразу же делает ясным эту его ревизионистскую цель: новая публикация «Рукописей» должна «стать решающим событием в истории исследования Маркса. Эти «Рукописи» могли бы поставить на новую почву дискуссию о происхождении в первоначальном смысле исторического материализма, более того, всей теории „научного социализма“»¹³. Кроме того, «Рукописи» дают возможность лучше понять отношение Маркса к Гегелю.

Маркузе исходит из того, что в «Рукописях» уже «собраны все известные категории более поздней критики политической экономии...»¹⁴ Это ложное утверждение он связывает с другим: «В противоположность Марксу — автору «Капитала» — уже совершенно очевидным становится иной первоначальный смысл основных категорий..., и было бы необходимо, скорее, пересмотреть обычную интерпретацию более поздней критики в соответствии с первоначальными источниками, чем, наоборот, интерпретировать первоначальную критику с позиций более поздней стадии»¹⁵.

Таким образом, Маркузе открыто высказывает ревизионистскую программу, ссылаясь при этом на Маркса, чей авторитет в 1932 году был настолько велик, что левобуржуазные тактики захотели использовать его как сво-

его свидетеля в борьбе против реального социализма. Это основная тактическая линия не изменилась до сих пор: к ней вновь и вновь возвращаются левые либералы, а в периоды острых политических схваток и самые реакционные критики социализма, которые придерживаются рецепта, что мы, мол, ничего не имели бы против коммунистов, если бы только это были такие коммунисты, которые решительно выступали бы против реального социализма¹⁶.

Подход Маркузе неисторичен. Только поэтому он может утверждать, что основные категории зрелого Маркса появляются уже в «Рукописях». Понятия стоимости, прибавочной стоимости, рабочей силы как товара и другие еще совершенно отсутствуют в «Рукописях» или имеют там иной смысл, чем в более поздний период.

Тухшерер тщательно анализирует этот процесс изменений и показывает, что он достиг известного завершения лишь в работе над «Очерками критики политической экономии», то есть примерно через пятнадцать лет после работы над «Рукописями»¹⁷. В «Рукописях» еще отсутствует также концепция базиса и надстройки. Короче говоря: исходный тезис Маркузе не выдерживает серьезной критики.

Вместе с тем, мы должны отметить, что в 1941 году он сам в своей второй книге о Гегеле вновь возвращается к «Рукописям» и при этом исправляет свой прежний взгляд: «Ранние произведения Маркса являются, однако, во всех отношениях лишь предварительными стадиями для его зрелой теории, стадиями, значение которых не следовало бы преувеличивать»¹⁸.

ИТОГОВЫЕ КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПЕРВОМУ ПЕРИОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКУЗЕ

В заключение следует подчеркнуть правильность вывода Манфреда Бура, который писал, что Маркузе обсуждает «Рукописи» с точки зрения некоей системы, а не с филологическо-исторической точки зрения. Но давайте определим, что же это за система, которую Маркузе вкладывает своей интерпретацией в молодого Маркса. Уточним при этом и условия того времени, когда это происходило!

То было время чрезвычайно обостряющихся классовых боев (1932 г.). Это был кульминационный момент в развитии мирового экономического кризиса. Веймарская республика вступила в свою предсмертную фазу. И именно

в такое время Маркузе сводил к антропологии того молодого Маркса, который после «Введения» к «К критике гегелевской философии права» все больше понимал и утверждал следующее: классовая борьба есть движущая сила истории. Частная собственность на средства производства является причиной этого раскола общества на классы и классовой борьбы. Политическую революцию следует развивать в социально-экономическую. Субъектом этой революции является пролетариат. Для того чтобы пролетариат смог выполнить свою революционную миссию, его следует вооружить наиболее прогрессивной социальной теорией.

В 1932 году Маркузе «от имени молодого Маркса» ревизовал конкретное классовое противоречие в абстрактное антропологическое противоречие между сущностью и экзистенцией, то есть существованием человека, выдавая это противоречие за движущую силу антропологической революции (катастрофа человеческой сущности). Она, эта антропологическая революция, заняла место социально-экономической революции, осуществляемой с помощью политической силы и политических инструментов. Мы имеем дело с пресловутым «тотальным отказом» Хайдеггера. Исчезает всякое опосредование между реформой и революцией, между конечной целью и практической повседневной борьбой (перевернутое бернштейнианство!). Гегелевская диалектика количества и качества как конкретная форма революции подвергается атакам с помощью псевдореволюционной фразы.

Общество, такие его категории, как труд, экономика, революция, коммунизм, становятся проявлениями некой антропологической сущности. Признание независимой от нее реальности считается выражением овеществленного буржуазного сознания. История становится разворачиванием изолированного субъекта: субъекта без предиката.

Отчуждение выводится из сущности человека, то есть антропологизируется. Опредемечивание объявляется уже потенциально отчуждением, хотя Маркс боролся именно с этой тенденцией Гегеля.

Из такой концепции с необходимостью вытекает полностью антиматериалистический тезис: рабочий якобы первоначально уже распоряжался своей судьбой, но однажды человек отказался от своей власти над производственными отношениями. В «Одномерном человеке» мы вновь встретимся с этим тезисом, связанным с «филосо-

фией техники» нашего автора, с тезисом о некоем нашем свободном «первоначальном выборе» определенного технического «проекта».

Это означает, что каждый человек может попадать только в такие ситуации, которые он сам создает для себя, и может сам найти выход из всякого положения. Это возможно в любое время. Согласно тезису 1928 года капитализм «сам по себе» является революционной ситуацией. Дело, следовательно, сводится исключительно к революционному сознанию. Здесь перед нами вновь внеисторический и внеобщественный, идеалистический характер концепции Маркузе.

Если выводить отчуждение из сущности человека, то в любое время отчуждение можно снять. Но тогда в любое время его можно и «восстановить» — Маркузе этого не говорит, но это логически вытекает из его тезиса. Оно оказывается оторванным от своих социальных условий и, таким образом, становится иррациональным. Этим, в свою очередь, вновь аннулируется исходный тезис о том, что человек свободен в своем выборе — подвергнуться отчуждению или освободиться от него: если о нем можно сказать лишь то, что оно вытекает из сущности человека и иначе не может быть объяснено, то борьба против него действительно невозможна.

Во всей этой концепции скрыто фундаментальное противоречие: человек только в том случае является «хозяином» своего отчуждения, если оно зависит от его свободной воли. Только при этом условии он может «впадать» в него в любое время и в любое время освобождаться от него. Но одновременно оно по этой концепции, в конечном счете, не поддается объяснению и тем самым не подчиняется свободной воле и активности человека. Следовательно, от него не зависит, когда и как он «впадает» в отчуждение и как освободиться от него.

Маркузе не разрешил этого противоречия, но оно является таким противоречием, которое разрушает его субъективистскую индивидуалистическую посылку. Его антропология не выдерживает критики! В «Одномерном человеке» он воспроизведет это противоречие.

Маркузе всегда был сторонником субъективирования и индетерминирования свободы. Это логично, если реальность понимается полностью как овеществленный вовне субъект. Поскольку все бытие есть объективированный субъект, то и детерминация приобретает субъективный

характер. В таком случае свобода и необходимость сводятся к субъективному элементу.

А это имеет свои последствия: индетерминированная социальная реальность — если бы таковая имелась — не поддается формированию. Она не допускает даже стихийной борьбы, ибо в хаосе никакое действие невозможно. В таких условиях социализм нельзя обосновать даже этически, так как даже самая расплывчатая этика не может обойтись без хотя бы минимального обоснования своих норм и тем самым без признания по крайней мере псевдозаконов. Более того: такая философия не допускает даже дефиниции социализма. А если ставить вопрос еще более остро: она не может быть обоснована и из самой себя, так как для этого она должна была бы разрушить свою собственную основу — отрицание внесубъективных законов.

Мы подчеркнули здесь лишь теоретические противоречия этой философии Маркузе. Критику следовало бы углубить путем сопоставления этой теории с реальной историей. Зависит ли возникновение частной собственности, эксплуатации, классовой борьбы, государства, зависит ли возникновение различных социально-экономических формаций с принципиально-однотипной социальной структурой каждой отдельно взятой формации от того, что эта формация (например, капитализм) возникла в Европе или Восточной Азии, можно ли объяснить неизбежный внутренний порядок смены этих формаций тезисами Маркузе о субъективной активности по принципу «и так и сяк»? Не вытекает ли из этого скорее наличие объективных, определяющих историю (через действия людей) законов?

После второй мировой войны Маркузе пытался показать, что Гегель и Маркс недостаточно глубоко объяснили проблему несвободы и свободы, в силу чего и необходима «новая» критическая теория. Суть этой «новой» теории состоит в том, что несвобода выводится (фрейдистски) из структуры (инстинктов) субъекта, и, следовательно, в том, что осуществление свободы следует начинать с революционизирования этой субъективной структуры (инстинктов). Эту суть «новой» теории, это отделение проблематики свободы от общественного содержания, ее субъективирование, толкование общественной несвободы как чисто субъективно обоснованной мы встречаем в работах Маркузе с самого начала его творчества. Она является

экзистенциалистским наследием в его философии, которое во время второго, антифашистского периода его деятельности несколько ослабевает под знаком политического союза с антифашистским рабочим движением, уступая место теоретическим заимствованиям у Гегеля и Маркса. Но затем это экзистенциалистское наследие вновь усиливается в третьем периоде творчества Маркузе, основой которого является разрушение этого союза, участие в холодной войне, и, наконец, становится поворотным пунктом в его «новой» теории и политике.

Далее в глаза бросается уже подвергнутое критике нарастание экзистенциалистского иррационализма, которое превращает историю в мистический субъект.

Из внутренней логики подобной системы взглядов следует, что не существует никаких исторических законов. Хотя Маркузе и применяет термин исторический материализм, однако это означает у него теорию таких «исторических законов», которые не являются ни историческими, ни объективными.

Поскольку у Маркузе процессы истории протекают без объективных причин, они неизменяемы. Маркузе видит — не имея для этого обоснования — возможность временных успехов в борьбе, но из индетерминистской концепции математически точно следует и совершенно одинаковая возможность неудачи. Эта концепция не допускает никакого социального прогресса, а лишь в крайнем случае она допускает «дурную бесконечность» Гегеля. В действительности ее содержанием является совершенно механистическая форма диалектики, разновидность теории равновесия, ибо в любом количестве случаев должно установиться математически точное равновесие между успехом и неудачей: не может быть никакого прогресса, никакой истории. Исторический прогресс предполагает объективную закономерность, без которой отдельные акции аннулировали бы друг друга. Такую закономерность Маркузе осуждает как «вульгаризацию» исторического материализма. Разумеется, такой исторический процесс существует и тем самым реальная история опровергает концепцию Маркузе.

Если, с одной стороны, история есть мистический субъект, в который «вброшен» и занимает «свое место» человек, а, с другой стороны, человек индетерминирован в указанном смысле, то каким образом может быть достигнуто единство человека в истории? История, толкуемая как «свершение всеобщего сущего» и как «присвоение

и снятие человеческой сущности» субъектом, означает, что мы имеем дело с двумя самостоятельными величинами. Это означает, что нет никакой связи между субъективной активностью и историей, что, точнее говоря, нет ни той, ни другой.

Система Маркузе от начала до конца субъективно-идеалистична, точнее говоря: это есть экзистенциализм, который не имеет ничего общего со взглядами Маркса, о каком бы этапе развития мировоззрения Маркса ни шла речь.

Какую оценку следует дать творчеству Маркса за весь этот период?

Уже указывалось на ситуацию, сложившуюся тогда в классовой борьбе: это было время провала относительной стабилизации капитализма, время великого экономического кризиса, агонии Веймарской республики, нарастающей угрозы фашизма.

В этот период концепция, уводящая с позиций классовой борьбы на позиции антропологической борьбы, должна была прийти в открытое столкновение с потребностями революционной борьбы.

С другой стороны, в упомянутых трудах, несомненно, имеется много попыток Маркузе «сблизиться» с Марксом. Правда, при этом он не отказывается от своей субъективно-идеалистической основной концепции, в силу чего это сближение становится возможным лишь ценой ревизии марксизма.

В результате возникает версия «третьего пути» между позициями обоих основных классов, версия, которая для личного развития Маркузе могла бы сыграть роль переходной стадии от буржуазной позиции к пролетарской, как это более или менее успешно произошло с другими мыслителями буржуазного происхождения в тот период (например, с Лукачем, Вальтером Бенжамином).

Вначале деятельность Маркузе ограничивалась сотрудничеством с некоторыми, в основном неизвестными среди широких слоев общественности, специально философскими, буржуазными журналами и поэтому не оказывала практического влияния на рабочее движение. Однако комментарий к «Рукописям» Маркса появился все же в издаваемом Гильфердингом теоретическом органе СДПГ «Ди Гезельшафт» и оказал тем самым немалое дезориентирующее влияние на определенные квазимарксистские и австромарксистские кадры функционеров.

От многих основных положений этого периода творчества Маркузе и в дальнейшем никогда полностью не откажется, к ним относятся недиалектическое отношение к проблеме реформа — революция, мелкобуржуазное экзистенциалистское понятие революции, недиалектическое, неисторическое отношение к оппозиции справа и слева к формам буржуазной демократии, индетерминистское толкование свободы, политический волюнтаризм, отрицание материализма как выражения «овеществления» и др. Тем самым он четко наметил такую концепцию «третьего пути», которая могла служить и действительно служит мелкобуржуазному левому радикализму в качестве его теоретической основы.

Во всяком случае, деятельность Маркузе уже в этот период показывает, что известные концепции « витают в воздухе », то есть не являются субъективной причудой. Не случайно его основные взгляды часто совпадают с тезисами Лукача и Корша 1923 года, не случайно Сартр позднее, особенно в самые последние годы, воспринял такие же взгляды. Насколько эти взгляды буржуазны, видно из того, что такие ультраправые критики марксизма, как Веттер, Гоммес, Ландгребе, Фетчер и др., развивали во многом подобные же тезисы.

Глава IV

ВТОРОЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКУЗЕ (1933—1941 гг.)

В декабре 1932 года, незадолго до прихода к власти Гитлера, Маркузе выехал в Женеву, откуда в 1934 году эмигрировал через Париж в Нью-Йорк. К тому времени в Нью-Йорке уже находился переехавший туда Франкфуртский институт социальных исследований. В качестве сотрудника этого института Маркузе написал в этот период несколько очерков и свою вторую большую книгу о Гегеле. Этим наиболее интересным в теоретическом плане трудом Маркузе завершает второй период своей деятельности¹.

ПРОГРАММА ОЧЕРКОВ ВТОРОГО ПЕРИОДА

При ознакомлении со статьями и очерками этого периода ясно вырисовывается тенденция к сдвигу в творчестве Маркузе от «чисто» философской к политической тематике, а в теоретической области это, пожалуй, период самого заметного сближения Маркузе с Марксом. В своем «Предисловии от 1964 г.»² к новому, западногерманскому переизданию своих очерков того периода Маркузе дает характеристику лейтмотиву этих сочинений. Он указывает на идеологические и политические предпосылки своего творчества 1934—1938 годов. В то время еще не было ясно, устранил ли свержение фашизма также и породивший его общественный базис. Автор и его друзья признавали преемственность либерализма и фашизма. Отсюда они делали вывод о том, что «критическая теория» должна выявить тенденции, «соединявшие либеральное прошлое с его тоталитарным снятием»³.

Тем самым были внесены коррективы в позицию современных левых гегельянцев, которая до этого сводилась к тому, что между классической буржуазной культурой, которая ими именно не воспринималась в качестве капи-

талистической, и фашизмом не существовало никакой преемственности. Эта первоначальная точка зрения в принципе отделяла фашизм от его «позднекапиталистической» основы, представляла его в виде загадочного «несчастливого случая» в процессе истории. Вывод Маркузе о том, что существовала преемственность между идеологическими и политическими формами проявления капитализма ранней и поздней фазы развития, а также упомянутое выше одновременное сближение Маркузе с марксизмом представляют собой теоретическую основу для качественно более высокого уровня его деятельности в этот период. Конечно, здесь возникает опасность и противоположной ошибки, которую Маркузе избежал лишь во второй книге о Гегеле,— опасность чрезмерного подчеркивания преемственности, игнорирования революционного характера ранней буржуазии и теоретических отражений этой буржуазно-прогрессивной позиции. Теперь «настоящее выступало... не в непосредственной противоположности к прошлому: надо было показать опосредствующую связь» (это еще куда ни шло; речь идет об опосредованной противоположности, но, тем не менее, о противоположности! — *Р. Шт.*), «в результате которой буржуазная свобода могла превратиться в несвободу...»⁴. Но здесь кончается у него современная диалектика и выступает тот схематизм застывшей псевдодиалектики, отделенных друг от друга противоположностей, который столь часто отбрасывает тезисы Маркузе к уровню догегелевской диалектики. Ведь надо было также «указать те элементы, которые противились этому превращению».

Все же это по крайней мере было похоже на интересную программу.

Маркузе признал и исходил из того, что экономические корни фашизма были обнажены марксизмом⁵, но, судя по его второй книге о Гегеле, он имел в виду таких исследователей фашизма, как левые социал-демократы Брейди и Нейман⁶.

Под этим впечатлением марксистского анализа Маркузе ограничился интерпретацией «некоторых движущих идей интеллектуальной культуры — идеологии», а именно идей, представленных в наиболее влиятельной буржуазной, предшествующей фашизму философии.

Обоснование для этой ориентации на критику культуры показательное: дух — вот кто «должен был создать в

унаследованной культуре автономию субъекта — важный элемент свободы человека...»⁷. Согласно самосознанию буржуазной идеологии, человек духовно, в мыслях уже свободен, что означает прежде всего: внутренне свободен, если он мысленно отрицает существующее. Самые существенные проявления духа буржуазной революции — протестантизм и политическая революция — провозгласили и санкционировали духовную свободу, на которую буржуазия посягала лишь в случаях чрезвычайного положения. Если это все так и, тем не менее, фашизм победил, то «напрашивался вопрос, не был ли этот дух сам повинен в таком развитии. Другими словами: не подготовила ли эта интеллектуальная культура свою собственную гибель? Не были ли ее автономия, внутренняя сущность, чистота, счастье и то осуществление, которые она обещала, сами уже пронизаны несвободой, приспособлением, несчастьем и отказом? Не носила ли эта культура даже там, где она отрицала существующее, аффирмативный характер?»⁸.

Это исключительно важная и вполне актуальная постановка вопроса.

Речь идет не о чем ином, как о следующей проблеме: хотя в условиях буржуазной демократии существовала свобода духа (и свободные выборы), в этой системе победили несвобода, террор и фашизм. Важным при этом является тот вывод, к которому приходит эта мысль в борьбе против бездарных любителей хвалебных речей в адрес духовной и политической свободы: такая свобода, взятая «сама по себе», еще не служит гарантией демократических, достойных человека условий жизни, не говоря уже о социалистических условиях. Для этого должны быть созданы еще совершенно иные условия.

Следует, впрочем, учитывать и такой вопрос: выходит ли Маркузе за узкие рамки анализа духовной области. К сожалению, нет. Само собой разумеется, что и в теории есть разделение труда. Но Маркузе не проводит анализа в пределах этого разделения труда и не исходит из того, что идеологическое отражает материальное. В последующем он будет выводить из извращенного духа «индустриальное общество» Востока и Запада. В конечном итоге он приписывает духу движущую силу истории. Идеологическая надстройка становится у него в конечном счете первичной. Поэтому в принципе он никогда не выходит за рамки критики идеологии.

В то же время подлинная диалектика сферы идеоло-

гического и ее конкретных общественно-исторических корней не может быть понята и разработана на такой основе. Возврат к старому схематическому отождествлению или противопоставлению на основе правильно понятых частичных совпадений или различий всегда возможен, и это постоянно встречается в трудах Маркузе.

Исходя из этой концепции, Маркузе рассмотрел основные понятия философского идеализма, обращая внимание на внутреннюю двойственность этих понятий. С одной стороны, эти понятия «постигали» аутентичным образом «подлинные возможности человека и природы как противоречие с данной реальностью» человека и природы, то есть они были «важными критическими понятиями»⁹. А с другой стороны, они «выхолащивают это противоречие, закрепляя его как онтологическое»¹⁰. Это следует понимать в духе выдвинутого им еще в 1928 году тезиса: онтологизация — то есть исключение реального из его человеческой обусловленности — является средством буржуазной апологетики. И это совершенно верно. С самого начала буржуазия возводит свои собственные общественные условия существования до уровня вечных, естественных, неустрашимых. Только обратный вывод отсюда является необоснованным и ошибочным: всякое признание объективно реального является якобы тоже буржуазной апологетикой. Такой апологетический характер Маркузе стремится затем установить и в отношении завершения этой рассматриваемой им философии у Гегеля. В ней противоречие, с одной стороны, становится образом истины и самого движения. Но, с другой стороны, противоречие включается в саму систему и становится внутренним свойством.

Здесь заложена мысль, ведущая свое начало от Хайдеггера и позже получившая широкое развитие в третьем периоде творчества Маркузе: гегелевская и марксистская диалектики недостаточны, так как они переносят противоречие во внутреннюю сущность вещей. Такая негативность кажется ему, Маркузе, недостаточно радикальной.

Тем не менее: «Продолжая придерживаться определения разума как силы отрицания, идеализм осуществил притязание мышления на то, чтобы быть условием свободы. Классическая связь между немецким идеализмом и марксистским рабочим движением сохранила свою силу и не только как факт в истории идей»¹¹. Это, конечно, слишком прямолинейное сравнение, так как упомынутая

связь имела место отнюдь не между рабочим движением и Гегелем, а между рабочим движением и Марксом и лишь таким образом и с Гегелем в его революционной переработке Марксом.

Такова программа этих очерков. Речь шла о критической оценке теоретического наследия. И это был призыв к переходу от традиционной к «критической теории» (Хоркхеймер¹²).

ОЧЕРКИ ПО КРИТИКЕ КУЛЬТУРЫ

Обратимся к характерной статье Маркузе («Об аффирмативном характере культуры»¹³). Представляет большой интерес рассмотрение исходного пункта толкования Маркузе единства теории и практики. Подобно Аристотелю, он заявляет: такое единство означает, «что познанные истины должны руководить практикой»¹⁴. С той же мыслью мы вновь встретимся в конце его второй книги о Гегеле. Однако это — такая ступень в развитии тезиса о единстве теории и практики, которая соответствует непродуктивным классам эксплуататорского строя, это — ступень развития, в основу которой на деле положен отрыв теории от практики и примат теории, оказывающейся тем самым идеалистической. Марксистское решение этой проблемы носит совершенно иной характер. Марксизм знает и признает не только этот аспект взаимоотношения теории и практики, но прежде всего и другой, а именно: практика в конечном счете является основой и критерием теории. Именно в развитии и решении проблемы в этом направлении находят выражение пролетарский классовый характер и научно-познавательный материализм марксистской теории.

Внутри своей идеалистической концепции Маркузе обращается и к другой важной проблеме, которая вновь появляется в иной вариации в его концепции рационализма и в «Одномерном человеке».

Аристотель делит знания, во-первых, на целенаправленные, необходимые и, во-вторых, на чисто философские, нецеленаправленные, имеющие также эстетический характер. Классовый характер этого деления сегодня нам уже известен. Маркузе тоже исходит из этого положения и характеризует отделение целесообразного и необходимого от прекрасного и от наслаждения как «начало развития, которое открывает простор» для буржуазного отделения

труда от счастья и наслаждения в культурном заповеднике¹⁵.

Маркузе отмечает классовый характер обоснования этого отделения. Общественная жизнь в условиях товарного производства и классового общества трансцендирует истинное, прекрасное, доброе, представляет их исключительно в распоряжение «элиты». Крайне интересно посмотреть, как Маркузе здесь аргументирует. Вель в «Одномерном человеке» он, подобно Хайдеггеру¹⁶, видит в переходе от логики Платона к логике его ученика великое «грехопадение». Он явно находится под влиянием хайдеггеровской «ликвидации» послесократовской философии Европы и применяет это «опровержение» к различным процессам: платоновская философия, говорится, соответственно, в статьях Маркузе 1937 года, боролась еще против образа жизни товарно-торгового общества Афин. Платоновский идеализм пронизан поэтому критическими мотивами в отношении общества. С точки зрения идей, фактически данным кажется то, что является материальным миром, в котором люди и вещи противостоят друг другу в качестве товаров. Правильный строй души разрушается «жаждой богатства, которая так захватывает человека, что у него не остается ни на что больше времени, как только на заботу о своем имуществе. К нему буржуа привязан всей своей душой, и так получается, что он, кроме каждодневного дохода, больше ни о чем не думает...» Основное идеалистическое требование и состоит, собственно говоря, в том, чтобы этот материальный мир был бы изменен и улучшен в соответствии с истинами, полученными в ходе познания идей. Ответом Платона на это требование является его программа новой организации общества¹⁷.

Методическая схема этой критики показательна. Несколькими раньше Маркузе пытался изобразить Хайдеггера как «критика капитализма». Теперь мы видим еще один пример того, как Маркузе не сделал принципиальных выводов из своей ошибочной оценки Хайдеггера. Критика справа, со стороны реакционера Платона, оценивается позитивно, хотя Маркузе и понимает, что Платон хочет отнюдь не устранять классовые противоречия, а лишь обосновать их антропологически. Это сопоставимо, конечно, с учетом различий исторических эпох, с поведением тех идеологов, которые на пороге девятнадцатого века предпочитали позицию романтических критиков капита-

лизма позиции тех, кто оправдывал капиталистическое развитие¹⁸.

Идеалистическая концепция Маркузе состоит в том, что он признает за первоначальным идеализмом страстное желание устранить противоречие между идеей и действительностью. Поэтому мы читаем о «критическо-революционной силе идеала, который именно в своей недействительности поддерживает самые заветные чаяния человека в условиях мрачной реальности...»¹⁹.

Мнение о том, что идеалы отличают лишь сторонника философского идеализма, не имеет ничего общего с основным тезисом идеализма о примате духа над материей. Мы, материалисты, также признаем, что в основе наших действий также лежит сознание, нечто идеальное. В этом смысле мы, марксисты-материалисты, также являемся «идеалистами». Мы являемся таковыми даже в большей степени, чем те, кто в философии поклоняется идеализму, а в практической жизни и деятельности — чистому торгашеству и спекуляции.

Идеализм обладает чисто абстрактной возможностью посредством потустороннего ставить под вопрос земное. Одновременно в этом заключена и другая возможность, которая в историческом плане оказалась более действенной: создание трансцендентного идеала для манипуляций земными страданиями. Которая из этих двух возможностей реализуется и каким образом — это не зависит от идеализма. В этом отношении вопрос остается «открытым». Решающее значение здесь имеет реальное состояние классовой борьбы. В этом случае тоже проявляется ошибочность идеалистического метода Маркузе.

Затем Маркузе меняет философскую позицию и показывает, что эта принадлежность культуры высшему классу в ущерб трудящимся народным массам в теории будет устранена в буржуазно-капиталистическом периоде развития. Он связывает этот период с законами товарного обращения²⁰: культура становится товаром и подчиняется абстрактным законам эквивалентного товарного обращения. На основе этой новой реальности Маркузе формулирует свое понятие аффирмативной культуры.

«Под аффирмативной культурой следует понимать ту, относящуюся к буржуазной эпохе, культуру, которая в ходе своего собственного развития достигает такой стадии, что отделяет умственно-духовный мир, в качестве самостоятельной всемирной области, от цивилизации и возвы-

шает ее над ней. Ее решающий признак состоит в утверждении всеобщего обязательного, вечно лучшего, требующего неукоснительного одобрения, более ценного мира, существенно отличающегося от действительного мира повседневной борьбы за существование, который, однако, может быть реализован «внутренне» каждым индивидуумом для себя, без изменения фактического положения»²¹. Это затем обосновывается материалистически. Превращение идеального в самостоятельный фактор, злоупотребление им в качестве интеграционного средства, подвергается критике. Эта аффирмативная буржуазная культура одобряет и маскирует классовые интересы капитализма. Путь к счастью в этом обществе открыт для каждого. Однако эта абстрактная идеальная общность устраняется конкретными условиями достижения счастья. На обвинительную критику обманутых обещанием счастья масс буржуазия отвечает аффирмативной культурой: «На нужду изолированного индивидуума она отвечает проповедью всеобщей человечности, на телесную нужду — красотой души, на внешнее рабство — внутренней свободой, на грубый эгоизм — добродетелью долга. Если во время боевого подъема нового общества все эти идеи имели прогрессивный характер, выводящий за рамки достигнутой организации существования, то при стабилизирующемся господстве буржуазии они во все возрастающей мере используются для подавления недовольных масс и лишь для оправдания собственного возвышения: они маскируют физический и психический упадок индивидуума»²².

Эта культура направлена на то, чтобы продлить существование капиталистических отношений и ограничить изменения изменениями в душе индивидуума. Вместо революционного переустройства бытия — эрзац-реформа сознания. Тем самым Маркузе, без сомнения, метко критикует исключительно важную сторону буржуазного культурного процесса.

«Культура должна, понижая существующее, облагораживать его, а не заменять его новым. Таким образом, она возвышает индивидуум, не освобождая его от действительного унижения. Она говорит о достоинстве «человека вообще», не заботясь о действительно достойных условиях жизни людей. Красота культуры — это прежде всего внутренняя красота, и она может осветить внешность лишь изнутри. Ее сфера — это в значительной степени сфера души»²³.

Ограничение сферы действия культуры душой типично для аффирмативной культуры. При этом «душа» исключается из рациональной области сознания. Маркузе дает блестящее объяснение общественных корней этого положения дел, которое одновременно обнажает объективные причины распространения иррационализма²⁴. «Отчужденность философии разума в отношении души указывает на одно важнейшее обстоятельство. Душа фактически не участвует в общественном процессе труда. Конкретный труд сведен к абстрактному, который создает возможность обмена продуктов труда в виде товаров. Идея души, по-видимому, указывает на те области жизни, с которыми не справляется абстрактный разум буржуазной практики. Обработка материи производится как бы лишь частью *res cogitans*: техническим разумом. Начиная с мануфактурного разделения труда и завершения этого процесса в машинной индустрии, «духовные потенции материального процесса производства» противостоят непосредственным производителям «как чужая собственность и господствующая над ними власть». В той мере, в какой мышление не является непосредственно техническим разумом, оно со времени Декарта все более отходит от своей осознанной связи с общественной практикой и забывает о том самом овеществлении, которому оно само способствовало. Если в ходе этой практики человеческие отношения сами выступают как вещественные отношения, как законы вещей, то философия оставляет индивидууму эту видимость, а сама уходит к трансцендентной конституции мира в чистой субъективности. Трансцендентальная философия не подходит к овеществлению: она исследует процесс познания уже овеществленного мира»²⁵.

В этой связи Маркузе ссылается на проблему, к решению которой якобы стремился — в борьбе против Гегеля и Маркса — старый и новый экзистенциализм, — на овладение проблемами именно этой индивидуальной сферы души. Она не подчиняется законам товарных отношений и представляет собой единственное человеческое явление, не лишенное гуманизма. Что бы ни происходило с телом, душа остается чистой. «Свобода души использовалась для того, чтобы оправдать нищету, страдание и рабство тела. Она служила цели идеологического подчинения существования экономике капитализма»²⁶. Путем «одушевления» буржуазия хочет замаскировать свои неблагоприятные деяния.

В душе нашли прибежище в извращенной форме подлинные человеческие потребности, не удовлетворенные капитализмом. В этом отношении душа действительно приобретает решающее значение²⁷.

Но извращенная форма приводит к аффирмации. Эту тенденцию буржуазной культуры — «душевно» преодолевать противоречия капитализма — Маркузе вскрывает еще в классической буржуазной культуре. В искусстве допускается осуществление гуманных идеалов, ибо то, «что происходит в искусстве, не обязывает ни к чему»²⁸. Но в своем, казалось бы материалистическом, подходе к этим проблемам Маркузе приходит к механической недооценке идей и эмоций. Здесь мы имеем дело с ошибочной абсолютизацией правильного опыта. Как мало соответствует истине этот тезис, показывает классовая борьба в области культуры и борьба также за возможность воздействовать эстетически на возникновение эмоций и рациональных убеждений. Однако Маркузе считает, что как раз благодаря своей неэффективности искусство может стать «предвестником возможной истины»²⁹.

Почему аффирмативная культура может это сделать? Потому, что она превозносит счастье «прекрасного мгновения», увековечивает «бренное». «Одна из решающих общественных задач аффирмативной культуры основывается на этом противоречии между несчастной бренностью плохого существования и необходимостью счастья, которое делает сносным это существование»³⁰. В рамках этого существования возможна лишь видимость решения этого противоречия. Счастье как видимость допустимо. Категорический императив Канта — требование осознания личностью своих обязанностей — является таким образом «лишь соединением всех аффирмативных тенденций культуры»³¹.

Именно на примере высших ступеней буржуазной культуры Маркузе доказывает ее «аффирмативный характер»: «Аффирмативная культура была той исторической формой, в которой сохранялись потребности человека, выходящие за рамки материального воспроизводства существования... Хотя она и освободила внешние условия от ответственности за назначение человека, стабилизируя таким образом их несправедливость, она, тем не менее, демонстрирует им картину лучшего строя, которого нет в существующих условиях. Картина искажена, и искажение преподносит в неверном свете все культурные цен-

ности буржуазии. И тем не менее, это — картина счастья: это — островок земной радости в произведениях великого буржуазного искусства, даже если оно изображало молочные реки и кисельные берега»³². Самое плохое у Маркузе заключается всегда в том, что он, применяя схематический и механический метод, постоянно ставил на одну доску диалектические полюса, абсолютизировал большую долю истины, неисторически интерпретировал правильное сегодня в возможное вчерашнее, противоположный полюс которого еще не отжил. При такой позиции в отношении к классике от нее действительно не остается ничего заслуживающего сохранения. Маркузе готовит свою форму негативной диалектики. Она представляет собой результат абстрактного идеологического метода. Согласно этому методу, такие реакционеры, как Платон и Ницше, выступают благодаря их критике существующего «справа» в роли прогрессивных, в то время как защитники прогрессивного в существующем строе выступают как реакционеры из-за репрессивного момента в существующем! Если бы Маркузе исходил из реального общества и его классовых отношений, он бы спросил, какое конкретное общественное содержание, при каких условиях и каким классом одобряется или отрицается и что это означает в связи с всеохватывающим общественным развитием, то он получил бы дифференцированный подход как к проблеме критики, так и аффирмации. Неопосредованная противоположность как противоположность аффирмации (как позитивности) — к отрицанию становится у него абстрактным критерием, при этом абстрактное отрицание одобряется как прогрессивное явление. Это — очень схематическая диалектика!

«Бунтарская идея становится рычагом оправдания. То, что существует высший, чем материальное существование, мир, высшее благо,— это скрывает ту истину, что может быть создано более лучшее материальное существование, в котором такое счастье стало бы действительностью. В аффирмативной культуре даже счастье становится средством подчинения порядку и примирения с ним. Подобно тому как искусство показывает прекрасное как бы существующим в настоящее время, она умиряет мятежные стремления. Вместе с другими сферами культуры оно содействовало великой воспитательной задаче этой культуры — так дисциплинировать освобожденного индивидуума, которому новая свобода принесла новую форму

рабства, чтобы он переносил отсутствие свободы общественного бытия!»³³.

Маркузе разрушил непрерывность процесса освобождения в угоду псевдорадикальной прерывности. Тем самым он устраняет реально возможную, подлинно радикальную прерывность. Из-за аффирмативного характера традиционной культуры он одобряет, подобно Адорно, нереалистические формы культуры: аффирмативная цель традиционной культуры может быть достигнута при условии, что эта культура поставит себе на службу натуралистические и реалистические средства. Иначе как она могла бы достичь глаз и ушей масс, которых было необходимо и необходимо сейчас убаюкивать? Критическое содержание спасается поэтому в ненатуралистические и нереалистические формы культуры. Эти формы сохраняют реальные надежды на освобождение.

Этот тезис Маркузе защищает до сих пор (см. «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек»). В его книге о «советском марксизме» на этом тезисе основано требование оппозиционного искусства при социализме, которое не должно быть реалистичным.

И опять он исходит из правильной посылки о том, что действующая в реакционном направлении культура, поскольку она призвана сковывать массы, должна пользоваться такими средствами, которые были бы «понятны» массам. Фашистская политика в области культуры была показательна в этом плане. Но из этого не следует ни обратный вывод (или правильность чисто формально-логического отрицания этого тезиса), ни истинность того обратного вывода, будто понятность для широких масс является синонимом реакционного. Революционное искусство также должно находить понимание масс. В противном случае оно будет носить аффирмативный характер в силу того, что хотя оно и может иметь критическое содержание, однако это содержание будет облечено в такую форму, которая лишит движущие историю массы возможности усвоить это искусство. В таком случае оно не способствует изменению сознания масс — творцов истории. Поэтому когда Маркузе в «современной» форме культуры уже видит освободительный эстетический момент, то это, несомненно, является признаком того, что он продолжает оставаться в плену аффирмативной культуры. Центральным вопросом в оценке общественной значимости культуры является ее идеологическое содержание, которое долж-

но выражаться в формах, понятных для субъекта революции. Поэтому причисление к разряду прогрессивных только лишь абстрактно-негативных форм культуры является совершенно очевидным признаком неревolutionного, недialeктического отрицания. «Ошибается тот, кто принимает за критику характеристику отчужденно-негативного только из-за того, что она носит открытый и беспощадный характер. В этом смысле нигилизм всегда был уже «критическим». Старая истина говорит о том, что критиком является лишь тот, кто выступает с принципиально положительной позиции (являясь оптимистом), ибо он обладает масштабом, в то время как тот, кто принципиально лишь отрицает, всегда на деле примиряется со всем»³⁴.

Насколько противоречива критическая теория Маркузе, свидетельствует его ссылка на Ницше, к которому он постоянно обращается именно в своей критике культуры, о чем еще будет сказано дальше.

В условиях фашизма, говорит Маркузе, начинается «самоупражнение аффирмативной культуры». Под этим подразумевается то же самое, что и самоупражнение экзистенциализма при фашизме, в то время когда подвергается угрозе даже псевдосвобода абстрактного индивидуума. Это является, однако, «реорганизацией внутри существующего строя», так что и культурная реорганизация происходит внутри аффирмативной культуры: «Основная функция культуры остается прежней; изменяются лишь методы выполнения ею этой функции»³⁵.

Аффирмативная культура «в значительной мере» способствовала тому, что «освобожденные вот уже более четырехсот лет тому назад индивидуумы прекрасно маршируют в общих колоннах авторитарного государства...»³⁶. Воспитание со времен Лютера приносит свои плоды.

Справедлива ли такая оценка буржуазной гуманистической культуры или же она носит слишком односторонний характер?

Маркузе, несомненно, хорошо, зачастую очень хорошо и глубоко, вскрыл факты злоупотребления буржуазией империалистического периода в своих интересах также и классической культурой. Несомненно, что возможности для такого злоупотребления были бы исключены, если бы в самой этой культуре не содержались определенные качества, которые допускали такое злоупотребление даже без особого искажения ее идейного содержания. Маркузе

прав, когда он подвергает критике идеалистическую природу этой культуры и искусства, их «идеологический» характер, вскрывает их тенденцию к затушевыванию действительных нужд и проблем, приданию им религиозной окраски и перенесению решения этих проблем в потусторонний мир. Маркузе также прав, когда он обосновывает их связь с положением буржуазии в реальном производственном процессе. Этот класс рассматривает материальную деятельность в конечном счете как «неблагодарное» качество, возложенное на народ, как имеющее в конечном счете второстепенное значение. Релятивизация реального представляет собой древнейший метод идеалистически-религиозной релятивизации материальной революции, замены ее политически обезвреженной, эстетизированной идеальной революцией. В материальной сфере капитализма все покупается. То, что не должно быть запятнано торгашеством, должно быть трансцендировано из реального в потусторонний мир незапятнанных идей. Когда один остряк перефразировал «истинное, прекрасное, доброе» в «товары — прекрасные, добротные!», то в этом есть известная доля правды. Маркузе также прав, когда он разоблачает приспособленческую, интеграционную функцию такой эрзацреформы сознания, которая должна воспрепятствовать глубокой материальной революции, и говорит, что она сделала возможным переход к фашизму. Осуществленное Лютером, то есть реформацией, чисто внутреннее освобождение человека при условии признания материального авторитета было таким дисциплинирующим средством, которое действовало вплоть до фашизма и даже при нем.

Несомненно, что именно этой стороне критики буржуазной культуры Маркузе обязан своему влиянию в кругах молодой оппозиционно настроенной буржуазной интеллигенции. Теоретической основой действительности этой критики является ее склонность к материализму. И все же эта критика носит односторонний характер.

Вся буржуазная культура есть культура эксплуататорского и господствующего класса. В этом отношении она всегда содержит антигуманистические аспекты. Вместе с Маркузе можно проследить линию непрерывности от Гитлера через классику, просветительство вплоть до реформации. Но в культуре предреволюционной и действительно революционной буржуазии имеются также соответствующие времени прогрессивные, гуманистические

формы, которые позволяют фашистам и другим реакционерам обнаружить другую линию преемственности, ту, которая ведет от марксизма назад, к буржуазной революции и ее идеологическим рефлексам. Обе позиции — фашистская и маркузианская способствуют негативному отношению к классике. Однако исторический прогресс, в каких бы противоречивых формах он ни происходил, связан по объективным причинам с соответствующими прогрессивными классами, их материальной и идеологической деятельностью. Как бы ошибочно ни было вскрывать только прогрессивную линию преемственности, еще более неправильно было бы отрицание или релятивизация ее из-за факта реакционной преемственности. Даже элементы линии реакционной преемственности не однозначны. Якобинская антипатия в отношении маратовских идей была, конечно, реакционна, однако она носила совершенно иной характер, чем последующая реакционная позиция буржуазного толка. Схематизм здесь, как и повсюду, ведет к ошибочным выводам.

Марксизм был бы невозможен прежде всего без просветительства, без французского материализма, без классической немецкой философии и классической английской политической экономии, французского утопического социализма и революционных теорий. А «критическая теория» Маркузе — разве она не имеет крепких, глубоких корней? Именно в этой культуре?! Каким образом Маркузе дошел до того, чтобы в противоречии со своим тотальным вердиктом и, тем не менее, по существу правильно сказать: «Гегель очень плохо подходит для авторитарного государства. Он был за дух; новые же идеологи — за душу и чувства»³⁷. Однако Гегель также принадлежал к «аффирмативной культуре». Диалектика Маркузе, какие бы интересные результаты она ни давала в частности, — ошибочна. Теоретическая причина слабости этой критики культуры заключается в недостатке диалектики. Давайте исследуем это несколько подробнее, как раз на примере диалектики культуры, и начнем при этом с Гегеля!

Если бы Гегель настаивал только на том, что борьба противоположных элементов является источником всякого становления, он не превзошел бы уровня диалектики Гераклита. То, что борьба является отцом всех вещей, было, конечно, исключительно проницательным выводом. Однако он не говорит еще нам, как из борьбы противоположных явлений возникает новое. Если ограничиться со-

стоянием постоянного напряжения между утверждением и отрицанием, то отсюда как раз не вытекает никакое становление. Теория о противоречиях не дает еще ответа на вопрос о том, как борьба противоборствующих сторон находит «развязку» в новом, полном противоречий «нечто», как она превращается в нечто новое. Если бы не было такой «развязки», то не было бы и становления. Если же такое движение вперед происходит через противоречия, то надо выяснить его закономерность. Если такая закономерность отсутствует и переход одного противоречивого единства в другое происходит хаотически, то отсюда следует, что в целом такие качественные переходы взаимно аннулируют друг друга.

Это, несомненно, сохранило бы силу и в том случае, когда имел бы место лишь простой переход взаимопротиворечащих сторон. Результатом был бы простой круговорот. То отрицалось бы утверждение, а то — отрицание. «Онтологически» обе эти категории были бы равны, что означало бы отсутствие действительного отрицания. Процесс не имел бы места! Если бы взаимопротиворечащие моменты находились бы лишь в отношении абсолютной противоположности, то такой простой переход, такой круговорот были бы неизбежны. Отрицание замещает утверждение, а затем происходит обратное. Все это было бы покоем под видимостью движения. Если же еще имеются закономерности прогресса, а диалектика не вскрывает их, то теория дает в действительности обоснование покоя под видимостью теории движения.

Диалектика Гегеля возвышается над упомянутым в общих чертах уровнем мышления Гераклита. Нет ничего, что не содержало бы как непосредственности, так и опосредствования, и таким образом оба эти определения выступают как нераздельные и неотделимые, и упомянутая противоположность оказывается несуществующей³⁸. Элементы противоречия не только противопоставлены друг другу, но они также и обуславливают друг друга. Моменты противоречия так связаны друг с другом, что один полюс не существует или не может существовать без другого: господин есть только господин в отношении раба, и наоборот. Капитализм существует лишь благодаря специфическому для этого строя взаимоотношению между господином и рабом (капитал и наемный труд). Полюса противоречия не разделены, следовательно, на определенную сущность, с одной стороны, и ее инобытие — с другой.

а действуют во всем бытие. Из гераклитовского «борьба — отец всех вещей»³⁹ следует: каждая вещь, каждое явление есть единство противоречий и движется благодаря этому внутреннему единству и борьбе противоречий. Капитализм развивается в результате борьбы внутрикапиталистических классов и слоев, прежде всего борьбы между буржуазией и пролетариатом.

Гегель исследует, каким образом происходит это развитие, и открывает при этом диалектику количества и качества. Качество — это внутреннее, а количество — внешнее определение бытия, причем внутреннее и внешнее, качество и количество находятся в нераздельной внутренней связи, «опосредствованы» и переходят в пределах определенной меры друг в друга.

Эту диалектику количества и качества Гегель применяет в своем анализе развития: «...Обыденное представление, когда оно хочет постичь некоторое возникновение или прехождение, полагает, как мы уже сказали выше, что постигнет их, представляя их себе как постепенное происхождение или исчезновение. Но мы показали, что вообще изменения бытия суть не только переход одной величины в другую, но и переход качественного в количественное и наоборот, становление иным, которое есть перерыв постепенного и качественно иное по сравнению с предшествующим существованием... Предположение о постепенности возникновения исходит из представления о том, что возникающее уже наличествует чувственно или вообще в действительности и лишь из-за своей незначительности еще не может быть воспринято, точно так же как предположение о постепенности исчезновения исходит из представления о том, что небытие или иное, занимающее место исчезающего, также наличествует, но еще не может быть замечено... Этим возникновение и прехождение вообще снимаются... Попытка делать понятным возникновение или прехождение на основе предположения о постепенности изменения наводит скуку, свойственную тавтологии; она уже заранее имеет совершенно готовым возникающее или переходящее...»⁴⁰.

Маркузе знал еще в 1937 году то, о чем он писал в 1941 году, что эта диалектика количества и качества в развитии обращается как «против обыденного мнения, будто процесс «возникновения и исчезновения» происходит постепенно», так и против аристотелевского положения — *natura non facit salutem* (природа не делает скач-

ков) ⁴¹. Он еще в 1937 году знал также гегелевский анализ формы этой взаимосвязи количества и качества; это значит, что он знал гегелевскую диалектику отрицания и отрицания отрицания. Он знал проблематику снятия, означающую устранение, сохранение и возвышение некоторых черт старого содержания в новом процессе отрицания. Такое диалектическое отрицание не следует смешивать с формально-логическим. Диалектическое отрицание не вычеркивает все имеющееся, не создает нуль или абстрактное ничто, а представляет собой «по существу лишь... отрицание своего особого содержания...» ⁴². Отрицание капитализма не есть отрицание всего, что имеется в капиталистическом обществе. Отрицаются производственные отношения, а не техника производства. При этом новое есть, конечно, не простое улучшение старого, а результат подлинной революции, и именно поэтому оно не является чем-то абсолютно новым. Маркузе знает, что новое «не падает с неба в законченном виде, что новое должно в какой-то форме уже существовать в недрах старого» ⁴³. Он сам интерпретировал этот вывод Гегеля: «Если, например, условия внутри какого-то данного общества несправедливы и бесчеловечны, то они не устраняются с помощью других реальных возможностей, пока не станет ясно, что эти другие возможности имеют свои корни внутри той системы. Они должны быть заложены в ней. Быть может, в форме избытка производительных сил, развития материальных потребностей и желаний людей, их возросшей культуры, общественной и политической зрелости и т. п. В таком случае эти возможности не только реальны, но и представляют также истинное содержание общественной системы по отношению к ее непосредственной форме существования. Постольку они представляют собой действительность, которая сама действительнее, чем существующая» ⁴⁴.

Маркузе все это знал и, тем не менее, аргументировал в конечном счете против гегелевского решения ряда главных диалектических проблем. Что понимает Маркузе под неаффирмативной культурой? Он сам говорит: любая попытка описать, что под этим подразумевается, «наталкивается на неискоренимые и избитые представления о «сказочной райской стране». Но лучше уж согласиться с этими представлениями, чем с теми, которые толкуют о превращении земли в огромный институт народного образования», как это представляла себе старая немецкая социал-

демократия со своими фразами «„о превращении культурных ценностей в достояние всех”, о „праве всех граждан на культурное богатство”, о „подъеме физического, духовного и морального образования народа”». Маркузе полемизирует: «Это означало бы лишь... возведение идеологии отвергаемого общества до уровня сознательного образа жизни другого, из его недостатков сделать добродетель. Когда Каутский говорит о „грядущем счастье”, он думает в первую очередь о „благоприятном влиянии научной работы”, о „разумном наслаждении в областях науки и культуры, на лоне природы, в спорте и игре”. „Все, что до сих пор создано в области культуры... должно быть предоставлено в распоряжение масс”. Их задача заключается в том, чтобы „завоевать для себя эту культуру”». «..Но это не может означать ничего иного,— полемизирует Маркузе,— как „привлечение” масс еще раз на сторону такого всеобщего общественного строя, который одобрялся бы „всеобщей культурой”. Таким взглядам „не хватает главного,— считает Маркузе,— а именно: „отмены, снятия этой культуры”»⁴⁵.

«Отмена», «снятие» здесь трактуется не в духе Гегеля, то есть не как одновременное уничтожение, сохранение и дальнейшее развитие. Маркузе характеризует буржуазную культуру в целом как аффирмативную и поэтому достойную отрицания. Но это отрицание не диалектическое, так как ничто из этой старой культуры не должно быть сохранено. При всей необходимости критики сухого бюрократического языка Каутского нельзя вместе с водой выплескивать из ванны и ребенка. Противопоставляя Каутскому упоенные слова Ницше, Маркузе в ослепительных, «героических» метафорах этого отнюдь не революционного, даже не демократического «философа культуры» описывает то, что могло бы последовать за тотальным отрицанием. Культурная концепция Ницше или Бодлер, Рильке, Пруст, Валери, сюрреалисты и др., по мнению Маркузе, очевидно, не являются аффирмативными. Во всяком случае, он постоянно цитирует их, и прежде всего Ницше, для своих «противоположных картин».

В чем причина постоянно проявляющейся у Маркузе и его сторонников притягательной силы пессимистических и декадентских философов, эстетов и поэтов? Как же Маркузе, отвергающий капитализм, одобряет, например, Ницше, который ненавидел все гуманистическое, демократию, моральные импульсы христианства, рабочее дви-

жение и социализм, отрицание которого носило характер аффирмации чудовищного? Что привлекает здесь Маркузе? На чем основано его внутреннее родство с восприятиями и образом мысли этих течений?

Маркузе отвергает существующую культуру как репрессивную и требует иную, не репрессивную, которая способствует «чистому наслаждению». Он — теоретик позднебуржуазного пересмотренного эпикуреизма, и подобные мотивы мы находим в произведениях реакционных философов, проповедующих закат культуры. Эта философия наслаждения, как уже отмечалось, имеет в эксплуататорском строе корни двоякого вида: утопические «райские» мечты эксплуатируемых и саморефлексию живущих непродуктивно, но наслаждающихся слоев господствующих классов. Философия Ницше уходит своими корнями во второе течение, а Маркузе — в первое, но идеалистическое содержание обоих нередко совпадает именно в основополагающем. Так, для обоих характерно стремление отделить способность и возможность наслаждения от общественной основы или же оценивать эту основу исключительно как ограничение возможностей наслаждения. Они не видят или не хотят видеть, что расширение этих способностей и возможностей для каждого индивидуума требует повышения общественной производительности труда и, следовательно, «позитивного» отношения к освобожденному труду, который не может быть и не будет только лишь «игрой», к производительности и к «продуктивности». Подобно Фрейдю, Маркузе квалифицирует труд, производительность, произведенную работу как категории, вытекающие из отказа удовлетворения инстинктов, как отчуждающие и репрессивные. Именно в этом его философия выступает как лишь «левый» вариант философии наслаждающихся непродуктивных слоев, отражая их враждебную практику односторонности, их эстетизированное отрицание («холодно-рациональной», «операциональной») науки и техники, их романтизм, поклонение нетехнической, «сверхрациональной», нерепрессивной культуре и искусству, обожествление ими «чистого», отделенного от реальных жизненных процессов «внутреннего мира». Здесь Маркузе смыкается с Ницше, Платоном, Рильке, Валери и т. д. Здесь и в общей антипатии Ницше к обывателям, а также в его враждебности в отношении христианской религии — враждебности, направленной больше против зачатков достойной человека морали, не-

жели против теизма,— заложены и причины действительности этой теории: в той мере, в какой эта теория выдает себя за «левую», за «критическую теорию», она находит отклик среди студенчества, то есть в тех социальных слоях, которые еще не заняты в производстве, происходят из непродуцируемых классов, однако «сбрасываются» в ряды производителей.

С точки зрения диалектики, концепция культуры Маркузе страдает от двоякой ошибки: с одной стороны, он сводит представления марксистского социализма о будущем к стремлению лишь развивать старую культуру и для этого сделать ее духовным достоянием масс. С другой стороны, он продолжает те составные части старой культуры, которые хотя и критикуют существующее, не будучи в этом отношении просто аффирмативны, но делают это с реакционных позиций.

По мнению Маркузе, из существующего должно быть вычеркнуто все, что непосредственно относится к нему, а не только какое-то особое содержание. Результатом был бы ноль, абстрактное ничто, ликвидация истории. Такое отрицание не диалектично, а формально-логично и эта точка зрения не оригинальна. Она была разработана Ницше, развита Хайдеггером в работе «Бытие и время», подвергнута критике Томасом Манном в романе «Доктор Фаустус»: в его критике попытки героя этого романа реакционного композитора Леверкюна — Ницше «взять обратно» культуру классики (9-ю симфонию Бетховена). Поздний Маркузе в своем «Очерке об освобождении» прямо ссылается на «вычеркивание» 9-й симфонии в «Докторе Фаустусе». Мотив «взятия обратно» или «опровержения» буржуазной гуманистической культуры мы встречаем у всех реакционеров современности. Однако имеется разница в оценке: реакционеры отрицают историю в той мере, в какой они видят там корни социалистического будущего; Маркузе отрицает историю, ибо боится, что она перенесет пороки на будущий социалистический мир.

Маркузе сам сознает антиисторический характер такой позиции, верно оценивает ее как средство реакционного иррационализма и резко критикует ее в других произведениях⁴⁶. Тем не менее, в разбираемой нами аргументации он обращается к этой схеме «ликвидации» и «взятия обратно». В этом проявляется непоследовательность его мышления. Мы сталкиваемся с такой непоследовательностью также непосредственно в связи с тотальным отказом

Маркузе от существующей буржуазной культуры. Как можно иначе понимать такие его высказывания: «Лишь непретенциозная позиция некоторых греческих скульптур, музыка Моцарта и позднего Бетховена дают возможность почувствовать предвестие» новой культуры⁴⁷. Означает ли это, что в аффирмативной буржуазной культуре имелись все же элементы новой? На каком же теоретическом основании можно переходить с одной позиции на противоположную? Однако даже от такого предложения: спасти Моцарта, позднего Бетховена и кое-что еще для будущего, Маркузе отказывается. Он договаривается до тезиса о том, что в будущем, может быть, «искусство как таковое станет беспредметным»⁴⁸. Тут уже не помогут ни Фидий, ни Моцарт, ни Бетховен.

Маркузе одобряет, следовательно, такое отрицание, которое настолько радикально, что делает ненужным отрицание отрицания. Когда же отрицание аннулирует так, что не остается уже больше ничего для отрицания? Тогда, когда оно создает *tabula rasa*, когда оно аннулирует все, когда оно с уровня определенного, то есть диалектического, отрицания скатывается до уровня абсолютизированного, формально-логического отрицания и приводит с этой абсолютизацией к окончанию процесса в теории. Нельзя знать, что представляет собой новое, как мы можем прийти к нему. Любая попытка перейти от старой к новой культуре оборачивается приемами, перенятыми у Ницше, выдается за попытку сохранить старое. Поскольку имеется лишь один путь к новому, который не может быть освобожден от всех признаков старого, то такая критика указывает на неизбежное наличие во всем новом родимых пятен старого и оспаривает таким образом наличие нового. К критике предъявляется требование раз и навсегда вычеркнуть всякую преемственность. Однако это означает, и Маркузе знает об этом, отказ от диалектики. Тот, кто перечеркивает путь из прошлого в настоящее, не сможет указать никакого пути в будущее, в завтрашнее настоящее, в котором мы, нынешние, будем прошлым. Он будет ограничен узкими рамками Здесь и Теперь, позицией экзистенциализма. Сам Маркузе понимает, что эта позиция означает защиту существующего⁴⁹.

Маркс, Энгельс и Ленин по-иному подходят к решению подобных проблем. Обратимся к одному из положений марксовой «Критики Готской программы», где Маркс намечает конкретные стадии пути перехода от капитализма

к коммунизму. В отношении первой, социалистической ступени в развитии нового общественного строя мы можем прочитать, например, следующее: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»⁵⁰. В таком обществе господствует, с одной стороны, определенное равенство его членов, но сохраняется еще «буржуазное равное право», которое, как и всякое право, предполагает неравенство. Всякое право заключается в применении одинаковой меры к разным индивидам. Равное право есть, таким образом, нарушение равенства и в этом отношении представляет собой несправедливость. Подлинное равенство может быть лишь на высшей, коммунистической ступени развития.

Мы обходим здесь гораздо более важные сами по себе замечания Маркса о новом качестве этого социалистического общественного порядка, так как для нас здесь важно показать, что реальный диалектический процесс становления не привязан к полной ликвидации прежних условий и никоим образом не может быть связан с этим.

В речи на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи Ленин, разъясняя вопрос о том, какими знаниями должен овладеть молодой коммунист, высказался следующим образом об этом аспекте отношения к старому: «Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества». Но, очевидно, нужно, чтобы «результатом усилий молодого поколения было создание общества, не похожего на старое, то есть коммунистического общества»⁵¹.

Ленин говорил, что было бы огромной ошибкой сделать тот вывод, что «можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием»⁵², так как коммунизм появился из суммы человеческих знаний⁵³. Обращаясь к проблеме культуры, Ленин говорил в той же речи: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре... Пролетарская культура должна явиться закономерным

развитием тех запасов знания, которое человечество выработало под гнетом капиталистического общества...»⁵⁴.

Без этой прошедшей культуры, отмечал Ленин задолго до этого, не было бы марксизма. Марксистское учение, писал он, не возникло «в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации». Напротив, оно «есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»⁵⁵.

Мы должны здесь упомянуть еще один аспект проблемы культуры и отношения к старому, на который обращал внимание Ленин. Есть две нации в каждой современной нации. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть культура угнетателей, но есть и культура гуманистических сил и угнетенных, писал он в своих «Критических заметках по национальному вопросу»⁵⁶. Музыка Моцарта и Бетховена, но и народные песни ткачей, «Са ига» или другое революционное искусство — все это одна из культур, это то прошлое, которое мы не зачеркиваем, а хотим «снять» в гегелевском смысле. Напротив, Ницше и Юнгер, хотя и дают нам ряд интереснейших экспромтов, должны быть, безусловно, устранены при переходе к социализму из-за их теоретических взглядов.

Такая позиция, занятая Марксом и Лениным, диалектична. Эта диалектика учитывает проблематику преемственности во всех скачкообразных процессах. Она знает, что даже в старом, отсталом, имеются рациональные зерна нового, часто более чем зерна, и «снятие», сохранение этого рационального в новой действительности, доведение этого до масс, подвергавшихся безграничным унижениям, есть и должно быть составной частью подлинной культурной революции.

Этот вид диалектики, охарактеризованный и подвергнутый нашей критике, мы постоянно встречаем в произведениях Маркузе. Мы показали это уже при анализе его первых очерков. Там он отклоняет всякую реформу, всякую ревизию существующего как признание существующего. Новая «экзистенция», новое существование возможно лишь как «отречение» от старого. Мы подвергли критике абсолютизацию этого тезиса. Реформы, которые завоевываются в борьбе, а не выпрашиваются или «преподносятся в качестве подарка», реформы, которые завоевываются с сознанием того, что в конце концов надо свергнуть всю

систему с помощью революции, являются хотя и реформами, но они не основываются на признании существующего. В этом смысле Маркс приветствовал, например, реформу английского «десятичасового билля».

О «КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ»

Исходя из хоркхеймерского термина «критической теории», Маркузе написал в 1937 году статью «Философия и критическая теория», которую мы по ряду причин должны рассмотреть более основательно.

Во-первых, понятие «критическая теория» у Маркузе совпадает с его тогдашним истолкованием марксизма, что следует учесть, поскольку он в основном признает этот «марксизм».

Во-вторых, целый ряд мотивов позднего творчества Маркузе здесь впервые прозвучал как бы фоном для других тем.

В-третьих, здесь можно увидеть тот мост, который ведет от раннего к позднему Маркузе.

Что понимает Маркузе под философией? Как соотносится с этим «критическая теория»? Философия толкуется как рационализм, точнее как буржуазный рационализм, причем он выводится в качестве позиции, которая, во-первых, с помощью субъективного сознания все проверяет относительно его достаточной обоснованности, во-вторых, толкует существующую реальность как подлежащую «трансцендированию», поскольку она обнаруживает свою неразумность перед лицом существующих экономических производительных сил и вытекающих отсюда возможностей для удовлетворения потребностей.

«Критическая теория», как видно из текста, есть общественное учение Гегеля и его «дальнейшее развитие» ранним Марксом. При этом Маркс толкуется как продолжатель дела Гегеля в том смысле, что он применил диалектику для анализа экономики. Это является главным тезисом также и второй книги Маркузе о Гегеле. Критика предшествующего, буржуазного рационализма уже не направлена, таким образом, абстрактно против действительности, а направлена против ее экономического базиса. «Критическая теория» отличается от философии тем, что первая указывает реальный путь для преодоления критикуемой действительности.

В этой связи Маркузе развивает свое понимание марк-

сизма. Он толкует марксизм как политическую экономию, в которую интегрирована материалистическая философия. Фактически это — материализм без реального фундамента. В сущности здесь продолжает действовать прежняя антиматериалистическая позиция Маркузе. Она выдается, однако, за оригинальную марксистскую, поскольку якобы признает исторический материализм, а диалектический — как ошибочное дополнение Энгельса — отклоняет. Получается экономический материализм, который подчас принимает прямо-таки механистический экономический характер. Каждое экономическое понятие становится чем-то еще, и любое философское содержание следует выводить из экономических связей. Насколько мало сам Маркузе даже теперь понимал сущность марксизма, показывает его формула: по воле его основателей марксизм «существенно **связан с материализмом**» (подчеркнуто мною. — *Р. Шт.*), а это означает, что теория не представляет собой «философскую систему, противопоставленную другой»; она является «экономической, а не философской системой»⁵⁷.

Маркузе считает, что забота о счастье человека и убеждение, что эта забота требует проведения материальной революции, определяет этот материалистический характер марксизма. В противоречии с этим, однако, говорится, что «нефилософский» характер этой теории объясняется тем, что философия до сих пор существовала из-за недействительности разума, с реализацией которого она, следовательно, отмирает. Более глубокий смысл этого тезиса мы рассмотрим в связи со второй книгой о Гегеле.

Маркузе показывает, что буржуазные рационалисты придерживаются единого мнения о том, что «действительное не является уже непосредственно разумным, а должно еще быть приведено к разуму»⁵⁸. Мир рассматривается как доступный разуму. «Такова философия идеализма, ставящая сознание над бытием»⁵⁹.

Эта точка зрения, правда, еще не носит последовательного характера. Более того, она содержит некоторые молчаливо выдвинутые предпосылки: ведет ли путь от рационализма неизбежно к идеализму? Не может ли этот рационализм — как это имело место в буржуазном материализме XVIII века, у Фейербаха или в марксизме — быть обоснован с материалистической точки зрения? Необходимым ли является вывод, что философия идеализма становится «критической философией»?⁶⁰. Является

ли одна лишь конфронтация реальности и идеальности уже критической? Ведь нет большей конфронтации между реальным и идеальным, чем та, которую дал Фома Аквинский! Если принимать реакционную идеальность тоже за «критическую», в действительности же лишиться критерия критического, тогда подобная конфронтация будет критической. Но тогда даже фашизм был критическим в отношении буржуазно-демократической надстройки. Если бы существовало такое «уравнение»: идеальное = разум, то тогда иррациональное стало бы тем фактором, который следовало бы преодолеть. Но является ли «идеальное» уже и рациональным, а реальное — иррациональным? В каком случае уравнение сохраняет силу, а в каком нет? В отношении социалистической перспективы дофашистская Веймарская республика в Германии была иррациональным, в отношении фашистской угрозы она была «рациональным». Здесь не помогут никакие изощренные идеологические формулы. Здесь необходим конкретный, исторический анализ.

Буржуазный рационализм, сводящий бытие к сознанию и тем самым к его конкретному носителю — к индивиду, является индивидуалистическим и субъективистским. Все, что существует помимо субъекта, представляется чужеродным, оно разумно лишь только в той степени, в какой оно создано субъектом. Требованием становится преобразование бытия в соответствии с требованием разума субъекта, но это возможно лишь в том случае, если субъект априори обладает свободой. Буржуазный разум и буржуазная свобода идентифицируются.

Маркузе видит буржуазный характер этой концепции и выводит его из индивидуализирующих воздействий буржуазной собственности. Обращает, однако, на себя внимание то, что это происходит неисторически и, следовательно, схематически: буржуазное благоразумие — это только видимость разумности в иррациональном мире. Разум и свобода становятся чисто внутренним свойством (*verinnerlicht*).

Это верно: потенциально это присуще всем идеалистическим решениям общественных проблем. Однако, если поставить своей целью сделать правильные, конкретные выводы, то надо исследовать именно вопросы о том, при каких условиях эта возможность будет осуществляться.

Манфред Бур исследовал именно эту проблему⁶¹. Он рассматривает понятие разума в этой философии.

Она толкует разум «как критическую способность человека... освободиться от традиционного и унаследованного». Она оказывается силой, «которая способна преодолеть традиционную идеологию и унаследованный общественный строй феодального абсолютизма в духе буржуазного мышления и его буржуазного общественного строя»⁶². Методически речь идет о том, чтобы все оценивать перед судом этого разума, не признавая никакого другого, никакого внешнего авторитета. На этом понятии разума «зиждется» классическая буржуазная философия. Разум и философия для нее равнозначны. И тем не менее, эта философия фактически не проанализировала свое основное понятие. В противном случае она вскрыла бы противоречие между постулируемой общезначимостью рациональных идей и антагонизмами классового общества. Дело отнюдь не обстоит так, будто буржуазная философия обосновала буржуазное содержание своего понятия разума, который совершенно не признавался сторонниками предшествующего с исторической точки зрения, то есть феодального вида разума. Классическая буржуазная философия рассматривала «разум как идентичный буржуазному мышлению и буржуазному общественному развитию»⁶³. Таким образом, буржуазия выдвигала именем разума свои требования, переведенные на философский язык. Если мир должен быть устроен рационально, то разум должен быть поднят на трон. Основная проблема классической буржуазной философии сводится к следующему: «Философски доказать и обосновать возможность рационального господства человека над природой и обществом»⁶⁴.

Важно то, что упрочившая свое положение буржуазия переносила на природу антагонизмы, которые лежат в основе ее рационализма, «натурализировала» их и выдавала их нам за преодолимые. Эта буржуазия перестает быть рациональной, критической и становится «позитивной». «Пройдет лишь немного времени и буржуазное мышление полностью откажется от своей прежней претензии — формировать действительность в духе разума, с тем, чтобы отныне перейти к апологетической неразумности»⁶⁵.

Буржуазный разум предстает, таким образом, перед нами в виде двуликого Януса, какой была и сама буржуазия, даже в ее революционный период. Буржуазный характер этого разума проявляется также в том, что гос-

подство человека над природой и обществом хотя и должно зависеть от нового метода мышления, то есть обосновывается идеалистически, но этот человек есть ничем не связанный индивидуум, атом капитализма. Сущность этого индивидуума толкуется, естественно, натуралистически, то есть автономно, независимо от бога, индивидуум является субъектом. Реальность становится одновременно все больше чем-то внешним, чуждым, но — в классической философии — познаваемой.

Маркузе хотя и видит черты двойственности буржуазной философии, но он не видит их в историческом плане. Это приводит к абстрактности аргументации, которая включает в себе абстрактное отрицание этого абстрактно рассматриваемого как достойного критики состояния. Оно аналогично «отрицанию» аффирмативной культуры. Здесь не остается ничего, что можно было бы развить дальше путем диалектического отрицания.

Возьмем важнейшую проблему свободы и необходимости, которая вновь затрагивается в этой статье. Тот, кто признает необходимое в качестве необходимого, преодолевает, таким образом, его простую необходимость поднимать его до уровня разума, становится свободным, говорил Гегель. Маркузе видит псевдокритическое содержание этого идеалистического решения вопроса о взаимосвязи свободы и необходимости и немедленно приходит к абсолютизации: свобода таким путем никогда не выйдет за пределы необходимости, а только лишь освящает ее⁶⁶. Свобода только тогда может стать истинной необходимостью, если эта последняя сама по себе истинна. В этой любопытной формулировке Маркузе весь как на ладони: свобода должна выйти за пределы необходимости. Это, как мы уже отмечали, принципиально невозможно. Свобода возможна лишь, поскольку происходят детерминированные процессы, поскольку эта детерминированность познаваема, поскольку я могу планировать в соответствии с детерминантами и осуществлять мои планы по крайней мере в определенном объеме. В недетерминированном невозможно ни планирование, ни запланированные действия, ни реализация планов. Это означает, что в таких условиях свобода невозможна. Эту правильную и глубокую мысль Гегеля субъективный идеалист Маркузе никогда действительно не признавал.

Решение проблемы соотношения между свободой и необходимостью привязывает идеалистическую философию

фию к существующему порядку, считает он. Одновременно оно возвышает субъект, его разум до всеобщей меры. «Все «иное» есть... чуждое, внешнее и как таковое первоначально под подозрением»⁶⁷. Только в этой независимости субъект свободен, связь с каким-либо иным считается уже зависимостью. «С самого начала в философии было твердо установлено, что высший способ бытия является бытие — у — самого — себя»⁶⁸. Эту индивидуалистическую концепцию Маркузе сводит к буржуазной собственности. Разум призван обосновать этот порядок как рациональный для буржуазного Я.

Против такого идеалистического оправдания существующей системы протестует материалистическая критика угнетенных групп. Поскольку «философия», то есть идеалистическая, оправдывает существующий порядок, она отмирает в таком обществе, «в котором индивидуумы совместно устраивают свою жизнь по своим потребностям»⁶⁹. «Критическая теория» приходит на смену старой философии. «Подобно философии, она выступает против правомерности реальности, против самодовольного позитивизма. Но по-другому, чем философия, она черпает свои целевые установки всегда только из имеющихся в наличии тенденций общественного процесса. Поэтому она не боится утопии, ее не пугает, что новый порядок обвинят в утопичности. Если истина не может быть реализована внутри существующего общественного порядка, то она и без того имеет для этого общества характер простой утопии. Такая трансцендентность свидетельствует не против, а в пользу истины»⁷⁰.

Точка зрения Гегеля, против которой борется Маркузе, действительно сводит свободу к осознанной необходимости. Все, следовательно, сводится к интерпретации необходимости. В этом заключается возможность консервативной деятельности и ее оправдания с помощью идеалистической диалектики. Однако такая же возможность возникает, если поиски решения вопроса об этом отношении ведутся, как это делает Маркузе, в направлении субъекта, его разума, как удовлетворительной основы. В таком случае все зависит от того, что представляется разумным сознанию конкретного субъекта, а на этот счет миллионер Флик и токарь завода Флика, «возможно», имеют различные взгляды. Это не теоретический выход из дилеммы.

Мы уже не раз говорили, что к условиям свободы относятся: во-первых, наличие объективной реальности (при-

рода и общество), во-вторых, наличие объективных законов, которые «направляют» процессы этой реальности; в-третьих, познание законов (познание необходимости). Без этих условий нет свободы, которая означает, таким образом, целенаправленные действия на базе осознания необходимости (это положение, впрочем, отсутствует у Гегеля).

Решение проблемы объективной реальности возможно лишь с материалистических позиций. Только таким образом можно объективно разъяснить проблему необходимости. Если действовать иным способом, то субъективное, интересы, эгоистические классовые цели будут выдаваться за необходимость. Их «понимание» будет достигаться с помощью манипуляций. Только если исходить из объективно-реальных условий, их закономерностей развития, то необходимое не будет, как в прагматизме, полезным, то есть привязанным к интересам, к субъективному, к классовому эгоизму. Тогда оно возникает под воздействием объективных процессов, тенденций или перспектив. Однако как раз от признания этой объективности Маркузе уклоняется на каждом шагу. Он отклоняет ее как выражение «овеществленности». Из его субъективизма вытекает поэтому такая же возможность произвольного толкования субъективного как необходимого, как из гегелевского псевдообъективизма и из прагматизма, которые в принципе все имеют одинаковую, а именно субъективную основу.

«Критическая теория» отличается от философии своей тенденцией к реализации, говорит Маркузе. А как быть, спрашивает он, если реализация не удастся⁷¹ (этот вопрос вновь поставлен Адорно на первых страницах его «Негативной диалектики»), и причем в то время, когда были налицо экономические условия для реализации?⁷² «Критическая теория» могла объяснить причины фашистского контррабара не недостатками теории, а скорее порочной практикой. Исходя из этой концепции, Маркузе впервые развернул критику революционного рабочего движения и реального социализма, а ведь в 1937 году это означало — и социализма в Советском Союзе. Хотя «критическая теория» различает две фазы коммунистического развития и осведомлена о капиталистических родимых пятнах первой фазы, однако окончательное освобождение, согласно этой теории, не может быть перенесено в потусторонний мир⁷³.

Это, конечно, правильно. Однако надо выяснить смысл таких понятий, как «окончательное» и «потусторонний мир». В принципе критика Маркузе означает следующее: поскольку в Советском Союзе якобы не был завершен социализм (индивидуалистического вида, как Маркузе представляет себе социализм), то Советский Союз упустил возможность развязать на Западе революционные импульсы. Маркузе не понимает ни всей трудности социалистического строительства, ни внутренней диалектики развязывания революционных импульсов в каждой отдельной стране, с учетом сложных внутренних и внешних условий этого социалистического строительства. Если бы советские руководители последовали подобным советам, какие развивал Маркузе, а такие советы выдвигались в двадцатых и начале тридцатых годов троцкистами даже внутри страны, то в 1941 году у Советского Союза не было бы тяжелой промышленности, необходимой для дальнейшего существования страны. При этом надо учитывать тот факт, что именно Советская Армия сломала хребет фашистскому германскому государству. Критику Маркузе и другую абстрактно-этическую критику следует оценивать в этой связи.

В своем дальнейшем изложении Маркузе сводит марксизм к экономическому, в конечном счете к механистическому, материализму, который он «дополняет» своего рода этическим социализмом. Еще Лукач в свои молодые годы обращал внимание на внутреннюю связь такого механицизма и этического социализма и критиковал ее. Итак, Маркузе считает: «В таком обществе, которое в своей тотальности определяется экономическими отношениями, причем определяется таким образом, что ничем не сдерживаемая экономика господствует над всеми человеческими отношениями, в подобном обществе все неэкономические элементы предопределены экономикой. Когда это господство свергают, то оказывается, что разумная организация общества, на которую нацелена критическая теория, есть нечто большее, нежели по-новому устроенная экономическая форма. Это большее имеет решающее значение, лишь благодаря ему общество и становится разумным: подчинение экономики потребностям отдельных индивидов. С изменением общества снимается первоначальное соотношение между надстройкой и базисом. В разумной действительности уже не процесс труда должен определять всеобщее существование людей, а все-

общие потребности должны определять процесс труда. Главное не в том, что процесс труда будет регулироваться в соответствии с планом, а в том, каким интересом будет определяться это регулирование и будут ли при этом сохранены свобода и счастье масс. Пренебрежение этим элементом лишает теорию чего-то существенного; оно устраняет из картины освобожденного человечества идею счастья, благодаря которому оно должно отличаться от всех прежних состояний в истории человечества. Без свободы и личного счастья в общественных отношениях людей максимальное повышение труда и даже отмена частной собственности на средства производства будут нести на себе печать старой несправедливости»⁷⁴.

Маркузе последовательно придерживается своего неправильного, идеалистического толкования марксизма. В противоположность точке зрения Маркса и Энгельса, для него все общественные явления определяются экономическими причинами. Революцию он толкует как слом этой детерминации, то есть преодоление исторического материализма, что тоже противоречит марксизму.

Эту точку зрения мы вновь встретим в поздних произведениях Маркузе. На основе таких неправильных предпосылок он приходит к «открытию», что в мире освобожденного человека должно быть нечто большее, чем только экономика. Более того, приматом в этом мире будет именно неэкономическое, человеческое, причем, следует попутно отметить, экономическое внезапно уже не оценивается больше, как человеческое! Под этим аспектом общественная собственность и планируемое производство существенно теряют свой характер в пользу идеи человеческого счастья. Маркузе разрывает экономику и этику или считает возможным противоречие между социалистической экономикой и социалистической этикой. Таким образом, новый строй должен доказать свою высшую ценность не путем экономических достижений, не с помощью экономических принципов производительности, а именно благодаря этике, которая, будучи взята автономно, формирует свое реальное содержание не на основе реального общества и его процессов развития. Основные мотивы его антисоветской книги «Общественное учение советского марксизма» (1955 г.) уже звучат в этих рассуждениях.

Эту идеалистическую концепцию мы встречаем во всех последующих произведениях Маркузе. Он критикует социализм с точки зрения абстрактной, индивидуалистиче-

ской концепции этики счастья. Все общественные, экономические, политические, культурные связи национального и интернационального характера, все классовые отношения, все проблемы соотношения сил в центральном вопросе «кто кого?» исключаются из определения возможного, смотря по обстоятельствам, счастья, из возможной меры удовлетворения потребности в человеческом счастье. С такой абстрактной, неисторической, необщественной, неполитической позиции подлинному социализму бросается упрек в том, что он несет определенную долю вины за... победу фашизма в Германии в 1933 году.

Другой основной мотив последующей «критической теории» Маркузе, в особенности его «Одномерного человека», просматривается, наконец, в анализе взаимоотношения критической теории и науки. Последняя толкуется в духе позитивизма или эмпиризма. Также и формальная логика оценивается как «одномерный позитивизм»⁷⁵, причем исходным пунктом является зависимость науки от существующих отношений господства и подчинения⁷⁶. Маркузе расхваливает сверх всякой меры трансцендирующий характер антипозитивистского рационализма.

Мы уже критиковали выше схематический характер абстрактного понятия трансценденции Маркузе, его модель рационализма. Для него рационализм и эмпиризм — позитивизм являются как бы самостоятельными субъектами с собственными константными параметрами. Их историческо-критический анализ отсутствует. С совершенно иных позиций рассматривает конкретный буржуазный рационализм и буржуазный эмпиризм в ходе анализа их социального содержания Манфред Бур: «Различие между обоими течениями обнаруживается прежде всего в принципиальной позиции их представителей в отношении общественной действительности. Французский рационализм воспринимает эту действительность как неразумную или еще не разумную, то есть как не отвечающую или еще не отвечающую его требованиям — требованиям прогрессивной буржуазии. Его мышление движется вперед благодаря стремлению организовать действительность в духе разума. Эта позиция французского рационализма характеризует его как мировоззрение французской буржуазии, все еще борющейся за политическое влияние и удовлетворение своих требований. Рационализм — это идеологическое оружие в борьбе поднимающейся французской буржуазии против отживающего свой век обще-

ства абсолютизма, его институтов и его феодально-клерикальной идеологии. В центре ее усилий стоит разум. Он служит мерилom для всего, в соответствии с его принципами должны быть построены общество и государство.

Английский эмпиризм, напротив, является философией уже более развитой буржуазии, которая в значительной степени достигла своих целей (хотя и не без компромисса со старыми силами) и становится уже консервативной. Эмпиризм воспринимает поэтому общественную действительность, как и его носитель — послереволюционная буржуазия, — как факт, то есть как она есть, не как неразумную или еще не разумную, как это делает французский рационализм, а позже французский материализм, а как естественную и поэтому больше всего подходящую для человека»⁷⁷.

Рационализм и позитивизм, взятые «сами по себе», не имеют ни революционной, ни консервативной ценности. Они не являются ни историческими, ни политическими субъектами. Их воздействие — это функция классов, которая определяется их «сравнительной ценностью» в классовой борьбе: классы используют рационализм или эмпиризм в своих интересах.

В дальнейшем Маркузе, руководствуясь чисто дедуктивным методом логических «триад», рассматривает в качестве правильного решение о создании такого общества, в котором бытие и сознание не будут уже больше отделены друг от друга⁷⁸. Там якобы исчезает и абстрактный характер свободы. Таким образом, он толкует научно-познавательную связь субъекта и объекта как выражение овеществления, которое при социализме будет устранено, вследствие чего бытие и сознание придут к единству. Достигнуто тождество субъекта — объекта. История завершилась. Бытие и сознание «освобождены». Одновременно обнаруживается, что диалектика Маркузе таким же образом, как гегелевская, ведет в конечном счете к застою.

В конце сочинения мы впервые встречаем у Маркузе проблему «наследия». Что же понимает он под наследием, которое следует сохранить? «Заинтересованность критической теории в освобождении человека связывает ее с определенными старыми истинами, которые она должна сохранить. Убежденность в том, что человек может быть больше, чем какой-то субъект, используемый в производственном процессе классового общества, глубже всего связывает критическую теорию с философией»⁷⁹.

Это абстрактный, хотя и гуманистический мотив. Не случайно Маркузе, едва сформулировав эту теорию унаследования в отношении предшествующей философии, тут же отказывается от нее: «Пропасть между ней и предыдущим не может быть преодолена никаким мышлением в понятиях»⁸⁰.

Почти дословную, во всяком случае совпадающую по смыслу, фразу мы вновь встречаем в конце «Одномерно-го человека»⁸¹.

Как обосновывает он в 1937 году этот нигилизм? Наука была прикована к существующим отношениям господства и подчинения. Поэтому научность как таковая никогда еще не гарантировала истины.

Бесспорно, господствующие эксплуататорские классы используют науку. Из этого Маркузе выведет в «Одномерном человеке» тезис о том, что вследствие порочного акта выбора, совершенного еще в древнегреческие времена, наша рациональность принципиально организована для господства и подчинения и в ее настоящей форме непригодна для освободительной борьбы. Философия декадентства, говорящая о закате культуры, выводит из структурно совпадающих с этим аргументов свой иррационализм. Здесь мы встречаемся с новым примером внутренней родственной связи Маркузе с иррационалистами.

В основе этого тезиса лежит неправильная генерализация факта самого по себе правильного, а именно, что наукой как средством можно и злоупотреблять. Это неправильное обобщение происходит оттого, что правильное суждение «власть имущие нуждаются в науке» переворачивают и получают суждение: «наука нуждается во власти имущих».

Такой прием не допускает соединения социализма с наукой, ибо социализм при подобном истолковании превращается в инструмент подавления.

В действительности же наука не может нести ответственность за то, каким образом ее используют различные классы. Если даже власть имущие нуждаются в какой-то мере в научном познании, то это в еще большей степени относится к борцам за свободу. И некоторые способы правильного познания не теряют своего значения, даже если ими злоупотребляют в корыстных целях и ради угнетения.

Но и наука науке рознь. Буржуазия, используя науку, не выработала своего научного понимания общества.

Именно в этой области она занималась мистификациями ради сохранения и оправдания своей власти. Это блестяще показал Маркс в «Предисловии» к первому тому «Капитала» на примере буржуазной политической экономии. Подобные мистификации распространяются и на повседневные отношения, если они приобретают общественную значимость.

Так, например, в ФРГ тех, кто своим трудом кормит эксплуататоров, называют «работополучающими», а тех, кто присваивает их труд, — «работодателями». Подобная мистификация со стороны «рационалистической» буржуазии сама по себе уже доказывает, что последовательное научное мышление и познание в области общественных отношений служит не угнетению, а освободительной борьбе, содействует свободе.

Но внутри своих общественных мифов буржуазия отчасти использует научные приемы, стремится в деталях рационально обеспечить свою власть. В естественнонаучной, математической и экономической областях она использует различные методы и технику современной науки не только для развития, организации и управления производством, но и для обеспечения своей власти. Но за это нельзя винить науку, тем более что множество старых и новых мифов продолжает служить обоснованию власти имущих.

Антиисторическим является и абсолютно негативное отношение к проблеме власти вообще. Какие бы ужасные проявления ни имели различные формы власти в ходе истории, все же господство в условиях классового общества тоже относилось к потребностям общественного выживания и прогресса. Пока не созрели экономические условия для преодоления классов и классовой борьбы, общество погибло бы в результате взаимной борьбы классов, если бы оно не создало государство. В этом смысле государство не является просто первоисточником всякого зла. И анархизм принципиально неправ. Государство со всеми своими ужасами было институтом, который неизбежно должен был быть создан людьми на пути их продвижения к более высоким формам общественной жизни. Сегодня мы уже достигли такого уровня общественного развития, который позволяет нам рационально рассматривать вопрос и принимать соответствующие практические решения, подводящие в конечном счете к отмиранию государства. Но этим мы, помимо прочего, обязаны также и дея-

тельности государства, которая иногда и в области экономики носила и носит организаторский характер.

Завершающий вывод этого очерка появился Маркузе к идеям «Одномерного человека». Поэтому мы приведем довольно длинную цитату: «Материалистическая теория общества по своему происхождению является теорией девятнадцатого века. Если она в какой-то период обосновывала свое отношение к философии разума как к «наследию», то статус этого наследия она мыслила себе таким, каким он был в девятнадцатом веке. За это время в этом статусе произошли некоторые изменения. Хотя в то время эта теория довольно глубоко впитала в себя возможность грядущего варварства, однако ближе, чем такая возможность, ей представлялось сохранение и дальнейшее развитие того, что еще имелось в девятнадцатом столетии. Наследие должно было спасти также и то, что культура буржуазного общества при всей нищете и всей несправедливости все же сделала для развития и для счастья индивидуума. Что уже было достигнуто и что могло быть сделано, было совершенно очевидно для всех; вся движущая сила теории брала свое начало в этом интересе к индивидууму, и не было нужды еще и философски дискутировать на эту тему. Положение с наследием тем временем изменилось. Между прежней действительностью разума и его осуществлением в том образе, в котором его представляла теория, сегодня лежит уже не только отрезок девятнадцатого столетия, но и авторитарное варварство. Все больше и больше эта подлежащая сохранению и снятию культура отходит в область предания. Перед лицом многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что полное принесение в жертву индивидуума стало само собой разумеющимся, повседневным явлением, эта культура стала настолько призрачной, что исследование ее является уже делом не упрямой гордости, а траура. Критическая теория в невиданных до сих пор масштабах имела дело с прошлым и именно в той мере, в какой она должна была заниматься будущим. В измененной форме в настоящее время повторяется положение, в котором оказалась теория общества в девятнадцатом столетии. Действительное положение вещей вновь оказывается ниже общего уровня истории. Сковывание производительных сил и замораживание жизненного уровня характеризуют положение даже в экономически развитых странах. Отражение, которое будущая истина находила в прошлой философии, показы-

вает такое положение дел, которое выводит за рамки данных анахронических условий. В этом критическая теория еще связана с этими истинами. Они появляются в ней как сознание тех возможностей, для осуществления которых созрела сама историческая обстановка, и они сохранены в экономических и политических понятиях критической теории»⁸².

Маркузе тем самым принизил марксизм до уровня теории девятнадцатого века. Эта теория настаивает на том, что в буржуазной культуре имелось наследие, достойное сохранения. Но фашизм, по мнению Маркузе, поставил это под вопрос. Поэтому в наше время освобождение приобретает иное содержание, чем в прошлом веке. Тем самым Маркузе подводит к вопросу и о новом определении социализма, с которым мы еще не раз встретимся в дальнейшем.

Классическая буржуазная культура нашла свое завершение и вместе с тем отрицание в фашизме. Нам она уже больше ничего не дает. Сбывается тотальный «отказ» Хайдеггера от культурного наследия. Когда в мае 1968 года студенты захватили франкфуртский Университет имени Иоганна Вольфганга Гёте, то они переименовали его в «Университет имени Карла Маркса», заявив при этом: «Нам Гёте больше ничего не может дать!». Они тогда еще не сознавали, что действуют в духе хайдеггеровского отрицания, и не понимали диалектику подлинного революционного отрицания. Тому, кому Гёте ничего не может дать, тому ничего не скажет и Маркс, который при всем революционном разрыве с буржуазией является критическим наследником лучших достижений человечества, в том числе и Гёте.

Буржуазия отреклась от своего классического культурного наследия отчасти и потому, что марксизм своими корнями уходит в это наследие. Идеолог германского фашизма А. Розенберг не случайно потребовал «ликвидировать» культуру, обвиняя ее в «порождении» марксизма⁸³. Маркузе и подобные ему мыслители, лишенные правильного исторического понимания сущности и конкретных социальных корней фашизма, содействуют подобной «ликвидации классики». Проводя абстрактную аналогию с революционно-критической позицией молодого Маркса, эти мыслители лишь проявляют свое пренебрежение к революционному рабочему движению «Запада» и к реальному социализму.

Тот же Маркузе, который отрицает всякое наследие, вместе с тем предлагает нам афоризмы Ницше, как якобы предвосхищающие будущее. Нет в классике ничего достойного для продолжения, и даже диалектика Гегеля объявляется лишенной смысла. Это и есть типичное хайдеггеровское отрицание прошлого. Тем самым подлинная революция «опровергается» путем ее «радикализации» и перенесения в заоблачную сферу абстракций.

Эта антиисторическая позиция Маркузе во втором периоде его деятельности получила наиболее полное отражение в рассматриваемом очерке. Затем, в его второй книге о Гегеле, наступает частичный тактический поворот к более позитивному отношению к «наследию».

Эта книга издана в Нью-Йорке в 1941 году, а в ФРГ в 1962 году. Нас в данном случае не будет интересовать та положительная оценка гегелевской философии, которая сделала эту книгу лучшим в теоретическом плане произведением Маркузе. Ибо от многих идей этой книги в работах Маркузе 50—60-х годов и следа не осталось. Мы рассмотрим лишь те аспекты этой книги, которые связаны с разработкой его своеобразного варианта «третьего пути». В этой связи особый интерес приобретает критика позитивизма в книге Маркузе «Разум и революция».

О ГЕГЕЛЕВСКОЙ И МАРКУЗИАНСКОЙ КРИТИКЕ ПОЗИТИВИЗМА

Мы должны подробнее рассмотреть эту критику, поскольку она стала составной частью последующего творчества Маркузе. Речь идет не о принципиально верных критических замечаниях Гегеля в адрес «метафизического метода». Ведь именно здесь Гегель достигает высшего уровня в предмарксистской истории философии. Хотя метафизический метод пользовался правилами и законами традиционной формальной логики, было бы ошибочно приписывать ошибки «метафизики» всей формальной логике. При серьезном подходе подобное обвинение формальной логики заставило бы нас отказаться от всякой умственной и прочей деятельности. Содержащиеся в формальной логике правила и законы представляют собой в действительности правильное отражение определенных явлений и отношений объективной реальности. Когда Гегель подчеркивает диалектические условия и отношения во всех процессах, то это соответствует истине. Необходи-

мо, однако, помнить и о том, что в каждом из этих процессов должны содержаться и свойства, отраженные в формальной логике. Между прочим, это и те свойства непрерывности и прерывности, диалектическое единство и противоположность которых так убедительно доказал Гегель. Как диалектически мы бы ни подходили к проблематике тождества и отождествления, необходимо считаться и с тем, что отраженный в формальной логике момент постоянства, стабильности имеет также существенное значение для диалектического тождества. Отказ от этого означал бы не только «преодоление» здравого человеческого рассудка, но и любого рассудка и любого разума вообще!

Все творчество Гегеля пронизано аргументацией, направленной против позитивизма. В некоторых случаях этот позитивизм объясняется отчуждением или овеществлением сознания⁸⁴, в других — раздроблением нашего бытия на базе частной собственности и разделения труда⁸⁵.

Маркузе также указывает на эти корни позитивизма и при этом нередко доказывает, что производство, основанное на капиталистическом разделении труда и механизации, содействует раздроблению и механизации тех процессов, которые происходят в сознании. В то же время он упускает более глубокие, социальные корни идеализма. Хотя в ряде случаев он указывает на классовые корни позитивистской философии⁸⁶, но не делает отсюда необходимых выводов. Он вполне соглашается с Гегелем в оценке позитивизма и не поднимается выше его точки зрения. Лишь однажды он говорит об относительности этой позиции, не делая нужных выводов. Апологетическая функция характерна якобы не для всего позитивизма⁸⁷.

В самом начале современной философии позитивизм, несомненно, был боевым и революционным. В те годы он ради критики религии обращался к позитивным фактам. Он настаивал на праве человека — гражданина раннего буржуазного общества — самому строить свой мир.

Впрочем, и «здравый смысл» тоже порождает идеализм! Доказательства существования бога у Фомы Аквинского начинаются с выводов и аргументов «здрoвого человеческого рассудка». С помощью «здрoвого смысла» можно построить и «потусторонний мир». Следуя за Гегелем, Маркузе этого не видит. Дело обстоит, очевидно, не так-то просто именно с этим «здрoвым человеческим рас-

судком», который в другой связи проявил себя и как серьезное препятствие против идеалистического отрыва сознания от бытия. Все это лишь подтверждает, что «здравый человеческий рассудок» так же мало, как и сами по себе «идеализм», «идея», «понятие», «эмпиризм» и т. п., выступает в качестве самостоятельных субъектов, следуя лишь внутренней логике духовной истории. Нельзя подходить с одинаковой меркой к оценке позитивизма во времена Гегеля — в основе своей материалистического эмпиризма — и современного позитивизма — в основе своей субъективного идеализма. Справедливо подвергнутый Гегелем критике отрыв сознания от бытия встречается как в эмпирических, так и в рационалистических теориях. При том эмпирический отрыв — сведение всякого бытия к эмпирическому — оказывается лишь оборотной стороной подобного же отрыва сознания от бытия путем не менее ошибочного сведения бытия к мышлению в рационализме. Лишь идеалистическая предвзятость способна заранее, без конкретного исторического анализа установить и осудить один вид этого отрыва, а другой — быть может, лишь угадывая, но, тем не менее, возвеличить этот отрыв как прототип революционной позиции. Подобный отрыв имеет свои социальные и теоретические корни, которые по-разному проявлялись в различные исторические периоды и нуждаются в конкретном анализе. Действует ли такой отрыв в соответствующих обстоятельствах в качестве позитивного или негативного, апологетического или революционного фактора — это зависит не столько от самого отрыва или от его, смотря по обстоятельствам, конкретной внутренней логики, сколько от конкретных общественных отношений и условий классовой борьбы. Аргумент Гегеля о примате теоретических корней этого отрыва оказывается лишь идеалистическим извращением приматного отношения между теорией и практикой.

В качестве программы достижения истины Гегель сформулировал задачу продвижения от эмпирической видимости к сущности и тем самым показал, что истина скрывается за внешней видимостью. В этом Гегель прав в противоположность эмпиризму. Но в отличие от Маркузе Гегель никогда не отрывал сущность от явления! Гегель всегда подчеркивал невозможность проникновения в сущность, если явление просто ликвидируется, а не диалектически отрицается. Эмпирия и разум находятся у него в опосредствованном, а не в формально-логическом,

контрадикторном противоречии. В этом вопросе Маркузе возвращается от Гегеля назад к Канту. Мы вообще должны отметить, что в решающих диалектических вопросах Маркузе оказывается на догегелевских позициях. Этим объясняется катастрофический, допускающий лишь взаимоисключающиеся противоположности, «моралистический» характер его диалектики, преобладающий особенно в его поздних работах.

Признание лежащих «позади» вещей истин тоже может быть использовано для обоснования суеверия. Поэтому для достижения истины недостаточно постулировать преодоление внешней видимости. Необходима разработка научной теории познания. Эта теория должна объединить истинные моменты как эмпиризма, так и рационализма. Она должна выработать объективный критерий для последующей проверки истинности. В этом смысле верно, что формальная логика не дает нам априорно истинных положений. Но она формулирует некоторые условия мышления, которые — если они контролируются и руководствуются диалектикой — необходимы для всякого достижения истины. Гегель и Маркузе молчаливо предполагали эти условия в каждом своем отождествлении, в каждом понятии, суждении и умозаключении!

Гегель критикует позитивизм за абсолютизацию изолированного данного. «Факты являются фактами только тогда, когда они соотнесены с тем, что еще не стало фактом, но что тем не менее проявляет себя в данных фактах как реальная возможность»⁸⁸. Этим Маркузе показывает, что позитивизм, обладая определенной свободой действий, способен выходить за непосредственно данное и включать реальную возможность в свою теорию⁸⁹. Подлинной границей позитивизма оказываются не пределы отдельного факта, а пределы буржуазного строя. Но это было и границей для Гегеля. Речь, очевидно, идет не о первичной ограниченности методов мышления как таковых, а о границах классовых позиций: именно в этом решающем отношении в конечном счете нет существенного различия между Гегелем и позитивизмом.

Как мы уже отмечали, критика Гегелем позитивизма имеет свои социально-исторические корни. Он был буржуазным мыслителем в добуржуазной Германии, был современником французской революции, которую он приветствовал в ее завершающей наполеоновской форме. Как буржуазный мыслитель, он стремился преодолеть

свои «собственные» противоречия путем изменения существующих добуржуазных порядков и на этой базе строил свою философию. При этом ему пришлось вести борьбу против эмпиризма как буржуазной философии такой страны, в которой уже господствовала буржуазия. В качестве буржуазного философа он был вправе критиковать консервативные черты тогдашнего эмпиризма. Он это делал во имя разработки такой теории, с помощью которой в тогдашней Германии можно было осуществлять буржуазно-революционную критику существующего. Но при этом не следует забывать, что эмпиризм не всегда и не везде был консервативен. Эмпиризм имеет свою историю, которую нельзя игнорировать при оценке его конкретной роли в определенных условиях. Номинализм конца средневековья был антиметафизическим и именно поэтому революционным. Английский эмпиризм ранней буржуазии «признавал» то новое, что тогда возникало: тем самым капитализм в качестве «существующего» и был в высшей степени непозитивистским образом позитивистским!

Подобно эмпиризму того времени, философия Гегеля является буржуазной философией. И Гегель в определенной мере тоже был позитивистом по отношению к буржуазному строю. Это проявилось у него уже к 1800 году, когда он отверг мелкобуржуазно-радикальный этап развития французской революции. Конечно, его позитивизм носит более скрытый характер, его система живее, богаче содержанием, общественным значением, более исторична, чем «нормальный» буржуазный позитивизм, но непреодолимая для него буржуазная граница пронизывает все его произведения, ясно выявляясь в «Феноменологии духа».

Эта граница обнаруживается не только в его аргументах, направленных против исторического и философского прогресса, она присуща также и его диалектике. При этом мы имеем в виду не столько известную философию лишенной истории природы, которая тем самым становится довольно недиалектической, а то, что мы бы назвали «опрокинутым позитивизмом» его диалектики. Древние греки рассматривали проблему соотношения субъекта и объекта в процессе познания с точки зрения двух противоположных аспектов однородности и неоднородности субъекта и объекта как условия познания и бытия⁹⁰. В этом выражалась проблематика объединения противоположностей как условия и бытия, и познания.

Это является модусом для решения целого ряда аналогичных важных проблем. Сюда относятся также проблема движения и относительного покоя в процессе бытия и познания и проблема методических средств для постижения этих процессов.

Если взять один из гегелевских примеров, то можно показать, о чем идет речь. Он сам первый показал, что абстрактно имеются две возможности развития и их теоретического понимания. Но реально имеется только одна такая возможность: если абсолютизируется элемент количественного развития, то каждый шаг становится количественным и отпадает качественный скачок; если, с другой стороны, абсолютизируется элемент качественного изменения, то каждый шаг становится качественным, вследствие чего и тут отпадает качественный скачок. В обоих случаях процесс приходит к состоянию покоя и развитие прекращается.

Та же проблема возникает в развитии истины. Если позитивный момент игнорируется (момент здравого человеческого рассудка, формальной логики — все это аналогичные постановки вопроса), то отпадает возможность понимания, идентификации и отрицания (напомним знаменитое выражение Спинозы: каждое детерминирование есть также отрицание). Абсолютизация мышления в понятиях как сферы истины ведет к ликвидации эмпирического пути к истине и тем самым к ликвидации самой истины, ведет к «опрокинутому позитивизму».

Мы уже отмечали выше, что из-за своей чрезмерной критики позитивизма хайдеггерянец Маркузе стал жертвой такого «опрокинутого позитивизма»⁹¹. Его критика отрывает сущность от явления, признает действительным лишь непосредственное познание сущности, не замечая, что тем самым закрывается путь к истине.

Маркузианский анализ гегелевского общественного учения обнаруживает явную тенденцию максимального приближения Гегеля к Марксу, а Маркса, насколько это возможно, свести к Гегелю. Маркузе считает, что именно в социальной теории Гегеля разум претворяется в жизнь, философия становится практикой, то есть теорией для практики.

Буржуазный характер этого толкования единства теории и практики проявился у Маркузе в статье о «критической теории»⁹². При таком понимании «мышление становится носителем практики»⁹³. Тезис Гегеля о том, что

его философия есть философия как таковая, снимающая всю предшествующую, принимается Маркузе со всеми вытекающими отсюда выводами. Тем самым признается и тезис о том, что до Гегеля и при самом Гегеле действительно была теория общества (что соответствует истине), но отсутствовала практика. Это ведет к совершенно ложному толкованию одиннадцатого тезиса Маркса о Фейербахе.

Исходя из этого, Маркузе считает, что стремление создать, подобно Энгельсу, марксистскую философию было бы шагом назад. Дело лишь в том, чтобы претворять философию, то есть философию Гегеля, в действительность. Это один из основных элементов критикуемого нами — в образе Маркузе — направления «третьего пути» между буржуазией и рабочим классом. Объективно это означает попытку лишить рабочий класс собственной идеологии и подчинить его идеологии буржуазии.

О СВОБОДЕ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Остановимся на одном из главных вопросов маркузианской интерпретации гегелевского учения об обществе — на проблеме общественных законов. Материя, говорит Маркузе, объясняя гегелевскую «теорию для практики», имеет свои неизменные законы, но материя никогда не бывает субъектом своих процессов. По-иному обстоит дело у человека. Он является активным, созидательно действующим субъектом своего существования, живет, следовательно, в совершенно иных условиях, чем материя. Законы человеческого существования действуют как законы лишь постольку, «поскольку они вовлечены в волю субъекта и оказывают влияние на его действия»⁹⁴. Нет просто прогресса к большей свободе; первичным является прогресс в сознании свободы. «Исторические законы возникают... исключительно в результате сознательной практики человека и проявляются в ней»⁹⁵.

В своей абсолютизации этот тезис ошибочный. В основе его лежит не гегельянское, а скорее неокантианское противопоставление природы и общества. В природе действуют механические, а в обществе — диалектические законы, говорит Маркузе, точно так же как Лукач в 1923 году или Сартр сегодня. Но Гегель демонстрировал диалектические законы чаще всего на примере естественных процессов. А ведь это опровергает тезис о недиалектиче-

ском характере природы. Выше мы уже отмечали, что историческая диалектика, при всем ее более высоком качестве по сравнению с диалектикой природы, может существовать лишь, поскольку существует также диалектика природы. При всех имеющихся различиях между обеими диалектиками должна быть родственная связь, формы подобия, виды изоморфии. Иначе между человеком и природой не могло бы быть ни познавательных, ни практических отношений. Еще молодой Маркс объяснял, что человек может действовать предметно лишь потому, что сам является предметом. Если практика диалектична, то только потому, что мы — как часть природы — «диалектичны» и на практике сталкиваемся с диалектической природой. Сторонники «третьего пути» абсолютизируют специфику исторической, общественной диалектики в ущерб как раз необходимой всеобщности диалектики. Будь они последовательными, то должны были бы признать, что они этим выбивают почву из-под ног диалектики в любой ее форме. В вопросе соотношения между разумом и эмпирией они абсолютизируют разум как всеобщее. В вопросе теории диалектики они абсолютизируют частное, отрицают всеобщее. В обоих случаях мы имеем один и тот же результат: материализм отрицается.

Подлинный смысл этой точки зрения раскрывает, однако, лишь концепция Маркузе о свободе и необходимости. Уже в раннем периоде своего творчества Гегель, по словам Маркузе, «предпринял первый шаг, который в его завершенной системе привел к отождествлению свободы и необходимости или к покорению необходимости»⁹⁶. Хотя Гегель и считал, что свободный разум определяет желания и действия индивидуумов, однако этот разум, «по-видимому, ведет себя наподобие закона природы, а не как автономная человеческая деятельность»⁹⁷. Поэтому гегелевскую необходимость скорее можно назвать слепой, нежели «самосознательной свободой разумного общества»⁹⁸. Таким образом, свобода отождествляется с безжалостной необходимостью природы. Разум завершается в случайности рождения. (Завершение государственной философии в принципе наследственной монархии.) «Философия свободы лишней раз превращается в философию необходимости»⁹⁹.

Маркузе справедливо отвергает гегелевское решение диалектики свободы и необходимости, поскольку оно, будучи идеалистическим, действительно допускает дальней-

шее существование объективной необходимости в ее «отчужденном» виде. Но для него важна не критика гегелевского решения проблемы, ибо в произведениях Маркузе мы с самого начала обнаруживаем индивидуалистическое понимание свободы. Он с самого начала отклоняет объективную детерминированность наших действий. В своей резкой формулировке Маркузе считает, что воспроизводит точку зрения Маркса: «Итак, индивидуумы, а не новая система производства, дают возможность сделать вывод о том, что частные и всеобщие интересы сливаются воедино. Индивидуум является целью. Эта «индивидуалистическая» тенденция является основополагающей для направления интересов теории Маркса»¹⁰⁰. Как будто Маркс и Энгельс не написали «Немецкую идеологию», не дали решительный отпор индивидуализму, стремлению возвести индивидуум в ранг критерия общественной жизни. Впрочем, здесь ясно подтверждается наш тезис о том, что маркузианское понятие социализма индивидуалистично (а это — противоречие в самом себе!). Это свое понятие социализма он выдает за марксово и кое-кто из антиавторитарной братии принимает это на веру!

Маркузианская критика гегелевской диалектики свободы и необходимости стоит, так сказать, по ту сторону баррикад — на прочной индивидуалистической основе. Но решает ли проблему эта индивидуалистическая, узколюбая в отношении объективной необходимости позиция? Гегелевское решение должно, естественно, вызвать неудовлетворение, но кто от этой, хотя и абстрактно-идеалистической, но все же в искаженной форме достигнутой диалектической тождественности свободы и необходимости отступит назад к изолированному, свободному лишь в своем упрямом, но бессильном воображении индивидууму, тот как раз и не сделает необходимого шага, выходящего за рамки гегелевской философии! Гегелевское решение апологетично не в том, что оно говорит, а тем, о чем оно умалчивает, чего недостает. Без наличия познания и признания объективных законов, без деятельности, исходящей из признания этих законов, свобода становится пустым словом, которое может вызвать положительные эмоции, но именно тогда проявляет себя как опиум! Позиция Маркузе превращает мир (теоретически) в хаос, которому в качестве некой силы противостоит (теоретически) «свободный индивидуум». В подобном хаосе ничто невозможно, даже самая примитивная жизнь, по-

сколько она обусловлена объективными законами природы. Гегель прекрасно знал это. Его большая заслуга состоит и в том, что он это включил в свою диалектику.

Как же от гегелевского, столь недостаточного, но необходимого разъяснения условий истинной свободы перейти к достижению истинной, действительной свободы? Решение этой проблемы человечеству дали Маркс и Энгельс. Суть решения состоит в следующем: классовая борьба пролетариата должна привести к созданию таких условий, которые сделали бы возможным свободную от привилегированных или непривилегированных условий жизнь и познание для всех членов общества. «Отчуждение» необходимости относится не к объективным законам природы, а к тем общественным законам, которые являются законами эксплуатации. А поскольку любое отношение человека общественно «опосредствованно», всякая необходимость в условиях эксплуатации обременена признаками общественного обусловленного «отчуждения». Устранение этого «отчуждения» происходит, таким образом, не с помощью вербального отрицания необходимого, не воспеванием индивидуума, а путем социалистической, тяжелой, отнюдь не лишенной противоречий, классовой борьбы.

ЕЩЕ ОДНО «ТОЛКОВАНИЕ» МАРКСА

Обратимся теперь к тому своеобразному толкованию идей К. Маркса и отношения Маркса к Гегелю, которое дал Г. Маркузе в своей второй книге о Гегеле. Предварительно следует сделать одно разъяснение.

В нашей работе несколько раз употребляется выражение «приближение» Маркузе к марксизму. Во избежание недоразумений здесь необходимо сказать следующее. Слово «приближение» не означает ни «усвоение», но и ни просто «использование» или «искажение» марксизма со стороны Маркузе. Хотя Маркузе нередко, особенно на третьем этапе своего творчества, допускает искажения и фальсификации марксизма, было бы, однако, совершенно неправильным характеризовать его отношение к марксизму на первом и втором этапах его творчества как «использование» или «искажение». Необходимо видеть различие между конечным итогом пути развития и самим путем.

Нельзя слишком упрощенно оценивать мучительный, противоречивый, отмеченный колебаниями и, тем не ме-

нее, имеющий под собой объективные причины процесс развития некоторых слоев буржуазной и мелкобуржуазной, гуманистически настроенной интеллигенции в нашу эпоху, в эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, с одной стороны, и под воздействием всеобщего кризиса капитализма, а также поворота буржуазии к фашистским режимам — с другой, в головах представителей указанных слоев вполне могут временно уживаться «две души», возникать сложные процессы, способствующие переходу этих слоев с буржуазных на социалистические классовые позиции. В ходе такого процесса возможно смешение мелкобуржуазно-субъективистских идей и тенденций сближения с марксизмом-ленинизмом. Все это может, но не обязательно должно, вести к фальсификации марксизма-ленинизма, ибо указанный процесс содержит в себе возможности в конечном счете прямого перехода на позиции рабочего класса, усвоения марксистско-ленинского учения. Надо в каждом отдельном случае тщательно исследовать этот процесс. И не ради морально-познавательного самоудовлетворения, а потому, что этот вопрос приобретает большое значение, учитывая, с одной стороны, что эти процессы будут усиливаться и углубляться по мере дальнейшего укрепления социализма, а с другой — потому, что отсюда вытекает особая ответственность марксистов-ленинцев за то, чтобы оказывать необходимое воздействие на эти процессы и колебания мелкой буржуазии, действуя с принципиальных позиций, но в то же время терпеливо и умело. Речь идет, таким образом, о существенных элементах антифашистско-демократической политики в современных условиях развития стран государственно-монополистического капитализма.

Говоря о присущей мелкой буржуазии неустойчивости, на которую неоднократно указывал В. И. Ленин, вспомним и его предостережения относительно волны мелкобуржуазной стихии, способной в определенных условиях превратиться в серьезную опасность для социалистического государства. Для этого тоже есть два весьма важных и актуальных обстоятельства. На одно из них, а именно на возможность установления широкого союза в антиимпериалистической борьбе, мы уже указывали. Но нелишне напомнить и о том, что антисоциалистические течения, столь угрожающе проявившие себя в недавнем проше-

лом в ЧССР, черпали свои силы именно в том, что они опирались на многочисленный слой мелкой буржуазии, используя ее неустойчивость, ее колебания в контрреволюционных целях. Поэтому для марксистско-ленинской партии рабочего класса и социалистической государственной власти чрезвычайно важно, проводя линию на все более широкое привлечение и мелкобуржуазных слоев к строительству социализма, ни в коем случае не уступать давлению со стороны мелкой буржуазии, к каким бы «человечным» аргументам она ни прибегала.

В процессе развития Маркузе, таким образом, не было никакой внутренней необходимости, которая бы принудила его обязательно стать тем, кем он стал. На протяжении первых двух периодов своего творчества, под влиянием многих объективных и субъективных факторов, о чем достаточно подробно говорится в этой книге, у Маркузе отмечалось приближение к отдельным важным позициям марксизма, хотя он сохранял при этом верность эклектической, буржуазной философии. Решающие причины этого мы видим в антифашистских мотивах творчества Маркузе в первые два периода его деятельности. Это приводило его, как и других представителей буржуазно-демократической интеллигенции, на позиции союза с социалистическим рабочим движением. Ранее уже говорилось, что в таком союзе возникает много проблем. Напоминать об этом следует именно потому, что в настоящее время в Федеративной Республике Германии идет антифашистская борьба. В этом союзе велась борьба, сознательно или неосознанно, за идеологическую и политическую гегемонию, что и определило сложное отношение к марксизму со стороны вышеназванной буржуазно-демократической интеллигенции. Некоторые положения учения Маркса (чаще всего молодого Маркса) — и в меньшей степени некоторые положения Энгельса и Ленина — были использованы ею при разработке своей, в конечном счете, левогегельянской, культурно-критической и социально-критической теории, но с таким расчетом, чтобы обеспечить гегемонию буржуазной идеологии. И Маркузе, некоторое время пребывавший под влиянием ведущей в этой области «франкфуртской школы», также участвует в этом процессе. Но он пошел дальше Хоркхеймера, Адорно, Поллока, Фромма и других приверженцев этой школы. Об этом свидетельствуют работы Маркузе, опубликованные в 1934—1941 годах, в особенности его вторая книга о Гегеле. До этого

момента Маркузе не просто «развивался», а шел по пути, который мог его привести по крайней мере к постижению некоторых важных положений марксизма. Поэтому тот период развития Маркузе мы можем назвать периодом «сближения» с марксизмом. Выше мы уже дали необходимую критику работ этого периода. Этот процесс завершился лишь после 1941 года. На данном уровне знания источников невозможно более точно определить причины этого. Но наверное, отнюдь не случаен тот факт, что в 1942 году Маркузе поступил на службу в стратегическую разведку США. С тех пор вплоть до 1954 года он молчал, а последующие его высказывания приобрели уже иной характер. Теперь речь идет уже не о сближении Маркузе с марксизмом, а об извращении им марксизма.

Ближе всего Маркузе подходит к марксизму в своей второй книге о Гегеле ¹⁰¹. В противоположность своим более поздним работам, он на словах тут даже признает, что В. И. Ленин является подлинным преемником К. Маркса ¹⁰². Правда, следует иметь в виду, что в толковании Маркузе марксизм в значительной степени сводится к учению Гегеля, а Ленина он объявляет представителем субъективизма ¹⁰³. Он выдвигает и ряд вопросов (но еще в очень осторожной форме, ведь это был 1941 год, год нападения гитлеровской Германии на Советский Союз) ¹⁰⁴, которые ведут его к отмежеванию от реального социализма.

В начале второй части книги, рассматривая возникновение учения об обществе, Маркузе исследует буржуазное понятие разума. Изложенная им тут аргументация явно раскрывает историко-идейный метод Маркузе, который, несмотря на все конкретизации общественного характера и высокий теоретический уровень, все же антиисторичен. Чтобы нагляднее показать принципиальное отличие метода Маркузе от марксистского историко-социального подхода к таким вопросам, сравним с ним анализ того же комплекса вопросов марксистским философом Манфредом Буром (ГДР) ¹⁰⁵.

Разум — это критический лозунг, говорит Маркузе, с помощью которого буржуазия ведет борьбу против всех, кто препятствует ее политическому и экономическому развитию ¹⁰⁶. Не обязательно, чтобы разум по своей направленности был атеистическим, но в любом случае он должен содержать в себе право строить мир в соответствии с потребностями буржуазии. «Истолкование мира

как мира рационального содержало в себе в первую очередь возможность понять и изменить его с помощью основывающейся на познании деятельности человека. Природа по своей внутренней структуре рассматривалась как нечто рациональное, причем субъект и объект совпадали в сфере разума»¹⁰⁷.

Буржуазный разум не ограничивается одним заданным строем (до тех пор, пока этот строй не перестанет быть буржуазным, о чем Маркузе не говорит). Совокупность человеческих способностей проистекает из истории. Человек развивается в истории. Удовлетворение его потребностей зависит от контроля над природой и обществом. Поэтому их действенным мерилom в конечном счете является мерило разума. Природу и общество надо преобразовать таким образом, чтобы имеющиеся способности и качества могли свободно развиваться. При этом необходим воспитательный процесс в целях совершенствования этих способностей и качеств. «Осуществление разума... предполагало конец любого внешнего авторитета». Этот разум имеет всеобщее значение, «ибо из подчеркивания разума следует, что поступки человека — суть действия мыслящего субъекта, руководствующегося понятиями познания»¹⁰⁸. Понятия как инструменты этого познания позволяют проникать в сущность универсальных и необходимых законов, которые объясняют внутренние изменения формы вещей. Общие понятия становятся рычагом изменяющей мир практики. «Общее столь же реально, как и особенное; оно лишь существует в ином виде, а именно как сила, *dynamis*, возможность»¹⁰⁹.

Разум создает единство природного и человеческого мира. Субъект мышления во всех людях один и тот же. Предполагается существенное равенство людей. «Сверх того, мыслящий субъект как производитель общих понятий необходимо является свободным. Свобода составляет саму внутреннюю сущность субъективности»¹¹⁰. Таким образом, разум не связывается с непосредственно данной формой сущего, а может выходить за нее и изменять ее в соответствии с понятиями. Из этой свободы вытекает моральный долг, ибо истина как объективная возможность должна быть осуществлена.

Разумные действия практикуются естественными науками. В результате идея разума попадает в подчинение техническому прогрессу, и экспериментальный метод становится моделью рациональных действий. «Вследствие

этого современный рационализм приобрел тенденцию кроить по модели природы как индивидуальную, так и общественную жизнь»¹¹¹. В этом, говорит Маркузе, заключается позитивистская тенденция: мир рассматривается как мир, в котором господствуют объективные законы, действующие как физические законы, и к этому должна приспособляться частная экзистенция, частное существование. «Поэтому бросающийся в глаза конформистский скептицизм сопроводит развитие современного рационализма»¹¹². Чем больше побеждал этот технологически смоделированный разум, тем все менее решительно стремился он к общественной свободе. «Под давлением этого процесса постепенно исчезали критические и мыслящие элементы, ища прибежище в еретических и оппортунистических доктринах»¹¹³. Лейбниц, Кант и Фихте примиряли свой радикализм с явной иррациональностью господствующих общественных отношений путем обращения вовнутрь разума и свободы¹¹⁴.

С этим покончил Гегель. Он провозгласил осуществление разума в реальности. Для этого он использовал диалектику. Она служила ему для разрушения «гармонического мира твердых предметов...»¹¹⁵. В диалектическом разуме Гегеля философские понятия отражали реальные процессы. Одновременно эти понятия были смоделированы по общественным образцам. Следовательно, они «останавливались там, где прекращалось движение содержания, то есть перед государством, правящим в буржуазном обществе, в то время как идеи и ценности, выводившие их за рамки этой общественной системы, помещались в царстве абсолютного духа, в системе диалектической философии»¹¹⁶.

Метод гегелевской системы «простирался дальше, чем те понятия, которые привели ее к завершению. С помощью диалектики история была превращена во внутреннюю составную часть разума»¹¹⁷. Гегель показал, что осуществление разума на практике стояло на повестке дня. Таким образом, философия получила непосредственное применение в общественной теории и на практике, причем последние были не какой-то внешней силой, а выступали ее законными наследниками¹¹⁸. Прогресс сверх этой философии «должен... был быть шагом за пределы самой философии, шагом, который одновременно выходил за рамки общественного и политического строя, с которым философия связала свою судьбу»¹¹⁹.

Так выглядит теория Маркса у Маркузе. Не привлекая другие факторы, он логически — дедуктивным путем выводит ее из своей буржуазной модели рационализма, механистически детерминированным наследием которого она является. Появление «критической теории» было делом лишь зрелости философской культуры и интеллектуального развития «сделавшего выводы» Маркса. Когда читаешь дедукции Маркузе, то вспоминаешь идеалистические, антиисторические приемы представителей утопического социализма и критику, которой Маркс и Энгельс подвергли эти способы мышления и эти конструктивистские попытки.

Подчеркнем основные моменты нашей критики этих во многих деталях довольно правильных рассуждений Маркузе.

Несмотря на всю внешнеповерхностную историчность, подлинная историчность всех материальных общественных процессов и их действительных идеологических форм выражения по существу остается вне рамок рассуждений; все в целом рассматривается лишь с точки зрения «истории духа». Буржуазный разум отождествляется с механистически материалистическими компонентами этого понятия (при этом, между прочим, игнорируется критика, которую высказали в этой связи Маркс и Энгельс). Маркузе явно испытывает ужас перед объективной детерминированностью. Этот страх и есть определяющий подспудно мотив в общем-то справедливой критике механистической формы рационализма. Проблема этого разума дедуктивно выводится из «идеи» разума, постулируется непосредственная связь этого разума с техникой и техническими науками, но отнюдь не с классовой основой всего развития. (Мы сталкиваемся тут уже со схемой обоснования более позднего тезиса Маркузе об одномерности!) Диалектическое революционирование разума приписывается Гегелю. Вопреки буржуазно-ограниченному характеру гегелевской теории, Маркузе толкует ее как трансцендирующую буржуазную систему форму разума. Он при этом явно забывает, что в иных местах своей книги сам справедливо критиковал эту буржуазную ограниченность гегелевской философии. Подлинным революционером оказывается Гегель, а не Маркс, который сделал лишь выводы из учения Гегеля.

Таким образом, мы в принципе обрисовали, как Маркузе оценивает Маркса и его отношение к Гегелю. Те-

перь мы хотели бы рассмотреть эти вопросы более обстоятельно.

Маркузе формулирует своего рода закон о том, что «внутреннее развитие западной философии вызвало необходимость перехода к критической теории общества...»¹²⁰ (так Маркузе называет свое толкование марксизма). Вспомним при этом, что было сказано выше о том, как Маркузе понимает «необходимость». Для него это чистая необходимость субъективного духа, недетерминированная «необходимость». Применительно к данному примеру это означает, что развитие марксизма было якобы необходимо по причинам внутреннего развития философии.

Переход от Гегеля к Марксу, говорит Маркузе, в любом отношении является переходом к существенно иной форме истины, «которая не может быть интерпретирована в понятиях философии... Все философские понятия марксистской теории» — это «общественные и экономические категории, ...в то время как все общественные и экономические категории Гегеля являются философскими понятиями. Даже труды молодого Маркса не являются философскими (это уже переоценка и первоначального тезиса, высказанного Маркузе в 1932 г. в комментарии к «Рукописям» Маркса.— *Р. Шт.*). Они выражают отрицание философии, хотя еще и на философском языке»¹²¹. Говоря о «философии»¹²², Маркузе имеет в виду философию Гегеля, но в той оценке, которую дал ей сам Гегель: эта философия упразднила всю прежнюю философию и поэтому идентична с философией вообще.

Следовательно, любое понятие у Маркса имеет иную объективную основу, чем гегелевские, то есть «философские» понятия. Можно подумать, что Маркузе хотел этим подчеркнуть оригинальность Маркса. Однако это не так. В первом приведенном положении речь идет не о переходе к материализму, о котором писал Маркс, например, в «Послесловии» ко второму изданию первого тома «Капитала», а о претензии Гегеля, что после него уже невозможна никакая философия. Все учение Маркса сводится к политической экономии и «социологии»¹²³. Это мы отмечали и раньше в работах Маркузе. Тем самым Маркузе пытается оспаривать теоретическую оригинальность Маркса. Не случайно он вслед за Хоркхеймером говорит о марксизме в лучшем случае лишь как о «критической теории». Положение, что марксизм-ленинизм и в фило-

софском отношении является самостоятельным учением, отвергается им как ревизия «подлинного» марксизма, берущая свое начало от «фальсификации» взглядов Маркса Энгельсом. Мировоззренческой основой «критической теории» должна быть критикуемая, но, тем не менее, сохраняемая буржуазная философия Гегеля.

Таким образом, Маркузе вслед за Гегелем смешивает философию с гегелевской системой. Он, правда, признает, что в своих «Экономическо-философских рукописях» Маркс методически совершает переход от политической экономики к философии, и в итоге объективно возникает иная основа философии. Но ведь на деле в «Рукописях» Маркса дана «онтология», дан принципиально иной, чем у Гегеля, ответ на вопрос об отношении между бытием и сознанием, то есть развивается совершенно другая, чем гегельянская, а именно — материалистическая философия.

Мы уже показали, что в «Рукописях» Маркса приводятся длинные выдержки из работ Фейербаха. Маркс в то время, точнее еще до «Рукописей», говорил о воплощении философии в жизнь путем ее соединения с борьбой рабочего движения, что, конечно, означало не аннулирование философии, а соединение зарождавшегося исторического материализма с рабочим движением.

Правильно говорит Маркузе, что в системе Гегеля все категории сводятся к оправданию существующего строя, в то время как у Маркса они обосновывают необходимость отрицания этого строя. Они нацелены на создание нового общества даже тогда, когда в них речь идет о существующем обществе. По своей сути они обращаются к такой истине, которая может быть достигнута лишь в результате уничтожения буржуазного строя. Теория Маркса является критикой в том смысле, что «все понятия представляют собой обвинение всего существующего общества»¹²⁴.

Если Гегель, говорит Маркузе, толкуя мыслительный процесс Маркса, прав в том, что разум в данной действительности стремится к своей реализации и, следовательно, трансцендирование излишне, если истина, также по Гегелю, представляет собой такое целое, которое должно быть наличным в каждом отдельном элементе, то теорию Гегеля разрушает пролетариат, ибо он противоречит мнимой действительности разума, в целом как класс представляет собой олицетворение отрицания это-

го разума¹²⁵. Если свободная личность связана с собственностью, то пролетарий не свободен и не является личностью. При этом отрицается не только философия права Гегеля, ибо пролетариат складывается в процессе труда¹²⁶. Следовательно, необходимо целиком отрицать «эту» философию. «Критику общества не может осуществлять философское учение, это становится задачей историческо-социальной практики»¹²⁷.

Этот эскиз Маркузе по своей дедуктивной силе, несомненно, впечатляющ. Но конечный вывод Маркса не гласил: только практика, никакой интерпретации. Его XI тезис о Фейербахе сформулирован иначе! Отношение между теорией и практикой в марксизме иное, чем у Гегеля, который утверждает, что дана правильная теория и теперь очередь лишь за правильной практикой. Маркс ведь оспаривает и правильность «той» философии и теории. У Маркса единство теории и практики — материалистическо-диалектическое единство, причем важны эти оба определения. Заключительный вывод Маркса гласил: необходимо соединить философию (исторический материализм) с рабочим движением, не аннулируя ничего от этих обоих факторов. Оружие критики не может заменить критику оружием, однако критика оружием ничего не даст без оружия критики. Историческо-социальная практика нуждается в «философском учении» — не в старом смысле этого понятия, а в конкретно разработанной философской теории и методе, в материалистическом понимании истории, в политической экономии, теоретически обоснованной политической стратегии, то есть в научном социализме.

Маркузе констатирует с точки зрения одной лишь духовной истории: «Широкая волна убеждения, что философия пришла к своему концу, характеризовала первые десятилетия после смерти Гегеля. Распространилось убеждение, что история мышления достигла поворотного пункта...»¹²⁸.

Этот вывод соответствует действительности. Однако он ни в коем случае не был связан с природой гегелевской системы. Более того, речь шла также о начинавшемся отражении и частично предвосхищении, но еще с идеалистических, утопических позиций реального, наметившегося поворотного пункта в общественном развитии. Ведь Германия переживала тогда не просто подготовительную фазу буржуазной революции, но уже видела первые

классовые бои между буржуазией и поднимавшимся пролетариатом (Лионские восстания 1831 и 1834 гг.). Восстание силезских ткачей вспыхнуло десятилетие спустя после смерти Гегеля. Но Маркузе не задается вопросом, почему же эта «широкая волна» поднялась в годы после смерти Гегеля, почему именно в этот период старая форма разума (Маркс говорит даже о процессе ее разложения) уступила место новой, революционно-критической, которой соответствовала новая, по сравнению с Гегелем, социальная основа, так же как в свое время буржуазный разум обернулся против феодализма. Да ему и не нужно затрагивать этот вопрос, ибо он считает переход от Гегеля к Марксу чисто духовно-историческим, логическим процессом. Маркс становится заключительным этапом пути, проложенного Гегелем. Материальные классовые проблемы в лучшем случае служат бытовыми иллюстрациями этой проблематики. От случая к случаю становится ясным, что и отсюда исходили какие-то мотивы. Несмотря на это, Гегель для Маркузе остается «онтологом», а Маркс — его преемником, делающим выводы для практики. Тем самым одновременно оспаривается совершенно иное, новое качество учения Маркса. Гегелевская «система довела философию до порога ее отрицания и образовала тем самым единственное звено между старой и новой формой критической теории, между философией и общественной теорией», которая, следовательно, уже не является философской¹²⁹. Гегель был последним, кто интерпретировал мир как разум. Одновременно он признал, что созданный людьми общественный и политический строй является базисом, на основе которого должен осуществляться разум. Отсюда переход к марксизму стал необходим по причинам внутреннего порядка¹³⁰. Итак, «собственно» нет необходимости в пролетариате и его классовой борьбе, необходимы лишь мыслительные способности и та последовательность, которыми случайно обладал Маркс.

Здесь Маркузе ошибается во многих отношениях. Он отрывает возникновение марксизма от реального исторического развития: от назревания буржуазной революции в Германии; от Французской революции 1830 года и ее мощного влияния на Германию; от бурного подъема промышленности и всей экономики в Англии; от зарождавшегося рабочего движения (чартистов); от французского социализма и рабочего коммунизма.

Но Маркузе совершает еще одну ошибку «духовно-исторического» характера: хотя марксизм как конкретная революционная, историческая и общественная теория и немыслим без Гегеля и без Фейербаха, но он был бы также невозможен, если бы Маркс не изучил труды французских революционных теоретиков и социалистов-утопистов, политическую экономию, не познакомился с французскими, а позднее с немецкими рабочими — социалистами и коммунистами, не говоря уже о том особом импульсе, каким явились для него первые экономические работы Энгельса, прекрасно знавшего экономическое развитие и рабочее движение Англии. Следует учитывать весь этот процесс в целом, без которого возникновение марксизма было невозможно. Но именно такого широкого учета всех материальных и идейных корней марксизма мы совершенно не находим у Маркузе!

Маркузе соглашается с заявлением Гегеля об упразднении им философии. Посему у Маркузе марксистская теория оказывается хотя и критической, но не философской. Маркса он подчиняет Гегелю даже в том, что касается структуры книги. Маркса он хвалит потому, что надо хвалить Гегеля, который в глазах Маркузе все же является вершиной философии, несмотря на то что его нередко и довольно резко критикует.

Высшим понятием для Маркузе является диалектика. В. Р. Байер справедливо обращает внимание на то, что Маркузе берет у Гегеля почти лишь одну диалектику философии истории и философии права¹³¹. Это означает, что уже с самого начала гегелевская диалектика трактуется как субъективная и затем к этому сводится и учение Маркса. Уже один этот подход направлен не только против Маркса, но и против Гегеля, против его «Логики». Не от Гегеля, а от способа, каким Маркузе его трактует, происходит эта диалектика, сводящаяся к субъективной практике. Проблема соотношения материалистической и идеалистической диалектики стирается путем фактического сведения и диалектики Маркса к диалектике субъекта, его активности. Диалектика вообще по Маркузе лишь связывает Маркса с Гегелем, но что диалектика и разделяет их, как об этом писал сам Маркс в «Капитале»¹³², этого Маркузе не замечает. При таком положении вещей Маркузе не видит в переходе от Гегеля к Марксу, какое бы огромное значение этот шаг ни имел, никакой духовной революции. Правда, Маркузе

указывает, что «теория Маркса, напротив, по своему существу — это критическая теория общества, она рвет со всеми традиционными формулировками и тенденциями»¹³³, и эти слова, как может показаться, противоречат нашим утверждениям. Но это действительно только может показаться, ибо революция невозможна без момента преемственности. Подобное истолкование марксизма как тотального «отрицания» — это ошибочная интерпретация его в духе Хайдеггера. Она исключает Маркса из числа революционеров именно потому, что отрывает его от преемственности того, что должно быть революционизировано; в другом месте Маркузе характеризует Маркса просто как заурядного преемника Гегеля. В действительности при таком подходе к оценке перехода от Гегеля к Марксу игнорируется диалектика развития, диалектика количества и качества, не говоря уже о реальных общественных процессах.

В соответствии с этими взглядами Маркузе поступает последовательно, когда он утверждает, ошибочно абсолютизируя при этом правильные положения: так диалектика Гегеля стала «неразрывной составной частью теории Маркса и ее ленинской интерпретации»¹³⁴. Или когда он пишет: «Историческое наследие гегелевской философии не перешло, например, к гегельянцам (ни к правым, ни к левым); не гегельянцы сохранили и развили подлинное содержание этой философии. Напротив, критические тенденции гегелевской философии были восприняты и развиты в марксистской теории общества, в то время как история гегельянства в любом другом отношении стала историей борьбы против Гегеля...»¹³⁵. В другом месте, говоря о философии Гегеля и ее критических тенденциях, он вновь пишет о том, «как они перешли в теорию Маркса»¹³⁶, и констатирует, что Маркс придерживался «гегелевской диалектики»¹³⁷. Это действительно «само по себе» правильно, но не в сконструированной Маркузе связи. Во-первых, потому, что Маркс не перенял гегелевскую диалектику. Во-вторых, и потому, что, как отметил Энгельс в своей речи на могиле Маркса, величайшие заслуги Маркса находятся в области понимания истории и в политической экономии. Именно в этих областях Маркс наиболее значительно превзошел Гегеля.

Если в вопросах философии Маркузе так сводит Маркса к Гегелю, то в вопросах политической экономии, учения об обществе он очень сильно приближает Гегеля

к Марксу, поскольку наоборот поступить нельзя. И все это сводится к одному и тому же: к возвышению Гегеля за счет Маркса. «Во всяком случае, нас почти с неизбежностью влечет к критической теории,— говорит Маркузе, в некоторых случаях враг любой «влекущей необходимости»,— которую развил исторический материализм, если мы применим определения рефлексии (Гегеля.— *Р. Шт.*) к историческим реальностям. Ибо что означает единство тождества и противоречия во взаимосвязи общественных форм и сил?.. В историческо-социальных понятиях это единство означает, что кризисы и катастрофы, как правило, не являются случайными и инородными помехами, а в них проявляется сама природа предметов, и поэтому они представляют собой базис, исходя из которого можно понять характер существующей общественной системы. Это единство означает, далее, что присущие людям и предметам внутренние возможности могут раскрыться в обществе лишь в результате гибели социального строя, в недрах которого они вначале накапливаются... Противоречия — вот подлинный двигатель процесса»¹³⁸.

Это, разумеется, весьма абстрактная «критическая теория». Исследование действительного пути развития теории Маркса показывает, что Гегеля, как бы тут ни была велика его роль, недостаточно для того, чтобы объяснить исторический материализм Маркса, хотя бы потому, что в период его жизни общественные условия созрели еще не настолько, чтобы можно было выработать исторический материализм. Но, кроме того, также и потому, что для этого необходим переход с буржуазных на пролетарские классовые позиции, на что Маркузе не обращает внимания. А его воззрение по этому вопросу типично для конструкций чистой истории идей. Корню, Ойзерман, Кэги и Шуффенгауэр довольно убедительно показывают, какую большую роль в выработке зрелых философских взглядов Маркса сыграли Фейербах, французская революционная политическая теория, утопический социализм, классическая английская политическая экономия, а также реальная классовая борьба. Впрочем, описывая этот путь, например, в «Предисловии» к «Критике политической экономии», Маркс сам в качестве своих идейных истоков назвал не только учение Гегеля.

В книге Маркузе мы вновь и вновь сталкиваемся с попытками приблизить Гегеля к Марксу и таким образом

низвести Маркса до уровня Гегеля. Так, утверждается, что из гегелевской характеристики труда, основанного на частной собственности, проистекает слепо действующая необходимость в обществе. То, что пишет по этому вопросу Гегель, якобы напоминает «Капитал» К. Маркса¹³⁹. А гегелевская критика позитивизма объясняется с помощью марксовой категории овеществления. Подобные утверждения не что иное, как ничем не оправданное возвышение гегелевского учения об обществе¹⁴⁰. По мнению Маркузе, основные понятия, высказанные Марксом в «Экономическо-философских рукописях», оттачивались в споре с гегелевской «Феноменологией»¹⁴¹, что совершенно правильно. Но, во-первых, Маркузе не затрагивает всего объема спора на страницах «Рукописей», где речь идет также о левых гегельянцах, о Фейербахе и о политической экономии. Во-вторых, это замечание не объясняет взглядов зрелого Маркса, который формулировал свои «основные понятия» именно не только в споре с Гегелем, как об этом свидетельствуют его знаменитые «Рукописи 1857—1859 гг.».

Маркс, говорит Маркузе, не зная ранних работ Гегеля, понял главное в «Феноменологии» Гегеля: самосотворение человека своим трудом, опредмечивание и отрицание трудом, объяснение существования классов из трудовых отношений овеществленного мира. Поэтому это не вечные категории. Эти утверждения означают, что Маркузе историзирует гегелевскую диалектику господина и раба, уже выходя за достигнутый в «Феноменологии» уровень. Наш автор связывает марксову теорию социальной революции с гегелевской теорией конечности¹⁴². Позднее он описывает гегелевскую идею диалектического понятия на основе образования Марксом понятия капитала и кризиса¹⁴³. С точки зрения дидактики, это допустимый прием, только здесь речь идет не о дидактике, а о выяснении вопроса об отношении Гегеля и Маркса. «Дидактический» прием недозволенно поднимает гегелевскую теорию понятия до уровня теории Маркса.

Утверждений подобного рода в книге Маркузе мы находим немало¹⁴⁴. Но больше всего Маркузе приближает Гегеля к Марксу в следующем пассаже. «Подобно Марксу,— пишет Маркузе,— Гегель подчеркивает тот факт, что интеграция частных интересов в этом обществе — дело случая, а не результат свободного разумного решения. Поэтому тотальность выступает не как свобода, а «как

необходимость...». Она определяет производственный процесс, в котором индивид занимает свое место не по своим потребностям и способностям, а в зависимости от своего капитала. Термин «капитал» относится здесь не только к собственно экономической силе индивида, но также к той части его физических сил, которые он расходует в ходе экономического процесса, то есть к его рабочей силе. Особые потребности индивидов удовлетворяются абстрактным трудом, составляющим «общее сохраняющееся состояние» людей. Поскольку возможность принять участие в общем богатстве зависит от капитала, то эта система во все возрастающем масштабе производит неравенство. От этого пункта лишь один шаг до знаменитых параграфов, где показывается внутренняя связь между накоплением богатства, с одной стороны, и возрастающим обнищанием трудящихся классов, с другой стороны»¹⁴⁵.

Маркузе игнорирует, что экономические познания Гегеля соответствуют уровню Фергюсона, Смита и Сэя, хотя он и поднимает эти познания до уровня своей диалектики, что, несомненно, является его большой заслугой. Но Маркс в этих вопросах исходил не из Гегеля, а из его английских источников, из их дальнейшего развития (Рикардо) и их мелкобуржуазной и утопической критики. Тут Маркузе забывает то, что он сам еще говорил в комментариях к «Экономическо-философским рукописям», что применяемое Гегелем понятие «капитал» совершенно отлично от понятия капитала у молодого Маркса, ибо гегелевское понятие «капитала» означает некое естественное, природное свойство, которое на самом деле и не подвергается общественному анализу. Понятие абстрактного труда у Гегеля тоже не совпадает с соответствующим понятием в «Капитале». Абстрактным является не просто вообще человеческий труд, а такой, который совершается при условиях общественного разделения труда и частной собственности на средства производства. Это политико-экономическое понятие не тождественно философскому понятию труда. Далеко идущее у Маркузе сближение Гегеля с Марксом является результатом слишком поспешных обобщений, которые из частных или терминологических совпадений выводят общее тождество. Мы тут даже отвлекаемся от того, что и реальный социальный процесс, его история — грубо игнорируются.

После всего сказанного Маркузе все же признает од-

но принципиальное различие между Гегелем и Марксом: «Маркс был первый, кто объяснил происхождение и смысл отчуждения. Гегель имел не более, чем самое общее представление о его значении»¹⁴⁶. Но этого различия, конечно, явно недостаточно!

РЕВИЗИЯ ДИАЛЕКТИКИ МАРКСА И ЛЕНИНА

Извращение марксизма достигает апогея в разделе «Марксистская диалектика»¹⁴⁷ книги Маркузе. В чем Маркузе видит «решающее различие между диалектикой Гегеля и Маркса?». В том, что гегелевская диалектика онтологична, а диалектика Маркса — исторична. «Другими словами, она становится общественным условием, связанным с особой формой общества». Диалектика Маркса — это диалектика антагонистического классового общества. Природа учитывается в ней лишь постольку, поскольку она участвует в историческом процессе общественного воспроизводства, обуславливает его. Диалектика этого рода уже не имеет всеобщей значимости и применима лишь в той степени, в какой историко-социальный процесс определяет сущность данного факта. Ленин в споре с Бухариным и Троцким настойчиво подчеркивал, что в полное определение предмета должна войти вся человеческая практика. Тем самым Ленин якобы разрушил независимую объективность предметов¹⁴⁸. Диалектическому анализу доступно лишь такое положение вещей, которое «подвержено влиянию антагонизмов общественного процесса»¹⁴⁹. Следовательно, марксова диалектика неприменима также и в бесклассовом обществе.

Марксова диалектика, утверждает Маркузе, отражает еще «господство слепых экономических сил над ходом истории»¹⁵⁰. А бесклассовое общество уже не подвластно объективным механизмам, потому что люди там уничтожили эти ими же созданные отчужденные механизмы. Правда, и в бесклассовом обществе сознание определяется материальными факторами, но если разум определяется рациональными общественными отношениями, то он определяет сам себя. Так социализм соединяет сознание и бытие. «Принцип исторического материализма ведет к отрицанию самого себя»¹⁵¹. Правда, говорит Маркузе, для капитализма имеет силу то, что движение диалектично постольку, поскольку оно не «направляется деятельностью свободно ассоциированных индивидов. Диалек-

тические законы есть развитое познание «естественных законов» общества и поэтому шаг к их упразднению, но они остаются познанием «законов природы»¹⁵².

Как видим, Маркузе известно изречение Маркса, что общественные законы есть естественные законы¹⁵³, но он интерпретирует эти слова Маркса так, будто Маркс высказался в негативном смысле, связывал объективный характер общественных законов лишь с отчуждением и овеществлением, лишь с антагонизмами классового общества. При коммунизме объективные общественные законы якобы уступают место «детерминации» со стороны разума субъекта, которая действует также через посредство установленных разумом «объективных» общественных условий. Надо сказать прямо: это фальсификация марксовской теории в духе субъективного идеализма!

В бесклассовом обществе, говорит Маркузе, борьба человека с «царством необходимости» продолжается в совершенно иных формах. Поэтому нельзя втискивать в диалектическую структуру «предыстории» «историю», то есть бесклассовое общество. Марксова диалектика еще связана с классовым обществом прежде всего понятием необходимости. Маркузе коротко и ясно полемизирует против механистов и их толкования революции¹⁵⁴. Но он тут же делает ревизионистское дополнение: «Переход... к социализму необходим, но лишь в том смысле, что необходимо полное развитие индивида»¹⁵⁵. Социализм для него — это своего рода индивидуализм, а необходимость — функция индивидуализма, неопределенное и, в конечном счете, неопределимое отношение.

Но тут же Маркузе вдруг переходит на мнимо ленинские позиции: «Революция действительно зависит от тотальности объективных условий; для нее необходимы определенный уровень материальной и интеллектуальной культуры, осознавший себя и организованный в международном плане рабочий класс, острая классовая борьба. Но эти условия станут революционными лишь тогда, когда они будут охвачены и направлены сознательной деятельностью, целью которой является социализм. Ни малейшая естественная необходимость или даже автоматическая неизбежность не гарантируют переход от капитализма к социализму»¹⁵⁶.

Последнее с апломбом высказанное предложение, конечно, вновь сформулировано слишком абсолютно, ибо необходимость в форме объективных условий является

такой же обязательной предпосылкой успеха революции, как и субъективный фактор. Именно преувеличение антидетерминистского элемента в мышлении Маркузе является основной волюнтаристско-путчистской тактики его самого и его последователей. Маркузе как бы одной рукой забирает то, что он дал другой. Надо познать объективные и субъективные условия революции, их внутреннюю диалектику, причем исторически объективный фактор делает возможным и определяет субъективный и в этом смысле является первичным.

По сути мы имеем здесь дело со старой концепцией необоснованной, индетерминированной, субъективной диалектики, которая проявлялась в свое время у молодого Лукача, правда в ослабленном виде, и в ранних работах Маркузе. Ныне Маркузе, Сартр и другие представители «третьего пути» бросают ее в бой против марксизма. Онтологической диалектике Гегеля противопоставляется лишенная базы и к тому же в значительной степени исторически релятивированная диалектика Маркса. В аргументации Маркузе как будто много правильного: например, что в бесклассовом обществе диалектика будет иной, чем в антагонистическом классовом обществе. Но эти оба вида диалектики могут быть диалектикой лишь в том случае, если они обладают не только специфическим различием, но и общим родом, к которому они принадлежат. Мы уже видели, что без отличных от субъекта форм объективной диалектики нет и не может быть никакой диалектики человеческой практики. При всем отличии диалектики природы от диалектики общества их объединяет нечто общее, и это имеет свои объективные основания.

Общество невозможно без природы. Человек — самое высокоразвитое существо природы, и основой человеческого общества является обмен веществ между человеком и природой: человеческий труд. Как общественное существо, человек всегда есть также существо природы. Поэтому самые общие законы движения и развития в природе и обществе должны быть одинаковыми, диалектическими. Нельзя признавать диалектику общества и отвергать диалектику природы, ибо тем самым разрывается генетическая и вещественная связь между природой и обществом. В противном случае общество превратилось бы в беспочвенное, лишенное предпосылок творение человека, который тогда выглядел бы лишь простым

подобием, земным изданием христианского бога. Диалектика возможна лишь постольку, поскольку существует внутреннее единство вселенной, внутренняя связь всех вещей и явлений, которую отражает наша субъективная диалектика. Эта универсальная связь при всей конкретности и прерывности между специфическими видами диалектики составляет всеобщее, связующее непрерывное во всей материалистической диалектике. Маркузе не решает проблему соотношения между единичным, особенным и общим, а если решает, то неправильно! Он не только разрывает эти формы сущего, но вместе с разрушением взаимосвязи между ними разрушает также само их бытие, а также бытие особенного, конкретного.

Не было бы никакой конкретной диалектики — ни диалектики общества, ни диалектики природы, ни диалектики бесклассового или антагонистического классового общества, — если бы не было всеобщей диалектики, которая в диалектическом смысле объединяет, а не просто «суммирует» единичное, особенное и всеобщее, воплощает «единство» конкретных видов диалектики, содержит в себе их наиболее общие признаки и проявляется в конкретных видах диалектики.

Маркузе неправильно толкует и употребляет как аргумент положение, разработанное В. И. Лениным и выдвинутое им в борьбе против Бухарина и Троцкого. Это положение не имеет никакой антиматериалистической направленности, и Ленин отнюдь не отстаивал «принципиальную координацию» субъекта и объекта. Из того факта, что для всестороннего определения общественно произведенных предметов необходим учет всех сторон создающих их суть общественных действий (причем Ленин знает и говорит, что это всегда возможно лишь приближенно, почему он как раз в этой связи и формулирует тезис о решающем звене в цепи), — из этого правильного положения Ленина не следует, что в природе и обществе не могут существовать еще и другие факторы, определяющие суть вещей и процессов. Конечно, Ленину были известны критические замечания Маркса к первому разделу «Готской программы», в которых он отверг сформулированный в этом разделе тезис о том, что человеческий труд есть источник всякого богатства. Маркс указал на то, что сюда относится, очевидно, и природа. Но и Ленин никогда не высказывал тех ложных положений, которые формулирует Маркузе; в данном случае Ленин говорил

о конкретных общественных проблемах, из рассмотрения которых в этом конкретном смысле может быть исключено упоминание о природных процессах, но которые в принципе должны, естественно, учитываться. Маркузе просто извращает выводы Ленина.

Если правильно то, что говорил Ленин относительно необходимости учета всех общественных аспектов созданного обществом предмета, то из этого отнюдь не следует, что каждый предмет обладает только общественными конститuentами.

Неправильным является и следующий аргумент Маркузе, будто исторический материализм в конечном счете отрицает сам себя. Это положение высказывается им в связи с его тезисом о самодетерминации разума. Если этот аргумент свести к формуле, то получится: если А определяет величину Б, а Б — величину А, то тогда А определяет само себя. Весьма глубокомысленно! Не накладно ли формально-логический принцип тождества возводить в основу философии, которая прежде так воинственно выступала против формальной логики и против позитивизма.

Но в действительности диалектика Маркузе сама является позитивистской в той мере, в какой она содержит рецепт для предотвращения революции, хотя и замаскированный левацко-радикальными фразами. В аргументации относительно А, которое само себя детерминирует, само А остается необоснованным. Такой рационализм сам лишен основания.

Конечно, при коммунизме люди будут рационально регулировать свой обмен веществ с природой. Но эта рациональность должна вновь и вновь изучаться и исследоваться. Развитие экономики, техники, науки будет постоянно вызывать новые последствия, оказывать воздействия на самые различные стороны общественной жизни, которые никогда не могут быть предвидены полностью, абсолютно.

Объективные условия, хотя и рационально регулируемые, будут определять сознание живущих поколений людей, общество сможет и впредь будет двигаться вперед лишь в бесконечном процессе преодоления противоречий, хотя и не антагонистических, в процессе борьбы нового против старого.

Другими словами: и в бесклассовом обществе нет иной возможности объективно обосновать рациональ-

ность, как выводя ее из историко-материальной общественной реальности, а не из субъекта. Маркузе лишь опять проявляет свой субъективизм, являющийся не пролетарской, а буржуазной формой сознания, мировоззрением, над которым господствует буржуазная собственность, принцип конкуренции, о чем уже догадывался молодой Гегель¹⁵⁷.

Когда Маркузе писал свою вторую книгу о Гегеле, он выдавал себя за марксиста¹⁵⁸. В 1941 году он на словах распространил свое признание марксизма и на ленинизм. В основу этого им была положена субъективистская интерпретация Маркса и Ленина. Критику В. И. Лениным эклектицизма Бухарина и Троцкого он фальсифицировал для поддержки своего тезиса о ликвидации независимой объективности. Диалектическим является лишь то, что подчинено человеческой практике, причем именно практике антагонистического классового общества. Такой «вывод» сделал Маркузе из идей якобы В. И. Ленина, приписал это марксизму и после этого признал марксизм, включая и учение Ленина. Освобождение означает теперь для этого «марксиста» некий новый порядок вещей на основе человеческой активности, которая трактуется им как «автономный акт»¹⁵⁹. Правда, у него иной раз встречается и такое понятие, как «объективные условия»¹⁶⁰, но если внимательно присмотреться, то обнаруживается, что, как и раньше, он все сводит к автономии человека.

В конце книги, полемизируя против ревизионизма, Маркузе в этой связи правильно характеризует марксизм как законного наследника классической буржуазной философии. Но как понимал он это наследие? И как полемизирует он против ревизионизма? Маркузе критикует ревизионистский отказ от диалектики. Но диалектику он трактует как субъективистский, активный индетерминистский принцип! Соответственно этому он причислял к ревизионистам не только Бернштейна, а — совершенно правильно — и Каутского, но Каутского — не теоретика механицизма, а Каутского — материалиста, который в полемике с Бернштейном указывал на то, что Марксу и Энгельсу удалось «включить область истории в царство необходимости», то есть в царство, в котором действуют закономерности развития, и тем самым поднять «историю до уровня науки»¹⁶¹. В этих словах Каутского нет ничего ревизионистского. Но именно в них

Маркузе увидел якобы отход Каутского от марксизма, от субъективной активности ¹⁶².

Итак, мы вновь подошли к исходному пункту творчества Маркузе. Маркузе — субъективист, он ревизует марксизм на субъективистский манер. Следуя такой в корне неправильной интерпретации марксизма, современные антиавторитаристы выдают себя за «истинных» марксистов!

Критикуя иногда и ревизионизм, Маркузе никогда не затрагивает ультралевацкий вариант ревизионизма и его попытки истолковать марксизм в духе гегельянства или экзистенциализма. Более того, в 1941 году с этих позиций, но исключая на словах из своей критики Ленина, он ведет борьбу против действительно последовательного марксизма. Для беспринципного оппортунистического характера теоретических рассуждений Маркузе весьма характерно то, что через несколько лет он «радикально» сменит эту позицию и пойдет в поход против марксизма-ленинизма с позиции ревизионизма Гильфердинга и позднего Каутского.

Маркузе никогда не признавал ревизионистские импликации своей субъективистской критики оппортунизма. В действительности же эта критика была скорее критикой марксизма под флагом субъективистской интерпретации марксизма. Ее целью является в конечном счете этический социализм, поскольку она отвергает научное обоснование социализма. Но тем самым она возвращается на те самые позиции, на которых в свое время стоял Эдуард Бернштейн. Итак, теоретические основы правого и левого оппортунизма сливаются воедино, ибо правый ревизионизм Бернштейна также отрицал — с позиции неокантианства — существование общественных законов. Правый оппортунизм и левый имеют одинаковые социальные корни и развивают одинаковые апологетические стереотипы: «стабильность системы», «деградация рабочего класса», «бюрократизация партии» и социалистического государства, «диктатура партии над пролетариатом» и т. п. Различна лишь оценка того, что ими обозначается с помощью одинаковых стереотипов.

Индивидуалистическое искажение марксизма имеет у Маркузе конкретные последствия. Оно обуславливает его непонимание диалектики свободы и необходимости, мешает всякому правильному пониманию реального общественного процесса освобождения угнетенных и экс-

плуатируемых. Оно связано с его неприятием «реального социализма». Конкретно это проявляется в непонимании сложных проблем переходного периода от капитализма к социализму, международную проблематику которого он в то время не анализировал. Впервые такую критику реального социализма мы находим в написанной им в 1937 году статье о «критической теории». Далее она встречается во второй книге о Гегеле, правда в несколько ослабленном виде, с учетом обстановки в 1941 году, но по существу неизменной: социализация средств производства как таковая является лишь «чисто экономическим фактом»¹⁶³. Построение нового общественного строя зависит, по мнению Маркузе, лишь от того, как человек дальше поступит с социализированными средствами производства¹⁶⁴. В противоположность Марксу, он не считает производственные отношения базисом, определяющим общественную жизнь¹⁶⁵. Отсюда прямая дорога приведет его позже к тезису об одномерности. И это вновь свидетельствует о том, что Маркузе, в конечном счете, не считает капиталистическую собственность источником враждебного человеку характера капитализма. Он утверждает, что политические решения окончательно определяют качества общественного строя. Вот смысл всей его «аргументации».

Естественно, при социализме нужны не «только» экономические мероприятия. Но неправильным является то толкование соотношения первичного и вторичного, которое содержится в этой аргументации. Согласно его общественной теории, в принципе возможно, что социализм может быть бесчеловечным, а капитализм — человеческим, ибо это определяется не экономикой, зависит не от базиса, не от производственных отношений, а исключительно от политики, от людей, определяющих политику, от их идей. Отрывая бесчеловечность общественного строя от его производственных отношений, Маркузе в конечном счете препятствует рациональному объяснению основных пороков эксплуатации и угнетения человека человеком. Как можно рационально объяснить эту проблему, если все относится к сфере политического, а это политическое остается индетерминированным? В таком контексте главный мотив бесчеловечности — погоня за прибылью становится вопросом второстепенным. Точно так же аргументировали правые социал-демократические идеологи, авторы «Годесбергской программы», принятой на съезде этой

партии в 1959 году. Чтобы обосновать свой фактический отказ от требования социализации, они утверждали, что обобществление не обязательно несет свободу.

Маркузе приписывает социализму те антигуманные явления, которые, как пережитки капиталистического прошлого, еще могут иметь место на первых этапах строительства социализма. Но они не вытекают из характера социалистических производственных отношений и социалистической государственной власти и успешно преодолеваются в процессе социалистического строительства. Несомненно, преодоление этих пережитков происходит не автоматически и отнюдь нелегко. И все это, разумеется, происходит не без противоречий, столкновений и даже борьбы. Маркузе игнорирует конкретную диалектику развития социализма, изображая дело так, будто все эти трудности проистекают из социалистических производственных отношений. Поэтому он проповедует необходимость «перепрыгнуть» через социализм, релятивизирует экономический переворот. При социализме нет социальных слоев или классов, заинтересованных в сохранении антигуманистического наследия капиталистического прошлого. Поэтому социализм может преодолеть и преодолет эти унаследованные от капитализма проблемы, которые Маркузе лишь подхватывает, чтобы иметь возможность «обосновать» свою антисоциалистическую аргументацию. По сути он разрывает внутреннюю взаимосвязь между свободой и производственными отношениями, что объективно на пользу лишь защитникам существующих капиталистических производственных отношений. Здесь обнаруживается объективно буржуазный классовый характер концепции Маркузе. Ее сторонники в своем большинстве не сознают, что именно это и есть та классовая социальная почва, на которой создается теоретический и практический единый фронт Маркузе и леволиберальных, ультралевых, а также антиавторитарных сил, теоретические рассуждения которых совпадают с его взглядами. С этих позиций «третьего пути» можно выступать как против капитализма, так и против социализма. Только диалектика этой борьбы такова, что основы капитализма остаются незыблемыми в той степени, в какой клеветнически дискредитируется реальный социализм. Буржуазный характер подобной политики «третьего пути» совершенно очевиден.

Индетерминистская, индивидуалистская, субъективни-

стская концепция свободы проявляется также в толковании соотношения теории и практики. В конце своей книги Маркузе решает эту проблему в духе примата теории. Конкретные условия осуществления истины могут изменяться, говорит он, но сама истина остается неизменной, теория является ее верховным вождем и хранителем. Позже в книге «Одномерный человек» Маркузе заговорит даже о непреодолимой пропасти между теорией и практикой! Теория должна придерживаться истины даже вопреки «ложной практике». Практика должна следовать за истиной, а не наоборот.

Это — философский идеализм чистейшей воды. Разве не истина следует за практикой, которая предшествует истине, ее осознанию? Разве не практика как критерий истины должна служить конечной мерой истины? Во всяком случае, так решает эту проблему Маркс!

ПАУЗА МЕЖДУ ВТОРЫМ И ТРЕТЬИМ ПЕРИОДАМИ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ МАРКУЗЕ

В предыдущих замечаниях мы уже затронули концепции, которые Маркузе развивал в следующем, третьем периоде своей деятельности. В его второй книге о Гегеле встречались уже некоторые идеи и мотивы его последующих работ (например, в характере критики позитивизма¹⁶⁶, в теории техники¹⁶⁷, в его критике толерантности¹⁶⁸) и намечался переход между этими двумя периодами. И все же между ними имеются существенные теоретические и политические различия.

В теоретическом плане речь идет об отходе Маркузе от тех идейно-теоретических основ, которых он придерживался во втором периоде своей деятельности. Он сам пытается объяснить этот отход тем, что высказанные Гегелем и Марксом пророчества¹⁶⁹ не осуществились. На деле же оказалось, что его собственные неисторические, оторванные от действительности ожидания, проистекавшие из его мелкобуржуазной позиции, но которые он пытался выводить из своего толкования учения Гегеля и Маркса, не соответствовали реальному историческому процессу. Поэтому он отворачивается от ранее воспринятых им, но своеобразно истолкованных взглядов Гегеля и Маркса, если это вообще можно назвать «восприимчивым». И теперь Маркузе через идеи Фрейда и частично

Сартра вновь возвращается к своим первоначальным, сложившимся под влиянием Хайдеггера, исходным позициям. В свою новую «критическую теорию» он включает и элементы из творений Гегеля, Маркса и из современных общественно критических теорий. В результате возникает новый вариант ревизии марксистской диалектики и исторического материализма. И это оказывается теоретической основой его концепции «третьего пути».

Есть и другие важные различия в способе, каким он развивает теперь свой «третий путь». Начало второго периода развития Маркузе прошло под впечатлением победы фашизма. Тогда во многих странах развернулось движение народного фронта и антифашистско-освободительная борьба. Антифашистско-освободительная война народов способствовала общему «полевению», оказала свое влияние на формы союза между пролетарскими и буржуазно-демократическими антифашистами. В этой начальной стадии второго периода Маркузе ближе, чем когда-либо раньше или позже, подходит к марксистским тезисам, однако он и при этом пытается лишить марксизм его идеологической самостоятельности. Внутри названного союза шла борьба за гегемонию, в том числе и в области философии. Развитая тогда «третья» версия могла, правда, послужить кое-кому как переходный этап к марксистским взглядам. Но именно в этот период «всеобщего полевения» эта версия вследствие содержащейся в ней ревизии марксизма и мешала такому переходу.

В послевоенных условиях много нового принесло изменение соотношения сил. Вновь ожили буржуазно-гуманистические идеи. На заключительной фазе войны Маркузе был начальником отдела в американской разведке, затем в министерстве иностранных дел США¹⁷⁰. Эта его служба была явно несовместима с открытым высказыванием слишком левобуржуазных убеждений. Антифашистский союз вскоре вытеснила холодная война. В новых условиях Маркузе временами прямо включался в антикоммунистическую психологическую войну. Отсюда, естественно, возникла новая версия «третьего пути», отличная от концепции второго периода развития его творчества.

Последующие перемены этого периода привели и к тому, что в 60-х годах у Маркузе вновь проявились тенденции внешнего обращения к марксизму. Оценивая этот факт, не следует забывать, что к тому времени уже произошло существенное изменение соотношения сил на меж-

дународной арене, ослабление морально-политических позиций ведущей силы капитализма — США вследствие войны во Вьетнаме и что научно-техническая революция вызвала целый ряд новых социальных последствий. На все эти изменения Маркузе, как и в прошлом, реагирует как чувствительный сейсмограф. Его личное поведение как бы олицетворяет линию поведения «образцового представителя» мелкой буржуазии, лавирующей между фронтами, которая сложным образом отражает противоречивый процесс всемирного перехода от капитализма к социализму. И в его поведении можно достаточно четко проследить отражение в мелкобуржуазном сознании возрастающей роли социализма на международной арене.

Глава V

ТРЕТИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКУЗЕ. РАЗРАБОТКА «КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ»

Мы намеренно отказались от того, чтобы в заголовке точно датировать этот период. Что касается его начала, то мы видели, что в некоторых работах 40-х годов уже содержались тезисы, которые Маркузе разрабатывал позднее, в третьем периоде. Но в первые годы третьего периода Маркузе молчал. Возможно, он был слишком занят своей разведывательной службой.

В сжатом виде тезисы третьего периода впервые были изложены им в «Послесловии» ко второму американскому изданию его второй книги о Гегеле, то есть в 1954 году. Однако с уверенностью можно сказать, что этот период начался еще раньше: в своем «Посвящении» к книге «Общественное учение советского марксизма» Маркузе указывает, что первая часть этой работы писалась еще в 1952—1953 годах.

Мы уже упоминали, говоря об этом периоде жизни Маркузе, что он вначале был руководителем отдела в американской секретной службе, а затем служил в разведслужбе министерства иностранных дел. Та внешняя политика Соединенных Штатов, в осуществлении которой принимал участие Маркузе, характеризовалась в тот период разрывом с политикой Рузвельта, разжиганием Трумэном холодной войны. Ныне доказано, что жертвы Хиросимы и Нагасаки были и первыми жертвами холодной войны: с 28 мая 1945 г. Япония была готова заключить мир; руководители Соединенных Штатов думали в тот период уже о другом противнике, о Советском Союзе. И с помощью страшной мощи атомного оружия они стремились осуществлять политический шантаж в отношении Советского Союза.

В 1953 году, в разгар холодной войны, Маркузе перешел в Восточный институт Гарвардского университета, через год он стал профессором Брандейского университета, а в 1965 году — профессором Калифорнийского университета. С тех пор он одновременно является внештатным профессором университета в Западном Берлине. Следует отметить, что большинство работ, изданных Маркузе в этот период, финансировались теми зловещими организациями США, характер которых он в последнее время сам осторожно разоблачает.

ПРЕДИСЛОВИЯ И ПОСЛЕСЛОВИЯ К НОВЫМ ИЗДАНИЯМ СТАРЫХ РАБОТ

В пятидесятые годы Маркузе пишет ряд предисловий и послесловий к новым изданиям своих старых работ. Мы уже указали на «Послесловие» ко второму американскому изданию второй книги о Гегеле, написанное в 1954 году. Здесь мы находим набросок содержания книги «Советский марксизм» (так будем для краткости называть антисоветскую книгу Маркузе «Общественное учение советского марксизма», первая часть которой и была написана незадолго до этого¹). Вместе с тем «Послесловие» содержит некоторые основные идеи «Одномерного человека», то есть ядро новой «критической теории» Маркузе. Впоследствии оно пополнится еще новой версией критики позитивизма и теории «новой» политики.

Наш автор исходит из следующего тезиса: поражение фашизма не привело к уничтожению истоков тоталитаризма. Свобода по-прежнему находится в отступлении. Ни гегелевская, ни марксова «идея разума не приблизилась к осуществлению; ни развитие духа, ни развитие революции не приняло форму, которую предсказала критическая теория»². Эти отклонения не были неожиданными, они рождены той структурой, которую разоблачила диалектическая теория.

С самого начала современного этапа развития идея и действительность разума содержали опасные элементы. Маркузе называет их: «порабощение человека его собственной продуктивностью», «прославление ожидаемого будущего счастья», «репрессивное господство над человеческой и внечеловеческой природой», «развитие человеческих задатков в рамках господствующей структуры»³.

В целях критического анализа этих тезисов Маркузе сначала обращается к идеализму. Гегель не постиг реальности тиранического государства. Он принял буржуазный строй и буржуазное государство за историческое осуществление разума. Высшее осуществление он приписал метафизике. Обогащение духа означает признание его поражения в действительности. В негативности Гегель видел жизненный элемент разума. В конечном счете это означает, что факты надо понимать под углом зрения их изменчивости.

Далее следует уже известная нам схема разума: разум в своей глубочайшей сущности — это противоречие, оппозиция, отрицание, во всяком случае до тех пор, пока он еще не осуществился. Если эта негативная сила разума сломлена, то действительность в соответствии с ее собственными законами развивается в репрессивную силу.

Такой упадок негативности характеризует позднюю индустриальную цивилизацию: растущая концентрация и тем самым растущая власть экономического, политического и культурного контроля ликвидируют оппозицию. Функция духа меняется: «он способствует господствующим силам в управлении и организации», разрушая негативность. «Разум отождествился с действительностью: что действительно, то разумно, хотя то, что разумно, еще не стало действительностью»⁴.

Мы видим, что Маркузе, поступая, как обычно, антиисторически, приписывает уже разуму Гегеля то, что «совершает» «разум» утвердившегося, ставшего реакционным капитализма. Маркузе, некогда защищавший рационализм от эмпиризма, теперь отступает в этом вопросе под предлогом так радикализировать анализ, чтобы он смог осуществить то, на что старый рационализм не был способен. Мы в дальнейшем еще проследим развитие этой мысли. Здесь же хотелось лишь указать на то, что вследствие этого меняется его отношение к теории. В конце второй книги о Гегеле Маркузе еще писал, что теория есть истина, а практика должна следовать за ней. Теория остается истиной, даже если практика плохая или совершенно ложная. Теперь эти прежние взгляды уступают место новому воззрению об уязвимости самой теории!

Если Маркузе, как мы уже говорили, настолько приближает Гегеля к Марксу, что Маркс уже не может претендовать на самостоятельную рациональность, то за осуждением Гегеля должно последовать также осуждение

Маркса. Маркс, говорит Маркузе, хотел по-новому определить разум. Не забывайте, что, по мнению Маркузе, это новое определение имеет место лишь внутри описанного Гегелем круга разума. Маркс считал, «что индустриальное общество создало условия для осуществления разума и свободы, но этому осуществлению единственно препятствует капиталистическая организация»⁵. Маркс требовал создания предпосылок освобождения: полное развертывание производительных сил, овладение природой, создание материальных богатств для удовлетворения основных потребностей всех членов общества. Эти предпосылки были налицо. Маркс также показал, что, несмотря на существенную связь между капиталистической производительностью и социалистической свободой, пролетарская революция нужна для того, чтобы осуществить этот переход, который, однако, должен принести нечто большее, «чем освобождение и рациональное использование производительных сил, а именно освобождение самого человека: уничтожение его порабощения инструментами его же труда и тем самым полную переоценку всех общепринятых ценностей. Лишь это «большее» превратило бы количество в качество и создало другое, непререкаемое общество, означало бы определенное отрицание капитализма»⁶.

Здесь налицо явное стремление рассматривать Маркса лишь как экономиста, мыслящего в рамках гегелевских импликаций. Переоценка всех ценностей должна происходить внутри всемирной империи Гегеля. Заметим мимоходом, что Маркс неправильно интерпретируется еще в том смысле, будто он увидел и критиковал порабощение человека своими средствами труда и разработал политику для преодоления этого порабощения.

Исходя из таких неправильных посылок, Маркузе и критикует Маркса. Для совершения революции необходим класс пролетариата, но он сможет выполнить свою миссию лишь в том случае, если освободится от всех репрессивных преформаций. «В строгом смысле освобождение предполагает свободу»⁷.

Свобода, утверждает Маркузе, может быть осуществлена лишь в том случае, «если ее проводниками и носителями являются свободные индивиды, освобожденные от потребностей и интересов господства и угнетения»⁸. Сама революция должна идти вперед через свободу, иначе будет сохраняться принцип угнетения, «будет неизбежным

роковое расхождение между «непосредственными» и «истинными» интересами индивидов., индивиды станут объектами их собственного освобождения, а свобода — делом администрации и декрета. Прогресс превратился бы в прогрессирующее угнетение, а «промедление» в осуществлении свободы угрожало бы стать самодовлеющим и увековечиться»⁹.

Такая фальсификация марксизма и социализма является теоретической основой политического разочарования Маркузе¹⁰. Он теперь проводит различие между неким дореволюционным и послереволюционным пролетариатом и заявляет, что это различие имеет решающее значение. Оно якобы возникло лишь после смерти Маркса в период перехода капитализма в свою монополистическую стадию. Говоря о послереволюционном периоде, он имеет в виду пролетарское существование в условиях империализма. Отличительным признаком такого послереволюционного существования является превращение марксизма в ленинизм. Теперь это учение определяет судьбы Советского Союза и стимулирует подчинение прогресса в Советском Союзе «новой системе репрессивной производительности»¹¹. Марксова концепция свободного пролетариата как абсолютного отрицания капиталистического общества относится им лишь к модели «свободного капитализма»¹². В «свободном капитализме» свободно действовали основные экономические законы, которые привели к обострению противоречий системы, главная жертва которых — пролетариат стал носителем революции. Но с возникновением «организованного капитализма» многое изменилось. С начала века имманентные противоречия системы организуются все более эффективно, «в результате чего негативная сила пролетариата все более ограничивалась. Не только немногочисленная «рабочая аристократия», но наибольшая часть трудящихся классов была превращена в позитивную составную часть устроенного общества»¹³. Разве не показательно, что Маркузе развивает этот тезис и утверждает, будто рабочие Европы не хотят ничего знать о социализме в тот период после второй мировой войны, когда почти все партии капиталистической Европы сочли необходимым обещать рабочим социализм? Даже в ФРГ Христианско-демократический союз в «Аленской программе», принятой в 1947 году, маскировался под социалистическую партию. Для чего же это делалось, если рабочие «не хотели ничего слышать» о социализме?

Этот заимствованный у буржуазной апологетики тезис был развит Маркузе в книге «Советский марксизм» до столь модного ныне тезиса о том, что в результате интегрирующей силы капитализма революционный потенциал пролетариата якобы иссяк. Оппортунизм в рабочем движении оправдывается тем, что он объясняется объективным процессом, который деформирует класс в целом. Ленинская теория оппортунизма просто «радикализируется» в теорию «сверхоппортунизма». Наш ультралевый критик марксизма оказывается на деле апологетом правого оппортунизма социал-демократического толка. Правый оппортунизм всегда маскировал свое предательство утверждениями о «неспособности» масс, об их «неразумности». Вот типичный образчик оппортунизма Маркузе. Сейчас, мол, речь идет об условиях, которые Маркс не мог знать и, следовательно, не мог анализировать. Маркузе ничуть не смущает тот факт, что Маркс вскрыл основные законы капитализма как способа производства и что эти основные законы действуют также при империализме.

По Маркузе выходит так, что не только растущая производительность, но также и растущий жизненный уровень порождают этот оппортунизм. Энгельс явно не ожидал такого роста жизненного уровня рабочего класса в результате его борьбы, растущей мощи рабочего движения. Монополистические сверхприбыли, следствия эксплуатации колоний позволили поднять ценой военных приготовлений и войны реальную заработную плату трудящихся. Не просто обнищание, а «обнищание перед лицом растущей общественной производительности» должно было превратить пролетариат в революционную силу¹⁴.

Маркузе выводит революционные потенции рабочего класса из его относительного обнищания. Он объясняет их тем фактом, что пролетариат является страдающим классом. Исторически известно, когда был высказан этот взгляд: еще до Вейтлинга! Теоретически речь идет о том, что революционные потенции рабочего класса выводятся из отношений распределения, а не из его роли как решающего производителя общественного богатства. Одновременно здесь обнаруживается, что понятие класса у Маркузе является немарксистским. Определять понятие класса, исходя лишь из признаков распределения, а не производства, означает с точки зрения философии обосновать его идеалистически, а не материалистически.

Отныне Маркузе придерживается этих теоретически

неправильных взглядов. Его «Одномерный человек» также строится на этом теоретическом фундаменте. В этой книге революционные потенции выводятся только из страданий, то есть из необеспеченности, причем речь идет о необеспеченности в области экономического распределения и политико-гражданских прав. Мы вполне учитываем значение «необеспеченности» и не отрицаем, что оно содержит в себе революционные стимулы. Неправильно лишь обосновывать революционную миссию класса или социального слоя в первую очередь или только именно этим обстоятельством, не обращая внимания на другие, более глубокие процессы и противоречия лишь потому, что в определенные периоды и в определенных сферах капитализма они проявляются недостаточно четко.

Маркузе утверждает далее, что марксово понятие обнищания пролетариата охватывает и осознание обнищания и возможности человеческого осуществления. Совершенно антиисторически, в духе вульгарно-механистического материализма звучат его слова: «Но развитие капиталистической производительности остановило развитие революционного сознания»¹⁵. Технический прогресс, техника становятся у него субъектом вновь создающейся обстановки: здесь Маркузе аргументирует как дюжий технократ! Тем самым, с одной стороны, социальная система капитализма освобождается от положения «обвиняемого». С другой стороны, и капитализму, и социализму, как промышленным обществам, приписывается один общий детерминирующий несоциальный фактор. Подобные враждебные технике утверждения мы вновь встретим в «Одномерном человеке». Все это — аспекты «третьего пути» по ту сторону от капитализма и социализма.

Маркузе правильно отмечает, что технический прогресс увеличивает потребности и средства для их удовлетворения. Но именно в результате этого потребности и средства для их удовлетворения становятся репрессивными; они служат сохранению угнетения и господства. Развивающаяся управленческая система сокращает возможности индивида быть «у себя» и «для себя», превращает его в тотальный объект общества.

Нашему автору известны крупные катастрофы «организованного» капитализма: мировые войны, мировые экономические кризисы, фашизм и т. д. Он знает также и о великих революционных боях нашего века: Октябрьской революции, революции в Средней Европе в конце первой

мировой войны, китайской революции, возникновении социалистических государств в Европе, развале старой системы колониализма. Как же могло случиться, что он рисует столь лживую картину пролетариата, твердит об иссякании его революционных потенций? Он дошел до этого лишь потому, что с типично правооппортунистических позиций обосновывает как чисто объективное и неизменное нынешнее положение тех широких слоев рабочего класса, которые находятся под влиянием не революционного, а оппортунистического рабочего движения. Другие причины этого мы рассмотрим в нашей критике тезиса об «одномерности». При таком толковании развитие сознания становится привилегией отдельных личностей, какой и является Маркузе. Он изображает дело так, будто пролетариат развитых индустриальных стран вследствие своего «слияния» с капиталистическим обществом отказывается от коллективных действий в целях ликвидации существующего строя.

Какие факты, спрашивает Маркузе, позволяют «поздней индустриальной цивилизации» абсорбировать негативность? Увеличение аппарата производства и распределения создало иерархию общественной и частной бюрократии, «причем ответственность была в значительной степени нейтрализована»¹⁶. Ответственность верхушки этой иерархии может сохраняться лишь потому, что все подчинено заповеди служить «сохранению и расширению аппарата как целого». «Аппарат» воплощает всеобщую волю, коллективную потребность. Он кажется разумным, и поэтому оппозиция против него противоразумна. В развитых странах он обеспечивает «развитие общества, добиваясь улучшения условий и лучшего удовлетворения потребностей...»¹⁷. Следовательно, дальнейший прогресс не требует разрушения существующего базиса.

Это умиротворение оппозиции началось еще задолго до того, как фракция СДПГ в рейхстаге проголосовала 4 августа 1914 г. за поддержку политики войны. 4 августа 1914 г. лишь показало, насколько революционные силы были уже интегрированы в систему капитализма.

Необыкновенная производительность капиталистической системы делает возможным массовое производство, но вместе с тем делает необходимым и манипуляцию массами. С концентрацией экономической мощи в руках крупных монополий рос также уровень жизни населения. Технический прогресс изменил роль и значение социаль-

ных сил. Баррикады потеряли свою ценность, забастовка — свое революционное содержание. Интеграция пролетариата дополнялась интеграцией средств его борьбы.

Сколь бессмыслен этот механический материализм и вытекающее отсюда принижение значения забастовки, вновь наглядно показала мощная забастовка во Франции в мае — июне 1968 года. Даже поклонники Маркузе в Федеративной Республике Германии стали требовать от класса, который они до этого считали интегрированным, объявить «всеобщую забастовку» (для которой тогда условия еще не созрели) в целях воспрепятствования введению чрезвычайных законов, надеясь таким образом поставить на повестку дня вопрос о власти (что также было волюнтаристским самообманом).

Тем самым они невольно подтвердили, что пролетариат продолжает сохранять свою объективную роль могильщика капитализма.

Уже в 1954 году Маркузе достиг крайней точки и в своей критике реального социализма¹⁸. Он договорился до того, будто своим развитием Советский Союз консолидирует капитализм. Затем Советский Союз превратился в «высоко рационализированное и индустриализированное общество вне капиталистического мира, достаточно мощное, чтобы конкурировать с ним на его же собственных условиях»¹⁹, поставив под вопрос монопольную претензию капитализма на будущее и на олицетворение цивилизации. Западный мир ответил на это тотальной мобилизацией, которая довела до совершенства национальный и интернациональный контроль над опасными зонами общества. Опасность заставила капитализм успешно преодолевать не только внутренние, но и внешние противоречия. Приспособление стало вопросом жизни и смерти. Все это вытекает из «исторической структуры позднего индустриального общества.., с тех пор как ему удалось ради своей собственной производительности поставить под контроль свою диалектику»²⁰. Эта тенденция охватывает все общество. Всеобщим феноменом становится преформация индивидов, их превращение в объекты управления²¹.

Нарисовав столь мрачную картину этого технологического механизма, составляющего внутреннюю «душу» современного «индустриального общества» (упомянем здесь лишь о принципиальном родстве этих взглядов с технологическо-фаталистскими идеями Ганса Фрейера,

изложенными, например, в его «теории современной эпохи», а также Шельского, Гелена и других консерваторов)²², Маркузе спрашивает, где все же выход из создавшегося положения? Ведь идеи разума, свободы, сформулированные Гегелем и Марксом, вновь кажутся утопией.

Если правильна теория чисто технологически обусловленного, механически причинного процесса интеграции, то тогда не может существовать даже та надежда, которую он все же проповедует²³.

В 1964 году Маркузе написал «предисловие»²⁴ к новому изданию своих очерков, впервые вышедших в 1934—1937 годах. Мы хотели бы в этой связи коротко разобрать это предисловие, чтобы лучше понять, из каких позиций исходил Маркузе при написании своей первой большой работы третьего периода развития своего творчества — книги «Структура инстинктов и общество».

В 1964 году он заявил, что «совпадение по времени гражданской войны в Испании и процессов в Москве» зародили в нем сомнения относительно реального социализма²⁵. Его прежняя критика реального социализма несколько видоизменилась. Производительность и процветание в союзе с технологией, служащей монополистической политике, сделали прогрессирующее индустриальное общество неуязвимым для оппозиции. Почему так? Почему мы могли бы преодолеть современное общество лишь с помощью более радикальных понятий, чем понятия Гегеля и Маркса? Может быть, гегелевская и марксова критическая теория была, следовательно, недостаточно абстрактной в том смысле, что «она еще была настолько тесно связана с рассматриваемым ею обществом, что в своем понятии отрицания она недостаточно обогнала это общество — другими словами, что ее понятие свободного и разумного общества обещало не слишком много, а слишком мало? Учитывая мощностъ и производительность организованного капитализма, не должна ли была «первая фаза» социализма быть иной и большей, чем то, как она спроектирована в марксовой теории, иной в смысле качества?»²⁶

Как видим, программа критики меняется: речь идет уже не о том, чтобы «только» критиковать реальный социализм. Предметом критики становится сам Маркс, причем критики не замаскированной, как раньше, проводившейся якобы во имя восстановления подлинного, «истинного» Маркса, а критики открытой: теперь уже Маркузе

открыто заявляет, что вся теория Маркса находится еще под решающим влиянием раннего капитализма. Социалистические идеи, хотя они выводят за рамки капиталистической производительности, «выступают в формах, запроектированных главным образом как возможность и отрицание еще не полностью развившегося капитализма»²⁷. Следовательно, они не охватывали все возможности капитализма. Многие из того, что они возлагали на социализм, теперь осуществил капитализм. Следовательно, марксово понятие социализма было недостаточно негативным по отношению к капитализму. Надо разработать иное понятие социализма.

Принципиально здесь нужно сказать, что Маркузе явно путает марксово понятие социализма с понятием производительности, что, конечно, недопустимо. Понятие социализма у Маркса охватывает ряд первичных и вторичных признаков, характеристика которых дается в различных произведениях Маркса и Энгельса. К первичным составным частям этого понятия относятся: диктатура пролетариата как политическое содержание переходного периода от капитализма к коммунизму, обобществление средств производства как экономическое содержание революции, планирование производства как основа социалистической экономической политики, партия рабочего класса как инструмент реализации гегемонии этого класса. К этому еще следует добавить указания относительно способа организации и распределения при социалистическом общественном строе, содержащиеся в «Критике Готской программы», в введении к «Гражданской войне во Франции», а также в «Учредительном манифесте международного товарищества рабочих» (I Интернационала).

Если посмотреть на капитализм с этой точки зрения, то надо будет признать, что, вопреки утверждениям Маркузе, капитализм ничего не осуществил из этих основных элементов социализма. Эти задачи еще предстоит решить во всех капиталистических странах, и решить их можно лишь при условии уничтожения капитализма, в том числе «организованного». В этом смысле нам не нужно никакое новое понятие социализма, а необходима лишь ясность относительно «старого» понятия.

Конечно, вместе с наиболее общими общественными условиями, в особенности с отношениями классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, который с октября 1917 года может вести классовую борьбу в совершенно

иных условиях, в лоне капитализма развивается и растет зародыш социализма, о котором еще говорил Маркс²⁸. В связи с этим развивается также теория и практика социализма. Сегодня, например, мы делаем различие между победой социалистических производственных отношений и осуществляющимся на этой основе развернутым строительством социализма. Многие конкретно по этому вопросу сказано и в документах Социалистической единой партии Германии. Но все это не отменяет то, что неизменными остаются основополагающие признаки социализма и его понятия. Проблема отрицания капитализма стоит, таким образом, отнюдь не по-новому. Исходный пункт Маркузе, следовательно, не выдерживает критики.

Он считает, что в царстве необходимости, то есть в царстве объективных производственных процессов, действуют силы тотального преобразования. Маркузе подходит к своему тезису «радикального» отрицания: общество и природа все более срастаются в единый аппарат, «из которого люди смогут выйти тем легче, чем более калькулируемым и автоматическим он будет. Здесь появляется шанс перехода количества в качество, прыжка в качественное различие». Именно наиболее преувеличенные, «эсхатологические» выводы Маркса, от которых он позднее сам отказался, более всего, по мнению Маркузе, отвечают новым тенденциям: «идее отмены труда»²⁹. Как раз автоматизация позволяет человеку, в конце концов, отойти от аппарата своего труда, выйти из него и охватить его своим взором. Тогда человек сможет свободно экспериментировать с этим аппаратом. Нельзя без конца манипулировать классическим противоречием между растущей производительностью и монополиями, но оно все же может привести к новым формам угнетения. «Более чем когда-либо раньше, прорыв управляемого сознания является предварительным условием свободы». Для этого необходимо, чтобы диалектическое мышление «стало более негативным и утопичным по отношению к существующему»³⁰.

Мышление Маркузе находится под впечатлением интегрирующей силы государственно-монополистического капитализма. Он, как показывает его критика марксова анализа капитализма и марксовой теории социализма, видит в первую очередь действие этой силы, и это связано с недостатками его прежней критической теории. Попросту говоря, это есть идеалистический подход к данной проблеме. Манипулятивные последствия системы существуют,

потому что якобы социалистическая идея недостаточно отрицательна. Так реальный общественный процесс становится функцией дефективной теории. Нужно лишь дать иную интерпретацию миру! К тому же, здесь вновь оправдывается манипулятивная роль социал-демократических оппортунистов.

Неправильно также принижать теорию Маркса как раннюю критику еще не развитого капитализма. Этот тезис, высказываемый также Бараном и Суизи³¹, не учитывает того, что такие открытые Марксом основные законы развития капитализма, как законы стоимости, прибавочной стоимости, закон накопления, господствуют как в раннем, так и в позднем капитализме. Ленинский анализ империализма исходит именно из принципов марксовой теории.

«СТРУКТУРА ИНСТИНКТОВ И ОБЩЕСТВО»

После наших замечаний о двух небольших работах Маркузе перейдем к его главным книгам третьего периода развития³². Первым крупным произведением была его книга, известная ныне в ФРГ под названием «Структура инстинктов и общество». Впервые она была издана в США в 1955 году под названием «Эрос и цивилизация».

Мы уже знаем, что Маркузе всегда выступал как приверженец индетерминизма. «Детерминирующие общество факторы» являются для него в лучшем случае продуктом деятельности человека, которые принимаются как отчужденные, овеществленные. Далее, как мы уже знаем, он утверждает, что гегелевское и марксово учение об обществе якобы несостоятельно по своему внутреннему содержанию. Ни тот, ни другой не постиг всего существа проблем, которые необходимо решать, а следовательно, не указывают и необходимые пути их решения. Почему пролетариат не следует своему революционному призванию? Теория об оппортунизме якобы недостаточна для того, чтобы ответить на этот вопрос. Нет ли в структуре инстинктов человека сил, которые противятся его освобождению, действуя в направлении увековечения угнетения? Не следует ли «дополнить» учение Маркса анализом этой структуры инстинктов, то есть поздней метапсихологической теорией Фрейда, чтобы правильно увидеть проблемы и сделать из них правильные выводы? Одной из не до конца решенных марксизмом проблем Маркузе считает проблему господ-

ства. В этом якобы проявляется то, что марксизм не порвал с гегелевской диалектикой. Перенятие им гегелевской диалектики непрерывности и прерывности является теоретическим отражением континуума непрерывной репрессии. Реальный социализм не только сохраняет прошлую культуру, но такую культуру, в которую вплелись репрессии прошлых тысячелетий. Поэтому марксизм не разрешает и проблемы свободы. Поэтому он не способен осуществить полный разрыв с капитализмом, быть по отношению к нему критическим и относительно социализма в необходимой мере радикально утопическим. Следовательно, нужно подвергнуть ревизии исторический материализм и марксистскую диалектику.

Версия Маркузе относительно мнимой конвергенции капитализма и социализма тоже имеет здесь свои корни: обе системы обладают одинаковой структурой инстинктов, которая репрессивна по существу. Выражением этого являются одинаковые продукты культуры, куда относятся им и производительные силы. А посему революция может быть успешной лишь при условии, что она породит новую культуру, новую технику, если она пойдет третьим, отличающимся и от капитализма и от социализма, путем к иной, третьей цели. Относительно нереальности этой теории Маркузе о невозможности верифицировать вытекающую отсюда негативную диалектику мы еще выскажемся неоднократно ниже. Мы подвергнем в дальнейшем критическому разбору и лежащую в основе его воззрения теорию инстинктов и теорию культуры всего этого направления. Здесь мы пока продолжим изложение воззрений самого Маркузе.

Он пытается обосновать свои тезисы, опираясь на Фрейда. Отсюда он надеется вскрыть ошибки в мыслительных построениях Гегеля и Маркса и открыть пути к революционизированию капитализма и к преодолению искажений социализма. Очевидно, это есть лишь видоизменение старой, субъективно-идеалистической концепции свободы у Маркузе. Чтобы уяснить фрейдовскую теорию господства, мы попытаемся тут кратко схематично раскрыть основные понятия метапсихологии позднего Фрейда и отношения между изображенными в этих понятиях «явлениями», как их толкует Маркузе:

Организм

в нем действуют два основных инстинкта

Инстинкт жизни (эрос) стремится к соединению живой субстанции во все большие и прочные единицы;

Инстинкт смерти (танатос) стремится к возвращению к безболезненному состоянию до рождения;

в своем проявлении основные инстинкты сталкиваются с **окружающей средой**

эта окружающая среда слишком бедна и враждебна для непосредственного удовлетворения инстинкта жизни, вынуждает решающие модификации основных инстинктов.

Модификация инстинктов

путем отвлечения и торможения

Результат:

заторможенное, отсроченное, замененное, но только благодаря этому относительно надежное и полезное.

удовлетворение инстинктов

Так возникает динамика инстинктов как борьба между эросом, инстинктом смерти и внешней средой.

Трем основным комплексам этой динамики инстинктов соответствуют три основных принципа:

принцип наслаждения (или удовольствия)

принцип нирваны

принцип реальности.

Принцип наслаждения (или удовольствия) стремится к неограниченному разворачиванию эроса путем разряжающей напряженности удовлетворения. Практически это означает стремление к увековечению наслаждения, к недопущению напряжения, к равновесию: принцип наслаждения имеет глубоко консервативный характер. Этим он сближается с принципом нирваны, который стремится к преодолению жизни, ибо жизнь означает перевес напряжения, ненаслаждения, потребностей. Принцип нирваны является в то же время также формой принципа наслаждения, поскольку он стремится к снятию напряжений.

Фрейд видел конвергенцию обоих принципов, однако он не делал из этого вывода об их единстве. Психическую жизнь он истолковал как смесь обоих принципов. Инстинкт смерти или разрушения принуждается служить

инстинкту жизни, однако сохраняет свою энергию. Последняя лишь отвлекается в сторону. В результате она не устремляется против своего организма, а проявляется как общественно полезная агрессия: как направленная против внешней среды (природы и общественно дозволенных врагов) и как совесть, мораль, «сверх-Я», которое служит общественному подчинению инстинктов³³.

Следовательно, агрессия — давайте это запомним — выводится в этой теории Фрейда из структуры инстинктов, из нашего общего отношения к внешнему миру в условиях «общих» жизненных лишений!

В рамках этой метапсихологической схемы Фрейд развивает свою теорию культуры — и Маркузе следует за ним: первоначально повелевавший организмом принцип наслаждения преследует лишь цель избежать страданий, а также получить удовольствие из зон тела (это фрейдовское понятие сексуальности, которая характеризуется не только половой сексуальностью). В скудной и враждебной нам окружающей среде принцип наслаждения не может развернуться. С самого начала становится необходимым подавление инстинктов. Первоначальная сексуальность удаляется из организма в целом, сосредоточиваясь в половых, служащих продолжению человеческого рода органах, поскольку остальные части организма должны быть освобождены для совершения необходимого труда. Следовательно, этот труд отделен от наслаждения, это — отчужденный труд, это репрессивно преобразованная энергия инстинктов, и как таковой труд создает культуру.

Запомним: отчужденный труд имеет тут совершенно иное содержание, чем у Маркса. Это — труд, совершаемый вопреки желаниям и лишь потому, что нужда заставляет нас изгнать получение чувственных наслаждений из остальных зон тела в генитальные органы. Сам труд не является теперь первым выражением жизни человека, основой его практических, теоретических и общественных отношений, он — продукт конфликта между нашими ненасытными инстинктами и убожеством окружающей среды. Замечательный греческий миф о Геракле на распутье уступает место библейскому сказанию о происхождении труда: мы потеряли рай и должны в поте лица добывать свой хлеб насущный! И наконец, нашей культуре в самой основе присуща репрессивность, поскольку она происходит из репрессивного, не связанного с наслаждением отчужденного труда.

Принцип наслаждения вынужден превратиться в принцип реальности, с тем чтобы организм был приспособлен к общественной жизни. Принцип реальности есть «не что иное, как принцип производительного воздержания, развитого как система всех модификаций инстинктов, отказов, отвлечений, сублимации, которые должно общество возлагать на индивидов, чтобы превратить их из носителей принципа наслаждения в общественно употребимые инструменты труда. В этом смысле принцип реальности идентичен с принципом прогресса»³⁴.

Каков же результат подобного развития, при котором господствующая роль принадлежит принципу реальности? Вследствие лишения организма в целом сексуальности и придания ему способности служить инструментом труда эрос становится фактором, содействующим развитию общества. В итоге счастье трактуется как нечто второстепенное по сравнению с общественной производительностью. Решающее значение приобретает продуктивность. Соответственно этому строится общественная система ценностей. Инстинкт смерти модифицируется в общественно полезную агрессивность, которая направлена вовне или, будучи устремленной вовнутрь, служит образованию совести, морали и т. д., то есть для подавления наших инстинктов.

По теории Фрейда — Маркузе, решающее значение имеет то, что в результате этого репрессивного преобразования наших инстинктов прогресс в области культуры становится не только возможным, но и происходит автоматически. Речь идет о высвобождении как можно большего количества трудовой энергии, которая, однако, согласно этой теории по своему происхождению является репрессивной энергией. Первоначальное «либидо» превращается в продуктивность, которая, с одной стороны, все больше аккумулирует материальные и духовные средства производства, но, с другой — лишает производителей полного наслаждения произведенными ими товарами — ведь она репрессивна!

Такой отказ от инстинктов есть первоначальное подавление собственного Я, откуда затем следует готовность, как бы в компенсацию за вынужденные отказы от инстинктов, действовать репрессивно, подавляющим образом и по отношению ко внешней природе и к другим людям — сородичам. Поскольку такие репрессивные, подавляющие процессы якобы лежат в основе всей нашей культуры, по-

стольку и все элементы этой культуры, включая и наши производительные силы, нашу технику, тоже являются репрессивными. И фатальным оказывается перенятие этих старых, репрессивных продуктов революцией вместо порождения совершенно новой техники; это наступает тогда, когда революция не направляет свою энергию на первичную задачу — на осуществление революции в структуре инстинктов. Так и эксплуатация и угнетение тоже «объясняются» нашей структурой инстинктов!

Тот, кто знаком с теорией воспроизводства Маркса, знает, что здесь мы имеем дело с биологизацией капиталистического процесса воспроизводства. Воспроизводство капиталистических отношений превращается в воспроизводство репрессии и ее системы ценностей. Подобно тому, как последним словом марксовской теории воспроизводства является социалистическая революция, последним словом теории Фрейда — Маркузе является биологическо-психологическая революция. Так Маркузе «углубляет» марксистский разум!

Но если марксова теория основана на точном научном анализе реального капиталистического процесса производства и воспроизводства, то теория Маркузе — Фрейда строится на мифологических основах. В то время как Маркс указывает на реального общественного противника и реальный путь решения названных им проблем, Фрейд и Маркузе ограничиваются призывом и провозглашением надежды на биопсихологическое переустройство человека, который к тому же рассматривается с индивидуалистических позиций.

В этой социальной теории обобществление средств производства становится второстепенным делом по сравнению с революцией в структуре инстинктов. Это столь мало революционно, что мы находим подобную защиту капиталистической собственности даже в Годесбергской программе СДПГ, а призыв к сотворению нового человека еще до осуществления революции встречался уже в старом, неокантианском просветительском социал-демократическом реформизме. Согласно этому воззрению, причина угнетения и контрреволюции коренится не в наличии классов и не в их борьбе за присвоение прибавочного продукта, а в структуре наших инстинктов; агрессивность простирается не из погони за прибылью, а из неверно устроенного хозяйства наших инстинктов. В конечном счете это служит оправданием системы монополий.

Такая общественная теория дезориентирует революционеров. Подобно теориям откровенных защитников империалистической системы, такая теория объявляет человеческую природу ответственной за основные общественные пороки. Разница состоит лишь в том, что откровенные прислужники системы заявляют, будто природу человека невозможно изменить, поэтому социализм в лучшем случае останется чудесной мечтой. Маркузе же говорит нам, что мы должны изменить природу человека. Но и он способен лишь, перефразируя то, что он вычитал у Ницше, Бодлера, Фурье и других, наговорить много слов о том, как бы могли или должны были выглядеть эти новые люди. Ничего убедительного о том, каким образом должны возникнуть и сформироваться эти новые люди, он сказать не в состоянии. И это приводит к тому же самому результату. Мы ничего не можем изменить: раз попав в этот ад, оставьте все надежды на спасение! Таков капитулянтский итог сей грандиозной «критической теории»!

Фрейд следующим образом объясняет в рамках этой схемы возникновение господства (мы цитируем Маркузе, поскольку он ссылается на слова Фрейда): «... Человеческая история начинается с того, что в первобытной орде самый сильный — предок-отец объявляет себя единоличным властителем и укрепляет свое господство, монополизируя женщину-мать или матерей, лишая таким образом других членов орды наслаждения. Следовательно, не природа, не бедность и не слабость обусловили первое и решающее для культурного развития подавление инстинктов, а деспотическое господство, именно тот факт, что деспот несправедливо распределяет и использует бедность, скудость и слабость, что он узурпирует право на наслаждение, взваливая труд на других членов орды». Против этих порядков поднимают бунт сыновья. Они убивают деспотического праотца и пытаются установить другие порядки. Непокойная совесть сыновей в связи с этим преступлением ведет к возникновению силы, называемой «сверх-Я», которая возлагает на них те же самые отказы от удовлетворения инстинктов, как это ранее делал праотец. Первая попытка освобождения инстинктов кончается тем, что «восставшие сыновья (или братья) увидели или это им так показалось, что без господства, собственно, без отца не обойтись, хотя он и правил деспотическими методами. Отец вновь возвращается на свое место братьями, но теперь добровольно и, так сказать, в обобщенном

виде: как мораль, то есть сами братья, действуя свободно, возлагают на себя то же самое подавление инстинктов и воздержание, которые раньше им навязывались праотцом». Так происходит внутреннее осознание необходимости господства отца: происхождение морали и совести. С этого начинаются культура и цивилизация. «Из человеческо-животной первобытной орды возникает первое примитивное человеческое общество. Подавление инстинктов становится внутренне осознанным и добровольным делом индивидов и одновременно устанавливается отцовское господство в виде господства многих отцов, которые, каждый сам по себе, переносят на свой собственный клан, на свою собственную группу мораль отцовской власти и тем самым ограничивают инстинкты, обеспечивая ее воздействие на молодое поколение». Речь идет о динамике господства, которая начинается с деспотии, ведет к революции и переходит в признание необходимости господства. Эта динамика повторяется во всей истории человечества. Фрейд в эту динамику господства включает проблемы полового созревания и их разрешение, возникновение соответствующих норм. Этой схеме биологических инстинктов он подчиняет также революцию: точно так же, как человек, бунтующий в период полового созревания, в конце концов вновь смиряется, точно то же самое происходит с революциями и с революционерами. «Эти революции проходят развитие почти точно по схеме. Восстание побеждает, и определенные силы пытаются довести революцию до ее крайней точки, откуда, возможно, удастся осуществить переход к новым, не только в количественном, но и в качественном отношении, условиям — и в этой точке революция обычно терпит поражение, происходит осознание необходимости господства на более высокой ступени, господство восстанавливается и развивается дальше»³⁵.

Заключительные слова показывают, что Маркузе стремится подкрепить свое отрицательное отношение к реальному социализму с помощью гигантского мифа, путем теоретико-инстинктивно-биологического «обоснования» общественного развития. К сожалению, он игнорирует критические замечания, с помощью которых Маркс и Энгельс опровергли эти довольно-таки не оригинальные попытки обосновать господство биологическо-животным путем³⁶. Ядром этой критики является раскрытие необоснованности такого рода возникновения насилия в человеческом обществе, показ того, что без экономического фун-

даumenta господство среди людей не могло ни возникнуть, ни продолжать существовать.

Фрейд и Маркузе, пытаясь физически обосновать возникновение господства, делают значительный шаг назад по сравнению с учением Маркса и Энгельса. Маркузе это именуется необходимым углублением марксовой формы «рацио»: господство возникает из превосходства в физической силе. Таким образом, оно основывается на случае: тот, кто был самым сильным и жаждал господства (чего, конечно, могло и не быть, разве что если это стремление к господству объясняется инстинктом сексуальности), тот привел в движение тот груз господства, который с тех пор давит на наши плечи. Это «углубление» марксистской теории классов, классовой борьбы и государства: их происхождение из частной собственности на средства производства сводится к дарвинской борьбе за существование, к социал-дарвинизму, к толкованию буржуазной конкуренции — по аналогии с сексуальными отношениями некоторых видов животных — как некоего вида присущей самой природе борьбы в предполагаемой первобытной орде за обладание самкой. Как доказал Хеберер, эта орда эволюционно и генетически так же невозможна, как и существование мифического Адама и мифической Евы³⁷.

На основе изложенных идей Фрейда Маркузе строит следующую импликацию: если эта гипотеза о происхождении господства правильна, то следует спросить, «нет ли наряду с исторически-общественным термидором, который обнаруживается во всех революциях прошлого, также психического термидора; возможно, революции не только извне подавляются, поворачиваются вспять и сводятся на нет; возможно, уже в самих индивидах действует динамика, внутренне отрицающая возможное освобождение и удовлетворение ..?»³⁸.

Здесь все зависит прежде всего от словечка «если!» Затем в игру вступает некоего рода общественный и психический параллелизм. Мы увидим дальше, что Маркузе сначала забывает это «если», а затем и параллелизм ради чисто психического решения; это — своего рода эрзац марксистской теории оппортунизма. Это — новое объяснение, почему революция «задержалась». Маркс и Гегель заблуждались, ибо не видели биопсихического уродства отдельно взятого индивида и того, как оно возникало в результате конфликта с враждебным окружающим миром, как оно до некоторой степени совершалось самим инди-

видом на себе и в себе. Поэтому недостаточны те указания об освобождении, которые высказывали Гегель и Маркс. Их теория о происхождении господства также не соответствует действительности. Следовательно, неправильны также и их теории о свободе. Свобода в них всегда дефинирована уже в условиях мира, подчиненного принципу реальности и репрессиям и поэтому — в диалектическом контрасте к несвободе. Прогресс свободы у них всегда связывается с подобным господством и несвободой. Но действительного освобождения на этой почве быть не может. Для этого необходима тотальная революция, изменение нашей биопсихической структуры.

Перед нами ярко выраженная тенденция основанной на психоанализе теории культуры. Суть этой тенденции — сведение общественного сначала к индивиду, индивид сводится затем к психическому, и все это — к биологическому, которое затем в духе «дарвинизма» рассматривается под углом зрения конфликта между живым существом и средой. Логически отсюда следует, что сферой приложения маркузианского понятия революции должно быть не общество, а структура инстинктов индивида, что в действительности зачастую и делается³⁹.

Эти рассуждения Маркузе связывает еще со второй импликацией: если гипотеза Фрейда правильна, то тогда подавление инстинктов диктуется не только природной необходимостью (скудность наших условий жизни в противоположность ненасытности нашего принципа наслаждения), но, «по крайней мере, так же (тут параллелизм постепенно отбрасывается! — *Р. Шт.*), а возможно, даже и в первую очередь (наконец-то: дело сделано, и все это без доказательств и даже без попытки доказать! — *Р. Шт.*), осуществляется в интересах господства и сохранения деспотического господства...»⁴⁰. Тогда репрессивный принцип реальности происходит (если «если» остается в силе!) не только из общественного разума, но из (необоснованного!) господства. Следовательно, подавление инстинктов не является неизменным, оно имеет свои границы, которые достигаются тогда, когда используемые под знаком принципа производительности средства производства в качественном и количественном отношении уже достаточны для удовлетворения наших потребностей, без тех жертв, к которым принуждает до этого принцип производительности; и сейчас это имеет место. Отсюда — нынешняя революционная ситуация.

Итак, мы подошли к основам критической теории Маркузе. Ее фундамент составляют весьма шаткие гипотезы и нерешенные (нерешенные в формально-логическом смысле, но не в смысле исторической науки!) импликации. Имеется целый ряд исторически достоверных познаний, которые говорят против Фрейда, в пользу марксистских взглядов⁴¹.

Исторически доказано, по крайней мере на примере народов, история которых исследована, что был период бесклассового первобытного общества. В то время люди жили без господства. Они жили не в патриархальном, а в матриархально организованном обществе⁴². Если бы действительно существовала первобытная орда Фрейда — Маркузе, то тогда как же деспотическую «первобытную орду» сменила недеспотическая первобытная община? Ведь для первобытной общины в неменьшей степени, чем для «первобытной орды», существовала та проблема «лишений», которая очерчена в фрейдовско-маркузианских понятиях принципа реальности или принципа производительности. На этот вопрос должны были бы неопровержимо ответить фрейдисты и маркузианцы. Марксизм сумел доказать образование классов и господства из первобытного бесклассового и не знавшего господства общества без помощи таких конструкций, как первобытная орда, праотец, физическое превосходство, случай и т. п. Для этого не нужны фрейдовско-маркузианские предпосылки, импликации и мифы. Марксизм вскрыл реальные истоки отсутствия свободы и исторические условия их преодоления. Следовательно, возврат Маркузе к Фрейду лишен оснований. Фрейд и Маркузе ничего не сделали для выяснения этой проблемы. Наоборот, они запутали ее психологизацией, биологизацией, оторвав ее от общества. Их теория покоится на чисто мифологическом фундаменте. Переход Маркузе на эти позиции объясняется не мнимыми недостатками марксизма, а его антикоммунизмом, вполне понятным с классовой и политической точек зрения, его мелкобуржуазным нетерпением перед лицом реального хода истории, его вытекающей отсюда разочарованностью. Вокруг этой личной дилеммы Маркузе построил целую новую «критическую теорию». В этом существе вопроса.

Заметим, речь в данном случае не идет о том, чтобы дать позитивный ответ на затронутые проблемы. Капитализм деформирует все стороны человеческой жизни, в

том числе (общественно преобразованные, модифицированные) структуры инстинктов. Как происходит это? Какую роль играют подобные факторы в общественном процессе, хотя и вторичные, производные, многообразно обусловленные, а все же действующие факторы, которые нельзя недооценивать? Это и следовало бы исследовать, а не уходить от научного объяснения данной проблематики путем абсолютизации, мифологизации определенных существующих, но, что касается всего процесса, второстепенных факторов!

Маркузе знает, что выяснение проблемы свободы у Гегеля и Маркса не абстрагируется от реальной несвободы. Тем самым, утверждает он, и гегелевская и марксова теории свободы прикованы к несвободе, втиснуты в рамки служащей господству культуры⁴³, приспособлены к требованиям и того репрессивного понятия прогресса, которое теперь якобы уже разрушено с помощью психоанализа⁴⁴. Следовательно, необходимо создать совершенно новое понятие прогресса. Это и попытался сделать Маркузе прежде всего в своей книге «Структура инстинктов и общество».

По сути мы здесь вновь имеем дело с применением хайдеггеровского «опровержения». Гегелевское отрицание отрицания отвергается. Становление иррационализируется. В «Одномерном человеке» мы вновь встретимся с подобными утверждениями и тогда покажем, что с помощью подобной маркузианской теории нельзя обосновать необходимость революции. Речь идет о псевдорадикализме, который в действительности аннулирует, перечеркивает всю историю освободительной борьбы человечества.

Мы уже знаем, что Маркузе порицает Маркса за недостаточно утопический характер его понятия социализма. После того, как наш автор «радикализировал» Маркса, опираясь на теорию Фрейда, «углубил» проблему угнетения, он в своей книге «Структура инстинктов и общество» берется теперь прежде всего за «обоснование» новой картины свободы и освобождения.

Он проводит различие между необходимой (биологически неизбежной) репрессией и дополнительной, осуществляемой только в интересах сохранения власти «сверхрепрессией». Это вновь — как и раньше, в связи с марксовой теорией воспроизводства, — ревизионистский заем у Маркса (сравни марксово понятие «сверхприбыль») ⁴⁵.

Дополнительную сверхрепрессию он, путем сопоставления с нынешними техническими производственными возможностями людей, разоблачает как излишнюю. Правда, вся протекавшая под знаком репрессивной культуры история оставила глубокие следы в человеке. Против нее всегда велась борьба, поднимались революции. Выражением этой борьбы являются продукты фантазии, искусства, мифы, а также религия (здесь имеется в виду та сторона религии, которую Маркс называл протестом против действительного убожества). Фантазия людей, например, хранит передаваемые из поколения в поколение воспоминания о счастливых доисторических временах и в этом смысле является местом сопротивления. «...Фантазия настаивает на том..., что за иллюзией стоит знание». Искусство также принадлежит к этой сфере сопротивления и является поэтому революционным. Правда, его эстетическая форма абсорбирует его революционное содержание: искусством «наслаждаются» (Маркузе не отказывается от своего тезиса, высказанного в 1937 году в работе об «аффирмативной культуре»). Те, кто господствуют, предоставляют другим своего рода обращенную вовнутрь эстетическую шутовскую свободу. Продукты фантазии, искусства, мифическое и религиозный протест преодолевают принцип реальности в идеальном плане. Следовательно, они являются элементами «Великого отказа». В них мы вспоминаем вытесненные первобытные картины счастья, наслаждения и свободы⁴⁶.

Но как только культура достигает такого уровня развития, который позволяет полностью удовлетворять потребности и тем самым делает излишней «сверхрепрессию», как это имеет место ныне, этот «Великий отказ» может стать подлинно революционной силой. Тогда он выходит из царства эстетической иллюзии, фантазии, мифологии, религиозной формы ухода от действительности или психического заболевания, становится исторической силой.

Такие попытки освобождения имели место всегда⁴⁷. Но всякий раз они относительно легко подавлялись. Революции предавали. Мы теперь знаем почему: потому, что имел место «психический термидор». Тысячелетиями продолжавшееся действие принципа реальности деформировало индивидов, создало у них психическую готовность к «термидору». Поэтому люди как раз перед лицом реальной возможности освобождения ведут себя по-ста-

рому, именно репрессивно! Даже революционеры идентифицируют себя с тем, против чего они ведут борьбу. Так, социалисты перенимают принцип производительности. Эта идентификация составляет существо предательства, измены делу революции.

Как видим, гегелевская диалектика отрицания отрицания считается теоретическим оправданием возникшего в ходе истории психически обусловленного репрессивного поведения людей. Необходима другая форма отрицания. И, как дальше утверждается, оппортунизм и контрреволюция не имеют ничего общего с классовой борьбой, их истоки — в самих революционерах вследствие репрессивного преформирования их психической динамики, а свое теоретическое оправдание они нашли в диалектике Гегеля — Маркса. Логически, естественно, имеется лишь один выход: тотальная революция, отрицание без отрицания отрицания, «негативная» диалектика. Что бы это ни значило, оно не должно содержать отрицания отрицания, а быть лишь отрицанием, то есть диалектикой того вида, который систематически проповедовал Адорно. Тотальная революция не реального базиса, а нашей психической структуры — вот в чем состоит главная задача. Так Маркузе «радикализировал» Гегеля и Маркса.

Такая тотальная революция якобы возможна в настоящее время. Она даже более необходима, чем когда-либо раньше, ибо современные производительные силы могли бы не мыслимым ранее образом освободить человека от лишнего наслаждения, отчужденного труда. Но они служат существующей, по своему характеру репрессивной культуре, направленной на увековечение сверхрепрессии. Чем больше возможности освобождения, тем больше мобилизуемое против него сопротивление. В этом и заключаются истоки тоталитарных тенденций, которые имеются также и в буржуазной демократии⁴⁸.

Итак, ныне возможно освобождение принципа наслаждения. Для этого необходим «Великий отказ», неучастие в дальнейшем угнетении под знаком принципа производительности. Ради недопущения этой возможной свободы было значительно ослаблено давление сексуального табу, возложенного ранее на человека во имя принципа производительности. Маркузе знает, что здесь тоже действует «интеграционный» фактор: смягчение сексуальных табу возымело успокаивающее, приспособленческое, отвлекающее воздействие, и в этом смысле явилось ан-

тиреволюционным. Волна секса, захлестнувшая буржуазные страны в последнее время, не в последнюю очередь объясняется именно этим. Сексуальные табу сейчас уступают место растущей манипуляции сознанием. Эту сторону своей теории Маркузе тоже развил затем дальше в «Одномерном человеке».

Вторая часть «Структуры инстинктов и общества» посвящена тому, чтобы показать, как могло бы выглядеть будущее, нерепрессивное общество. Согласно теории Маркузе, это означает прежде всего разработку проекта структуры инстинктов такого общества.

Отметим, однако, что, согласно самим основным методическим принципам его «критической теории», такая возможность для Маркузе вообще исключается. Мы уже отмечали то решающее возражение Маркузе против Гегеля и Маркса, что их отрицание якобы является недостаточно «радикальным». То, что это следует понимать в уже изложенном нами смысле, а именно как замену отрицания отрицания, определенного отрицания чисто формально-логическим «нет», — это мы ниже подробнее обсудим. Маркузе отвергает гегелевское и марксово отрицание как ограничение, как детерминацию свободы; а в связи с рассматриваемой тут психической проблемой — это выражение репрессии. Но тогда общество будущего оказывается по ту сторону всякой дефиниции и определенности⁴⁹. Как тогда Маркузе может формулировать позитивные высказывания об этом обществе будущего, о тотально ином, «втором» измерении нашей психической структуры? В лучшем случае он мог бы сказать: так, как есть сейчас, так не будет. Любая попытка делать выходящие по содержанию за эти пределы высказывания должна так или иначе исходить из старого и, исходя из этого, развивать новое, то есть, говоря философским языком, «вернуться» к гегелевской теории отрицания. Следовательно, вся «критическая теория» Маркузе с самого начала страдает кардинальным внутренним противоречием.

Давайте посмотрим теперь, как должен выглядеть его будущий мир (его представление о мире наших инстинктов!). Чтобы показать это, Маркузе исходит из таких мифологических фигур, как Нарцисс и Орфей⁵⁰. Это означает, что Маркузе выступает против Прометея и Фауста. Вдобавок Маркузе обращается еще и к эстетике и спрашивает, как будут действовать наши инстинкты в

условиях «либидонозного» рацио. Как бы в качестве шифров новой культуры он называет одновременно эрос Платона, «Эстетические письма» Шиллера, работу Клейста о театре марионеток⁵¹, поэзию Бодлера, Рильке⁵², Проуста и Валери⁵³, произведения сюрреалистов, афоризмы Ницше⁵⁴, по поводу которых мы уже высказывались выше.

Конечно, сие уже отнюдь не отрицание, отбрасывающее все прошлое и настоящее. Пусть Маркузе этого не говорит, но это — форма отрицания, которая может быть теоретически обоснована только на основе учения Гегеля, то есть это есть определенное отрицание. Но именно такое отрицание Маркузе и отвергает! Мы уже показали, что «отрицательное» отрицание Маркузе в действительности именно одобряет реакционеров и немало реакционного.

И все же: то гуманистическое содержание, которое признает Маркузе в произведениях названных писателей, поэтов и мыслителей, а также в мифах, можно, оказывается, осуществить в условиях и, следовательно, на базе нашего современного производства: атомный мотор и Орфей.

А теперь кратко изложим, как Маркузе более конкретно понимает развиваемые им на этой основе общественные цели, дополнив их некоторыми требованиями из его более поздних произведений.

Рабочее время должно быть сокращено при вероятном снижении излишне высокого уровня жизни⁵⁵. Дополнительное угнетение должно быть сведено до тех размеров, которые необходимы функционально (техники, учителя, регулировщики движения и т. д.). Маркузе требует установления контроля за ростом населения и регулирования рождаемости⁵⁶ (что ведь также может быть репрессивным! — *Р. Шт.*), оказания помощи слаборазвитым странам. Должна быть также освобождена и умиротворена предчеловеческая и внечеловеческая природа⁵⁷. Возникнут «либидонозная» мораль, эрос, нерепрессивные формы сублимирования (самосублимирование, игровое эстетическое самоосуществление человека)⁵⁸. Будет осуществлено «утопическое излишество» великой философии — идея высшего счастья, блаженства, свобода и равенство, вечный мир, ницшеанское «вечное повторение» и т. п. В этом удовлетворенном мире должна быть осуществлена и значительная часть содержания фантазии. Фанта-

зия сохранила подвергнутые запрету картины осуществления чаяний людей, игры и счастья. Теперь это выходит из царства фантастического в действительность. «Свобода воображения исчезает в той мере, как действительная свобода становится реальной возможностью. Границы фантазии являются... в строгом смысле техническими границами: они определяются уровнем технического развития», — заявлял Маркузе уже в 1937 году⁵⁹. Преодолеваются также время, смерть, нигилистические силы, которые более всего связаны с репрессией и воздержанием⁶⁰. Лихорадочный прогресс уступает место статике, «вечному повторению». Возникает новый принцип реальности, соответствующий новому коренному опыту людей. «Целиком изменится» человеческая экзистенция: наступят «прощение первородных грехов» (Бодлер), «свобода от вины и страха», «строй изобилия», «спокойствие, умиротворение, рецептивное бытие», «освобождение эроса», будет покончено с «тиранией становления над бытием», наступит «чувственность, игра и пение», «строй без угнетения». Такими метафорами характеризует Маркузе новый образ жизни, который воплотил в себе все грядущее, и является миром разума, но не того старого разума, который был связан или остается связанным с принципом производительности⁶¹.

Перейдем к некоторым критическим замечаниям по поводу этой картины, нарисованной теоретизирующим Маркузе. Отметим, что исходным пунктом было его разочарование буржуазно-классическим (Гегель) и пролетарско-социалистическим (Маркс) движением за свободу. Основной причиной этого разочарования является, как мы уже неоднократно показывали, отсутствие у него подлинно исторического мышления. Маркузе пасует перед лицом сложности диалектики истории и реальности общественной жизни. У него отсутствует разумное отношение к прогрессу и реакции, к победе и поражению. Ему кажется, что прогресс наступает недостаточно быстро. По своей сути его диалектика, возникшая как противовес к «лишению диалектики историцизма» и к «механизированию» диалектики, сама является недостаточно историчной, понимает прогресс механистически-эволюционно и впадает в разочарование, если история не соответствует чрезмерным ожиданиям, которые, в свою очередь, проистекают не из «диалектики» Маркузе, а из его мелкобуржуазного политического настроения. Но ему кажется, что

в этом виновна не его теория, а теория Маркса и Энгельса. Они якобы неправильно интерпретировали историю, ее нужно интерпретировать по-новому. Необходима новая «критическая теория». Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе является неправильным!

Следует упомянуть и о том, что гуманизм Маркузе не только делает шаг назад от гуманизма Маркса, Гегеля («Феноменология») и Гете («Фауст»), но и обращается к библейскому мифу о труде, как мучении. Принцип производительности становится отрицанием свободы. Правда, этот принцип в конечном счете все же как-то выражает объективные законы нашей жизни, законы производства. Он ограничивает нашу свободу, пока между свободой и объективной необходимостью видят непреодолимую пропасть. Но мы уже видели, что в таком случае свобода невозможна не только в историческом, но также и в логическо-теоретическом смысле. Свободный человек Маркузе находится вне связей, обуславливающих жизнь. Этот человек — лишенный смысла призрак.

Маркузе отвергает диалектику свободы и труда перед лицом того факта, что в антагонистическом классовом обществе эта диалектика извращена. Лишь труд, идентичный игре, оказывается не отчужденным. Но труд всегда имеет дело с объективной природой и ее объективными законами. Поэтому он содержит в себе нечто большее, чем только элемент субъективности («игры»). Маркс подчеркнул эту диалектику свободного творческого и напряженного труда, показал ее гуманизирующий характер. А у Маркузе в конечном итоге свобода безработна, счастье лишено развития, а прогресс есть застой. Гуманизм Маркузе элиминирует то великое в гегелевской философии, о котором говорил Маркс, — открытие деятельной, активной, продуктивной стороны субъекта. Маркузианский человек, в конечном счете, созерцателен. Поэтому в его теории нарушена связь между субъектом и объектом. Все процессы, обуславливающие жизнь, выпадают из субъекта, возлагаются на автоматические процессы, становятся процессами обособившегося объекта. Более крайнюю форму отчуждения объекта и субъекта трудно себе представить. Наш автор, похвалявшийся полностью «аннулировать» отчуждение, создал теорию самого глубокого отчуждения.

Она основывается, в конечном счете, на ложной теории культуры Фрейда, которую перенимает Маркузе.

В упрощенном виде эта теория гласит, что враждебная жизни человека окружающая нас среда вынуждает нас подавлять инстинкты и заниматься отчужденным трудом. Результатом этого оказывается наша культура. На ней лежит репрессивное клеймо подавления инстинктов. Развитие и накопление культуры оказывается накоплением репрессий. Свобода и производительность, являющиеся основным признаком этой культуры, внутреннюю логику которой составляет господство, образуют противоречие⁶². Это и есть порочный круг, из которого вырваться невозможно,— правда, лишь в рамках учения Фрейда.

Чтобы избежать этой дилеммы, Маркузе покидает — без внутренней причины — фрейдовскую позицию и заимствует у Маркса некоторые идеи о том, что накопление наших производительных сил в конце концов делает возможным освобождение от необходимого, отчужденного труда. Освобождение становится возможным вследствие внутреннего развития культуры. Но следует спросить, как это может произойти. Согласно импликациям Фрейда, культура и наши действия репрессивны, поскольку они порождены подавлением инстинктов, отчуждением. Следовательно, надо бы начать с революционизации нашей структуры инстинктов⁶³. Но как это сделать? Рисование нерепрессивной структуры инстинктов еще не есть революция, а равнозначно выдумыванию утопий.

В конечном счете новая теория Маркузе безвыходна. Причина безвыходности этой теории заключается в том, что она на самом деле отрицает роль субъекта, сводя ее на нет в механистически протекающем процессе. Нет больше моста между индивидом и реальностью, поскольку индивид существует лишь в воображении, но не существует согласно внутренним предпосылкам этой теории. Если уж действиями ничего нельзя изменить, то, быть может, можно что-либо изменить, отказавшись от них?

Сколь смутно представляет себе это Маркузе в действительности, свидетельствует его выражение о «катастрофе освобождения». Это звучит громко, но в действительности — бессодержательная метафора. Разве что если толковать ее в смысле уже известного реакционного буржуазного культурно-пессимистического направления (Шопенгауэр — Ницше — Фрейд — Хайдеггер), которое хотело бы «все опровергнуть»!

Правильно, что в классовом обществе вся культура

основана на угнетении, на жертвах масс. Но фрейдовская теория культуры сама по себе ошибочна. Великие художественные культуры времен рабовладельческого общества, были, например, созданы не рабами, а представителями господствующих классов. Культуртрегеры были по тому времени «полностью свободными» и практически пользовались неограниченным правом наслаждения. Согласно теории Фрейда, эти классы, не нуждавшиеся в подавлении своих инстинктов, должны были бы быть непродуктивными в области культуры. На самом деле все было наоборот. Кроме того, существовали и существуют культуры, свободные от наложения табу на сексуальность, от тех запретов, которые выработались в нашей культуре в результате иудейско-христианской религиозности и морали. В этих обществах мы тоже видим, с одной стороны, классы, эксплуатацию и угнетение, а с другой — и высочайшие достижения культуры; то и другое свидетельствует против теории культуры и общества Фрейда. Наконец, в истории редко встречались системы, которые вынуждали массы в такой степени отказываться от своих желаний, как фашизм в Германии. Напрасный труд искать формы культуры этого общества, которые соответствовали бы уровню его «репрессий». Тезис Фрейда, что своим возникновением культура обязана подавлению желаний, является неправильным, каким бы привлекательным он ни казался на первый взгляд.

Бросается в глаза, что здесь, как и вообще, Маркузе очень мало говорит о том, как, собственно, может быть достигнута обрисованная им цель. «Великий отказ» есть лишь логическое отрицание. С точки зрения «онтологии», он остается в плоскости исходного утверждения. С точки зрения политической тактики, он является средством борьбы наподобие забастовки. Но, во-первых, сам Маркузе, как это мы еще покажем, считает забастовку бессмысленной. Во-вторых, действительно забастовка, отказ, неучастие есть абстрактное отрицание, не есть еще создание чего-то нового, не есть определенное отрицание. Как ни важна забастовка как средство борьбы, она еще не служит непосредственно созданию нового.

Необходимо также подвергнуть методической критике маркузианский «социопсихологизм» (Баран⁶⁴). «Социопсихологизм» есть замаскированная форма индивидуализма. Заимствуя некоторые идеи у старой теории человека и среды, он дуалистически маскирует индиви-

дуализм под дуализм. Для социопсихологизма общество не диалектически идентично с человеком, а является окружающей его средой, к которой он должен соответствующим образом приспособливаться.

Во-первых, здесь в конечном счете происходит биологизация психических процессов путем сведения их к инстинктам (это — основа фрейдовской метапсихологической теории общества). Затем производится психологизация общества, которая, следовательно, служит средством биологизации общества. Фрейд сам подтверждает этот тезис, когда он говорит, что социология — это по сути прикладная психология⁶⁵.

Гаральд Вессель (ГДР) указывает на доклад Маркузе в 1966 году на собрании Психиатрического общества в Чикаго по вопросу об агрессивности в современном индустриальном обществе⁶⁶. В этом докладе наш автор остановился сначала на роли военно-промышленных монополий, на их экономических и политических стремлениях к господству, как источниках агрессивности. Чрезвычайно образно он заклеил формы проявления этой агрессивности. Вессель справедливо критикует Маркузе за то, что в это четкое описание он вдруг для обоснования агрессивности вводит понятие инстинкт агрессивности. Столь противоречивая характеристика одной и той же проблемы показывает, как Маркузе колеблется между общественно-научным и психоаналитическим способом рассмотрения явления. При таком подходе последнюю ответственность за агрессию в любое время можно возложить на определенную структуру инстинктов, а не на общественную структуру, и тем самым направить борьбу против агрессии по неправильному пути.

В одном из своих интервью журналу «Шпигель»⁶⁷ Маркузе ссылается на одно высказывание Фрейда. Фрейд говорит о хирурге, который природный инстинкт к разрушению ставит на службу деятельности, направленной на сохранение жизни. Почему, спрашивает Маркузе, нам не дать разыгаться нашему инстинкту к разрушению так, чтобы стереть с лица земли ужасные города, созданные капитализмом, и затем вместо них построить новые, более красивые?

Тем самым Маркузе соглашается с фрейдовским тезисом о пластичности наших инстинктов и признает за нами способность контролировать их. Но ведь в этом заключена еще одна проблема: если, как утверждает

вслед за Фрейдом Маркузе, подавление инстинктов, направление энергии инстинктов в другое русло имеет репрессивные последствия, то «переключение» инстинкта разрушения ничего не меняет.

Мы воспроизвели здесь, в психологической сфере, старое противоречие: конфликт долга на индивидуалистско-либеральном уровне. Разве это не говорит о том, что исходная индивидуалистско-либеральная позиция метапсихологической теории культуры Фрейда — Маркузе является ошибочной? Ведь на этой основе указанные конфликты были бы разрешимы лишь в том случае, если бы действительно существовала скрытно заложенная в основе либерального манчестерства предустановленная свыше гармония наших дивергентных индивидуальных действий. Но тогда решение всех проблем было бы уже предопределено заранее и в действительности ничего нельзя было бы решить. Коренные общественные проблемы на такой основе обсуждать и решать нельзя. Здесь необходимы методы общественных наук, в том числе в психологии. Общественное нельзя объяснить психическим, а психическое нужно объяснять на основе общественного.

ПОХОД МАРКУЗЕ ПРОТИВ «СОВЕТСКОГО МАРКСИЗМА»

В 1951 году Маркузе возвратился в США из Европы, где он занимал руководящий пост в американской секретной службе, и приступил к работе в том институте Колумбийского университета, который занимался «изучением» развития Советского Союза. Этот институт возглавляли тогда зять Бенеша Збигнев Бжезинский и Иван Свитак, которые оба приложили в последующем руку к развертыванию подрывной деятельности против социалистического строя в ЧССР. В этом институте Маркузе начал работу над книгой «Общественное учение советского марксизма»⁶⁸. В своем благодарственном посвящении он указывает, что первую часть этой работы он закончил еще в 1952—1953 годах, то есть еще до «Послесловия» ко второму американскому изданию второй книги о Гегеле, и именно в результате работы в Русском институте Колумбийского университета. Вторая часть была написана в 1954—1955 годах, когда Маркузе работал в Русском исследовательском центре Гарвардского университета. Эта деятельность Маркузе частично фи-

нансировалась из фонда Рокфеллера⁶⁹. Книга была опубликована впервые в США в 1957 году, второе издание — в 1960; немецкое издание вышло в ФРГ в 1964 году.

Как видим, эта работа возникла в годы становления мировой системы социализма, в разгар холодной войны империализма против социализма и агрессивной войны США против Корейской Народно-Демократической Республики. Она возникла тогда, когда империалисты попытались после смерти Сталина использовать в своих целях определенные трудности перехода в СССР от методов нарушения ленинских норм в партийной и государственной жизни к полному восстановлению этих норм. Это был период, когда реставрированный германский империализм приступил к ремилитаризации, когда Советский Союз и другие социалистические страны с крайним напряжением сил успешно противодействовали многообразным реакционным проискам империалистических сил, прежде всего США. Необходимо учитывать эту историческую и политическую обстановку того периода, чтобы правильно понять, что означало требование Маркузе, чтобы Советский Союз ослабил функции подвергаемого жестоким нападкам социалистического государства в пользу индивидуальной свободы, толкуемой им в буржуазном духе, и его требование перенести «революцию» в «советскую систему». Маркузе тем самым выступал как глашатай контрреволюции. Объективно его книга служила коренным интересам главной силы империализма — хотел ли этого Маркузе или нет!

Приписывать империалистическим стратегам идеологической войны столь великую силу прогноза, будто они уже тогда, в начале 50-х годов, смогли предсказать, какую роль через 15 лет будет играть та социально-философская и политическая линия, которую тогда разрабатывал Маркузе и в несколько ином плане Бжезинский, — это значило бы оставить почву марксизма-ленинизма. В начале 50-х годов подобные взгляды в планах империализма играли еще «второстепенную роль». Позднее, начиная с «эры Кеннеди», в связи с изменением соотношения сил в результате дальнейшего укрепления социализма, эти некогда «второстепенные» формы идеологии стали приобретать первенствующее значение, оказывая более утонченное дифференцированное воздействие. Линия Бжезинского была при этом возведена в ранг ведущей идеологии и политики американского империализма.

Во избежание недоразумений заметим, что мы отнюдь не смешиваем в одну кучу взгляды Маркузе, Бжезинского и Свитака, не считаем их равнозначными инструментами империалистической идеологии и политики. Это было бы сомнительно прежде всего в отношении более поздних произведений Маркузе и его роли в современный период. Речь идет скорее о том, что развитые в книге «Советский марксизм» идеи в середине 60-х годов послужили известным подспорьем для некоторых империалистических стратегов, ратовавших за «более гибкие» методы «размягчения» социализма, а также для мелкобуржуазных левых, но объективно антисоциалистических движений. Совершенно очевидно, что эти идеи прививали «иммунитет» левым мелкобуржуазным движениям против реального социализма.

Объективно это служит целям защиты существующей империалистической системы.

Многие места книги Маркузе совершенно четко свидетельствуют о том, что ее нужно отнести к категории попыток обоснования «третьего пути». Так, Маркузе прямо критикует марксистов-ленинцев за то, что они «никогда не признавали подлинной третьей альтернативы в отношении и социализма, и капитализма...»⁷⁰. Он сам считает подтверждением правильности своих взглядов именно тот факт, что они находятся на линии этой «третьей альтернативы». И поэтому, мол, в Советском Союзе его книга была осуждена как буржуазная пропаганда, а в Соединенных Штатах она была отклонена ультраправыми как слишком «позитивная» в отношении Советского Союза. «В этих противоречиях,— пишет Маркузе,— я усматриваю указание на то, что добился некоторого успеха в попытке освободиться от пропаганды холодной войны и представить относительно объективный анализ, основанный на подкрепленной доказательствами интерпретации исторического развития»⁷¹.

Маркузе следовало бы, собственно, знать, что это его заявление не аргумент. Романтические критики раннего капитализма подвергались нападкам как со стороны идеологов капитализма, так и со стороны первых социалистов, тем не менее не они были носителями исторической, общественной, гуманистической истины. Считать реакцию, исходящую как от врагов, так и от друзей, аргументом *ad hominem*, конечно, интересно, но это не доказательство ни истины, ни фальшивости тех или иных

взглядов. Здесь речь идет о вопросах, которые требуют более серьезного рассмотрения.

Маркузе всегда — в том числе и в «Советском марксизме» — подвергал нападкам монополистическую тенденцию к ликвидации демократии⁷². Но ведь такая критика еще не является признаком социалистической позиции, ибо она вполне согласуется и с буржуазно-индивидуалистической позицией. Правда, она должна встретить сопротивление реакционных сил, которые в политике и идеологии открыто отражают антидемократические, монополистические тенденции. Маркузе подвергался нападкам также и со стороны этих сил, поскольку многие формулировки его книги создают впечатление, будто он признает советскую политику разрядки напряженности. Но в то же время Маркузе призывал СССР к одностороннему разоружению⁷³. И это писалось им в обстановке 1952—1953 годов. Итак, не США, а СССР якобы угрожал миру! И эту «угрозу» Маркузе предлагал «снять» капитулянтской политикой. Но это же означало бы не только разоружить социализм, но и требовать, чтобы он сам себя уничтожил, ибо социализм был и остается именно как социализм тем, что капиталистические силы расценивают как политическую угрозу для себя. Более того, Советскому Союзу достаточно уменьшить свое вооружение и вместо этого улучшать жизнь своего народа, как Вашингтон — по словам Маркузе — тут же, в свою очередь, прекратит грозить атомной бомбой. На практике этот аргумент означает, будто Трумэн, Аденауэр и им подобные ничего так более страстно не желали, как улучшения жизни населения Советского Союза, а сами и не помышляли ни о какой гонке вооружений! Вот в чем смысл маркузианской аргументации, и она соответствует интересам уже самой примитивной, антисоветской пропаганды холодной войны.

Правда, подобные примитивные высказывания, приукрашивающие империализм, в книге Маркузе встречаются редко. Многие места в ней создают впечатление, будто даже Маркузе убежден в правильности советской политики разрядки напряженности⁷⁴, за что его и осуждали наиболее ярые сторонники политики холодной войны.

Но все это было и остается возможным на буржуазно-индивидуалистической почве, в рамках левобуржуазного варианта «третьего пути». Этот вариант допускает

даже еще более гибкую форму критики «советского марксизма», которая, как показывает практика, более «эффективна», чем примитивный антикоммунизм, и которая особенно оказалась действенной среди уже упоминавшихся нами кругов антиавторитаристов.

Приступим к критическому разбору всей книги. Маркузе кратко излагает гегелевскую и марксову теорию исторической закономерности, заканчивая ее своим, на поверку, антропологическим толкованием исторического материализма: историческая детерминированность есть человеческая детерминированность⁷⁵. Люди — вот «действующая сила истории, они выдвигают альтернативы и принимают решения»⁷⁶.

О том, насколько Маркузе фальсифицирует марксов детерминизм в сторону индетерминизма и субъективизма, свидетельствует и следующее его замечание: «Сможет ли в конце концов общий технико-экономический базис (марксово понимание экономического базиса охватывает, однако, не только техническую сторону производительных сил, но также и их человеческую сторону, их отношения в производственном процессе: производственные отношения. Мы указываем на это лишь для того, чтобы показать, как в руках Маркузе искажаются основные категории Маркса.— *Р. Шт.*) проложить себе дорогу через различные общественные институты и вопреки им или же последние и впредь будут увеличивать различие в применении производительных сил в обеих системах? (Согласно марксовой теории, технико-экономический базис, как таковой, является «нейтральным» и доступен как социалистическому, так и капиталистическому применению, причем определит это исход классовой борьбы. Это положение очень хорошо разъясняет границы марксова «детерминизма»)!»⁷⁷.

Приведенная формулировка очень четко определяет границы именно маркузианского понимания Маркса! В своем предисловии к «Критике политической экономии» Маркс дал краткий набросок своей исторической теории. Для обсуждаемого здесь вопроса важно указать на то, что Маркс подчеркивал зависимость общественных производственных отношений от материальных производительных сил. Он ясно указывал, что противоречие между материальными производительными силами и производственными отношениями составляет основу революции, и подчеркивал, что общественная формация никогда не

погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора. Новые производственные отношения никогда не приходят на смену старым раньше, «чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»⁷⁸. Человечество ставит себе всегда только такие задачи, для решения которых материальные условия уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления.

Эти формулировки Маркса совершенно определенно показывают, что действия субъекта определяются объективными, материальными условиями и в этом плане вполне детерминированы. Более того, эти формулировки показывают, что производственно-техническая сторона материального базиса у Маркса отнюдь не нейтральна в том абсолютном смысле, в котором нас пытается убедить Маркузе. Во-первых, существует взаимосвязь между производственно-техническими и человеческими компонентами производительных сил, а во-вторых, и между этими производительными силами и производственными отношениями. По своей внутренней взаимосвязи определенные производственные отношения могут стимулировать или тормозить развитие производительных сил. Поэтому совершенно неправильно утверждение, будто капитализм и социализм имеют одинаковый производственно-технический базис. Это может быть правильным внешне, «феноменологически», если рассматривать современный капитализм и современный социализм, но надолго ли? Уже в отношении производительных сил это не соответствует действительности. Не только потому, что при социализме их человеческие «компоненты», например, благодаря их социалистическому участию в решении всех основных вопросов, а также вследствие совершенно иной системы образования играют качественно иную роль, но и благодаря иному отношению к природной стороне производительных сил. Сравните грандиозные мероприятия, проводимые в СССР в целях защиты и сохранения природы с процессами ее хищнического уничтожения в капиталистических странах. Наконец, верно и то, что современные производительные силы перерастают и уже переросли рамки капитализма, в результате чего капиталисты вынуждены прибегать к таким формам их использования, которые противоречат принципу частной собственности на средства производства, этому основному производст-

венному отношению капитализма (например, государственно-монополистическое регламентирование, планификация и т. п.).

Последствия отождествления производственно-технической базы капитализма и социализма, недифференцированного подхода к оценке принципиальных общественных процессов мы рассмотрим более подробно при анализе маркузианской теории «одномерности» и обоснования ею «третьего пути».

Маркузе затем фальсифицирует развитие в Советском Союзе. Он вновь концентрирует свою аргументацию на следующих проблемах. (При этом знаменательно то, как еще в 1952—1953 годах этот специалист по психологической войне американского империализма своей аргументацией предвосхищает теоретическое содержание современного маоизма, с той лишь разницей, что он не обвиняет революционеров в предательстве, а изображает их жертвами объективных, неизбежных процессов.)

Победа революции в экономически и социально слабо развитых странах, утеря индустриальным пролетариатом развитых капиталистических стран революционных потенциалов⁷⁹, изменение во внутреннем и внешнеполитическом положении страны победоносной революции в результате действия ряда факторов обусловили смещение рабочего класса с позиции решающей социальной силы в пользу крестьян и, соответственно, перенос центра революционного процесса с развитых капиталистических (западных) стран на аграрные страны Востока (здесь, как и в других местах, мы уже находим центральные темы нынешней политической теории Маркузе), — и вынудили Советский Союз быстрыми темпами проводить индустриализацию, ориентироваться на сосуществование со стабилизировавшимся капитализмом. Отсюда якобы перед «советским марксизмом» возникли сложные теоретические и практические проблемы. Если для Маркса пролетариат еще был носителем революции, то капиталистическое развитие якобы привело к «коренному изменению отношений между двумя враждующими классами», в результате чего «пролетариат упустил возможность выступить как революционный класс. Появление этой альтернативы является, пожалуй, самым решающим фактором в развитии советской страны»⁸⁰.

«Советский марксизм», по утверждению Маркузе, видит в различии, которое проводил Маркс между непо-

средственными и действительными интересами рабочего класса, исходный пункт для решения новых проблем. Бытие, конечно, определяет сознание, но не механически. Пролетариат, конечно, отрицает капитализм, но не автоматически. «Класс в себе» — это еще не «класс для себя»⁸¹. Более того, необходимо извне привносить классовое сознание в рабочий класс, что и приводит к определенной роли партию, которая должна выступать вместо пролетариата.

Затем Маркузе обращается к фальсификации возникновения ленинизма. Ленинизм он изображает как попытку спасти теорию о революционной роли пролетариата в условиях, когда пролетариат все больше и больше интегрируется в империалистическую систему. В этих целях, пишет Маркузе, Ленин, с одной стороны, создал теорию об оппортунизме, с другой стороны, теорию об авангарде класса. Но Ленин якобы не предполагал⁸², что капитализм сможет оказать столь широкое воздействие на пролетариат в направлении его интеграции, и не заметил, что еще до первой мировой войны большинство пролетариата развитых индустриальных стран, а не только рабочая аристократия, все больше «иммунизировалось» от социалистического влияния. Во всяком случае именно так толкует Маркузе возникновение ленинизма, относя к его теоретическим признакам следующие моменты: перемещение революционной силы с классово-сознательного пролетариата на партию как авангард класса; подчеркивание роли крестьянства как союзника пролетариата; учет того, что стабилизация империалистического капитализма будет продолжаться, а «зрелый пролетариат высокоразвитых промышленных стран» будет находиться под влиянием реформизма; переход функций субъективного фактора революции к партии, которая принимает характер организации профессиональных революционеров, стоящей над пролетариатом; строительство социализма в одной стране и политика сосуществования со стабилизирующимся капитализмом, поскольку пролетариат Запада — вопреки своим непосредственным и подлинным интересам — не идет к революции⁸³.

Это описание «ленинизма» предполагает, хочет того Маркузе или нет, старую теорию об одновременном начале социалистической революции в развитых капиталистических странах. Таким образом, игнорируется конкретное развитие капитализма в эпоху империализма, а

также проблема революционной ситуации. Маркузе игнорирует и выводы Маркса и Энгельса о роли партии и союза с крестьянством⁸⁴. Во-вторых, эта концепция содержит механистическое понимание отношения стихийного и социалистического сознания, а также отношения класса и партии. На основе такого «понимания» марксизма, направленного и против Ленина, и против Маркса, Маркузе формулирует свои критические тезисы против роли партии. Оба эти комплекса проблем свидетельствуют о том, что Маркузе стоит на правооппортунистических, каутскианских позициях, а также на позициях элиты⁸⁵.

Из второго комплекса проблем — непризнания диалектики стихийного и социалистического сознания — частично проистекает также его механистический тезис о манипуляции сознания, который объективно служит оправданию правооппортунистических лидеров социал-демократии.

Построенная на этих положениях политика «третьего пути» оказывается на деле перевернутым правым, то есть левым оппортунизмом.

Ленинское учение, утверждает Маркузе, обосновывает «советско-марксистское» господство партии над классом, превращение класса из субъекта в объект действий. Этот тезис он пытается обосновать ссылками на якобы имеющиеся «ошибки» в ленинском учении о пролетариате, оппортунизме и капитализме. Маркузе считает теорию Гильфердинга (и Каутского) об империализме и о социальных корнях оппортунизма лучшей, чем данный В. И. Лениным анализ этих явлений. Гильфердинг и Каутский увидели, что империализм, расширив до невиданных размеров сферу своего господства, смог в значительной степени установить контроль над противоречиями капиталистической системы, обеспечивая прибыли для господствующих классов и высокий уровень зарплаты для «своих» рабочих за счет усиления эксплуатации внешних рынков и населения вне своей сферы господства⁸⁶. Это якобы те стабилизирующие факторы, которые особенно эффективно использовались прежде всего после второй мировой войны⁸⁷: благодаря этому удалось обуздать противоречивые интересы конкуренции. К этому вынудило капитализм основное противоборство — конфликт между Востоком и Западом. Этому служат международная политическая экономия и регламентирование производства. Мы находим тут в зародыше концепцию ЕЭС и

планификации, которые были разработаны в Соединенных Штатах в 1952—1953 годах. Одновременно, пишет далее Маркузе, рабочие, с международной точки зрения, раскололись на внутренний и внешний пролетариат. Причем последний состоит из пролетарских и полупролетарских классов города и деревни вне и внутри конкретных сфер господства, то есть из классов, которые не получают никакой пользы от «перестройки» внутри системы⁸⁸.

Мы вновь подошли к «истоку» теории «одномерности» и политики «третьего пути», который вместе с тем является и истоком маоистской концепции. Их исходный пункт — «радикализация» теории оппортунизма. Такой псевдорадикализм мы встречали у Маркузе с самого начала. Давайте посмотрим, к чему приводит этот псевдорадикализм! Он оправдывает оппортунизм, изображая его как дело масс. Здесь мы имеем дело с ультралевой версией теории Бернштейна. Капитализм сглаживает антагонизмы — вот и все. То, что не существует механики революционного классового сознания, наш «радикализатор» диалектики не видит. Не хочет он признать и того, что стихийное сознание неизбежно остается буржуазным сознанием, иначе он должен был бы признать ленинскую теорию субъективного фактора партии, против чего мелкобуржуазный интеллектуал, как правило, всегда восстает. Не понимает Маркузе также и того, что отсюда проистекает необходимость вести идеологическую классовую борьбу, в чем как раз и должна состоять главная задача партии, которая таким образом должна заботиться об образовании революционного классового сознания, по крайней мере у наиболее активной, передовой части рабочего класса. С одной стороны, Маркузе «с ультралевых позиций» критикует низкий уровень сознания масс. Но с другой стороны, он против создания инструментов для формирования сознания пролетариата, хотя он прекрасно знает силу буржуазных средств манипулирования и подвергает их критике. Если бы Маркузе признавал все это, он должен был бы выступить с критикой деятельности социал-демократического руководства, в том числе и своих учителей Гильфердинга и Каутского, чего, однако, он не делает с 1941 года. Более того, теоретической основой «радикализации» теории как раз и является та механистическая политическая экономия Каутского и Гильфердинга, которую он якобы некогда собирался критиковать. В своей теории оппортунизма и

революции Маркузе использует, правда в несколько измененном виде, также теорию накопления Розы Люксембург и ее теорию «третьей» среды, как это делал в свое время молодой Лукач. У Маркузе главный центр революции перемещается на это «третье» сословие, потому что оно еще недостаточно интегрировано в развитом капитализме. Это обстоятельство одновременно показывает и сущность его диалектики: решающее значение имеют не внутренние, а внешние противоречия системы. То же самое проделывали с диалектикой механисты Богданов и Бухарин!

Обратимся вновь к самой книге Маркузе. Маркузе поступает по-своему последовательно в своей клевете, отрицая социалистический характер Октябрьской революции⁸⁹ и, следовательно, оспаривая тот факт, что в Советском Союзе построен социализм. Тем самым он пытается создать впечатление, будто «революционизация» «советской системы», которую он требует, является не контрреволюционным шагом, а шагом «вперед» по направлению к «истинному» социализму. Чтобы обосновать этот тезис, он цитирует даже высказывания Ленина, в которых говорится о сложной диалектике союза в период от победы революции в октябре 1917 года до начала интервенции летом 1918 года и указывается, какую роль сыграла интервенция при переходе к социализации промышленных предприятий. На основе этого Маркузе делает вывод, будто Октябрьская революция не была социалистической, и пролетарский этап революции начался лишь летом 1918 года⁹⁰.

Маркузе проходит мимо того факта, составляющего существо вопроса, что хотя по времени крестьянская революция предшествовала экспроприации промышленного капитала, однако это происходило в условиях создания диктатуры пролетариата. Маркузе видит лишь былую отсталость России, и именно из этого исходит его аргументация. Он не видит степени концентрации капитала в России, сосредоточения масс рабочих на крупных предприятиях, игнорирует всю политическую и социальную сторону проблемы революции, то есть он, прибегая к старому приему, рассматривает революцию прежде всего как механику внешних экономических процессов, тщетно ищет химически чистую социалистическую революцию и таким образом доходит до отрицания социалистического характера Октябрьской революции.

В основе этого отрицания также лежит его игнорирование проблемы партии, борьбы против оппортунизма, разработки новой ленинской теории революции, подтвержденной практикой. Маркузе не подвергает серьезному анализу ни один из главных аргументов Ленина: неравномерность империалистического развития, теорию о возможности революции в одной, отдельно взятой стране, ленинскую теорию о внутренних противоречиях и их взаимосвязи с внешними противоречиями и вытекающий отсюда вывод Ленина о том, что Россия была тем наиболее слабым звеном в цепи империализма, которое можно было прорвать. Невежество Маркузе относительно этих проблем является по существу следствием его недостаточно исторического и недостаточно общественно-научного подхода к общественным процессам. Такое абстрактное теоретизирование Маркузе имеет серьезные последствия. Разработанное им понятие революции исключает реформу, клеймит ее как антиреволюционный акт. Он приверженец «катастрофического» развития, в том числе и самого этого термина. (Хотя в нарисованной им картине капитализма, столь легко справляющегося со всеми противоречиями, всего несколько лет спустя после катастрофы второй мировой войны полностью отсутствует именно эта ужасная катастрофа!) Если рабочий класс в развитых капиталистических странах в условиях государственно-монополистического капитализма проводит тактику коренных реформ, то Маркузе видит в этом переход на позиции «демократического реформизма»⁹¹. Наш «радикализатор» всех вопросов не видит действительную проблему политики, действительные вопросы борьбы за власть, пути к власти. Он не понимает или не хочет понять, что революция зависит от того⁹², насколько удастся привлечь на ее сторону массы, и чтобы привлечь на сторону революции большинство народа, а не только пролетариата, необходимо разработать стратегию, которая как раз способствовала бы переходу этих масс на революционные позиции. Наш «радикализатор» недоволен «реформами», которые, с одной стороны, создают условия для перехода масс на революционные позиции, а с другой — будучи завоеванными в результате массовой борьбы — вполне позволяют нанести удар по наиболее важным пунктам системы государственно-монополистического капитализма. Александр Герцен однажды сказал о своем друге Бакунине, что он не слишком долго

утруждает себя исследованием обстоятельств, а взирает лишь на отдаленную цель, принимая второй месяц беременности за девятый. Эти слова очень тонко выражают сущность умонастроения анархизма, которая часто встречается у Маркузе. Это — бернштейнианство наизнанку. Если бернштейнианство подчеркивало цель ради «обстоятельств», то анархизм перечеркивает «обстоятельства» ради цели.

Итак, для Маркузе «советско-марксистская» теория и практика не являются более революционными и марксистскими, ибо не является более марксистским и революционным рабочее движение развитых промышленных стран, включая коммунистические партии. Всюду якобы образуется новая рациональность, которая и в СССР в действительности является рациональностью индустриализации и очень схожа с капиталистической рациональностью. Мы якобы здесь имеем дело с конвергирующим развитием, советское общество сближается с капитализмом. Но поскольку Маркузе осуждает «капитализм», то он осуждает также и эту конвергенцию. Этому надо воспрепятствовать, проведя «революцию» внутри социализма.

Но если посмотреть поближе, что должно быть принесено в жертву этой «революции», то оказывается, что речь идет о государственной власти и социалистической экономике, то есть о том, что составляет само существо социализма. Контрреволюция выдает себя за подлинно социалистическую «революцию».

«Параллельно с коренным различием между западным и советским обществом идет сильная тенденция к их сближению. В обеих системах проявляются общие черты позднеиндустриальной цивилизации: централизация и регламентирование приходят на смену индивидуальной экономике и автономии, конкуренция организуется и рационализируется; имеется общее господство экономической и политической бюрократии; народ унифицируется с помощью «средств массовых коммуникаций», индустрии развлечения и воспитания. Если эти средства оказываются эффективными, тогда можно гарантировать в конституции демократические права и институты и поддерживать их, не опасаясь злоупотребления ими против системы»⁹³.

Здесь уже четко обнаруживаются дальнейшие контуры более поздней теории «одномерности». Господствуют

щие и угнетенные, и те и другие, при сохранении различий между ними, в одинаковой степени подчинены господству технического прогресса в производстве, распределении и коммуникации⁹⁴. Безвозвратно уходят независимость и стихийность индивида. Проведение свободного от работы времени манипулируется в интересах восстановления рабочей силы⁹⁵.

Если социализм, как он есть, не лучше, чем капитализм, как он есть, то для чего же тогда нести тяготы политической, революционной борьбы, подполья, жертвы? Все это бессмысленно. Этот «утонченный» вид антисоциализма и проповедует Маркузе, прикрываясь рассуждениями о том, что ему известен иной, лучший социализм. Мы имеем здесь дело с абстрактной, выдающей себя за этическую аргументацией, полностью отказывающейся от действительного анализа конкретных национальных и интернациональных условий классовой борьбы, строительства социализма. Эта аргументация столь «радикальна», что рекомендует Советскому Союзу в условиях атомной угрозы и политики атомного шантажа со стороны США, наконец, серьезно подумать и об отмирании государства! Внутренняя консолидация этой системы, утверждает Маркузе, вызывает в качестве ответной реакции мобилизацию противостоящей ей системы, что, конечно, правильно. Только Маркузе ставит вверх ногами отношение между причиной и следствием. Кроме того, он игнорирует тот факт, что для развития системы в конечном счете первостепенное значение имеют ее внутренние противоречия.

Маркузе ищет отражение клеветнически изобретенного им «щекотливого» положения «советского марксизма» специально и в его теории диалектики⁹⁶. Эта теория якобы превратилась по существу в «консервативное и умозрительное учение», утратив свои революционные аспекты. Если «советский марксизм» вынужден исходить из факта интеграции рабочего класса, то теория его все же не может отказаться от постулата о революционной роли пролетариата; если это учение, кроме того, не желает ограничивать диалектику только капиталистическим обществом с его антагонизмами (а в своей работе «Разум и революция» Маркузе декретирует такое ограничение как необходимое), то тогда он должен в отношении социализма дополнить диалектику антагонистических противоречий диалектикой неантагонистических противоречий

и в отношении капитализма постулировать своего рода естественный закон развития, который действует даже тогда, когда отпадает субъект развития — пролетариат. При этом партия должна выступать как познающий эти законы субъект, принимающий решения о действиях, вытекающих из этих законов. Результатом является «советско-марксистская» диалектика, которая находит свою основу в независимой от субъекта «диалектике природы» — лишенной историзма, застывшей диалектике.

Мы учитываем, что в основу этого тезиса первоначально был положен правильный антимеханистический момент. Нельзя также оспаривать и то, что иногда имели место догматические тенденции, действовавшие в направлении схематизации диалектики. Но это отнюдь не оправдывает тезис Маркузе, будто признание объективных общественных законов означает лишение диалектики историзма и ее застывание. Маркузе не способен понять диалектику объективного и субъективного фактора.

Маркузе все больше релятивирует марксизм: «Не существует никакой марксовой теории, которую, в соответствии со смыслом, можно было бы назвать «мировоззрением» для некапиталистических обществ, будь то социалистические или несоциалистические. Не существует никакой марксовой теории социализма, поскольку антагонистическо-диалектические законы, господствующие в до-социалистической истории, неприменимы к истории свободного человечества, и теория не может заранее предопределять законы свободы... Исторический в основном характер марксовой теории исключает неисторические обобщения»⁹⁷. Но если бы это было так, то по какому праву Маркузе «определяет» нашу будущую структуру инстинктов?

Его представления об историзме по-прежнему являются хайдеггеровскими. Переход от одного исторического этапа к следующему возможен лишь в смысле хайдеггеровского тотального «опровержения» существующего.

Что касается конкретного содержания аргументации, то следует сказать, что Маркс действительно не оставил после себя никакого завершеного труда о социалистическом общественном строе. Тем не менее, сделанный Маркузе отсюда абсолютизированный вывод ложен. В «Манифесте Коммунистической партии», в «Капитале», в «Критике Готской программы», в адресах Генерального совета о Парижской Коммуне, в адресе Учредительному конгрес-

су I Интернационала, в «Анти-Дюринге» содержится столь много принципиальных и одновременно систематизированных замечаний о социализме, что было бы вернее сказать, что Маркс и Энгельс оставили нам объективно обоснованные критерии того, что обязательно относится к социализму. Утверждения Маркузе являются неправильными и с методологической точки зрения: Маркс был сторонником гегелевской формы отрицания. Диалектическим путем из «Капитала» Маркса можно сделать существенные выводы о социализме. Кроме того, Маркс показывает, что в экономике имеются законы одной формации и законы многих формаций, а также такие законы, которые присущи всем общественным формациям. Маркс формулирует даже законы, которые будут действовать лишь при социализме или коммунизме (смотри «Критику Готской программы»). Уже в произведениях молодого Маркса мы находим важные высказывания относительно теории и практики социализма. Так, в «Экономическо-философских рукописях» Маркс, например, подчеркивал, что недопустимо смешивать социализм с мелкобуржуазной уравниловкой. В работе против Прудона (1847 г.) находим указания на то, что при социализме законы диалектического перехода не ведут к политической революции⁹⁸. Итак, имеются многочисленные принципиальные высказывания Маркса и Энгельса о социализме, о его законах и диалектике. Нужно лишь приложить усилия, чтобы без предубеждений изучить соответствующие произведения Маркса и Энгельса.

Несостоятелен также и тезис Маркузе о том, будто социализм представляет собой совершенно иной вид строя, в котором нет вообще никаких законов. Здесь мы имеем дело лишь с другим способом непризнания маркузианской «диалектикой» взаимосвязи количества и качества, прерывности и непрерывности. С этим мы уже сталкивались, начиная с первой работы Маркузе. Разница лишь в том, что Маркузе теперь выдает свои взгляды за взгляды Маркса и с такой узурпированной позиции ведет борьбу против «советского марксизма», то есть «от имени Маркса» против марксизма современности — против ленинизма. Ему стоило бы только прочитать «Критику Готской программы» с методологической точки зрения, чтобы увидеть, что Маркс, анализируя законы перехода от капитализма к социализму, отрицает тезис об исключительном преемственности разрыве⁹⁹.

Тем не менее, Маркузе вновь постулирует существование двух принципиально различных видов общественной диалектики, утверждая, что лишь в классовом обществе действует детерминистская диалектика¹⁰⁰. Недетерминистская диалектика действует при социализме. Правда, он ничего не может сказать нам о том, что же представляет собой эта индетерминистская диалектика. Диалектика без своих собственных детерминантов — это противоречие в себе самом. Недетерминированное не существует, оно относилось бы к сфере модуса непознаваемого, необрабатываемого, несуществующего.

Для Маркузе детерминизм сам по себе достоин осуждения. Мелкобуржуазный, со всех сторон детерминированный индивид хочет, наконец, быть свободным. Поскольку он уже при капитализме всесторонне «подвергался регламентациям», то он не желает испытывать «детерминацию» еще и при социализме. Он хочет быть свободным в смысле полной автономии. Он и марксизм истолковывает так, что превращает его в теорию полной автономии, которая достигается, как только будет уничтожен детерминирующий (ибо он есть овеществленный, отчужденный) капитализм. Такой марксизм признают все антиавторитаристы, ибо тем самым они признают исключительно только самих себя, исключительно только чистый, неподдельный, анархистский индивидуализм.

В этом антидетерминистском аргументе можно было бы увидеть нечто позитивное, и в этом могло бы заключаться рациональное зерно «поисков» Маркузе подлинной свободы индивида, если при этом анализе подверглось бы новое соотношение сознательности и стихийности при социализме; если бы было показано, что при социализме объективные общественные законы действуют не слепо; что, наоборот, характерно тут сознательное формирование всех процессов на основе все более глубокого, полного, конкретного познания этих закономерностей; что благодаря собственной, сознательной деятельности на основе познанных объективных законов общество и индивид становятся все более свободными; что этот процесс ведет к снятию овеществления. Но как раз такого дифференцированного анализа мы у Маркузе не находим. Он занимает индетерминистскую позицию «в себе».

«Диалектика превращается в закостеневший... «естественный процесс»..., в котором стоящие над индивидами объективные законы господствуют не только в капитали-

стическом, но и в социалистическом обществе»¹⁰¹, — утверждает Маркузе. Таким образом, советское общество точно так же, как капитализм, убивает стихийность индивида¹⁰². У него имеется нечто решающее общее с капитализмом: ориентация на развитие производительных сил, отделение непосредственных производителей от контроля за этим развитием. Поэтому это — не социализм, и Октябрьская революция не была социалистической революцией¹⁰³. Маркузе псевдоматериалистически обосновывает конвергенцию социализма и капитализма на примере конвергирования и явлений надстроечного характера, прежде всего на примере этики.

«Обоснованию» этого тезиса посвящена вторая часть его книги, где утверждается равноценность капиталистической и социалистической этики. Маркузе ставит на одну доску капиталистическую этику производительности и социалистический принцип производства, который к тому же он путает с принципом производительности, утверждая, что оба эти принципа ограничивают свободу. Основой этой аргументации служит данное Максом Вебером толкование капитализма, ибо Маркузе толкует и капитализм, и «советское общество» как порождение одного и того же способа мышления; этот способ мышления некритически, «идеологически» объявляет «рациональность» технологического, производственного аппарата руководящим принципом построения своих этических принципов. Важно обратить на эту аргументацию особое внимание, поскольку она используется также сторонниками «гуманного» социализма и группой журнала «Праксис» в борьбе против марксистов-ленинцев.

В этой аргументации прежде всего содержатся фактические ошибки. Принцип производительности в действительности не является основным принципом социалистической этики. Руководящий принцип социалистической этики выражен в положении «Кто не работает, тот не ест!». Этот принцип в условиях человеческой жизни, основой которой является труд, и когда ведется борьба против эксплуатации, является глубоко гуманным. Следующий принцип социалистической этики, производный от первого, гласит, что каждый работает для общества по своим способностям, а общество создает ему условия для свободного развития его способностей в пределах экономически возможного. Это также глубоко гуманистическое решение. Принцип распределения произведенных товаров

по труду является принципом распределения. Но поскольку распределению подлежит лишь то, что должно быть сначала произведено, то социалистический принцип распределения является производным от производственного принципа, то есть он не может быть основным принципом социалистической этики. Как в условиях социализма можно распределять по-другому, более справедливо, этого Маркузе нам сказать не может. С 1932 года ему известна критика, которой подверг молодой Маркс мелкобуржуазный уравнилельный принцип распределения: «Этот коммунизм ставит лишь на место индивидуальной частной собственности «всеобщую частную собственность»; он желает «уничтожить все то, чем, на началах частной собственности, не могут обладать все»; он хочет насильственно абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое обладание представляется ему единственной целью жизни и существования; категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей» — и, цитируя эти слова К. Маркса, Маркузе писал:

«...Этот коммунизм является для Маркса лишь простым «отрицанием» капитализма и как таковое стоит с ним на той общей им плоскости, которую Маркс хочет окончательно срыть»¹⁰⁴. В «Немецкой идеологии» и в «Коммунистическом Манифесте» эта критика коммунизма всеобщего распределения общественной бедности развивается дальше. Маркузе, разумеется, известна и работа Маркса «Критика Готской программы», в которой излагается диалектика принципа распределения в условиях социализма и коммунизма. Наш автор открыто с этим не полемизирует. Но как можно иначе понимать его критику социалистического принципа распределения по труду, как не возвращение к мелкобуржуазной уравниловке?

Маркс убедительно доказал, что принцип распределения по труду является частью материальных компонентов процесса всестороннего развития производительных сил, в ходе которого будут приведены в действие все источники общественного богатства и принцип распределения по труду можно будет заменить принципом распределения по потребностям. Это будет означать важный, качественно новый прогресс в свободе человека.

Аргументация Маркузе содержит и множество других ошибок. Как может социалист, а ведь Маркузе выдает себя за социалиста и даже за марксиста¹⁰⁵, забывать

о том, что принцип производительности при капитализме ничего не имеет общего с вышеописанным принципом социализма? Как мог бы социалист не заметить того, что даже принцип социалистического производства, который скорее всего можно было бы «сравнить» с капиталистическим принципом производительности, не идентичен и не может быть идентичным с принципами антагонистического классового общества, которое в антагонистическом смысле искажает даже «рациональное», например логику производства? Как можно не заметить, что отсюда следуют принципиально различные тенденции? Маркузе разрывает внутреннюю диалектическую взаимосвязь между продуктивностью и свободой при социализме. Он не хочет признать, что растущие способности решающей производительной силы — человека являются условием увеличения его доли в растущем совокупном общественном продукте. Он хочет иметь коммунизм, но не желает идти по пути к нему. Как можно в принципе приравнивать культурную политику, ориентированную также на социалистический принцип производства, к изображенной Максом Вебером капиталистической этике производительности, точнее к капиталистическому принципу эксплуатации? Так можно поступать, если анализировать **феноменологически, поверхностно**. Поверхностность — вот глубокая причина отождествления критики капитализма и социализма теоретиками «конвергенции» обеих систем и «третьего пути». Поэтому-то это отождествление используется защитниками существующей империалистической системы, ибо такие тезисы являются «замечательной» статьей буржуазного экспорта в социалистические страны, как об этом в новейшее время свидетельствует тот факт, что некоторые ревизионистские философы в Праге и Загребе брали их на вооружение.

В конечном счете, в основе этой аргументации Маркузе лежит отрыв этики, счастья, с одной стороны, от труда — с другой. Речь идет о том виде этики наслаждения, который или выработали идеологи непроизводительных классов, или в котором отражается бессильный протест тех эксплуатируемых слоев, которые способны увидеть лучшее будущее лишь в представлениях о рае или о мечте-утопии, о стране молочных рек и кисельных берегов. Оба эти направления — «не от мира сего».

Эти рассуждения частично сформулированы на языке холодной войны. Подобные концепции можно встретить

также у некоторых американских и западногерманских теоретиков «новой восточной политики».

Таким образом, мы видим, что в этой книге изложена версия модной ныне теории «индустриального общества» и «конвергенции капитализма и социализма». Этим Маркузе предвосхитил некоторые теории и практические действия международной государственно-монополистической экономики и политики (в частности, ЕЭС). Маркузе уже тогда отрицал роль пролетариата развитых капиталистических стран, в основе чего лежит его неправильное понимание революции, классовой борьбы, механистическое понимание роли пролетариата, проблемы диалектики формирования сознания. В соответствии с этим он исходил из неправильного толкования учения о партии. В общем во всей его аргументации вновь и вновь проглядывает его индивидуалистический подход к проблемам, его позиция стихийности.

«ПРЕДИСЛОВИЕ» 1960 ГОДА

В 1960 году Маркузе написал предисловие ко второму изданию этой своей книги¹⁰⁶. В нем он констатирует, что ожидания, которые он возлагал на Советский Союз, имея в виду политику разрядки напряженности, политику демократизации внутри страны и, «что самое важное», — постепенное сокращение рабочего дня и расширение возможностей приобретения товаров широкого потребления»¹⁰⁷, подтвердились.

Маркузе усиливает свой тезис о стабилизирующей и интегрирующей роли капиталистического производства вооружения, что оказывает отрицательное влияние как на процесс революционизации в несоциалистической сфере, так и на общественный процесс внутри советского общества (необходимость для Советского Союза иметь мощное вооружение, сохранять «репрессивные» инструменты)¹⁰⁸. Чтобы противодействовать этому, Советский Союз стремится проводить политику разоружения, которая преследует цель укрепить мир, а также облегчить прогресс внутри советского общества. Маркузе предполагает как нечто само собой разумеющееся, что разоружение ставит под угрозу внутрикапиталистическую стабилизацию и в то же время ведет к внутреннему укреплению «советской системы», что означает важную констатацию качест-

венного различия между обеими системами в пользу социализма.

Затем он рассматривает вопрос о конвергенции (этот термин мы уже встречали в книге Маркузе) обеих систем и отмечает, что в своей книге он недостаточно осветил эту проблему, в частности в третьей главе, где он говорил о конвергенции как о производном общих «первично технических черт позднеиндустриальной цивилизации»¹⁰⁹. Он утверждает также (он говорил это начиная с 1937 года), что национализация «сама по себе» еще не означает существенного различия между капитализмом и «советской системой», пока непосредственные производители не контролируют производство. Из этого вытекает, что общий технический базис обеих систем прокладывает себе дорогу даже через такие фундаментально различные формы экономики, как национализированные и частные предприятия¹¹⁰. Если «приписывать техническому базису такую детерминирующую роль, то можно легко впасть в искушение видеть в современном конфликте между капитализмом и коммунизмом конфликт между двумя формами или видами одного и того же единого индустриального общества. Я хотел бы отмежеваться от этой позиции и одновременно подчеркнуть всеохватывающий политический характер машинного процесса в развитом индустриальном обществе. Ибо именно этот «тотальный» характер машинного процесса, который ограничивает тенденцию к сближению и конвергенции западного и советского общества (как во временном, так и в структурном отношениях), и порождает совершенно различные возможности развития»¹¹¹.

Эта аргументация становится понятной на фоне взглядов Маркузе по вопросу независимости технического аппарата от социальной системы, поскольку один и тот же технический аппарат может служить как капиталистическому, так и социалистическому строю. Этой частично правильной точке зрения не соответствует утверждение Маркузе о том, что лишь акт политического решения определяет, как будет использоваться этот технический аппарат. Тогда техника в социальном отношении все же не являлась бы независимой.

Конечно, техника не свободна в социальном отношении потому, что она применяется в рамках определенных производственных отношений, то есть подчинена действию определенных производственных отношений, определен-

ных экономических законов. Но как раз эту проблему базиса общества Маркузе игнорирует. Социальная зависимость техники в таком случае означает — и этого вывода он не делает — чистый примат политики, своего рода свободу принятия политических решений (говоря на языке экзистенциалистов: свободу выбора первоначального проекта).

Имеется тут еще и третий противоречивый момент: в другой связи Маркузе ведь утверждает, что общая техническая основа обуславливает однородность социальных систем, что, однако, означает утверждение примата техники. Конвергенция возможна, говорит Маркузе, даже в более глубоком смысле, чем он говорил раньше, вследствие одинаковых технических основ. Вновь Маркузе «радикализирует» самого себя, хотя отсюда вытекают лишь неразрешимые противоречия его собственной теории.

Он считает, что эта конвергенция одновременно может быть также снята. Для этого необходимо «лишь» политическое решение руководителей системы, экономика которой основана на общественной форме собственности вместо частной. Здесь неожиданно появляется основополагающее производственное отношение в качестве условия среды в его концепции.

Обратите внимание на то, что здесь политическое, в конце концов, остается необоснованным. У Маркса политика — концентрированное выражение экономики, которая при этом понимается в смысле основных общественных отношений производства. У Маркузе же политическое есть именно только политическое. У Маркса политика, в конечном счете, содержит объективную закономерность, опосредствованную классовыми интересами, то есть коренными экономическими интересами соответствующего господствующего класса или групп классов. У Маркузе, как некогда у утопических социалистов, все сводится к моральным и интеллектуальным качествам соответствующих политических деятелей. Мы имеем здесь дело с безусловно буржуазной теорией политики. Дело чистого случая, будут ли и когда будут предприняты политические корректуры. Все было бы, конечно, иначе, если бы политическое определялось социальным, точнее экономическими условиями. Но тогда форма собственности все же оказалась бы первичной, а не только «условием среды»; но именно этот тезис Маркузе решительно оспаривает, по крайней мере с 1937 года.

По поводу всей этой конструкции Маркузе следует критически спросить: что же теперь считать верным? Примат политики или примат технических основ, или нейтралитет технического в смысле его независимости от социального? Здесь теория Маркузе терпит конфуз. Но даже если бы этого не произошло, если бы она согласилась с одним из трех названных тезисов, то все равно бы она не стала марксистской. В конце концов эта теория показывает, что отказ Маркузе от рациональности Гегеля и Маркса, поиски другой, более «радикальной» рациональности приводят его к иррационализму, который лишь создает видимость, будто стремится к более высокой степени рациональности, чтобы замаскировать свою подлинную сущность.

Поскольку мы здесь имеем дело уже с основными тезисами теории «одномерности», то более глубокий анализ этих тезисов мы хотели бы дать позже, уже в связи с критикой той книги. Тезис о примате неправильно понятого политического, трактуемого в духе субъективного идеализма (согласно которому «историю делают личности» — старый как мир исторический идеализм!), содержит существенный вывод, который Маркузе и делает и который является также центральной составной частью теории «одномерности»: «На более высокой степени индустриализации... применяемые в экономическом процессе технология и техника являются более, чем когда-либо ранее, инструментами социального и политического контроля (то есть здесь они становятся лишь из определяющих факторов простыми инструментами.— *Р. Шт.*). Удовлетворение (материальных и духовных) потребностей осуществляется посредством научной организации труда, научного руководства предприятиями и научным определением действий и образцов поведения, которые становятся эффективными по ту сторону и вне процесса труда и которые преформируют индивидов в духе господствующих общественных интересов. В развитом индустриальном обществе эта преформация является а) рациональной в строгом смысле, то есть она проявляется как манифестация технологической необходимости и самой производительности, и б) сопровождается ростом комфорта и жизненного уровня одной увеличивающейся части населения. И по мере того как технический прогресс дает эти осязаемые преимущества, общество может полагаться на мощь экономического аппарата и в обычных усло-

виях оставлять на заднем плане более насильственные средства для принуждения к подчинению. До этого пункта обе системы участвуют в рациональности технического прогресса...»¹¹².

Маркузианская теория оппортунизма — теория о как бы механическом выравнивании антагонистических противоречий в капитализме с помощью социальной коррупции — основана, с одной стороны, на концепции рационализма типа идей Макса Вебера и является, следовательно, идеологической и неизбежно ведет к теории конвергенции. С другой стороны, — что более важно — она основана на ошибочной, иллюзорной, проистекающей из необуржуазной апологетики (из ее мифов о народном капитализме, о государстве благоденствия и т. д.) оценке развития государственно-монополистического капитализма как такого строя, который элиминирует свои противоречия. Эта ложная теория, которая является фальшивой теорией и относительно движущих сил революционирования масс, представляет собой важный исходный момент теории «одномерности».

Перед нами все тот же «третий путь». Несмотря на все различия между капитализмом и социализмом, Маркузе в принципе ставит их на одну доску. Симпатизирует ли он при этом реальному социализму больше? «Говоря эсхатологически, советское общество содержит качественно иное общество»¹¹³. Это «эсхатологическое» надо понимать в общем контексте взглядов Маркузе. Его книга в значительной степени написана с целью доказать «фундаментальную амбивалентность»¹¹⁴ или противоречивость в развитии советского общества. Маркузе признает, что процесс освобождения требует создания соответствующего материального базиса, что былая отсталость Советского Союза и капиталистическое окружение обусловили необходимость поддержания строжайшей дисциплины труда, быстрого развития производительных сил. Но не менее правильно и то, что эти средства не соответствуют цели — здесь мы имеем дело с противоречащим диалектике отрывом цели от средств! — «и что необходимо разорвать диалектический круг, если должно возникнуть новое общество»¹¹⁵.

Так в «советскую систему» привносится маркузианская «революция»!

Мы уже отмечали выше, что у Маркузе разрушается диалектическое соотношение между целью и средством,

причем в основе этого лежит оценка процесса с точки зрения, находящейся вне этого процесса, с абстрактной позиции. Конечно, при этом некоторые его замечания правильны. Так, например, относительно верно кое-что из того, что он говорит о «моральной структуре» будущего бесклассового общества в мире, свободном от капиталистической эксплуатации и угнетения. Но Маркузе мыслит не исторически, считая возможным элиминировать проблемы классовой борьбы недозволенным способом, рассматривая все это лишь с точки зрения технического прогресса, и при этом он не видит или не желает видеть, что соревнование между социалистической и капиталистической системами включает в себя вопрос «кто кого», вопрос, который агрессивная империалистическая система в случае необходимости попытается решить с помощью оружия. А это влечет за собой необходимые экономические, социально-политические и идеологические последствия, которые нельзя игнорировать даже при сколь угодно высоком уровне технического прогресса.

Позиции, на которых стоит Маркузе, являются идеалистическими, а с точки зрения идеологии — буржуазными. Об этом свидетельствует его заключительное замечание, что встреча между «Востоком и Западом» дала бы новые шансы преодоления нашего мира, находящегося под господствующим влиянием техники. Китай и Индия являются мирами, развитие которых осуществлялось не под знаком западной «технологической рациональности», с ее этикой производительности. Конечно, эти страны не могли бы развиваться без индустриализации, однако индустриализация в этих странах осуществляется в ином морально-идеологическом «климате». Отсюда может возникнуть мир новых ценностей, который ускорит создание свободного от репрессий общества.

Здесь не место говорить о всемирно-исторической роли революционизации самой крупной части света, где живет подавляющее большинство населения нашей планеты. Трактовка этого вопроса у Маркузе (не говоря уже о том, что он ставит на одну доску Китай и Индию!) является романтической и очень напоминает некую антитехническую буржуазную философию, которая, следуя, например, за Шопенгауэром, противопоставляет Азию Европе и не имеет ничего общего с революционно-социалистическими взглядами.

Его «эсхатология» ориентирует в ложном направлении.

Не на борьбу против главного врага человеческого прогресса — империализма, а на «революционизацию» СССР. Она вводит психоаналитические и романтические критерии для оценки общественного прогресса и заканчивается бессвязным, непонятым, волюнтаристским тезисом: «Если господствующее состояние не является ни нормальным, ни необходимым, то оно имеет исторические альтернативы, которые не хотят видеть его существование и господство. Задача критического анализа — держать в памяти эти альтернативы, не обращая внимание на то, сколь утопическими они могут казаться в данном статус-кво»¹¹⁶.

Здесь можно спорить почти по каждому слову: что такое «господствующее состояние»? Оно охватывает капитализм и социализм. Что же в нем является нормальным и ненормальным и что — необходимым и не необходимым? Были ли Октябрьская революция и социалистическое строительство не нормальными и не необходимыми? Для Маркузе — да, поскольку он пользуется антиисторическими мерками при оценке истории и фальшивой теорией объективных процессов революции и субъективного фактора. Но что означают тогда «исторические альтернативы»? Что означают они для того, кто видит корни исторической закономерности лишь в субъективной деятельности? В этом случае эта альтернатива является понятием этическим, не имеющим исторических корней и, следовательно, не «необходимой», причем о ее «нормальности» также ничего нельзя сказать. Сама критическая теория демонстрирует здесь уже такое же бессилие, как и в «Одномерном человеке».

Книга Маркузе была продуктом холодной войны. Но она значительно опередила уровень борьбы в середине 50-х годов. Ее действительный эффект мог и должен был проявиться лишь в условиях, когда вновь стали обретать актуальность тенденции укрепления позиций «третьего пути» левобуржуазного толка. Не случайно поэтому, что «Советский марксизм» именно в это время и был издан в Федеративной Республике Германии.

Глава VI

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ «ОДНОМЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА»

В наиболее концентрированном виде «критическая теория» Маркузе нашла свое воплощение в нашумевшей на Западе книге «Одномерный человек»¹. В этой работе сливаются как бы в один поток некоторые прежние тенденции и мотивы (понятие «двумерности» встречается уже в его первой книге о Гегеле). Мы уже встречались с толкованием буржуазного разума как способности не мириться с существующим, а стремиться трансцендировать его; правда, идеалистический разум трансцендировал лишь идеально, оставляя неизменным общественный объект. Перед лицом достигнутого ныне уровня производства, позволяющего разумно строить жизнь человечества, то есть предоставить критицизму возможность реально проявить себя, старая рационалистская позиция уже недостаточна. Маркузе сближался с Марксом, которого он считал душеприказчиком критицизма, сводя его в то же время в философском отношении к Гегелю, которого он, в свою очередь, в общественно-теоретическом плане приближал к Марксу.

Но затем он разочаровался в своих политических ожиданиях. Это с достаточной ясностью показало его «послесловие» 1954 года ко второй книге о Гегеле. Подходя к этим проблемам антиисторически, чисто идеологически, не проверив, правильно ли вообще его понимание Гегеля и Маркса и выводы, сделанные им на этой основе, он теперь взваливает на Гегеля и Маркса ответственность за свое разочарование, за «отступление свободы». Маркузе утверждает, что рациональность и критицизм Гегеля и Маркса являются недостаточно радикальными.

И Маркузе пускается в поиски более радикального решения проблемы свободы. Если прежние понятия разума

были еще аффирмативными и недостаточно критическими, то надо дать другую редакцию понятия разума. Маркузе уже попытался сделать это, опираясь на Фрейда, в работе «Структура инстинктов и общество».

Материальные недостатки обуславливают подавление нашего принципа наслаждения в пользу принципа производительности (это — историческая форма проявления фрейдистского принципа реальности в рамках маркузианской «критической теории»). Подобное подавление накладывает свой отпечаток на нашу культуру, процессы мышления, этику. Из этого «подавления» произошло разделение людей на господствующих и угнетенных. Классическое понятие разума тоже образовано согласно внутренней логике принципа производительности и в силу этого отражает господство и подчинение. Поэтому связанная с этим понятием разума борьба за свободу неизбежно сопряжена с сохранением несвободы. Правда, достигнутый ныне под эгидой принципа производительности уровень производительных сил обеспечивает преодоление материальной нужды, а тем самым и самого принципа производительности, делая, таким образом, возможным существование иной рациональности и иного вида свободы. Проблеме господства и свободы нельзя более рассматривать и решать с точки зрения снятия в гегелевском смысле. Более того, становится возможным совершенно новое решение. Итогом является умиротворенный мир.

Книга «Советский марксизм» явилась лишь частичным, большей частью еще преждевременным конкретным применением полученных таким образом понятий новой «критической теории» к фальсификации развития Советского Союза.

А «Одномерный человек» пытается теперь дать общую картину «одномерной культуры», ее внутренних тенденций и маркузианской терапии.

О СОДЕРЖАНИИ КНИГИ «ОДНОМЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Маркузе отталкивается от вопроса, используется ли имеющееся изобилие материальных и духовных средств для оптимального удовлетворения индивидуальных потребностей и задатков². При ответе на этот вопрос следует абстрагироваться от существующего положения, иначе существующее будет рассматриваться как неприкосновенное. Анализ должен тогда осуществляться в свете реаль-

ных возможностей, которые обнаруживаются в существующем как реальная тенденция — как потребность данных людей в изменении существующего³.

Здесь мы сталкиваемся с дилеммой: в развитом индустриальном обществе сам базис такой критики уничтожается⁴. Технический прогресс порождает целую систему факторов, обладающих интегрирующим эффектом. «Предотвращение социальных изменений является, возможно, наиболее выдающимся достижением развитого индустриального общества»⁵. Антагонизмы интегрируются. Правда, буржуазия и пролетариат еще остаются основными классами капитализма. Но почему они ими являются — этого Маркузе не говорит. Более того, он, в конце концов, сам снимает этот тезис, когда одновременно утверждает, что эти классы не являются более носителями исторического развития⁶. «Всепобеждающая заинтересованность в сохранении и улучшении индустриального статус-кво объединяет прежних антагонистов...»⁷. Вместе с победоносным шествием техники и в коммунистических странах стремление к качественным изменениям и к революции уступает место стремлению к лишенным взрыва эволюциям⁸. Следовательно, нет видимых субъектов общественного прогресса.

Итак, теория «одномерности» служит обоснованием «конвергенции капитализма и социализма» и необходимости «третьего пути».

Тем не менее, революция «столь настоятельно необходима..., как и ранее»⁹. Об этом свидетельствуют такие противоречия, как гигантская продуктивность и деструктивность техники, богатство и нищета, рациональность и иррациональность в условиях господства иррациональности.

Все еще имеет силу различие между истинным и ложным сознанием. Интегрированные в систему массы, не сознающие более факта своего отчуждения, обладают ложным сознанием. Его надо разложить. Но развившееся общество с помощью растущего удовлетворения потребностей создает возможность воспрепятствовать этому. Научное покорение природы (техника) используется для научного покорения человека¹⁰.

Перед лицом этого развитого индустриального общества марксизм теряет рациональные средства трансцендирования. Понятия марксизма были развиты в период, когда «потребность в отказе и ниспровержении была воплощена в действиях эффективных социальных сил»¹¹. Поэ-

тому эти категории были по существу своему негативными, оппозиционными понятиями, они отражали уровень развития XIX века. «С растущей интеграцией индустриального общества эти категории теряют свое критическое содержание и проявляют тенденцию к превращению в описательные, вводящие в заблуждение и операционные термины»¹².

Маркузе оправдывает необходимость новой «критической теории» тем, что желание обновить критическую силу марксистских терминов¹³ было бы спекулятивным, ибо, чтобы осуществить это, надо исходить из позиций XIX века, а не с точки зрения современных позитивных и негативных факторов. Но «критическая теория» не может возникнуть на такой спекулятивной идеологической почве, ибо она должна иметь корни в современных данных.

Вследствие растущей интеграции в этом обществе возникает проблема одномерности. Человек развитого индустриального общества вследствие технически возможных манипуляций отождествляет себя с существующим строем и теряет способность «трансцендировать» его¹⁴. Этот одномерный человек постоянно находится перед дилеммой: с одной стороны, развитое индустриальное общество способно не допустить любое качественное изменение (революцию), с другой стороны, существуют силы, которые могут взорвать эту систему. Первая тенденция является господствующей. Возможно, ситуацию изменит несчастье, «но пока признание того, что делается и что предотвращается, не перевернет сознание и поведение человека, то даже катастрофа не приведет к этому изменению»¹⁵.

В центре конкретного анализа Маркузе стоит техническая система производства и распределения одномерности. Необходимо правильно понять: речь идет не о том, что Маркузе исследует современные производительные силы в их отношении к производственным отношениям. Именно этого он не делает. Напротив, после описания технологической и операциональной системы манипуляций он обращается к анализу идеологических процессов.

Исходя из этой системы теорий и анализов, он делает вывод о том, что нельзя более видеть в технике лишь нейтральный инструмент. «Техника как таковая не может быть оторвана от того, как она используется; технологическое общество есть такая система господства, которая уже закладывается в само понятие и построение техники»¹⁶. Это якобы делает необходимым революционизиро-

вание техники. Но Маркузе зачастую предлагает осуществить не революцию техники, а «лишь» революцию критериев ее использования¹⁷. Тогда бы проблема превратилась опять в общественную проблему, а техника не была бы более субъектом вырождающегося развития, и негативные черты исходили бы из критериев применения техники. Тем самым Маркузе вновь приближается к марксистским взглядам.

Но подобные тезисы являются редкими проблесками в его общей теории. Они лишь показывают, что Маркузе не всегда последователен в своих собственных взглядах. Такое исправление самого себя во второстепенных вопросах еще куда ни шло, но когда речь идет об основных положениях теории, то несовместимые высказывания разрушают остов всей теории.

Итак, главная идея Маркузе состоит в следующем. Способ, каким общество организует свою жизнь, предполагает первоначальный выбор¹⁸ между реальными историческими альтернативами. Последние определяются унаследованным уровнем материальной и духовной культуры. Сам выбор соответствует определенным интересам. Но он также антиципирует особые способы отношений между человеком и природой и между человеком и человеком. В этом смысле он является «проектом» в духе Сартра, то есть он подчинен свободе выбора. Но далее все происходит в соответствии с прямо-таки механическим детерминизмом. Результатом осуществленного еще в греческий период «проекта» является, в конце концов, наш технологический универсум, который как таковой является также политическим универсумом. Это — поздняя ступень раннего проекта, в котором природа воспринимается как простой материал господства, и с нею так и поступают¹⁹. Развертываясь, этот проект переделывает все наше материальное и идеальное бытие. «В медиуме техники культура, политика, экономика сливаются во всеохватывающую систему, которая поглощает или отвергает все альтернативы»²⁰. Чем больше эта система развертывается, благодаря своей собственной продуктивности, тем больше она стабилизируется. Так, технический прогресс закосневает по мере того, как господство технологической рациональности становится господством политическим²¹.

Некритически используя итоги исследований тех позитивистских и эмпиристских социологов²², методы иссле-

дования которых он столь резко критикует, Маркузе с помощью психологических, культурно-социологических и идеологически критических материалов обосновывает свой тезис об отмирании революционного потенциала. Здесь мы имеем дело с парафразами на тему абсорбции и унификации оппозиции, пролетариата, искусства, религии и философии.

Мы напоминаем в этой связи о наших высказываниях о книге Маркузе «Структура инстинктов и общество». Аналогия анализов в обоих произведениях налицо.

Все явления идеологического порядка теряют свою прежнюю, по крайней мере утопическо-идеалистическую, дистанцию к обществу, становясь просто одномерными элементами репрессивного управления. Маркузе пытается вскрыть более глубокие причины этого процесса и, тем не менее, доказать также «правомерность» революции, а также указать революционные силы и пути.

«Тоталитарная совокупность технологической рациональности есть последнее преобразование идеи разума»²³. Маркузе отверг свое прежнее рационалистическое понятие разума. Уже в самом разуме заключено зло. Современный, операциональный универсум проистекает из этой идеи разума. Эта идея разума есть основополагающий исторический проект, который был избран уже древними греками. Для них разум являлся способностью различать истинное и ложное²⁴. Это означало «отождествлять с истиной действительное, или актуальность (позитивность). Следовательно, неактуальное, потенциальность, представляет собой угрозу существующему. Потенциальность разрушительна. Борьба за истину является для этих древних греков борьбой против разрушения»²⁵.

Эта концепция истины, замечает Маркузе, отражает антагонизмы реальности. Поэтому философские категории, отображающие эту реальность, являются двумерными: «Явление и действительность, неистина и истина (и, как мы увидим, несвобода и свобода) являются онтологическими отношениями»²⁶.

Каковы критерии этого различия? Почему для древних греков истина являлась качеством существующего, а не грядущего? Наконец, у позднего Платона и Аристотеля преходящее трактуется как несовершенное, случайное, проникнутое негативностью и, следовательно, не подлинно истинное. Истина присуща только тому, что свободно от отрицания, неподвижному, вечному. То, что не осуще-

ствило свою потенциальность и не достигло покоя, не является истинным.

В обществе это относится к непосредственным производителям классового общества. В этом обществе познание истины и подлинная свобода возможны лишь для господствующих классов. Где же проходит разграничение между технической и дотехнической цивилизацией? Ведь в обеих непосредственные производители не свободны. Следовательно, граница проходит не между свободой и несвободой. «Демаркационная линия между дотехническим и техническим проектом существует больше в способе, каким организовано подчинение жизненным потребностям («зарабатывать себе на жизнь»), а также в новых видах свободы и несвободы, истины и ложности, соответствующих этой организации»²⁷.

Маркузе поясняет это так. У Платона господином является тот, кто может концентрироваться на своем созерцании (теории) и производной из нее практике, — философ-государственный деятель, носитель истины. Но в принципе это, однако, доступно каждому, в том числе и рабу²⁸. Однако истина является качеством бытия и мышления. Поэтому доступ к ней является лишь потенциальным для того, кто не живет в истине и с нею: для раба. «В силу этого истина и подлинно человеческое существование были бы в строгом и реальном смысле всеобщими, если бы люди не были больше вынуждены проводить свою жизнь в царстве необходимости»²⁹. Философия (разум) имеет целью равенство людей, но одновременно подчиняется фактическому отказу от равенства: ибо в «реальности» большинство должно работать всю свою жизнь, с тем чтобы для меньшинства была осуществлена истина, то есть свобода от материальных потребностей³⁰. Это противоречит всеобщему характеру истины.

Для философии это противоречие неразрешимо. Что же она предпринимает? Она поднимает истину над историей. И тогда она там действует, ибо «всем своим понятием она выражает понимание того, что те, кто всю свою жизнь вынуждены зарабатывать себе на пропитание, лишены возможности жить по-человечески»³¹.

Здесь существенно то, что понятие истины в дотехническую эпоху является двумерным, в отличие от технической эпохи³². Как это проявляется? Диалектика Платона содержит понятие истины дотехнической эпохи, является, следовательно, двумерной. Такие основные понятия, как

бытие, небытие, движение, отдельное, многое, тождество, противоречие, остаются открытыми, «двусмысленными». Они не могут быть полностью дефинированными, имеют открытый горизонт, «целую вселенную значений, которая в процессе коммуникации сама постепенно приобретает структуру, но никогда не закрывается»³³. Она развивается в диалоге. Логическое развитие понятий соответствует здесь реальному процессу. «Так, существует скорее противоречие, чем соответствие между диалектическим мышлением и данной действительностью; истинное суждение оценивает эту действительность не по ее собственным понятиям, а по понятиям, нацеленным на уничтожение этой действительности. И в этом уничтожении действительность достигает своей собственной истины»³⁴. «Рассматриваемые в свете своего существа и своей идеи люди и вещи существуют (у Платона. — *Р. Шт.*) как нечто другое, чем они есть; следовательно, мышление противоречит тому, что дано и противопоставляет свою истину данной действительности»³⁵. Увиденная мышлением идея или истинность является потенциальностью. Но существенная потенциальность не есть одна среди многих, это потенциальность совершенно иного порядка. «Ее осуществление делает необходимым уничтожение существующего строя; ибо мыслить в соответствии с истиной есть обязательство существовать в соответствии с истиной»³⁶.

Логика Платона как бы возлагает приказы о низвержении действительности, то есть это есть логика революции. Связка «есть» предполагает здесь значение «долженствовать»³⁷. Перед нами «противоречивый, двумерный стиль мышления.., внутренние формы не только диалектической логики, но всей философии, которая в понятиях постигает действительность. Предложения, определяющие действительность, утверждают как истинное нечто, что не (непосредственно) имеет места; тем самым они противоречат тому, что имеет место, и отрицают его истинность. Аффирмативное суждение (Платона. — *Р. Шт.*) содержит отрицание, которое исчезает в форме предложения «s» есть «р». Например, «добродетель есть познание», «справедливость есть такое состояние, в котором каждый выполняет функцию, для которой он по природе лучше всего приспособлен»; «полностью действительное есть полностью познаваемое»; «*Verum est id, quod est*»; «человек свободен»; государство есть действительность разума»³⁸.

«Если эти предложения являются истинными, то тогда связка «есть» означает «долженствование», пожелание. Она осуждает отношения, в которых добродетель не является познанием... Категорическая форма «s есть p» констатирует, что s не есть s; s... определено как нечто другое, чем оно само есть. Верификация... делает... необходимым процесс: s должно стать тем, что оно есть. Категорическая констанция оборачивается таким образом категорическим императивом; она констатирует не факт, а необходимость создать факт»³⁹.

«Есть» в смысле «долженствовать» является двумерным⁴⁰. Это диалектическое мышление создает конкретную практику, проецирует иной мир, иные мерки, чем имеющиеся. Так идеалистическая рабовладельческая философия Платона в толковании Маркузе становится философией революции.

Но философия возникает как следствие разделения труда и обязательно является абстрактно-идеологической⁴¹. Ее понятиям присуще это разделение труда. «Те, кто подвергался насилию со стороны неистинной действительности и проявлял величайшую потребность ниспровергнуть это насилие, до них философии не было дела... Она абстрагировалась и тогда, и впоследствии от них»⁴². Именно критическое намерение ведет философию в идеалистическом направлении. Противоречие между философской критикой и действительностью является тормозом для философии, ведет к увеличивающемуся отрыву ее от реальности. «Суждения, высказанные в отношении данной действительности, уступают место предложениям, которые определяют общие формы мышления, предметы мышления и отношения между мышлением и его предметами»⁴³. Результатом является «s», для которого реальные отношения актуальности и потенциальности не являются более существенными: логика Аристотеля.

В его логике мышление индифферентно в отношении своих предметов. Все они подчиняются определенным законам. Его логика «устанавливает взаимосвязь между понятием и господством»⁴⁴. Правит всеобщее. Чистая форма «все еще является формой содержания, которое она формализует. Идея собственно формальной логики является историческим событием в развитии духовных и физических инструментов для широкого контроля и учета. При этой операции человек должен был из существующего на деле диссонанса создать теоретическую гар-

монию, очистить мышление от противоречий и гипостазировать определяемые родовыми признаками единицы в комплексном процессе общества и природы»⁴⁵. Принцип противоречия отделяется от принципа тождества. Противоречия проистекают теперь только из ложного мышления. Понятия становятся «инструментами прогноза и контроля. Формальная логика является, таким образом, первым шагом на долгом пути к научному мышлению — только первым шагом, ибо требуется еще более высокая степень абстракции и математизирования, чтобы способы мышления приспособить к технологической рациональности»⁴⁶.

При всех различиях между старой и новой формальной логикой им обоим присуще «построение общепринятого порядка мышления, который является нейтральным по отношению к материальному содержанию. Еще задолго до того, как технический человек и техническая природа появились в качестве объектов рационального контроля и калькуляции, дух приобрел восприимчивость к абстрактным обобщениям... Различия делались между общим, поддающимся калькуляции «объективным», и особым, неподдающимся калькуляции субъективным измерениям мышления; последнее перешло в науку лишь через ряд редукций»⁴⁷. Формальная логика предвосхищает редукцию вторичных и первичных качеств, при которой последние позднее становятся физическими свойствами. Никакое дальнейшее развитие ничего не изменило в том, что логика мышления осталась логикой господства⁴⁸.

Этому мышлению соответствует в качестве модели технологическая рациональность, квантифицированность реального: уничтожение не поддающегося квантификации. С качеством исчезают также проблемы качественного скачка, революции. Остается количественный процесс внутри существующего измерения. Протест, недовольство, негативность в отношении этого существующего мира кажутся действиями, направленными против технологической рациональности, бессмысленными, неразумными, «иррациональными». Чтобы изменить это, надо изменить наш характер науки и техники.

Интеграционные тенденции индустриального общества аннулировали рабочее движение, в том числе и коммунистическое, подвергнув его социал-демократизации⁴⁹, а тоталитарные тенденции отравили также его традиционные формы борьбы (забастовку). Следовательно, необхо-

димо искать новые силы и формы борьбы. Эти новые силы находятся под или вне манипулированных слоев народа. Там имеется субстрат отверженных и аутсайдеров: негры, опустившиеся белые, эксплуатируемые и преследуемые представители других рас, безработные⁵⁰. Если не их сознание, то, во всяком случае, их оппозиция революционна, поскольку она имеет место вне существующего строя⁵¹. В качестве методов борьбы Маркузе называет «Великий отказ», отрицание всякой жестокости, панибратства, неповиновение тирании (позднее: репрессивной толерантности) большинства, выступления в поддержку слабых и подвергающихся насмешкам акций протеста и отказа. Там, где рабочие еще являются оппозиционными, рекомендуется также вести борьбу за «контроль снизу». Но без материального насилия даже самое отточенное сознание остается бессильно⁵².

Представление о целях борьбы по сравнению с развиваемым в работе «Структура инстинктов и общество» в принципе не изменилось.

К ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКЕ

Понятие одномерности возможно лишь при условии существования основополагающего принципа, в одинаковой мере присущего таким различным явлениям мышления, политической, культурной, производственной и иной деятельности человека, как формальная логика, логический позитивизм, техника, естествознание, структура языка и языковой анализ, социология, психология, дегуманизация отношений между людьми, методы аргументации массовых средств коммуникации, внешняя политика и т. д. и т. п. Если мы все же попытаемся обнаружить в произведениях Маркузе такой в одинаковой мере присущий всем этим явлениям конституционный признак, то не найдем убедительного ответа. Бросается в глаза не только то, что имеется несколько обоснований тезиса об одномерности⁵³, но, более того, некоторые из этих обоснований идут не столь далеко, как это должно было бы быть, чтобы объяснить одномерность всего общества.

Идеализм строго детерминистского характера мог бы скорее всего выводить одномерность из понятия рациональности. При этом предполагается понятие рациональности, имеющее своим содержанием модус господства, который с самого начала рассматривает природу в каче-

стве объекта для господства и извлечения пользы, что обуславливает по сути инструменталистский, оперативный характер и в основном репрессивное содержание рациональности. Мы видели, что, согласно теории Маркузе, эта рациональность зародилась в древнегреческий период, и ответственность за это возлагается на акт выбора, совершенный человеком.

Этот аргумент Маркузе базируется на идеалистическом основном тезисе о примате мышления перед бытием. Только таким способом одномерный разум может, в конечном счете, добиться всеобщей одномерной реальности. Только таким путем можно найти основополагающий принцип всеобщей одномерности различных материальных и духовных сфер. И этот продуктивный и носящий на себе отпечаток одномерности принцип есть дух. О том, что Маркузе стоит на позициях идеализма и какого рода этот идеализм, свидетельствует его экзистенциалистский аргумент о первичном выборе проекта из числа различных возможностей. Правда, мы должны отметить, что это обоснование одномерности своим как раз механическим детерминизмом противоречит основному характеру полностью индетерминистского экзистенциализма Маркузе. Итак, сам основной принцип Маркузе внутренне противоречив.

Маркузе исходит из убеждения, что капитализм и реальный социализм как в равной степени одномерные общественные системы должны были бы обладать признаком, равным образом конституирующим эту одномерность; и он полагает, что нашел этот признак в виде технологической рациональности. Отсюда следует, что вследствие этой порожденной ею одномерности технику нельзя более рассматривать как нейтральный инструмент.

Выше мы уже критиковали это ошибочное обобщение правильного марксова тезиса о роли техники в производственном процессе. А теперь мы видим, что Маркузе, основываясь на своем неправильном исходном тезисе, идет дальше к неправильной инверсии этого тезиса, вновь пытаясь «радикализовать» его. Он причисляет технику к элементам субъекта и, действуя в духе Хайдеггера, возлагает на нее, но не на «саму по себе», а как на элемент субъективного, ответственность за дегуманизацию объективного — как положенного субъектом — бытия. И все это связывается с роковым первичным выбором. Человек не должен был тогда принимать такое решение, ибо он

мог поступить иначе. Учитывая уровень материальной и духовной культуры того периода, когда совершался этот первичный выбор, мы должны все же сказать, что если слово выбор имеет смысл, то тогда человек должен был быть свободным в своем выборе и мог принять иное решение. Но после первого же шага мы стали рабами! Притча о первородном грехе вводится в сферу «истории»!

Мы вновь имеем дело с маркузианской теорией индетерминированной свободы, поскольку речь идет о первичном выборе. Логически эта свобода должна быть свободой индивида. Тогда история превращается в загадку: кто сделал первый выбор? Почему он сделал именно такой, а не иной выбор? Почему именно этот выбор стал определяющим для истории? Предположим, что эта концепция состоятельна, то почему тогда внечеловеческие, но в конечном счете всего лишь отчужденные и приведенные в действие свободным субъектом процессы могут оказывать подобное прямо-таки дьявольски механическое детерминистское воздействие на дальнейший ход истории? Почему они могут разгромить субъективность, прежде выдаваемую за нечто индетерминированное, самодовлеющее, и свести ее к одномерности!?

И далее: как может именно в настоящее время один единственный индивид в нашем насквозь одномерном мире разгадать эту размерность? Следовательно, этот единственный индивид не преформирован одномерно? Если нет, то почему? Почему он не преформирован, а другие преформированы? Значит, в одномерности возможно пробить брешь? Если да, то, выходит, что это доступно лишь незаурядным индивидам? На чем основывается вера этого единственного индивидуума в то, что другие люди, одномерно преформированные, поймут его аргументы против одномерности? Почему его буржуазно преформированные поклонники из числа студентов не являются одномерно преформированными, а пролетарские массы — да? Сколь принудительна эта одномерность?

Далее: каковы критерии аргументирования с позиций второго измерения против первого? Откуда происходят масштабы нового технического проекта, который должен быть избран? При этом не следует забывать, что, согласно теории одномерности, противоречия существуют уже не внутри системы, а вне ее. Противоречие действует извне. Но каким образом тот, кто живет в обществе одного измерения и преформирован соответствующим образом.

познает второе измерение, которое является совершенно иным, находится вовне, для которого внутри первого измерения нет никакой отправной точки и, если быть последовательным, то его невозможно даже познать? Как может он познать второе измерение, являющееся столь совершенно иным, что оно должно быть достигнуто не посредством определенного, а совершенно абстрактного недетерминированного отрицания?

Если Маркузе в ответ скажет, что относительно нового следует прийти к соглашению на основе реальных тенденций в существующем, то мы должны будем возразить, что этот аргумент отвечает духу того гегелевско-марксового определенного отрицания, которое он, Маркузе, решительно отвергает в «Одномерном человеке» и в других своих более ранних работах⁵⁴. Мы можем так аргументировать, он — нет! Именно эта аргументация подрывает его «негативную» диалектику!

Итак, основным понятиям Маркузе присуща удивительная неточность! Он часто оперирует такими прилагательными, как «новый», «тотальный», или такими всеобщими операторами, как «все», «ничего», «всегда», которые более соответствуют формальной логике, чем «негативной» диалектике. Такие прилагательные или всеобщие операторы могут быть дефинированы лишь в диалектической связи со старым, частичным, особенным и т. д., то есть в связи с их определенным отрицанием. Маркузианское второе совершенно иное измерение остается темным, не поддающимся определению. Его «Великий отказ» ничего не отвергает, потому что он отвергает все. В такой плоскости, как правильно показал Гегель, чистое бытие и чистое ничто идентичны. Маркузианское второе измерение и присущий ему «Великий отказ» — это суть чистое бытие и чистое ничто, они утверждают одномерную реальность!

В действительности за теорией одномерности скрывается фрейдовская психоаналитическая теория культуры. Технологическая рациональность рассматривается как проявление негативно оцениваемого принципа производительности. Этот в одинаковой степени действующий и в капитализме, и в социализме принцип делает якобы оба эти строя одинаково одномерными. «Третий путь» имеет своей целью установление освобожденного от принципа производительности строя индивидуальной, индетерминированной свободы — что бы это ни значило.

Необходимо указать на некоторые философские и экономические аспекты. Особые исторические, общественные и экономические законы возможны лишь постольку, поскольку имеются выходящие за их пределы всеобщие законы. Положенное в основу этой аргументации отношение реальности является, как мы уже показали, отношением непрерывности и прерывности. Без их взаимосвязи нет ни единичного, ни всеобщего. В общественной жизни также существует эта взаимосвязь между отдельным, особенным, общим. Без труда, представляющего собой специфический вид связи человека и природы, невозможна жизнь, невозможно общество. Труд есть выражение жизни и существа человека. Расточительное отношение к труду является расточительством в отношении проявлений жизни и существа человека и как таковое представляет собой признак отчуждения. Поэтому сформулированный Марксом закон экономии времени действителен не только для антагонистических обществ, основанных на принципе производительности, в которых производительность трудящихся классов является условием непроизводительности тех, кто присваивает себе плоды труда других. Этот закон действителен при социализме и коммунизме в том смысле, что он кладет конец расточительному отношению к человеческому труду. Он выражает необходимость самым эффективным образом расходовать живой или овеществленный труд, экономить расходование человеческих сил. Растущее удовлетворение человеческих потребностей при сокращении затраченного труда (мы видели, что Маркузе по праву придает наибольшее значение именно такому сокращению труда) зависит — в условиях общественного характера производства и присвоения — от рационального использования труда в интересах повышения общественного богатства.

Именно в этом находит свое выражение взаимозависимость между подлинным принципом производительности и человеческой свободой. Противопоставление обоих принципов, как это делает Маркузе, неосуществимо. «Если предположить наличие коллективного производства, — писал Маркс, — определение времени, естественно, сохраняет существенное значение. Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального и духовного. Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность

его развития, его потребления и его деятельности зависят от экономии времени. Всякая экономия в конечном счете сводится к сбережению времени. Точно так же общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям, подобно тому как отдельное лицо должно правильно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворять различным требованиям, предъявляемым к его деятельности. Стало быть, экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства»⁵⁵.

Социализм и в еще большей степени коммунизм отличаются от капитализма именно тем, что этот закон — как и другие законы продуктивной рациональности — при капитализме применяется лишь частично: он дополняется такой экономией общества «в целом», которая в значительной степени направлена против этого закона и растранижает рабочую силу. Упомянем в этой связи лишь паразитизм, например в форме милитаризма и бессмысленной гонки вооружений, войны, паразитический характер многих видов и форм рекламы. В конечном счете частный характер капиталистической экономии не допускает целиком планового, в целом рационального общественного процесса. Сбережение труда внутри «фирмы» идет рука об руку с расточительным расходом рабочей силы в масштабе всего общества. Во избежание недоразумений хотели бы разъяснить, что под «фирмой» мы имеем в виду современное понятие, которое охватывает и предприятия, господствующие как в производстве, так и на рынках, то есть монополистические предприятия и их слияние с государством. Рациональность, планирование могут, следовательно, охватывать довольно значительные части общенациональной экономики, но не весь процесс этой экономики, и, что имеет решающее значение, критериями этой «рациональности» и «планирования» являются не критерии всего общества, а те, которые определяются погоней за частными прибылями.

Совершенно неправильно, игнорируя эти принципиально различные, прямо противоположные условия капитализма и социализма, характеризовать их как одинаковые общества, основанные на принципе производительности

сти, как индустриальные общества, приписывать им обоим одинаковую технологическую рациональность. Поэтому ошибочно также выносить им общий приговор «одномерности» и, таким образом, выставлять себя знаменосцем «третьего пути». Именно такой применяемый Маркузе метод является «одномерным», потому что он замазывает принципиальный антагонизм! Именно если стремиться к подлинно свободному, умиротворенному строю человеческого сообщества, надо добиваться сокращения количества необходимого труда и одновременно лучше удовлетворять гуманные потребности людей, которые представляют собой не постоянную, а общественно-конкретную, историческую величину. Для этого требуется создание необходимых научно-технических и экономических условий, что связано с соблюдением таких объективных экономических законов, как закон экономии времени.

Антитехническая философия Маркузе смешивает явление и сущность, использование техники в репрессивных условиях с самой техникой. В результате капиталистическая система оправдывается относительно ее способа использования техники, несмотря на то, и это надо особо подчеркнуть, что описание бесчеловечного характера использования техники при капитализме в некоторых работах Маркузе достигает большой обличительной силы. Однако эта попадающая в цель критика не соответствует принципам маркузианской теории. Согласно этой теории, сама техника становится порочной, хотя во вступительном тезисе к его работе говорится, что подлинная проблема заключается в политическом характере использования техники. На это противоречие мы уже указывали. Апологетический характер концепции «третьего пути» тут вряд ли можно скрыть. Не случайно мы встречаем весьма схожие с этим версии философии техники именно в работах консервативных и реакционных культурсоциологов, в трудах Фрейера, Шельского, Гелена, на что справедливо указывает Клаус Оффе⁵⁶.

Мы говорили, что Маркузе дает несколько обоснований тезиса об одномерности. Он выводит ее также непосредственно из рациональности современной индустрии, которая ведет к унификации действующих сил ради работоспособности существующей системы. Поэтому она якобы гармонизирует свои антагонизмы, разрушает все трансцендирующие, в том числе пролетарские революционные силы.

Этот способ обоснования одномерности можно связать с первым: применяемое здесь понятие техники навеяно веберовским понятием рациональности. Оно уже не означает рациональность в смысле буржуазного просвещения (интерпретацию этого вопроса в работах Маркузе мы уже изложили), а характеризует инструменталистское, целесообразное поведение в рамках существующей системы. Во имя этой рациональности устанавливаются научные нормы во все более расширяющихся сферах общественной жизни. Но основы системы при этом не затрагиваются. Следовательно, эта рациональность апологетична в отношении существующей системы, она направлена на то, чтобы повысить эффективность данной системы. Это включает предположение, что речь идет не о революции, не об исправлении имеющихся производственных отношений, а в конечном счете о конформистском улучшении системы. Таким образом выдвигается тезис, будто современные производительные силы не восстают против этих производственных отношений. Между ними якобы существует новое, не антагонистическое отношение, делающее революцию бессмысленной.

Впрочем, такой итог рассуждений в рамках теоретических воззрений Макса Вебера не удивляет, ибо Вебер с самого начала превращает существующее общество, то есть капиталистическую реальность, в основу своего понятия разума.

Маркузе известен этот идеологический апологетический характер веберовской модели рационализма. Но он критикует ее таким образом, который на деле предполагает согласие с основными положениями теории Макса Вебера. Каким же образом он критикует Вебера? Маркузе вновь «радикализирует». Аргумент, который он использует при этом, нам уже известен: основой всех бед является первоначальный выбор технического проекта. В нем, по мнению Маркузе, техника с самого начала понималась как господство.

Таким образом, веберовское понятие рациональности связывается с первоначальным актом выбора.

Если не обращать внимание на идеологическое содержание этой веберовской модели рационализма и рассматривать лишь развитие наших инструментов труда, то маркузианская проблема предстает как спекуляция. Она не была бы спекулятивной лишь в том случае, если бы существовали принципиально иные виды техники и

науки. Тогда было бы необходимо революционизировать эти оба инструмента общества⁵⁷. Возникло бы иное отношение человека к природе. Тогда бы человек благодаря лишь одной новой технике создал бы не «репрессивный», а «освободительный» вид господства!⁵⁸ О капитализме здесь нет уже и речи!

Эти рассуждения содержат субъективистское предположение, будто люди свободны в выборе способа своих продуктивных отношений к природе и что этот выбор может происходить вне и независимо от законов природы. Мы уже видели, к каким неоправданным надеждам это привело Маркузе в конце его нового предисловия ко второму изданию «Советского марксизма», где говорилось, что Китай и Индия должны создать совершенно новый вид техники. Но против этого говорят все известные факты. В действительности изучение истории техники показывает, что процесс ее развития необратим. В истории всех народов обнаруживается в принципе одинаковая, следовательно, имеющая всеобщее значение закономерность технического развития.

Мы имеем здесь дело с не зависимой от нашего мышления и воли внутренней логикой, поэтому маркузианское предположение иного рода является иррациональным, мистическим, романтическим. Его тезис об одномерности в принципе несостоятелен.

Капиталистическое производство не является само по себе технически рациональным, каким оно должно было бы быть, если бы приводимые им доказательства одномерности соответствовали действительности. Паразитизм, разбазаривание общественных средств и рабочей силы, гонка вооружений и войны — ясное доказательство тому. Эти явления типичны для капитализма, а не для социализма. Где же тут «конвергенция» и «одномерность»? С другой стороны, научно-технический прогресс также не всегда связан с политической репрессией. Это было бы грубо механическим детерминизмом с историческим оправданием мотива прибыли.

При этом мы отнюдь не хотим создать впечатление, будто не видим серьезных проблем, возникающих также при социализме и коммунизме в связи с применением современной техники, в некотором отношении также в связи с соревнованием с капитализмом, необходимостью вооружения и т. д. Однако мы отвергаем как неправильный тезис Маркузе, будто покорение природы человеком вле-

чет за собой подчинение человека человеком. Это означало бы объяснять господство, государство не из классовых отношений и лежащих в их основе производственных отношений, а из продуктивного отношения человека к самой природе. Во всяком случае, как показывает история, в действительности дело обстоит как раз наоборот. Человеческое сообщество, построенное на классовом расколе, на эксплуатации и угнетении человека человеком, порождает извращенное, хищническое отношение к природе как со стороны эксплуататоров, так и со стороны непосредственных производителей, потерявших в результате жестокой эксплуатации человеческий облик.

Но даже и здесь действует диалектика. Знаменитая гегелевская диалектика господина и раба является в том смысле правильной, что даже репрессивное овладение природой позволяет и вынуждает повышать знания, какими бы техницистскими и позитивистскими они ни были. И даже такое знание все же порождает и вопрос о существовании общественных, политических отношений. Не случайно, что в политически прогрессивных движениях современности все возрастающую роль играет часть интеллигенции. После Освенцима, Хиросимы и Вьетнама именно ведущие естествоиспытатели, ранее занимавшие сугубо нейтральные позиции в отношении итогов своей научной деятельности, сегодня задумываются о значении своей науки для общества. То есть даже в сфере операционалистских естественных наук возникают оппозиционные политические тенденции.

Несомненно, наука и ее применение в технике порождает собственную закономерность с общественными последствиями, вызывает определенные процессы, действующие как при социализме, так и при капитализме. Так, научно-техническая революция нашего времени является объективным закономерным процессом в капиталистических и социалистических странах. Однако решающее значение имеет то, что только социализм создает принципиальную возможность соединения технически рационального и гуманного развития. При социализме рациональность общественного процесса не искажается особыми интересами эксплуататорских классов. Продиктованные жадностью прибыли, частные интересы буржуазии уже не выступают в виде всеобщей общественной рациональности. Кладется конец обману, когда дегуманизирующие последствия погони за прибылью (уже сама погоня

за прибылью дегуманизирует!) выдаются за рационально-обусловленное явление.

При социализме эти проблемы, конечно, тоже не решаются автоматически, ибо в обществе ничего не происходит автоматически. Но социализм уже решил вопрос первостепенной важности: уничтожил мотив погони за прибылью. Несомненно, из соревнования социализма с капитализмом, включающего в себя также проблему вооружения, проистекают некоторые «односторонности». Так, структура потребностей социализма первоначально возникает не из социализма, а унаследована от капитализма; следовательно, она возникла и деформирована под воздействием принципа прибылей. Она должна быть революционизирована в ходе длительного процесса. Все это имеет место. Но социализм, и только социализм, способен решить эти проблемы таким образом, чтобы при этом учитывались основные интересы всего общества и тем самым каждого его члена в отдельности.

При решении названных проблем важное значение имеют многие аспекты. Их решения зависят от многих факторов: от внутренних и внешних проблем, от исторического и культурного развития, от способностей социалистических теоретиков, например и от их способностей выделять внутри в целом ложных теорий частично верные положения. Для этого, однако, не нужна никакая новая «критическая теория», а достаточны критические, постоянно развивающиеся понятия марксизма-ленинизма. В теориях Маркузе как раз правильным является то, в чем проявляется, против желания их автора, подлинное влияние марксистско-ленинского учения⁵⁹.

Маркузианская теория одномерности содержит предположение, что техническая система становится тем «злым духом», который обособляется от общества и стабилизируется⁶⁰. Но это лишь видимость. В соответствии с отношениями фетишизма эта система в капиталистических условиях может, по-видимому, обособляться. Тогда и выступает известное бессилие индивидуума перед этим аппаратом. Но это лишь способ проявления отчуждения человеческого труда и его результатов в условиях капитализма. Антинаучно утверждать, что эта форма «иррациональности» в принципе не устранима до тех пор, пока не взорвана технологическая сфера. Развивающееся на основе общественной собственности, техники общественное производство, в котором не может быть особых, стоя-

щих над всем частных специфических интересов, в принципе способно преодолеть определенные антигуманизирующие последствия применения техники путем рационального анализа процессов, выработки реальных альтернатив и путем их планомерного применения.

В этой связи следует остановиться на затронутой Маркузе еще в 1937 году ⁶¹ и в книге «Советский марксизм» ⁶² проблеме «контроля снизу», со стороны «непосредственных производителей». Современные, в высшей степени организованные по принципу разделения труда производственные процессы, которые в невиданной доселе степени аккумулируют научные знания, усложняют эту проблематику. Они — в условиях общественного труда — превращают вопрос о «верхах» и «низах» в сложную проблему. Но они и готовят средства разрешения этой проблемы в будущем социализма. Разве что если отстаивать анархистский тезис, будто бы можно вообще отказаться от (технологически неизбежной) функции управления производством. Маркузе знает, что существует функционально «неустраняемая репрессия». Такая негативная формулировка этой жизненно необходимой проблемы, правда, характерна для субъективизма. Во всяком случае, этот ошибочный, направленный против управления производством тезис, если бы его придерживаться, привел бы к развалу любое производство. Правда, это управление не должно быть организовано как привязанное к определенным лицам учреждение, не как социальная привилегия. Однако оно необходимо и связано с высокоразвитыми, все более коллективно реализуемыми технологически, социологическими, психологическими (и т. д. и т. п.) знаниями, к которым при социализме каждый имеет свободный доступ. Сложность проблемы управления предопределяет необходимость коллективного руководства.

Следовательно, нельзя организовывать управление, абстрактно исходя от индивида. Нельзя также рассматривать коллектив как абстрактную сумму индивидов и считать коллективным руководством, когда каждый отдельный индивид в равной степени участвует в абстрактной коллективности руководства. Это была бы лишь теоретически обррамленная, выдающая себя за «всеобщую» форма капиталистическо-апологетического аргумента о компетентности капиталиста, который именно поэтому владеет и управляет своим предприятием. Такое индивидуалистское решение невозможно уже потому, что оно

постулирует, будто каждому такому индивиду присущи одинаковое качество и одинаковое количество необходимых знаний, как и коллективу. Это было бы отрицание коллектива. В действительности этот маркузианский тезис, в конце концов, является именно в этом смысле недиалектическим. Он ликвидирует общественную тотальность в пользу общественного атомизма.

При высокой степени общественного переплетения всех процессов труда проблема руководства может быть принципиально решена только исходя из коллектива. Изолированный, предоставленный самому себе автономный индивид не в состоянии охватить эти процессы и в действительности подчинен им больше всего именно тогда, когда он тешит себя тем, что добился наибольшей независимости от них.

Названные проблемы разрешимы лишь с позиции всего общества, с учетом его интересов в целом, которые по мере роста производительных источников имеют тенденцию и в действительности все больше совпадать с основными интересами индивидов: контроль снизу, самоуправление, реализация индивида также возможны лишь в диалектически опосредованной связи с общественным совокупным интересом. Отрицание этого означало бы возвращение на позиции идеологии манчестерства, признание существования предопределенной гармонии всей общественной жизни, осуществляемой путем непосредственной реализации индивидуальности. Такова классическая буржуазная идеология, которая в общественной практике показала себя как средство оправдания обогащения одной части общества за счет другой, как тормоз общественного прогресса, а следовательно, и как препятствие для индивидуальных интересов. Поэтому контроль снизу имеет смысл лишь в диалектической связи с централизованным обсуждением, планированием, согласованием и объединением интересов всего общества с интересами индивида или с особыми, частичными интересами. Лишь в высшей степени организованное, с точки зрения общественных интересов, наиболее рациональное, научное, все более совершенствующееся планирование решающих общественных процессов позволяет добиться подлинной, всесторонней, не порождающей новые привилегии демократизации, сближения общественных и индивидуальных интересов. Действовать наоборот — это, как мы уже говорили, означает идти буржуазным путем. Лишь высшая коллек-

тивность и солидарность порождает высшую индивидуальность, а не наоборот. Социализм является коллективистским, рациональным общественным строем, потому что производство является общественным, потому что все наши сферы жизни толкают к общественным формам труда. Но именно поэтому социализм является глубоко «индивидуалистским», то есть единственно возможным путем освобождения всех потенций индивида, как констатировали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте».

Следовательно, проблему диалектики индивида и коллектива в принципе можно решить лишь на базе коллективизма. Это принципиальный пункт расхождения между нами и Маркузе: мы в первую очередь коллективисты; Маркузе в первую очередь индивидуалист. Наш социализм является в первую очередь коллективистским, социализм Маркузе и его антиавторитарных последователей — в первую очередь индивидуалистским. Это существенный принцип, который отделяет нас и от Вольфганга Лефевра и его друзей⁶³.

Но вернемся к высказанному в начале раздела замечанию относительно того, что Маркузе дает несколько обоснований одномерности. В другой связи он объясняет одномерность взаимным воздействием конкуренции двух систем, в силу которой капитализм вынужден гармонизировать свои антагонизмы, мобилизовать свои средства, стабилизировать свою систему, подобно тому, как социализм по той же причине должен подчиняться технологической рациональности, «репрессивной этике» производства («принципу производительности»), вообще принципу строительства и расширения репрессивного аппарата. Так, в силу технологических и социальных причин (необходимость защищать созданные богатства) дело доходит даже якобы до сближения социализма с капитализмом (конвергенция).

Этот тезис, высказанный еще в работе «Советский марксизм», Маркузе развил за последние годы дальше, в результате чего он, по сути дела, превратился в форму маоизма. Исходя из оппортунистических выводов Гильфердинга об империализме, Маркузе отрицает революционные потенции промышленного пролетариата развитых индустриальных стран. Он утверждал, что технологические мотивы и необходимость защищать созданные богатства обуславливают близость интересов США и СССР

и стремление обеспечить их за счет бедных стран «третьего мира»⁶⁴. Эта точка зрения основывается на оппортунистических, механистически материалистических воззрениях, согласно которым только пауперизм может служить основой революции⁶⁵. Следовательно, по мере возрастания благосостояния масс последние теряют свои революционные потенции. Таким образом, Маркузе переносит центр революции в страны «третьего мира», одновременно связывая это с экзистенциалистским тезисом относительно того, что в этих странах может быть избран новый проект техники. В развитых «индустриальных обществах» лишь небольшие, неинтегрированные группы могли бы поддержать революционное движение в странах «третьего мира» тактикой «Великого отказа»⁶⁶.

Эта концепция «третьего пути» совершенно четко обнаруживает здесь как свое происхождение от правого социал-демократического оппортунизма, так и свое родство с левосектантским оппортунизмом. Такой вывод соответствует и всему накопленному революционным движением опыту. Более подробно мы это рассмотрим ниже.

Концепция одномерности страдает не только отсутствием строгого обоснования, но и тем, что она противоречива в самой своей основе. Мы указали уже на бросающееся в глаза вопиющее противоречие между первичным выбором экзистенциалистски индетерминированного, свободного субъекта, с одной стороны, и грубо механистической детерминированности исторического процесса — с другой. Обе эти стороны теории одномерности находятся в формально-логическом, контрадикторном противоречии друг с другом.

Мы также уже указывали на логическую несостоятельность попыток обоснования строгой теории одномерности перед лицом того факта, что тем самым уже выдвигается требование второго измерения. Ведь существование и познаваемость второго измерения невозможны, если внутри одного измерения не действуют уже элементы второго измерения. Но этим теория Маркузе отрицалась бы в самой своей основе. Единственная возможность спроецировать тезис одномерности была бы одновременно уловием ее преодоления.

Мы также уже показали, что вся сфера второго измерения оказывается для Маркузе особенно проблематичной. Что это за измерение? Откуда проистекают его критерии? Как и с помощью каких сил мы достигнем его?

Второе измерение есть нечто совершенно иное, новое. Оно определяется лишь в негативных понятиях, причем последние должны быть свободны от всякой конкретной, определенной негативности — в противном случае была бы предопределена свобода индивида!⁶⁷ Но такой вид определений в принципе подобен теологическим попыткам дать определение бога. Точно так же, как о боге ничего не говорится, когда перечисляется все то, что он не есть: не смертен, не кончен, не в пространстве, не во времени, то есть сумма отрицаний, точно так же ничего не сказано о втором измерении, когда лишь утверждается, что оно не репрессивно, не продуктивно, не подвержено действию принципа производительности и т. п., и т. д. Чисто негативных дефиниций не существует. И такие немногие позитивные формулы, как, например, «счастье», которые называются при разъяснении понятия второго измерения, являются также бессодержательными метафорами, действия которых заключаются лишь в том, что они вызывают у нас позитивные эмоции. И точно так же, как теологические попытки определить бога в действительности связывают эту внеземную «реальность» с внутриземными качествами — с конечностью, смертностью, пространственностью, протяжением во времени и т. д., точно так же Маркузе в действительности связывает второе измерение с первым. Теологи говорят, что «божественное естество» можно понять лишь «посредством отрицания соответствующего человеческого естества»⁶⁸. Так получается и у Маркузе, когда он, говоря о втором измерении, утверждает, что отрицания таких признаков первого измерения, как «репрессивность», «продуктивность», «принцип производительности» и т. д., являются неотъемлемыми признаками определения второго измерения. При этом он связывает второе измерение с первым иным способом, чем это делает диалектика. Диалектике известно, что второе измерение созревает в лоне первого, представляя определенное отрицание первого. Но маркузианское второе измерение остается полностью неопределенным, абстрактным отрицанием, формально-логическим «нет», вне и поэтому как раз внутри плоскости отрицаемого и не имеет никаких других критериев, как критерии одномерности. Не может выйти за пределы одного «измерения» тот, кто в нем и не находится. Если, по словам Герцена, диалектика Гегеля (и Маркса) является алгеброй революции, то диалектика Маркузе — это геометрия существующего.

К КРИТИКЕ ТЕХ ФАКТОВ, НА КОТОРЫЕ ССЫЛАЕТСЯ МАРКУЗЕ

Мы должны подвергнуть не только теоретической и методической, но также и «фактической» критике маркузианский тезис об одномерности, то есть, во-первых, его тезис о капиталистическом государстве благоденствия, которое якобы во многом удовлетворяет потребности миллионов, в том числе низов общества, и тем самым их интегрирует, а это означает, что Маркузе выводит основные противоречия не из материального производства, а из сферы потребления и распределения; во-вторых, его тезис об экономической стабилизации, достигнутой капитализмом с помощью интеграции своих основных противоречий; в-третьих, его высказывания о роли основных социальных сил в капитализме. В-четвертых, в этой связи необходимо сделать несколько замечаний по проблемам стратегии и тактики.

(1) К тезису о государстве благоденствия⁶⁹ и об удовлетворении потребностей

Мы присоединяемся к критическим замечаниям Гюнтера Доната и Г. Г. Гольца⁷⁰ по поводу этого тезиса Маркузе. Но мы будем говорить не об ужасающей нищете в обширных районах мира как следствии господства капитализма в слаборазвитых странах, а о нищете в самой метрополии развитого капитализма, в США. Что же говорят на этот счет «точные» данные социальной науки? Слой людей, живущих непосредственно в нищете, охватывает в развитых капиталистических странах примерно 20% населения⁷¹.

Именно в наше время технический прогресс в США демонстрирует дезинтегрирующие черты. Почему же разворачивается движение негров и «отверженных»? Не имеем ли мы здесь дело с острой формой проявления тех проблем, с которыми сталкивается развитый капитализм США в силу капиталистического использования современных средств производства? Страдающая от этого часть населения США насчитывает уже много миллионов, и никто не может сказать, что капитализму США удастся ограничить данные проблемы этими миллионами. А что произойдет, если это ему не удастся? Нужно ясно себе представить, какие гигантские резервы сил революционного

движения, но в то же время какие опасные возможности заложены здесь. Если удастся соединить движение негров, страдающих в первую очередь от последствий указанных противоречий, в силу чего это движение является по существу социальным движением, с социальным и демократическим движением белых и оба эти движения соединить с движением протеста против агрессии американского империализма во Вьетнаме, то условия классовой борьбы в Соединенных Штатах, а также на международной арене существенно изменятся. И наоборот, если движение негров не будет поднято до уровня сознательного социального движения, то это может привести к расовой борьбе, удел которой — лишь отчаяние.

Конечно, это все предположения. Но кто берется предсказать, как пойдет развитие дел? Тезис об одномерности может применять в этой связи лишь тот, кто является механистическим материалистом и расценивает историю с точки зрения механистического детерминизма! Во всяком случае, со времени великого антифашистского движения середины 30-х годов США не знали столь мощного движения протеста, как современное. В какой-то момент это движение создало даже элементы внутриамериканского кризиса верхов.

С полным основанием Гюнтер Донат указывает на те современные формы обнищания, несомненно, известные Маркузе, которые непосредственно затрагивают массы трудящихся в развитых капиталистических странах: «Как раз там, где в XX веке от обнищания самым жестоким образом страдают народы высокоразвитых капиталистических стран, которое проявляется в массовом уничтожении человеческих жизней, в разрушении миллионов семей, в уничтожении рабочих мест, жилищ, сбережений, в подавлении всех прав трудящихся,— и именно там апологеты капитализма, прибегая к дешевым трюкам, пытаются доказать, будто власть капитала более не существует, вместо того чтобы разоблачать войну и массовое уничтожение, как ее внутреннюю сущность»⁷². Поэтому такая нищета не ведет автоматически к созданию революционного сознания. Это относится как к рабочим развитых капиталистических стран, так и к «непривилегированным слоям»! Маркузианский тезис о прямой связи нищеты и революционного сознания является ошибочным, поскольку он исходит из неправильного предположения, что осознание факта нищеты (позитивистская форма знания)

якобы уже само по себе ведет к возникновению теоретико-причинного понимания. Маркузе становится тут жертвой механистическо-материалистического понимания отношения бытия и сознания.

(2) К тезису об экономической стабилизации капитализма

Хотя Маркузе совершенно прав, когда указывает на отнюдь не безуспешные попытки капиталистических государств перед лицом существования реального социализма удержать контроль над своей экономикой и «интегрировать» свои противоречия, однако он преувеличивает проявляющиеся в этом регулирующие способности современного капитализма. Развитие такого в высшей степени организованного капитализма, каким является западно-германский капитализм, в последнее время ясно показывает, что государственно-монополистический капитализм также не в состоянии раз и навсегда предотвратить возникновение экономических кризисов, которые могут иметь циклические, структурные, финансовые, а также политические (гонка вооружений) причины. В свою очередь, развитие в США показывает, что вооружение и война во Вьетнаме могут серьезно поколебать экономическую стабильность даже такого экономического колосса, как США. Следовательно, маркузианская «вера» в капиталистическую стабилизацию в конечном счете необоснованна. Фридрих Поллок, который, как и Маркузе, является представителем так называемой франкфуртской школы критической теории, в своих исследованиях указывает на следующие последствия развития современных производительных сил для «стабилизации» развитого капитализма: тенденция усиленного слияния предприятий, их картелирование и трестирование под влиянием автоматизации неизбежно ведет к технически обоснованному созданию огромных сверхмощностей, к возрастающей неустойчивости экономики, ко все более неизбежному применению административно-управленческих мероприятий вплоть до централизованных мер регулирования; вместе со всеми этими тенденциями исчезают многие профессии, увеличивается безработица⁷³.

Необоснованно также то «доверие», которое Маркузе питает к «интеграции» внутрикапиталистических противоречий. Внутри ЕЭС царит отнюдь не согласие. ФРГ и

Франция стремятся к гегемонии. Немало противоречий существует и между ЕЭС, с одной стороны, и Англией и США — с другой. Политика Франции в отношении США и Англии диктуется таким же стремлением к гегемонии в капиталистической Европе, как и несколько иная английская и западногерманская «европейская» политика. Отношение США, Англии и ЕЭС к так называемым странам «третьего мира» отнюдь не являются «интеграцией».

Неправильным является также тезис Маркузе о том, будто технический прогресс интегрирует антагонистические силы капитализма. Этот тезис по сути отражает посвоему лишь положение в американском рабочем движении. А положение в европейском рабочем движении иное. Надо, конечно, приложить определенные усилия, чтобы, например, исторически и социологически обнаружить факторы, которые действуют в Соединенных Штатах в направлении интеграции. При этом нельзя будет обойти роль некоторых руководящих сил в американском рабочем движении. Но даже для США этот взгляд Маркузе в настоящее время не соответствует уже в такой степени действительному положению, как в 1964 году, когда вышла в свет книга «Одномерный человек». Негритянское движение имеет в первую очередь социальные, внутриамериканские причины. Оно ориентируется не только на такие внешние факторы, как антиколониальное движение. Речь идет при этом не о том, почерпнуты ли некоторые «идеалы» негритянского движения извне, а о том, что это движение представляет собой острую форму выражения дезинтегрирующих последствий развития американского капитализма. Конечно, не нужно недооценивать чрезвычайную сложность таких процессов. Мы прежде всего не можем не замечать те огромные идеологические и материальные средства государственно-монополистического капитализма, которые он обнаруживает именно перед лицом реального социализма, с учетом своего опыта борьбы с революционными движениями (в том числе с движением того европейского рабочего класса в 1918—1923 гг. или после 1945 г., о котором Маркузе так пренебрежительно отзывается). Но как раз тот факт, что капитализм вынужден затрачивать на это огромные средства, свидетельствует о неустойчивости его системы и показывает остроту антагонизмов, действующих под «спокойной» поверхностью! Следовательно, было бы неправильным на основе «феноменологической» картины совре-

менного капитализма недооценивать возможности революции. Это было бы антиисторически абстрактно, как показывают как раз события, происшедшие после выхода в свет книги «Одномерный человек».

(3) О роли основных социальных сил нашего времени

Мы уже знаем, что Маркузе давно отрицает субъект революции — рабочий класс, обосновывая это в основном с помощью следующих аргументов. Стабилизирующие способности капитализма стали проявляться уже после Октябрьской революции, но они значительно усилились в условиях конкуренции между двумя системами; высокий уровень удовлетворения потребностей, которого добилось в борьбе рабочее движение и который стал возможен благодаря исключительно возросшей производительности труда и колониальному угнетению, привели к исчезновению жизненной потребности в революции. Всестороннее манипулирование сознанием и поведением людей в смысле одномерности еще более укрепляют эту тенденцию.

Начнем с замечаний об объективном положении основных классов. В действительности, как это уже показали Вессель и Донат в полемике с Маркузе, со времени появления «Капитала» Маркса основные классы развивались дальше. Что изменилось в их положении?

Что касается буржуазии, то возросли концентрация производства и централизация капитала, как это предсказывал Маркс⁷⁴, увеличились в огромной степени и привели к замене «рыночного хозяйства» и свободной конкуренции монополистическими формами экономики; в конце концов, власть монополий и капиталистического государства срослась и превратилась в государственно-монополистический капитализм. При этом капиталистическая практика становилась все более варварской. Итак, изменения произошли к «худшему». Основы капитализма остались незатронутыми: капиталистическая собственность, капиталистическая власть, рабочая сила осталась товаром, который подвергается эксплуатации, а физические носители его — угнетению. Гонка вооружений, милитаризация и агрессия — таковы «современные» формы империалистического паразитизма. Как и в прошлом, капитал проводит политику раскола рядов трудящихся, направляет их друг на друга, манипули-

рует их сознанием, чтобы еще больше укрепить свое господство и усилить эксплуатацию. Важнейшее изменение — концентрация в руках небольшой группы людей огромных богатств и власти, которое предсказывал Маркс, не изменило существа капитализма.

На другом полюсе — в рабочем классе также произошли существенные изменения. В силу развития производительных сил рабочий класс, что также предсказывал Маркс, стал самым мощным классом общества. Ныне он более дифференцированно расчленен, чем раньше, охватывает больше служащих, а также представителей науки, в его среде имеется больше различий по степени квалификации. Критикуя Маркузе, Гаральд Вессель⁷⁵ справедливо указывает на то, что в настоящее время высококвалифицированные рабочие-специалисты имеют более высокий уровень подготовки, чем в прошлом инженер. Эти изменения в составе рабочего класса, достигнутый им в борьбе более высокий уровень жизни — обязательный благодаря существованию реального социализма и возможный в условиях возросшей производительности — создают условия для идеологических манипуляций и искусственно форсируемой дифференциации. В этом заложены истоки оппортунизма и обуржуазивания части рабочего класса.

Но ведь как и раньше, рабочие не владеют средствами производства, не присваивают себе плоды своего труда, по-прежнему подвергаются эксплуатации и угнетению, а экономическая и политическая власть в капиталистических странах служит погоней за прибылью. По-прежнему члены этого класса являются пролетариями. Как и раньше, они не пользуются даже самым скромным правом участия в управлении внутри капиталистической системы.

Тем не менее, произошло чрезвычайно важное изменение: в результате научно-технической революции и процесса превращения науки в непосредственную производительную силу в обществе и в рабочем классе значительно возросли и впредь будут возрастать роль и значение интеллигенции. Заслуга Маркузе, и отчасти источник его влияния именно в среде молодой интеллигенции, состоит в том, что он указал на это, хотя отчасти и неправильно оценивал роль интеллигенции и сформулировал тезис, будто интеллигенция является перво-степенной революционной силой (в качестве второго

«привилегированного» фактора революционных сил, в отличие от «непривилегированных» слоев, составляющих другую часть этих сил).

Но объективно рабочий класс, как и раньше, производит все богатство нации. В силу этих объективных причин он является тем классом, который призван осуществить обновление общества.

В этой связи необходимо коротко затронуть следующую проблему. К «непривилегированным» слоям, которые, согласно утверждениям Маркузе, представляют часть современного революционного потенциала, в значительной мере принадлежат люди, которые в совокупности не являются особым классом. Если они входят в состав пролетариата, то их надо анализировать как часть пролетариата, а не как некую группу «непривилегированных». Если напротив, это — непролетарские слои населения, то они не являются, даже потенциально, большинством народа. Они не являются производителями главных ценностей, и эксплуататорские классы извлекают свои прибыли не (или уже не) главным образом из эксплуатации и разорения этих слоев. Следовательно, «Великий отказ» со стороны этих слоев, хотя они могут действовать революционно, не ставит под угрозу основы самой системы. Поэтому реакция, как правило, подавляет выступления этих слоев, даже если они по проявлению бывают более отчаянными и более шумными, чем выступления рабочих масс, менее последовательно и жестоко, чем выступления рабочих! «Отказ» со стороны этих слоев не имеет столь глубоких последствий, как революция настоящих, угнетаемых, эксплуатируемых, продуктивных, развивающихся классов, на которых держится сама система, каковым является рабочий класс. Следовательно, борьбу за осуществление требований этих непривилегированных слоев необходимо соединить с борьбой революционных классов. В противном случае их выступления выльются лишь в стихийные, путчистские действия, которые ничего существенного не изменят и могут в конечном счете привести, как уже говорилось выше, лишь к отчаянию.

Иначе обстоит дело с борьбой крестьянских масс в странах «третьего» мира. Там крестьянство является непосредственно производительным классом, составляет подавляющее большинство народа. Поэтому крестьянское движение приобретает в этих странах совершенно новую мощь. По своему объективному социально-эконо-

мическому содержанию оно является мелкобуржуазным, антиимпериалистическим движением. Чем больше это движение будет развиваться как антиимпериалистическое и антикапиталистическое, чем активнее оно будет идти по некапиталистическому пути развития, тем прогрессивнее оно будет становиться. Так в процессе создания рабочего класса и соединения крестьянского движения с движением рабочего класса в этих странах будет прокладываться путь к социализму. Следовательно, и здесь, в конце концов, решающее значение имеет лозунг ориентации на рабочий класс и его революционное, социалистическое движение.

Маркузе отрицает роль рабочего класса потому, что он видит лишь опасности и факты его материальной интеграции в систему капитализма и манипуляцию его сознанием, хотя, надо отдать должное, видит весьма острым глазом. Но он преувеличивает эти, несомненно, огромные возможности государственно-монополистической системы. Что касается проблемы интеграции, то мы уже высказали свое мнение. По сути дела, Маркузе извращает положение о первичном и вторичном в общественной жизни, утверждая, что современный капитализм в состоянии с помощью идеологических и политических средств и методов решить все проблемы. И опять в основе этих утверждений лежит непонимание объективных условий борьбы, существующих в настоящее время в развитых капиталистических странах, в результате чего Маркузе считает причиной отсутствия массовых революционных акций лишь манипуляции сознанием масс.

Проф. И. Шлейфштейн (ФРГ) указывает в своих работах на то, что Маркузе исходит из чрезвычайно упрощенного представления, когда он столь низко расценивает манипулирующее влияние церкви, армии, широкое распространение безграмотности в период раннего капитализма свободной конкуренции, и на этой основе создает своего рода теорию об уникальности нашего современного положения⁷⁶.

Говоря о манипуляциях сознанием, Маркузе не затрагивает некоторые исторические события и обстоятельства, которые, например, оказывают большое влияние на сознание значительной части немецкого народа, в том числе рабочего класса, и которые отнюдь не принадлежат непосредственно к системе механизмов манипуляции или «продуктивности».

Я хотел бы по крайней мере сжато охарактеризовать направление, в котором, на мой взгляд, следовало бы развивать анализ, если ставить своей целью более основательно рассмотреть вышеназванные проблемы, чем это делает Маркузе. Исторические поражения в 1914, 1918—1919, 1933 годах играют в развитии сознания рабочего движения сложную роль: с одной стороны, они содержат чрезвычайно важный опыт, входящий в качестве составной части в теоретико-политический опыт революционных сил, однако они служат и источником пессимистических настроений, связанных с этими событиями. Фашизм, фашистская агрессия и ее крах имели сложные последствия. Хотя после 1945 года наш народ в своей массе имел и различное, но довольно развитое представление о связи между капитализмом, фашизмом и войной (об этом свидетельствуют даже демагогические «антикапиталистические» формулировки Аленской программы ХДС), реакционным силам все же удалось затруднить или даже затушевать понимание связи между фашизмом и некоторыми последствиями войны. Следовало бы учесть также социал-демократическую политику классового союза с крупным капиталом, физическое уничтожение нацизмом большей части революционных кадров, преследования коммунистов, сложные последствия структурных изменений в рабочем классе.

Это лишь некоторые из действующих факторов, которые нельзя относить лишь к области идеологических манипуляций. Вместе с тем нельзя правильно понять процессы, происходящие в сознании западногерманского рабочего класса, не учитывая подобные явления.

Верно и то, что следовало по-новому подойти к проблеме социально-экономических корней оппортунизма в современном государственно-монополистическом капитализме. Правильно также ставить вопрос о существовании «рабочей аристократии» и ее роли в наши дни. Но Маркузе не рассматривает эти проблемы. Он без всякого анализа просто констатирует, что действие тенденции к интеграции сильно проявлялось еще до первой мировой войны, и в качестве «доказательства» приводит факты о широком распространении оппортунизма. Но он не исследует эти явления, уходя, таким образом, от анализа проблемы оппортунизма. Нельзя же считать решением этой проблемы ту ее «радикализацию» с помощью тезиса об одномерности, которую проповедует Маркузе.

Маркузе, конечно, знает, что рабочее движение во Франции и Италии отличается от рабочего движения в Западной Германии. Чтобы иметь возможность провозглашать свои враждебные рабочему классу тезисы, он прибегает к извращению роли коммунистических партий в этих странах, приписывая им социал-демократизм⁷⁷. В основе этих его утверждений лежит ложное понятие революции. Верный своему старому тезису о перманентной революционной ситуации при капитализме, он переносит надежды революционных ситуаций на неревolutionные и обвиняет в оппортунизме всех, кто не разделяет его точки зрения. Но именно эти люди благодаря более точному анализу, чем это делает Маркузе, приходят к выводу, что революционная ситуация — не повседневные будни истории, и поэтому не хотят ради иллюзий, возникающих из мелкобуржуазной нетерпеливости, указывать неправильные цели и применять неправильные методы борьбы. Такие факты, как антикоммунистическая истерия, запрещение деятельности коммунистических партий, применение чрезвычайных законов против коммунистов, никоим образом не мешают Маркузе клеветать на коммунистов. Он критикует названные коммунистические партии за то, что они после 1945 года не осуществили в своих странах социалистические революции. При этом Маркузе даже не пытается рассмотреть внутренние и международные объективные и субъективные факторы, которые надо бы выяснить в этой связи.

Игнорируя подобные факты, наш автор выносит приговор об оппортунистическом характере коммунистических партий в указанных странах.

Забастовка во Франции в мае 1968 года и последовавшие за ней события разоблачили антиреволюционную по существу позицию Маркузе. По мнению Маркузе и его сторонников из числа неоанархистов, французским коммунистам следовало в мае 1968 года перейти к социалистической революции. Совершенно очевидно, что такая политика разрушила бы союз коммунистов с социал-демократами и мелкобуржуазными левыми. Из-за сопротивления союзников-партнеров такой союз не сложился даже для разработки совместной общедемократической предвыборной и правительственной программы. Если бы коммунисты следовали советам Маркузе, то попали бы в изоляцию и стали бы жертвой штыков армии, в рядах которой не отмечалось серьезных явлений разложения. Вся

капиталистическая реакция Европы и Америки, несомненно, радовалась бы этому не в меньшей степени, чем и ультралевые болтуны. Затем выборы во Франции в июне 1968 года ⁷⁸ показали, что там еще нет массовой базы для социалистической революции. Исходя из этих условий, французские коммунисты избрали именно такую тактику, которая не допустила создания сплоченного блока стран с крайне реакционной системой правления от Эльбы до португальского побережья Европы, который мог бы возникнуть после неизбежного провала искусственной попытки осуществить «социалистическую революцию». Впрочем, Маркузе, находившийся в начальный период развертывания забастовочной борьбы во Франции в Париже, в интервью газете «Монд» (к этому интервью мы еще вернемся) дал тогда в основном трезвую и правильную оценку обстановки в стране, но вопреки своей собственной теории.

Маркузе приходит к неправильным взглядам также потому, что он с американской меркой подходит к проблемам европейского рабочего движения, что недопустимо. Как мы уже показали, его тезис об отмирании внутренних оппозиционных потенций является неправильным даже для США. При этом в США нет богатой традицией социалистического рабочего движения, профсоюзов с сильным социалистическим или даже коммунистическим влиянием. В еще меньшей степени применим его тезис в условиях Европы.

Следует также напомнить то, что возразил Серж Маллэ Маркузе в 1964 году на о. Корчула: Гольдман и Лефевр, заявил он, оспаривали правильность маркузианской теории для Европы, но допускали, что она, возможно, действительна для Америки. Маркузе считает, что развитие в Америке является прообразом будущего европейского развития, поскольку США далеко опередили Европу в экономическом отношении. Маллэ позволяет себе «оспаривать это с чисто методологической точки зрения». «Организованный капитализм», заявил он, в Западной Европе более развит, чем в США. В Соединенных Штатах сознание масс в большей степени отстает от экономического базиса, чем в Европе. Скорее США в своей экономической структуре следуют по стопам Западной Европы, поэтому было бы проще исследовать специфические противоречия современного капитализма на европейской почве. Как же Маркузе доходит до того, что подкрепляет

«свои выводы, касающиеся степени добровольной интеграции американского рабочего класса в организованный капитализм, трудами той позитивистской и эмпирической социологии», недостатки которой «он и я в равной степени бичуем?»⁷⁹.

Мы приходим, следовательно, к выводу, что первоначально впечатляющая картина интеграции, нарисованная Маркузе, не выдерживает серьезной методологической критики. Маркузе аргументирует как человек, которому мало что известно об огромной исторической стойкости, которая с самого начала отличала социалистов и без которой они не смогли бы продержаться во всех перипетиях продолжающейся десятилетиями классовой борьбы с ее революционными периодами и периодами упадка. Маркузе не может понять задач рабочего движения в периоды подготовки революции. Он презирает упорную, кропотливую идеологическую и организационную работу, считая ее занятием для оппортунистов. Конечно, такая работа менее патетична, чем анархистские призывы к революции в такое время, когда она еще не стоит на повестке дня. Но без этой упорной работы могут быть бесполезно упущены революционные ситуации, когда они наступят, для чего требуется нечто большее, чем честное стремление к революции.

Нельзя также просто согласиться с огульным восхвалением революционного движения в странах «третьего мира». Все же есть немало больших групп таких стран с довольно различными социальными и революционными проблемами на основе весьма различной экономической базы. К ним принадлежат государства с собственной крупной или национальной буржуазией, государства с только что нарождающейся национальной буржуазией, и, наконец, государства, где такие явления еще не наблюдаются. Соответственно, различной является и их аграрная структура, классовые отношения между буржуазией, пролетариатом и крестьянством⁸⁰. К этому еще следует добавить такие проблемы, как принадлежность к «сферам влияния», выгодное или невыгодное географическое или стратегическое положение. И все эти сложные проблемы слишком часто покрываются термином «третий мир». Неправильно, антиисторически и абстрактно превозносить на все лады революционные движения в этих странах в целом и при этом противопоставлять его рабочему движению развитых капиталистических стран или странам

социализма. Такой подход ставит под угрозу необходимую солидарность и единство действий трех главных потоков единого всемирно-революционного процесса, помогает контрреволюции.

Рассмотрим коротко взгляды Маркузе относительно «затухания» революционного энтузиазма социалистических стран. В основе этих взглядов лежит непонимание тезиса исторического материализма о том, что материальное производство составляет основу общественного развития. Ленин справедливо сделал отсюда вывод, что победа в борьбе между капитализмом и социализмом должна быть в конечном счете завоевана в решающей сфере общественной жизни, в области производительности труда, развития производительных сил. Неправильные взгляды Маркузе основываются далее на его ошибочной точке зрения о том, что мирное сосуществование не является классовой борьбой. Фактически он выступает здесь как сторонник экспорта революции, не произнося, однако, это слово. Исходя из таких посылок, он не считает уже революционной такую внутреннюю и внешнюю политику социалистических стран, которая не следует его рецептам.

В ответ на это надо прямо сказать, что экспорт революции ничего не решает, он не создает более благоприятных внутренних условий для революции. Наоборот, он может лишь вызвать ответную реакцию националистического характера. Революция является в первую очередь проблемой внутренних сил каждой страны в отдельности. Тот, кто все же ратует за экспорт революции, тот фактически пасует перед трудностями развития революционного процесса и революционных потенций в соответствующей стране, тот собственно признает, что в данной стране еще не созрели все условия для революции. Разумеется, это не означает, что социалистические страны могут ослабить солидарность с борьбой других народов и стран. Но они так и не поступают: без такой солидарности Куба не могла бы существовать. О помощи Советского Союза народам Вьетнама руководители этой страны сами говорят достаточно часто и убедительно. Они, несомненно, могут лучше оценить значение этой помощи, чем ультраевые «критики» Советского Союза. Но когда поносимый ультраевыми Советский Союз вместе с другими государствами Варшавского договора пресек контрреволюционную опасность, угрожавшую социализму в ЧССР, которая возникла не в последнюю очередь потому, что

некоторые ревизионистские теоретики в Чехословакии взяли на вооружение «маркузианские» тезисы, то эти же самые ультралевые «критики» Советского Союза вдруг осудили эту социалистическую помощь как «интервенцию»!

Необходимо эти проблемы также рассматривать под углом зрения отношения части к целому: при всякой солидарности всегда не следует забывать о стратегической проблеме — обеспечении дальнейшего существования человечества, иначе вопрос о социалистической перспективе для того или иного народа становится беспредметным. При этом, следовательно, всегда возникает и вопрос о соотношении сил в каком-либо определенном месте и о современных средствах массового уничтожения.

При обсуждении таких проблем нельзя забывать и о том, что экономическая мощь социалистических стран является в конечном счете решающим вопросом. Чем сильнее их экономическая мощь, тем больше возможностей имеют они в области оказания экономической, военной и дипломатическо-политической помощи другим странам. Ведь известно, что военная мощь страны является и функцией ее экономической мощи. Следовательно, не включать экономические усилия социалистических стран в концепции революционной стратегии — значит поступать по-оппортунистически!

Все эти проблемы, естественно, следует рассматривать в связи с проблемами, затрагиваемыми Маркузе, но наш автор «критической теории» в большинстве случаев этого не делает. Только поэтому он предлагает гладкий рецепт, который при более близком рассмотрении оказывается копией старого оппортунистического рецепта.

(4) Проблемы революционной политики в современный период

Полемика со взглядами Маркузе требует далее уяснения еще некоторых основных проблем пролетарской революции и оппортунизма в рабочем движении.

Маркузе подспудно кладет в основу своих аргументов такое понятие революции, которое ориентируется больше на формы борьбы, чем на ее цели. Его давнее пренебрежительное отношение к реформе совмещается с его экзистенциалистским толкованием революции как катастрофического акта. Выражаясь диалектически, он

игнорирует соотношение качества и количества. К этому еще добавляется непонимание им различия между общественным строем, объективно созревшим для социалистической революции, и революционной ситуацией (которая еще не обязательно должна быть даже ситуацией революционно-социалистической, а вполне может быть ситуацией революционно-демократической).

Революционера, как и оппортуниста, характеризует или отличает не одобрение или отрицание вообще реформ или «катастрофического» способа действия. Оппортуниста отличает самоудовлетворение реформами в рамках существующей системы, отказ от революционных целей. Пролетарский революционер одобряет реформу как составную часть борьбы за завершающую социалистическую революцию. Следовательно, одна и та же реформа может быть частью как оппортунистической, так и революционной политики. Это зависит от стратегической концепции, в которую она входит. Поэтому это совсем не аргумент, когда антиавторитаристы говорят нам, революционным коммунистам в ФРГ, что за право трудящихся на управление, за использование парламента и т. п. ратуют также социал-демократические оппортунисты (что, впрочем, тоже еще надо конкретно исследовать). Реформа, подаренная, коррумпирующе воздействующая на массы или завоеванная лишь с целью ослабить ставшую опасной ситуацию, с тем чтобы в последующем задушить революционные силы,— это совершенно иное, чем когда та же реформа, или, смотря по обстоятельствам, даже менее значительная реформа завоевывается массами в сознании того, что хотя это и копейка, но остается еще спросить — где же рубль? Вопрос о стратегической ценности реформы решается не ее формальной стороной или конкретным содержанием, а борьбой, которая ведется за ее завоевание, ее целью в связи с другими формами борьбы, «близостью» таких реформ к центрам механизма эксплуатации и власти, ее воздействием на условия труда и жизни широких масс и т. д.

Элемент насильственности, катастрофичности также не является тем признаком, который отличает социалистическую революционность. Эти формы борьбы мы находим и в буржуазной революции, и даже в действиях контрреволюции. Муссолини, например, был вначале правым социал-демократом, затем стал фашистом, симпатизировал анархизму.

Следовательно, в принципе неправильно рассматривать проблему революции и революционной политики исключительно с точки зрения форм борьбы. Важнее определить некоторые общие критерии содержания революционной и оппортунистической стратегии и использовать их как своего рода ориентиры.

Главными критериями революционной стратегии марксизма являются: признание классовой борьбы пролетариата вплоть до необходимости создания революционной власти рабочего класса и его союзников; признание того факта, что эта борьба объективно обусловлена антагонизмами капитализма и по этой причине не может быть доведена до конца в границах капитализма, что устранение капиталистических антагонизмов требует перехода границ капитализма в направлении к социализму; признание руководящей роли пролетариата в этой борьбе, которую он не может вести и добиться в ней победы без боевой марксистской партии, использования завоеванной политической власти как рычага для устранения капиталистического базиса и замены его социалистическим.

Как мы видим в этих определениях, формы борьбы не играют особой роли, являются второстепенной стороной дела. Вопрос о формах борьбы решается в соответствующих конкретных условиях классовой борьбы, а это означает, что социалистический революционер в принципе должен быть готов к применению всех форм борьбы.

Главные критерии оппортунизма — приспособление к буржуазному общественному строю, классовое сотрудничество с буржуазией даже при условии признания (в прошлом или лишь формально) классовой борьбы; отказ от социалистической конечной цели или же признание ее лишь на словах и лишение ее общественного содержания (использование лишь как неперменной формулировки в торжественных речах, причисление ее к необязательным «основным ценностям»), оттягивание до бесконечности решения вопроса о начале перехода к социализму; иллюзии по поводу возможных уступок со стороны буржуазии в рамках капиталистической системы; иллюзорные надежды, будто на этом пути можно преодолеть антагонистические противоречия системы и таким образом обеспечить постоянный прогресс, переубедить господствующие круги в пользу социализма. С другой стороны, имеется перевернутая форма оппортунизма, состоящая в том, что во имя революции выдвигаются сек-

тантские, «особенно радикальные» требования отрицания условий пути к революции, клеймятся как оппортунистические конкретные шаги на этом пути. Такой метод также направлен на то, чтобы не допустить революции.

Мы видим, что здесь некоторые характерные черты «критической теории» Маркузе выступают как типичные признаки левого оппортунизма. Маркузе лишь делает из своей в основе апологетичной позиции путчистские и анархистские выводы. Но и они практически означают борьбу против конкретной подготовки революции, ориентируют революционный авангард на ошибочные действия во имя ложных целей в неправильно выбранном месте, в столь неблагоприятных условиях, что авангард должен быть разбит наголову. Это также объективно служит интересам буржуазии.

Напрасно искать в книге Маркузе серьезный анализ революционной или оппортунистической политики, их материальных основ. Он нигде не дает действительного конкретного анализа конкретных проблем революции в развитых капиталистических странах. Но как раз в этом и должна была бы состоять задача реального разрушения «одномерности»! Маркузе же просто с высокой трибуны вещает, что революционный потенциал масс иссяк.

Действительно, конкретное исследование проблемы революции в развитых капиталистических странах в наших современных условиях должно учитывать следующие моменты.

Великая Октябрьская социалистическая революция привела к созданию новых условий для революции в том смысле, что изменились ее объективные и субъективные предпосылки. Масштабы революционных преобразований чрезвычайно расширились. Превращение социализма в мировую систему, которая все больше и больше оказывает решающее влияние на международное развитие, также создало новые условия для революции. То же самое относится и к развалу колониальной системы. На протяжении всего этого периода рабочее движение росло количественно и качественно⁸¹, чего Маркузе нигде не отмечает и о чем он не говорит. Изменился состав сил мировой революции. Единственно, что при этом Маркузе видит, так это — вовлечение в эти силы широких крестьянских масс в странах Азии, которые он, однако, стремится отколоть от социализма с помощью своего тезиса о противоречиях между ними и богатыми (капиталистическими

и социалистическими) странами. Он не замечает того, что в условиях империализма по объективным причинам не только пролетариат, но и другие слои населения и, в конце концов, основная масса народа приходят в непримиримые противоречия с небольшой кучкой монополий. Маркузе не обращает также внимания на новые формы сотрудничества различных потоков мирового революционного процесса. Правда, Маркузе видит некоторые важные изменения в способе функционирования современного капитализма, но он по-настоящему не исследует этот государственно-монополистический капитализм. Поэтому он не понимает, какое значение имеет факт слияния власти монополий с властью государства для диалектических отношений экономической, социальной и политической борьбы, а также для диалектики реформ (прежде всего коренных реформ, которые могут быть реализованы лишь в политической борьбе против государственно-монополистического аппарата власти) и революции, для диалектики демократической и социалистической борьбы в этих новых условиях. Он видит лишь одну сторону этого процесса: возрастающую мощь инструментов манипуляций. Другую сторону, установление все более тесной связи между экономикой и политикой, реформой и революцией, он не замечает. Он видит лишь стабилизирующую и коррумпирующую сторону государственно-монополистических процессов, он не замечает и другую сторону этих процессов, например постоянное сужение социальной базы капитализма со всеми вытекающими отсюда последствиями для стабилизации капитализма.

По-настоящему не рассматривает он также проблему международного соотношения сил. По сути дела он развивает своего рода бухаринскую теорию равновесия между капитализмом и социализмом и с этих позиций судит и осуждает поэтому политику сосуществования. Маркузе не замечает, что политика сосуществования есть форма международной классовой борьбы между социализмом и капитализмом. Он полагает далее, что эта политика лишь «стабилизирует» капитализм и «извращает» социализм.

Этот тезис Маркузе не выдерживает серьезной проверки. С точки зрения экономической, борьба за осуществление политики сосуществования прежде всего затрудняет по меньшей мере проведение монополистической политики гонки вооружений, что отнюдь не ока-

зывает стабилизирующего воздействия на современный капитализм. Конечно, одна эта политика еще не может взорвать систему капитализма, но она, между прочим, и не преследует такие цели, являясь формой классовой борьбы между государствами с противоположным общественным строем; эта задача должна быть достигнута лишь путем конкретной классовой борьбы внутри существующей капиталистической системы. В политическом отношении она направлена (в известном отношении она это даже предполагает) на то, чтобы по крайней мере оттеснить наиболее реакционные монополистические силы в пользу или более «трезвых» буржуазных, или даже демократических сил. Это может содействовать (на некоторое время) определенным стабилизирующим тенденциям, но и это сомнительно, во всяком случае гипотетично и не является действительно серьезным аргументом в нашем понимании, ибо подобные в лучшем случае так толкуемые и лишь гипотетические тенденции не составляют основного содержания воздействия этой политики сосуществования на систему, «законом жизни» которой является война и которую ничто так больше не страшит, как дальнейшее укрепление могущества мировой социалистической системы.

Маркузе не исследует также отнюдь не второстепенные последствия этого нового положения для проблемы революционной ситуации. В одной из своих работ В. И. Ленин говорил о главных признаках революционных кризисов⁸². Раньше такие революционные кризисы наступали, как правило, взрывоподобно, стихийно, в связи с массовой нищетой и прежде всего в связи с войнами. Нельзя с уверенностью утверждать, что это останется так и в новых условиях. В этих новых условиях империализм вынужден пытаться не допустить ужасающей нищеты масс, а также больших войн. Маркузе видит это. Но зато наряду со старыми противоречиями, которые продолжают действовать, о чем свидетельствует, например, борьба за прекращение американской агрессии против Вьетнама, появились новые противоречия. Они играют все возрастающую роль в связи с проблемой революционной ситуации: высокая степень обобществления производства в возрастающей мере требует планирования производства, что противоречит частным в конечном счете мотивам капиталистического производства (например, угольный кризис, банкротство Круп-

па, другие структурные кризисы); рост противоречий между ведущей ролью пролетариата в производстве и его положением, когда он фактически отстранен от решения всех важных вопросов; противоречия научно-технического переворота в капиталистических условиях (проблемы сохранения рабочих мест, инфраструктуры, проблемы политики в области науки и т. п.). Именно эти факторы в значительной степени определяют положение пролетариата (включая теперь и постоянно увеличивающуюся часть научных работников). Следовательно, эти факты являются важным источником обострения классовой борьбы.

К этому добавляется расширение сферы социально-экономических требований, которые в условиях государственно-монополистического капитализма приобретают к тому же новый характер. То, что эти требования имеют глубоко революционный характер, убедительно показала всеобщая забастовка во Франции в мае 1968 года.

Сужение социальной базы современного капитализма ставит серьезные внутривнутриполитические проблемы: выхлещивание парламентаризма, урезывание демократии, попытки подчинить профсоюзы политике правящих кругов и т. п., что, в свою очередь, позитивно отражается на значении борьбы за буржуазную демократию в системе борьбы за социализм.

Маркузе не анализирует почти ни одного из этих факторов. А без исследования указанных факторов нельзя понять действительное политическое развитие революционного движения в главных капиталистических странах. Острота классовой борьбы в этих странах возросла. С каждым десятилетием увеличивается число забастовок и бастующих, причем оно растет быстрее, чем численность рабочих. Растет число забастовок, имеющих общенациональные масштабы. На первый план все более выдвигаются политические забастовки, затрагивающие в некоторых вопросах существо самой системы капитализма. В растущей степени в эту борьбу вовлекаются различные слои рабочих, которые раньше оставались нейтральными. Повышается в целом степень организованности рабочих⁸³.

Все это происходит, несмотря на некоторые также весьма негативные последствия изменения социального состава рабочего класса (приток в него представителей мелкобуржуазных слоев и их идей). В общем, растут,

хотя еще медленно и противоречиво, также тенденции к единству рядов рабочего класса. Изменяются позиции старых сторонников реформ, поскольку изменилось — возросло! — значение этих реформ в борьбе против всей системы государственно-монополистического капитализма. Не случайно сторонники реформ традиционного характера (введения хозяйственной демократии) во все возрастающей степени образуют левое крыло социал-демократии. Что касается Федеративной Республики Германии, где они занимают руководящее положение в некоторых сферах профсоюзного движения, то они способствовали тому, что некоторые крупные отраслевые профсоюзы в настоящее время занимают более левые позиции, чем социал-демократическая партия Германии.

Лишь исследовав более глубоко эти и другие процессы, в особенности опыт 1918—1919 и 1932—1933 годов, что даже не пытаются сделать ни Маркузе, ни его поклонники, можно понять, почему в настоящее время коммунистические партии развитых капиталистических стран в основном придерживаются стратегической линии, исходящей из того, что непосредственный переход государственно-монополистического капитализма к социализму является маловероятным. Массы могут быть подведены к борьбе за социализм лишь через борьбу за общедемократические цели. Поэтому коммунисты выдвигают тактические программы демократических альтернатив, основными пунктами которых являются: демократический контроль во всех сферах общества, право на участие в управлении, национализация ключевых отраслей промышленности, расширение прав профсоюзов, имея в виду, что все эти требования должны быть осуществлены в ходе массовой борьбы, в единстве действий рабочих организаций. Коммунисты исходят из того, что осуществление этих требований в ходе массовой борьбы потрясает сами основы существующей государственно-монополистической власти, которая в конечном счете должна быть разбита, для чего потребуются борьба самых широких слоев народа. Поэтому это есть подлинно революционная стратегия. В силу этого борьба за указанные демократические и антимонаполистические программы альтернатив представляет неразделимую, необходимую составную часть, а не просто предпосылку борьбы за далеко идущие социалистические цели.

Мы сказали, что Маркузе достаивает подобные

проблемы лишь презрения. Для него борьба за коренные реформы является оппортунистической⁸⁴, «социал-демократической», «одномерной», потому что он отрицает диалектику реформ и революции. Для него существует лишь «или-или» формальной логики. И как раз в своей практике он при этом возвращается к той одномерности, в которой обвиняет других.

Маркузе придерживается лишь старого понятия революции — или точнее развивает свое чисто романтическое понятие революции. Он отвергает диалектическое отношение стихийного и социалистического сознания, что имеет двоякое последствие. С одной стороны, он сбрасывает со счетов рабочие массы как «интегрированные», которые находятся или под буржуазным, или под социал-демократическим влиянием и не могут подняться выше уровня стихийного сознания, в то время как, с другой стороны, он обвиняет ленинизм в том, что последний сформулировал проблему привнесения социалистического сознания в рабочий класс, создания способной к этому марксистской партии. Маркузе клеветнически характеризует это как овеществленную форму господства авангарда — «аппарата» — над пролетариатом. По сути дела мы имеем здесь дело с оппортунистическим преклонением перед стихийными, в конечном счете буржуазными формами сознания под видом особо «радикального» осуждения оппортунизма.

Таковы лишь некоторые из многих возможных возражений против маркузианских «фактов» и против его попытки отрицать подлинные определяющие факторы. Вновь и вновь обнаруживается, что Маркузе делает поспешные обобщения, не замечает многих реальных процессов, недостаточно учитывает подлинную историю, он берет на вооружение схемы, представляющие собой лишь перевернутые стереотипы апологетики капитализма. Но при этом в его ошибочных суждениях нередко встречаются частично правильные моменты, что скорее ухудшает дело.

ОТ «ОДНОМЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА»
К «ОЧЕРКУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ»:
ЕЩЕ РАЗ О ДИАЛЕКТИКЕ ГЕРБЕРТА МАРКУЗЕ

Хотя «Одномерный человек» принес Маркузе наибольший успех, однако это не была ни его самая лучшая, ни его последняя книга. Основные тенденции треть-

его этапа своего развития он обобщил в работе «Очерк об освобождении». На время между этими двумя работами приходится несколько более мелких публикаций и ряд важных интервью, которые отчасти создавали видимость, будто Маркузе начинает новый, четвертый этап своего творчества, который мог бы быть отмеченным некоторым сближением с рабочим движением. Сегодня уже ясно видно, что речь шла лишь о некоторых тактических маневрах, предпринятых перед лицом реального давления рабочего движения в Западной Европе. В целом он нигде не выходит за пределы идей третьего этапа творчества.

Мы уже указывали на то, что существует внутренняя связь между попыткой Маркузе осуществить ревизию исторического материализма и его попыткой ревизии диалектики. Исторический материализм должен быть подвергнут ревизии, ибо он недостаточно глубоко сформулировал разрыв между старым и новым общественным строем. В теоретическом плане это обусловлено недооценкой проблем структуры инстинктов. В области диалектики дело якобы состоит в том, что марксизм неверно толкует категорию отрицания. Маркузе собирается это исправить. По этому вопросу он вновь высказался на Гегелевском конгрессе в Праге в сентябре 1966 года. Ирринг Фетчер, которого никто не заподозрит в том, что он является марксистом, не говоря уже о том, что он «ортодоксальный», или «догматический», марксист, правильно оценил этот доклад, сказав, что Маркузе тем самым отказывается от общественно-научного обоснования социализма; он неминуемо должен вернуться к этическому обоснованию социализма⁸⁵. Впрочем, Маркузе это сделал уже раньше⁸⁶.

Рассмотрим этот доклад Маркузе несколько подробнее. Трудно, как заявил Маркузе в Праге, охватить современный капитализм понятиями марксизма, ибо эти понятия позволяют охватить как процветание (А), так и кризис (Не А) этой системы и тем самым проявляют свое безразличие к ней. Это оказывается следствием происхождения марксистской диалектики от Гегеля. Согласно этой диалектике, негативность порождается внутри самой этой системы. Но в позднем капитализме такая негативность уже не отмечается. Положение о том, что рабочий класс развитых капиталистических стран уже не является больше революционным, оказывается

социально-политической основой всей нынешней теории диалектики у Маркузе. Он считает, что следует по-новому рассмотреть проблему отрицания. Маркузе исходит из того, «что и материалистическая диалектика еще остается в плену у идеалистического разума, у позитивности, пока она не разрушила концепцию прогресса, согласно которой будущее всегда уже заложено внутри существующего, пока марксова диалектика не «радикализует» понятие перехода к новой исторической ступени, то есть не включит в саму теорию поворот, разрыв с прошлым и с существующим, новое качественное различие в направлении прогресса»⁸⁷. Он, Маркузе, хочет для этого по-новому рассмотреть два центральных диалектических понятия: отрицание и тотальность.

Относительно отрицания для Гегеля, как и для Маркса, существенным является то, что отрицающая сила возникает внутри системы, ставит эту систему как определенное отрицание под вопрос, снимает ее в ступенеобразном поступательном движении вверх. «Следовательно... идет развертывание уже в себе сущей сущности, которая не может стать действительностью в рамках существующего». Тем самым мы имеем тут лишь «форму воспроизводящего себя господства прошлого, опредмеченного в техническом аппарате труда над живым трудом»⁸⁸.

Он, Маркузе, противопоставляет этому вопрос: действительно ли сила отрицания с необходимостью выступает изнутри системы? «Эта проблема касается исторического материализма как единого целого в его отношении к идеалистической диалектике. Ибо: разве диалектический материализм не урезывает свой собственный материальный базис тем, что он недостаточно глубоко полагает воздействие общественных учреждений на бытие и сознание людей; тем, что он недооценивает роль соединенного с наукой и техникой насилия в формировании и определении потребностей, в их удовлетворении, то есть не недооценивает ли марксистский материализм те силы интеграции и подавления, которые действуют на поздней ступени развития капитализма?»⁸⁹.

Результатом этого якобы оказывается сомнительность тезиса о происхождении отрицательности изнутри самой системы, а следовательно, нужно избавиться и политическую практику от этой схемы «и вновь соединить внутреннее с внешним...»⁹⁰. Затем Маркузе перехо-

дит к рассмотрению категории тотальности. Речь идет о возможности извне снять некую конкретную целостность. «Тогда всякое определенное общественное целое само должно быть частью еще более обширной тотальности, внутри которой оно может быть подвергнуто воздействию извне»⁹¹. Такая охватывающая тотальность должна была бы быть исторически конкретной, наподобие того, например, как всемирный капитализм разворачивается по отношению к различным национальным капиталистическим образованиям в качестве как охватывающей, так и конкретной тотальности.

Теперь Маркузе ставит вопрос о том, как при этом ведут себя и это частичное целое, и охватывающая его тотальность, например в наши дни внутри всемирной системы сосуществования. Что означает внутри тотальности позднего капитализма растворение революционного потенциала рабочего класса? Оно означает, что «ныне отрицание противопоставляется отрицательному как географически и социально отделенное и самостоятельное целое». «Внутреннее противоречие разворачивается и трансформируется внутри этой всемирной противоположности»⁹².

Такое положение вещей следует учесть при разработке новой теории диалектики. Сам он, Маркузе, собирается дать лишь наброски к такой теории. «Это внешнее... не следует понимать механически в пространственном смысле, а в смысле качественного различия, которое превосходит существующие внутри антагонистической частичной целостности противоположности, например противоположность между капиталом и трудом, и которое не сводимо к этим противоположностям»⁹³.

Внешнее — это означает быть качественно вне существующей системы, как, например, население гетто, которое во многом исключено из системы капиталистического удовлетворения потребностей и не может развиваться внутри этой системы. Речь идет о качественном различии относительно возникновения и удовлетворения новых, задушенных в антагонистическом обществе потребностей. Маркузе дает набросок этих потребностей: «Солидарность вместо конкурентной борьбы; чувственность вместо ее угнетения; исчезают насилие, грубость, вульгарность и их язык; мир как постоянное состояние»⁹⁴. По сравнению с грандиозным шумным замахом это выглядит довольно слабым холостым выстрелом, а

при ближайшем рассмотрении оказывается набором добрых пожеланий, ценность которых не превышает стоимости непокрытого векселя.

В той мере, как считает Маркузе, в какой поздний капитализм интегрирует свое отрицание, должна возрастать сила этого отрицания вне данной тотальности. «Сила отрицания... теперь не сконцентрирована ни в одном классе. Сегодня она еще является хаотической, анархистской оппозицией, политическим и моральным, рациональным и инстинктивным отказом от участия в игре, отвращением ко всякому процветанию, потребностью в протесте»⁹⁵. Хотя это и слабая, неорганизованная оппозиция, но она по меньшей мере находится в непримиримом противоречии к системе в целом.

Последний ряд аргументов мы уже подвергли критике, поэтому прямо обратимся к «новой» диалектике Маркузе. Вначале он критикует марксистскую диалектику за то, что она охватывает антагонизмы капитализма. Это достаточно показательная критика. Она требует отрыва моментов антагонизма друг от друга и их отдельного рассмотрения «подлинной» диалектической теорией. Действие и противодействие, одно и другое, белое и черное противостоят друг другу без опосредования, как в классической механике и в примитивной псевдиалектике мелкобуржуазного радикализма. Это означает возврат назад далеко за Гегеля.

Но прежде всего это является ложным толкованием диалектики Гегеля и тем более Маркса. Ведь для Маркса внутри данной тотальности, например капитализма, А и Не А, буржуазия и пролетариат отнюдь не являются равнозначными, для теории Маркса кризис и процветание системы отнюдь не равноценны. Уже в «Святом семействе» Маркс показывает, что внутри капитализма оба класса не являются равноценными: буржуазия выступает как сохраняющий, а пролетариат — как революционный класс⁹⁶. И в «Капитале» мы находим замечательные слова о том, что ни одна фабричная труба не задымит без рабочего класса, но последний вполне может жить без капиталистов.

Лишь на основе грубейшей фальсификации можно утверждать, что для диалектики Маркса положительные и отрицательные процессы равноценны.

В чем заключается суть новой ревизии диалектики у Маркузе? В «трансцендировании» отрицания и в «дест-

руировании» прогресса. Оба эти момента мы должны рассмотреть подробнее. Начнем с того, как Маркузе критикует «идею» прогресса. В центре его критики оказывается тезис Гегеля и Маркса о том, что процесс развития представляет собой необходимое единство прерывности и непрерывности. Между только прерывным нет ни структурных, ни генетических взаимоотношений и связи. Такое исключительно прерывное не может иметь ни начала, ни конца, что выяснил еще Аристотель. А если начало и конец совпадают, тождественны,— тогда мы имеем дело с небытием, с ничто. Развитие необходимо обладает единством прерывных и непрерывных моментов в качестве обязательного условия, как мы уже показали выше. Тот, кто абсолютизирует один момент за счет другого, тот разрушает методический инструмент для понимания действительных процессов, пронизанных сложной внутренней диалектикой, «опосредованием» прерывных и непрерывных моментов, качественных и количественных изменений, эволюционных и революционных сторон. Все это Маркузе отвергает, обвиняя Маркса и Гегеля в том, что они не отказываются от момента непрерывности.

От этого несостоятельного аргумента он переходит к другому: подобная диалектика якобы предполагает заданное бытие и сущность, которая разворачивается, подчиняя себе все будущее, и тем самым на деле детерминирует будущее, исключая свободу.

Подобный аргумент игнорирует самое главное в диалектике количества и качества: новое качество хотя и порождается генетически предшествующим процессом количественных изменений, не может быть сведено к сумме количественных изменений. Произошел действительный скачок в новое качество, в нечто новое. Маркузе абсолютизирует момент прерывности в процессе развития. Он приписывает марксизму лишь чисто количественную диалектику. Но Маркс, как и Гегель, всегда учитывал качественные различия в развитии. Приписав это марксизму, Маркузе нападает на им же осуществленную подтасовку. Ему не нравится, что Маркс и Гегель познали и признали во всяком становлении одновременно и момент преемственности, количественного роста, «сохранения». «Радикальность» Маркузе нацелена на отказ от этого момента непрерывности, преемственности, ибо это тоже детерминирует будущее (напри-

мер, с помощью конкретного, определенного отрицания)⁹⁷, и тем самым ограничивает свободу выбора проекта. В философском отношении это означает отказ от диалектики количества и качества, прерывности и непрерывности, а в политическом отношении — отказ от диалектики реформ и революций и тем самым игнорирования действительного становления. В итоге у Маркузе получается разновидность той «качественной диалектики», которую развивал еще Кьеркегор. Так Маркузе возвращается к исходным экзистенциалистским позициям своего творчества⁹⁸.

В чем заключается политический смысл подобных идей? Ведь именно в марксизме речь идет о самом беспощадном разрыве со старым миром, миром собственности, эксплуатации и угнетения. Речь идет о том, о чем Маркс и Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии»: «Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого»⁹⁹.

Маркс и Энгельс тут подчеркивают момент разрыва исторической непрерывности в проблеме революции, и это действительно является главным и решающим в осуществлении подлинной социалистической революции. Но Маркс и Энгельс хорошо понимали, что «левый» лозунг последователей Руссо «Назад, в пещеры!» и разрушение созданных тысячелетиями производительных сил и других завоеваний культуры не имеют ничего общего с этой революцией. Они знали о наличии и момента преемственности во всяком развитии и учитывали это. Вспомним хотя бы замечание Маркса по этому поводу в его критических заметках о «Готской программе» при рассмотрении им проблем развития от капитализма к коммунизму¹⁰⁰.

Мы подошли теперь к тому центральному пункту, который дает нам возможность окинуть взором все философское и политическое развитие мелкобуржуазного радикализма и в связи с этим лучше понять идеи Маркузе. Этим центральным пунктом оказалась проблема тотального разрыва, полного отрыва от прошлого, внезапного скачка в некое чудесное освобожденное от всякой нищеты будущее (как Маркс писал по поводу такой диалектики у Прудона)¹⁰¹. Маркузе постоянно задает тот же

вопрос: осуществил ли реальный социализм такой тотальный разрыв с прошлым? Является ли социалистическое рабочее движение той силой, которая совершает этот тотальный разрыв? И он дает отрицательный ответ на этот вопрос, приходя из-за такого своего отрицательного отношения к рабочему движению и к реальному социализму к ряду теоретических и тактико-политических выводов, которые он проповедует во всех своих многочисленных произведениях в течение всей своей жизни, лишь подводя к этому с разных сторон.

Именно на почве такого колеблющегося между империализмом и социализмом, блуждающего между фронтами мелкобуржуазного радикализма и возникает эта диалектика «радикального» подчеркивания особого отличия, радикального отрицания всякой взаимосвязи между капитализмом и социализмом, между прошлым и будущим. Все должно быть «открытым», «недетерминированным», «свободным», «развязанным». Все мосты должны быть сожжены, и новое качество должно возникнуть исключительно как внезапный скачок, не содержать никаких элементов старого. Все существующее, соответственно, достойно презрения. Признается только решительный отказ как от мира капитализма, так и от реального социализма. В последующем Маркузе заговорит о некоей «третьей» цели. И это точно соответствует позиции, проистекающей из «новой», «качественной» диалектики, на деле являющейся очень старой псевдодиалектикой.

«Качественная диалектика» настолько сглаживает как раз качественное различие, что остаются лишь количественные процессы. Из гераклитовского «в одну и ту же реку нельзя войти дважды» получается выражение Кратила — «в одну и ту же реку нельзя вступить даже один раз». Так прекращается всякое становление, ибо «качественная диалектика» пренебрегает количественным движением. Для того, кто игнорирует количественную сторону движения, естественно, маленькие шаги в политике не имеют никакой ценности. Для него имеет значение лишь «Великий отказ». Но то, что такой «отказ» в действительности не доходит до границ всего существующего и не выходит за их пределы, известно еще со времени доказательств, приведенных Гегелем в «Логике». Политические доказательства, приведенные на этот счет Марксом и Энгельсом в полемике против Бакунина¹⁰², более чем достаточны.

Если толковать становление как непрерывную качественную дифференциацию, то в первую очередь исчезает момент относительного покоя и неподвижности во всех вещах, обстоятельствах и процессах. Утверждать, что формальная логика (Аристотель) является консервативной, потому что она выражает момент относительной неподвижности, может лишь тот, кто отождествляет логику с антидиалектикой. Но диалектика должна вобрать в себя формальную логику потому, что каждое движение должно содержать в себе также момент относительной неподвижности. Как же иначе можно постигнуть движение и даже определить его?

Вместе с отрицанием диалектики Маркса и Гегеля Маркузе отрицает также конкретное отрицание. Оно отягощено у него «репрессивным побочным смыслом»¹⁰³: ведь оно детерминирует также свободный выбор. Самодовлеющий субъект настаивает на индетерминизме своего выбора! Но какое же отрицание останется, если отбросить определенное, конкретное отрицание? Лишь неопределенное, всеобщее отрицание («Великий отказ»). Какое же отрицание отрицает так, что открывается вся вселенная других высказываний? Формально-логическое. Оно является отрицанием в духе «или-или». Но ведь Маркузе полагает, что как раз этот вид отрицания является отрицанием одномерности, репрессии, господства! Здесь оно вдруг является в виде отрицания свободы. Почему? Потому, что формально-логически отрицаемому суждению соответствует вся вселенная других суждений. Если я отрицаю капитализм и за это приобретаю свободу, но не свободу социализма (это была бы предопределенная, то есть не «подлинная» свобода), а свободу от чего-то совершенно неопределенного, то это становится интересным даже и для несоциалистов, таких, например, как Фетчер. И Фетчер прав, когда говорит, что эта диалектика направлена против научного социализма. Эта диалектика — более «радикальная» и «материалистическая», чем диалектика Маркса, — возвращает нас к Бернштейну, к его этическому обоснованию социализма. Вновь он перед нами — «третий путь»!

Роковой оказывается и даваемая Маркузе критика решения проблемы отрицания у Маркса и Гегеля. Одно из двух: или процесс развития является самодвижением, и тогда мы должны исследовать внутренние движущие силы развития; или же необходим внешний, в конечном

счете божественный первотолчок. Опираясь на известные основные законы природы, марксизм исходит из того, что процессы движения нашего мира являются в конечном счете процессами самодвижения и имеют свои внутренние причины. Такие внутренние причины мы видим в действиях противоборствующих моментов, факторов, сторон каждой вещи, каждого явления, всякого положения вещей.

Это внутренне связано с проблемой прерывности и непрерывности в процессе развития. Тезис Маркузе о «внешнем» толчке, даже если для него «внешним» является совершенно отличное качество, оказывается несостоятельным. В этой концепции исключается отношение между внешним и внутренним. Эта диалектика не доступна верификации. И не случайно Маркузе нам ничего не может сказать о социальных силах своей системы «критической теории»¹⁰⁴, а относительно необходимых методов борьбы он лишь говорит, что это есть «Великий отказ», выход из системы, и очень скудными оказываются его описания тех будущих ценностей, которые должны олицетворять тотально иной, новый мир.

После подобных рассуждений Маркузе упрекает учение Маркса в недостаточном материализме. Не только диалектику, но и материализм Маркса следует «радикализовать», то есть подвергнуть ревизии. Ибо мы, марксисты, якобы не замечаем должным образом материальные факторы интеграции. Такими материальными факторами он считает технику, насилие и потребности. Но ведь марксизм рассматривает насилие и некоторые потребности в системе исторического материализма не как материальные явления, а как явления надстройки, как отражение материального положения вещей, отнюдь их при этом недооценивая, что видно хотя бы из отношения к вопросу диктатуры пролетариата в системе марксистской теории и практики. Вопрос заключается в конкретных условиях происхождения и действия насилия. Очевидно, нет никаких оснований создавать новый материализм, который включал бы насилие и все потребности в материальные условия общественной жизни и возводил бы технику в ранг материального субъекта. Никакое, даже самое действенное, манипулирование сознанием и потребностями, никакое оппортунистическое подавление боеспособности и воли рабочих масс в ФРГ в результате классового предательства правосоциал-демократических ру-

ководителей не может нас принудить искать спасение в разработке такой новой критической теории, которая была бы столь внутренне ошибочной, как теория Маркузе. Мы убеждены, что постоянно развиваемые и усовершенствуемые орудия марксизма-ленинизма достаточны для изучения сложнейшей общественной реальности наших дней и для выработки такой политики, которая позволит нам повести все большую часть рабочего класса и трудящихся на борьбу против системы государственно-монополистического капитализма.

Если назвать образ мышления Маркузе диалектическим, то мы, во всяком случае, должны характеризовать его как механистическую диалектику, означающую шаг назад по сравнению с диалектикой Гегеля. Глубокую причину этой механистической диалектики мы видим в отказе от диалектической категории опосредования и от связанной с ней диалектики количества и качества. Нас постоянно поражают свидетельства такого отказа. Каково отношение теории и практики у Маркузе? Если критическая теория теряет свой объект и, как говорит сам Маркузе, если она уже не может быть доказана практикой, если теория не указывает путь в будущее, то она бессмысленна, она означает — и мы в этом согласны с Гансом Гейнцем Гольцем — отрыв теории от практики. Тогда мы вновь оказываемся в сфере этики Канта, на критике которой молодой Гегель совершенствовал свою категорию опосредования. Бытие и долженствование противостоят друг другу без опосредования¹⁰⁵.

Но отсюда следует еще одно: тогда не опосредованы между собой и моменты противоречия. Они не являются более моментами внутреннего противоречия, а расходятся, являясь — один из них полюсом внутри, другой — полюсом вне конкретного явления. Внутри — это сохраняющий, позитивный, внереволюционный, негативный момент. В маркузианскую диалектику непрерывно должны поступать импульсы извне, от «отверженных», из стран «третьего мира». Оппозиционными силами стали по существу бессильные аутсайдеры, вытесненные из решающих сфер существующего строя. Внутри системы уже больше ничего нельзя сделать, ибо все существенные силы интегрированы. Систему, ее стабильность, манипуляции можно взорвать, если вообще это возможно, лишь извне. А всякий, кто находится внутри, — оставь свои надежды, говоря словами Данте. Напрашивается призыв к

безнадежности или к отчаянному бунту. Как таковая, оппозиция «в себе»¹⁰⁶ одобряется. Приветствуется любое «нет» в отношении существующего. Любое частичное «да» в отношении такого существующего клеймится как оппортунизм. Так одним махом в ряд с Марксом ставятся критики справа (Ницше). Но является ли, например, действительно защита Основного закона (Конституция ФРГ) против «чрезвычайных законов» оппортунизмом? Господствующая реакция не видит в подобных теориях серьезной угрозы для себя. Фонд Рокфеллера даже частично финансировал работу над книгой «Одномерный человек»¹⁰⁷. Может быть, реакционеры ошибались, финансируя деятельность Маркузе? Разве они именно своими практическими действиями не доказывают прямо, что в теориях Маркузе они видят нечто совсем иное, чем инструменты, направленные на разрушение манипуляций?!

Политический характер маркузианского отрицания разоблачают его рассуждения о «Великом отказе». Что же означает это полное отрицание, справедливо спрашивает Гольц¹⁰⁸. Разве оппозиция и противоречие с существующим строем начинаются для индивида в виде тотального «Нет»? Он, этот отдельный человек, говорит «нет» повышению платы за проезд в трамвае и, если он при этом познакомился с полицейской дубинкой, говорит «нет» президенту полиции, говорит «нет» Джонсону и Никсону, войне во Вьетнаме, «нет» чрезвычайным законам, распространению ядерного оружия, «нет» прошлому президенту ФРГ Любке, который при фашизме составлял планы строительства концентрационных лагерей, говорит «нет» конкретному положению в университетах. Все это очень конкретные, определенные отрицания, которые нередко связаны с такими альтернативами, как участие в управлении вместо чрезвычайных законов, безатомная зона вместо гонки вооружений, «американцы вон из Вьетнама».

Такая оппозиция ставит и конкретные требования о проведении реформы высшей школы, создает критические университеты и т. д. и т. п.

В таких действиях и проявляется оппозиция. Наши оппозиционные движения представляют собой такие конкретные отказы, конкретные альтернативные движения, «движения одного пункта» и как таковые добиваются определенных успехов, как таковые завоевывают влияние, как таковые оказывают давление на существую-

ющую систему, разоблачают ее. Это и есть те количественные изменения, непрерывное и, разумеется, мощное накопление которых подведет к границе существующего качества, к переходу в другое качество. Другого пути в действительности нет и никогда не было.

Сторонникам качественной диалектики не хватает мужества додумать до конца собственные мысли. Последним выводом идеи такого отрицания, которое является неконкретным, неопределенным, неопосредованным, которое объявляет войну всем компромиссам, всем переходам, отрицания, которое является абсолютным, было бы уничтожение капиталистического общества со всем тем, что оно произвело на свет, разве только за исключением одного экземпляра «Одномерного человека»! Для достижения этого есть тоже «возможный путь»: путь атомной войны, но отнюдь не революции.

Так мнимые революционеры превращаются в прямых сторонников экстремистских реакционеров: противоположности сходятся, что, как известно, является старой истиной.

Тот, кто подменяет конкретное, то есть диалектическое отрицание, тотальным, то есть абсолютным отрицанием, тот не только возвращается с уже достигнутой ступени диалектики обратно в лоно формально-логического противоречия, но отрицает также подлинные начала оппозиции и революции. Для него исторический процесс лишается смысла, ибо он пускается в погоню за мифической «трансценденцией».

Оппозиция против существующего строя, исходящая не из тотального отрицания, а из борьбы против очевидных, осязаемых ошибок этого строя, «разработка альтернатив и способов демократического контроля приведут затем к систематической ликвидации лживой системы господства в целом, но опосредованно конкретными поводами отказа, а не как следствие неопосредованного «Великого отказа». Общество изменяется политической борьбой, а политическая борьба возгорается по конкретному поводу. Демонстрации перед Пентагоном оправдывают надежду, но не бегство в счастье наркотического дурмана марихуаны», — правильно пишет Ганс Г. Гольц¹⁰⁹.

«Великий отказ» имеет хайдеггеровское происхождение в мышлении Маркузе: протест Хайдеггера против «забвения бытия», его отказ от западной метафизики со времен Платона является — как и отказ Ницше от клас-

сической культуры — реакционной версией «Великого отказа». Это подводит нас к важной проблеме¹¹⁰.

С формами «Великого отказа» мы часто встречаемся в истории антагонистических классовых обществ. «Лисистрат» Аристофана изображает его как средство борьбы за мир. Агриппа Менениуса столкнулся с бунтом, применявшим такой «отказ». Существуют формы отказа циников и стоиков, революционных сект и отшельников. Альбигойцы и вальденсы, а также «собаки господни», доминиканцы, пользовались отказом, одни — в социально-революционном духе первоначальных христиан против феодально правящих классов, ищущих блаженства, другие — для демагогической поддержки проводимого огнем и мечом подавления социально-революционного отказа. Отказы еретиков и пиетистов политически совершенно различны. «Отречение» Гете в различные периоды его творчества имеет различное значение, а Маркузе отчасти назвал бы это репрессивной формой самоограничения. Забастовка и локаут являются протестом отказа, но совершенно разного вида. Густав Ландауэр порекомендовал однажды социалистам выйти из капиталистического общества, а иезуит Клеменс Брокмюллер в книге «Христианство на заре атомного века» обвиняет рабочих: мол, они сами виноваты в своем положении, ибо почему они, собственно, позволяют себя эксплуатировать?! Вывод налицо: отказывайтесь! Но ведь существовал и героический отказ антифашистского сопротивления, и был «отказ» движения «без меня», а затем движения «без нас» против ремилитаризации ФРГ (когда молодежь отказывалась служить в бундесвере, участвовать в ремилитаризации).

Итак, очевидно, необходимо исследовать проблему «отказа» в соответствующей конкретно-социальной взаимосвязи. При этом следует иметь в виду, что внутри антагонистического общественного строя основные полярные классы не однородны, то есть их «отказы» не равнозначны: локаут и забастовка — совершенно разные формы борьбы. Не только потому, что отказ давать рабочим работу со стороны класса, который всем владеет, имеет иное значение, чем стачка пролетариата, забастовка, а также потому, что не может быть капитализма без класса наемных рабочих, а рабочий класс может очень хорошо прожить без класса капиталистов. Борьбе угнетенных и эксплуатируемых известны многие искренние, настоящие и важные формы отказа, относящиеся к революционному

наследию, которое досталось рабочему движению. При этом для нас представляют интерес не только «победоносные» отказы. Мы не прагматики, и история не является непрерывной историей победителей.

Но как раз в связи с действительной освободительной борьбой форма отказа, какой бы правильной она ни была, раскрывает свое несовершенство.

В действительности имели место бунты-отказы, принятые с верой, что ими можно революционизировать все общество. Так, в июне 1907 года виноделы южной Франции организовали гражданскую забастовку. Они отказывались платить налоги. В этих районах чиновники государственных и местных ведомств сложили с себя полномочия. Все поступавшие из Парижа распоряжения игнорировались. А что это дало? Без вмешательства правительства, предоставленная сама себе, эта акция через несколько недель потерпела крах.

Еще раньше французские профсоюзы, находившиеся под анархистским влиянием, решили установить день, начиная с которого рабочие должны были отказываться работать более восьми часов. Это должно было произойти 1 мая 1906 г. Первоначальные успехи движения продержались, однако, недолго.

Отказ в форме забастовки, несомненно, является существенным средством борьбы эксплуатируемых. Но его нельзя рассматривать изолированно и нельзя переоценивать, так как решающий успех зависит от организации подавляющего большинства класса, что, во-первых, нелегко. Такой успех достигается скорее всего при наличии боевой организованности во время общенациональных кризисов. Во-вторых, забастовка представляет прелюдию к другим формам борьбы, как демонстрации, занятие фабрики, взятие производства в свои руки и т. д. Последнее — это уже больше не бунт-отказ, а начало новой положительной формы производства. Но это означает также, что оппозиция путем отказа занимает свое конкретное место в арсенале боевых средств рабочего класса, который располагает, в зависимости от конкретных условий, и более эффективными средствами борьбы.

Следовательно, бунт-отказ надо учитывать в системе широких форм борьбы и применять его, не превращая в абсолют.

Маркузе, конечно, известны законы гегелевской диалектики, которые он, между прочим, применяет в своих

анализах. Но когда дело доходит до выяснения решающих проблем, он перестает быть современным диалектиком и опускается до уровня догегелевской диалектики. Мы должны возразить против неправильного представления, которое может сложиться при чтении некоторых предисловий и послесловий Маркузе к его ранним работам: этот отход от диалектики Гегеля якобы необходим лишь потому, что послевоенный период показал, будто и учение Гегеля, и учение Маркса не привели действительно к свободе. Наоборот, эта неправильная концепция диалектики красной нитью проходит через все произведения Маркузе. В этом отношении послевоенный период ничего не внес существенно нового, разочарованность Маркузе в послевоенный период имеет под собой другие причины.

Его диалектика в конечном итоге отвергает то существенное, то новое, что Гегель внес в диалектику. Маркузе всегда анализирует с позиций догегелевской диалектики. Использование столь устаревших инструментов приводит его всякий раз, даже в лучших антифашистских произведениях (1934—1941 гг.), к поразительным тезисам, в особенности относительно марксистской философии. В своих анализах Маркузе исходит из представления о человеке, который является неактивным и ищет высшее счастье в пассивно-созерцательном наслаждении. Тем не менее, наш автор полагает, что его взгляды совпадают со взглядами Маркса. Эта позиция Маркузе, несомненно, не лишена гуманизма, но это фальшивый гуманизм, чистое «нет» в отношении буржуазного антигуманизма, то есть она является оборотной стороной последнего. Гуманизм Маркузе — это гуманизм «страны утопии». И тут мы вновь видим трагические последствия того, что Маркузе смешивает диалектическое и хайдеггеровское отрицание. Если мерить такими мерками, то социалистические страны должны предстать перед нами лишь как страны, где изменили «великому пророчеству». К тому же и рабочее движение Запада оценивается масштабами романтического понятия о революции. В довершение всего это рабочее движение рассматривается с точки зрения американского опыта, который не только оценивается антиисторически, то есть позитивистски, но и связывается с результатами американской позитивистской, эмпирической социологии.

К этому добавляется возмущение Маркузе преступлениями той страны, которую он еще в 1941 году характеризовал как «единственную страну будущего»¹¹¹, то есть

США с их практикой массовых убийств во Вьетнаме. Таковы главные мотивы маркузианской критической культурно-социальной теории, зачастую меткой в частности, гуманистической, но в целом все же фальшивой, страдающей беспомощным отчаянием, склонной к анархистскому бунту.

Маркс в своих ранних произведениях, критически перерабатывая диалектику Гегеля, показывает, что внутри противоречия полюсы «неравноценны»: на одном полюсе концентрируется сохраняющий, позитивный элемент, на другом полюсе — разрушающий, негативный, революционный элемент. Маркс показал, почему при капитализме этим революционным элементом может быть только пролетариат¹¹². Этот объективный анализ, как говорит сам Маркс, действителен и тогда, когда пролетариат еще не осознает своей роли¹¹³. Здесь начинается задача той «критической интеллигенции», которая, подобно тому как Маркс, Энгельс и Ленин, стоя на позициях рабочего класса, разработали научный социализм, соединяет рабочее движение с революционным социалистическим сознанием. Маркузе отказался от этого завершающего, неопровержимого вывода революционной диалектики. В результате из его диалектики исчезает действительно революционный субъект. Остается обращение к аутсайдерам общества, к их бунтарским формам борьбы, остается этическое обоснование необходимости революции. Но чтобы взорвать существующий строй, необходимы огромные, концентрированные усилия. А для этого требуется подготовка, организация и руководство со стороны революционного, политического авангарда — со стороны дисциплинированной, действующей едино, боеспособной, знающей пути и цели партии. Нас освободят не аутсайдеры, а мы сами освободим себя, несмотря на все наши ошибки и слабости.

Глава VII

НЕСКОЛЬКО ВЫНУЖДЕННЫХ ШАГОВ ВПЕРЕД

В начале нашей работы мы отмечали, что влияние Маркузе на нашу молодую оппозиционную интеллигенцию в настоящее время падает. Это падение влияния Маркузе связано с усилением движений против агрессивной войны США во Вьетнаме, против политики атомного вооружения и чрезвычайных законов правительства Федеративной Республики Германии, оно связано также с мятежными выступлениями студентов против невыносимых порядков в университетах, с приобретенным в ходе этого процесса опытом борьбы. Однако такой же опыт приобрел и Маркузе. Более того, он вынужден был наблюдать, как некоторые представители интеллектуальной молодежи, используя его теории с их недостаточно четко сформулированными положениями, делали выводы в направлении таких ярко выраженных анархистских и путчистских политических программ и тактики, с которыми Маркузе в наших современных условиях уже не хочет соглашаться. Поэтому он стал, с одной стороны, — вносить некоторые исправления в свои тезисы, а с другой — уточнять некоторые вопросы, на что мы укажем в заключение. При этом мы будем опираться на его речь «Проблема насилия в оппозиции», интервью парижской газете «Монд» и некоторые пассажи из его недавних выступлений.

Еще в 1964 году на о. Корчула и на конгрессе в защиту Вьетнама в 1966 году Маркузе недвусмысленно защищал следующие основные тезисы: рабочий класс США интегрирован в систему, и США являются моделью для Западной Европы¹. В Западной Европе коммунистические партии социал-демократизированы², там нет и в ближайшем будущем не будет массового движения³, рабочий класс там тоже утерял способность к качественно-

му обновлению общества⁴. СССР вследствие конвергенции с империализмом США не является более антиимпериалистической силой⁵. Социалистические государства подвержены тому же глобальному расколу на богатые и бедные страны, который проходит через все системы и является по отношению к ним первичным⁶. Политика сосуществования, с одной стороны, стабилизирует империализм, с другой — деформирует социализм⁷.

Тем временем с некоторыми из этих тезисов происходят примечательные модификации, на которые мы должны обратить внимание, хотя эти модификации большей частью не вышли за рамки феноменологического описания и не получили теоретического обоснования. Единственная попытка такого теоретического обоснования была им предпринята в одном выступлении по радио, в котором Маркузе заявил, что основная масса производительных сил сосредоточена в развитых индустриальных странах; следовательно, там, а не в третьих странах находится центр необходимой и нужной общественной революции⁸.

Начнем с речи Маркузе в Западном Берлине о проблеме насилия в оппозиции⁹. В ней Маркузе пытался рассеять «недоразумение», будто он считает студенческое движение ныне «решающим фактором преобразования.., непосредственной революционной силой...»¹⁰. Оно может стать революционной силой. Якобы неправильно также упрекать его, Маркузе, и в том, будто он «в хиппи увидел наследников пролетариата...»¹¹. Несомненно, такие заявления заслуживают внимания, однако они говорят пока лишь о том, что Маркузе не считает больше правильным.

Совершенно правильно характеризует он «новых» американских левых как «противников идеологии», то есть сознательных врагов социалистической идеологии, которые «не считают рабочий класс революционным классом»¹². В классовом отношении их вообще невозможно четко определить. Одновременно Маркузе отмечает «поворот к теории» за последнее время и «попытки преодолеть пропасть между старыми и новыми левыми...»¹³. Он подчеркивает, что «непривилегированные» в США в политическом отношении еще совсем не организованы, не занимают решающего места в производственном процессе и поэтому не могут рассматриваться, «по крайней мере не без дальнейших ассоциаций», как потенциальная революционная сила. Зачастую они, как, например, пуэрториканцы и негры, даже враждуют между собой¹⁴.

Иначе обстоит дело с «непривилегированными» в лице народов «третьего мира». Они несут на себе тяжесть капиталистической системы и действительно терпят от этого ужасные лишения. Но они несут эту тяжесть не в одиночку. Маркузе вновь недооценивает и вклад социалистических стран, в особенности Советского Союза, в антиимпериалистическую борьбу. Народы «третьего мира» являются «действительно массовой базой национально-освободительной борьбы против неокOLONиализма»¹⁵. Здесь мы сразу обнаруживаем последствия чисто феноменологически описательного отношения автора к данной проблеме, его далеко идущего отказа от подлинного теоретического анализа вопроса антиимпериалистической, революционной борьбы. Маркузе все же указывает, что борьба этих народов недостаточно эффективно связана с борьбой «непривилегированных» в метрополиях. Возможно, эти массы в странах «третьего мира» представляют собой новый пролетариат, что вновь означает определение понятия пролетариата лишь исходя из внешних признаков. Во всяком случае, он даже не предпринимает попытки общественно-научного анализа.

Важным является следующий тезис, в котором Маркузе потенциально ограничивает высказанные ранее взгляды о пролетариате в развитых капиталистических странах (подобной корректуры, точнее: потенциальной корректуры его взглядов по вопросу о роли социалистических стран, в особенности Советского Союза, не найти, однако, ни в одной из его работ даже последнего времени): «Насколько к этой группе непривилегированных в настоящее время в Европе можно еще или вновь причислить рабочий класс, это — проблема, которую мы должны рассмотреть особо...»¹⁶. Ну что ж, теперь мы располагаем результатами этого его рассмотрения, и эти результаты не содержат по существу ничего нового. Мы были и раньше значительно сдержаннее в оценке результатов нового развития Маркузе, чем Ганс Гейнц Гольц. Эти новые результаты вполне согласуются с новой формой антисоветизма, направленной на то, чтобы вовлечь в этот фронт некоторые отряды западноевропейского коммунистического движения.

Это высказывание о рабочем классе развитых капиталистических стран в Европе не исключение. В той же речи говорится: «Что мы можем сказать о рабочем классе в Америке, так это то, что в своем подавляющем боль-

шинстве он интегрирован в систему и не испытывает потребности в радикальном преобразовании; этого мы, по-видимому, не можем или пока еще не можем сказать о европейском рабочем классе...»¹⁷. Подобные высказывания встречаются и в интервью газете «Монд».

Следует отметить, что, если бы Маркузе действительно вел объективную научную дискуссию о роли рабочего класса в развитых европейских странах, то он должен был бы прийти к иной, хотя бы потенциально позитивной оценке рабочего класса. Тогда бы он должен был серьезно пересмотреть основы своей «критической теории». Мы напомним, что он пытался обосновать мнимое «иссякание революционных потенций» рабочего класса сначала с помощью некоего рода теории о «сверхоппортунизме», затем — теории структуры инстинктов, и в заключение с помощью своей теории «одномерности». Если бы Маркузе не собирався осуществить лишь тактический маневр, обусловленный борьбой, а пришел бы действительно к выводу, что его тезис об иссякании революционных потенций пролетариата является неправильным, то он не смог бы настаивать ни на своей теории о «сверхоппортунизме», ни на теории структуры инстинктов или одномерности. Речь, очевидно, идет о проблематике, составляющей ядро «критической теории» Маркузе.

В заключение своего выступления Маркузе вновь затронул проблему социальных носителей революции. «Лишь национально-освободительные фронты в развивающихся странах ведут в настоящее время революционную борьбу»¹⁸. Это явно ложная точка зрения. Ошибка проистекает из того факта, что Маркузе в качестве критерия берет не содержание, а форму борьбы, то есть вновь отдает предпочтение анализу явления, а не сущности. Правда, он правильно отмечает, что «все оппозиционные силы в настоящее время способствуют подготовке и только подготовке, но необходимой подготовке к возможным кризисам системы. В углубление этого кризиса вносят свой вклад как раз национально-освободительные фронты и революции в гетто (но не социалистическое строительство в социалистических странах; типично для Маркузе, что он об этом здесь ничего не говорит! — *Р. Шт.*) не только как военные, но и как политические и моральные противники — как живое человеческое отрицание системы. На случай для подготовки такого кризиса, быть может, можно будет политически радикализировать и рабочий

класс»¹⁹. Это «быть может» означает, что Маркузе считает такой ход дела случайным. «Новая» позиция Маркузе в отношении рабочего класса развитых капиталистических стран проистекает не из теоретического анализа, а из каких-то «ожиданий», которые, быть может, могут быть осуществлены по причинам, которые не поддаются выяснению.

Здесь, однако, важно, что Маркузе вынужден заговорить о сотрудничестве всех оппозиционных сил, причем он, конечно, не упоминает реальный социализм (случайно ли?). К оппозиционным силам он причисляет национально-освободительное движение, гетто непривилегированных в США и, может быть, рабочий класс развитых капиталистических стран. Важным было и то, что он не аргументирует, как раньше, с позиций перманентного революционного кризиса, а по крайней мере отмечает различие между периодом самого этого кризиса и периодом его подготовки, в котором мы сейчас живем. Он говорил о возможном революционном кризисе системы, приводил значительно больше, чем раньше, факторов этого кризиса, а именно «слияние весьма сепаратных субъективных (они все-таки стоят на первом месте! — *Р. Шт.*) и объективных тенденций экономического, политического и морального характера как на Востоке (! — *Р. Шт.*), так и на Западе»²⁰. Но эти потенции еще недостаточно солидарно организованы и частично еще не имеют массовой базы.

Также правильно, когда он говорит: эта возможная радикализация рабочего класса развитых капиталистических стран Европы в своем политическом направлении является еще совершенно неопределенной. Может ведь произойти радикализация вправо. Это свидетельствует о том, что в этом вопросе он стоит на умозрительных, по сути стихийных позициях.

Справедливо указывал он на возможную опасность распространения влияния фашизма также на трудящиеся массы. Это утверждение следует приветствовать, поскольку оно свидетельствует о том, что Маркузе освобождается от примитивных представлений, будто тенденция политической радикализации автоматически действует только влево. Это важное указание, например, для некоторых наших оппозиционно настроенных молодых представителей интеллигенции в Федеративной Республике Германии, которые от акций политического недовольства,

политического провоцирования масс, сознанием которых манипулируют, априори ожидают развития влево. Маркузе также правильно указывал на то, что автоматически развитие не должно идти влево. Это относится, впрочем, также к движению непривилегированных, чего тот же Маркузе, однако, никогда не учитывает. Отсюда и из наличия огромных возможностей манипуляции следует вывод, до которого Маркузе никогда не доходит. Этот важнейший вывод требует создания организации фактора, формулирующего сознание, то есть революционной, дисциплинированной партии рабочего класса.

Правда, в его заявлениях недавнего времени больше подчеркивается значение формирования сознания. Так, например, в названном выступлении и в докладе на конгрессе по Вьетнаму²¹ он говорит о необходимости работы над формированием сознания²². Маркузе отмечает, что это — трудная задача, и ее нельзя решить лишь с помощью агитации, для этого необходимы также действия. К сожалению, в этих правильных высказываниях не упоминалась такая коренная проблема, которая вообще недооценивается и в его работах, и в работах его друзей, если вообще на нее обращали внимание, как необходимость выработки ясности в вопросах относительно материальной, экономической и социальной действительности, в которой приходится разворачивать борьбу, развивать сознание. Без такой необходимой теоретической работы, которая представляет, конечно, более трудную и длительную задачу, чем ура-революционный пафос, не удастся просветить и организовать широкие массы на революционную борьбу.

Важно и то, что в своем докладе в Западном Берлине Маркузе формулирует правильный тезис, согласно которому об успехе работы по формированию сознания можно судить «по числу голосов, которые ...могут получить на выборах так называемые „кандидаты мира“...»²³. Это — важное замечание, ибо антиавторитарно и антипарламентски настроенная молодая интеллигенция не может ссылаться в этом отношении на Маркузе.

В этой связи мы хотели бы сослаться также на следующее важное заявление Маркузе, которое плохо согласуется с концепциями некоторых ультралевых сил. В своем интервью журналу «Винер тагебух» он заявил: «Детская теория — думать, что партизаны могут нанести системе решающий удар. Для этого необходима борьба в

метрополиях. И наша задача состоит в том, чтобы именно здесь вести радикальную разъяснительную работу»²⁴.

Но ведь важно не только размахнуться, но и ударить. Для ведения этой трудной работы по разъяснению и организации среди потенциальных бойцов требуется обладающая ясностью целей организованная сила, марксистско-ленинская партия.

Здесь мы хотели бы упомянуть еще одну мысль, высказанную Маркузе в докладе в Западном Берлине о проблеме насилия в оппозиции, о чем он писал также в своем эссе²⁵, о толерантности. Маркузе заявил, что легальная оппозиция, поскольку она признает существующие правила игры, ничего изменить не может.

Это правило в плане отхода Маркузе от своих абстрактных взглядов по таким проблемам, как свобода, толерантность, насилие, которые получили широкое распространение как раз в кругу антиавторитаристов. В этом вопросе Маркузе стоит, несомненно, на более диалектических позициях, чем многие из его сторонников. В этой связи следовало бы также обратить внимание на то, что теперь Маркузе формулирует дифференцированное отношение к проблеме «оппозиции». Он не считает прогрессивной, как ранее, любую оппозицию существующему. Более того, он теперь указывает на основные реакционные тенденции, например в философии Платона²⁶. Правда, даже в этой более диалектической позиции Маркузе содержится еще значительный элемент фальшивой абстрактности. Речь идет о до некоторой степени прагматической, внешней, ориентирующейся лишь на эффект диалектике обстоятельств. Дождь может быть полезен для урожая и вреден. Что верно в действительности, становится ясным при рассмотрении конкретных аспектов этого явления. Истина всегда конкретна, что, несомненно, правильно. Вслед за Плехановым Ленин также высказывал этот тезис. Но это далеко не все. Отсутствует как раз та решающая точка зрения, на которую еще указывал молодой Ленин в своей полемике против Михайловского: каковы внутренние критерии оценки общественных явлений? Маркузе стоит не на почве материалистической диалектики, согласно которой этим критерием является позиция основного производящего класса, то есть в настоящее время — рабочего класса.

Кроме того, в рамках этой лишь прагматической диалектики неправильно высказываться против существую-

щих правил игры в целом. Почему же нельзя и не следует их использовать? Разве «правила игры» основных буржуазно-демократических прав безразличны для социалистических революционеров? Почему же тогда мы боремся против фашизма, против чрезвычайных законов? Почему сам Маркузе рекомендует участвовать в буржуазных выборах? Такие «правила игры» содержат демагогические элементы. Указания на это — заслуга не только Маркузе. Но разве в этих правилах не отражается конкретно-историческая классовая борьба, из которой и в которой они возникли? А если это так, то разве отсюда не следует, что использование таких правил всегда зависит от конкретной классовой борьбы, от силы контрагентов, а не от правил «самих по себе»?! Маркузе мог бы сослаться на свою речь в Западном Берлине на тему «Конец утопии», в которой он недвусмысленно говорил об использовании возможностей, имеющихся внутри системы: «В 1917—1918 годах я был членом Социал-демократической партии Германии. После убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта я вышел из партии и с тех пор критикую ее политику. Не потому, что она считает возможным действовать в рамках существующего — ведь так поступаем все мы, используя даже малейшие возможности, чтобы в рамках существующего изменить это существующее,— ...а потому, что эта партия действовала в союзе с реакционными, деструктивными и репрессивными силами»²⁷.

Фатальное заключается в том, что Маркузе формулирует эти корректуры явно лишь под влиянием опасных проявлений его прежних политических и философских тезисов в студенческом движении протеста и не придерживается их. Маркузе должен был бы, как это подобает сознующему свою ответственность учителю молодой оппозиционной интеллигенции, заранее более точно формулировать свои тактические и теоретические позиции и лучше заботиться о предотвращении их неправильного толкования!

Даже в ходе исправления ранее сформулированных тезисов, которые послужили поводом для неправильных действий его сторонников, мы постоянно обнаруживаем чрезвычайно противоречивые моменты. В интервью журналу «Винер Тагебух» Маркузе, с одной стороны, совершенно правильно выступая против ультралевых, говорит, что создание советов в существующей системе является ошибочной. Советы имеют смысл лишь после совершения

революции. Но создание заводских советов в ФРГ будто бы свидетельствует о том, что такие инструменты внутри системы всегда были и будут конформистскими. (Маркузе вновь рассуждает абстрактно антидиалектически и поэтому его утверждения ошибочны!) Такая позиция «все или ничего», означающая отказ от борьбы за реформы в рамках существующего строя, как раз вдохновляет на такую ошибочную тактику, которую он сам критиковал в своем выступлении перед западноберлинскими студентами²⁸.

Но прежде всего мы должны отметить, что Маркузе как раз не нарушает решающее правило игры существующей империалистической системы: он не только продолжает подвергать критике реальный социализм, что могло бы быть даже полезно, если бы речь шла о справедливой, конструктивной критике; но разве это конструктивная критика, когда с позиций буржуазного противопоставления экономики и политики, которое составляет теоретическое и методическое ядро концепции тоталитаризма, отвергают реальный социализм как тоталитаризм. Именно в этом решающем пункте Маркузе остается пленником «системы» и приковывает к этой «системе» своих сторонников, то есть он по-прежнему стоит на позициях того «третьего пути», который в действительности является буржуазным путем. Конечно, его критика социализма менее резкая, чем критика империализма. Именно поэтому Маркузе имеет влияние в левобуржуазных кругах. Но по существу его критика реального социализма является буржуазной. «Можно и нужно,— пишет Маркузе,— очень много говорить против него (реального социализма.— *Р. Шт.*). Но он не экспансионистский, не агрессивный и все еще под властью скудности и бедности, что ничего не меняет в том факте, что против него надо тоже вести борьбу, но слева»²⁹. Слово «слева» объективно не имеет здесь никакого значения и служит лишь для эмоционального обмана слушателей, которые не хотят критиковать социализм справа.

Итак, несмотря на все то новое, что мы находим в высказываниях Маркузе последнего времени, он остается на позициях «третьего пути». Об этом свидетельствует также его интервью газете «Монд»³⁰, которое он дал весной 1968 года. Тогда во Франции началась всеобщая забастовка, что следует подчеркнуть особо. В этом интервью Маркузе сначала вновь высказывается за революцию, об-

рисовывает особый характер своей деятельности в революционном движении: «Изменение мира — великая задача... Что касается меня самого, то на протяжении многих лет я больше не занимаюсь политической деятельностью. Я пишу, я учу и устраиваю конференции; я выступаю перед студентами; это нормальная форма деятельности интеллектуала в США, ибо в этой стране обстановка отнюдь не революционная». В Европе дела обстоят несколько иначе. Здесь «политика... еще в значительной степени определяется рабочим классом. Имеются также большие различия между странами: Федеративная Республика Германии очень близка к «модели» США, Италия — тоже очень близка, но Франция гораздо менее близка».

Интересно его следующее различающее уточнение: «Я знаю Руди Дучке и его друзей в СДС. Они много работали, чтобы соединить теорию с практикой. Они работали над этим не месяцы, а восемь лет. Работали ли также интенсивно разгневанные студенты во Франции, создали ли они базу для солидной теории? У меня такого впечатления не создалось».

На вопрос, не перешли ли западногерманские студенты в своих акциях установленные Маркузе теоретические и тактические рамки, он ответил «возможно». При этом прозвучала скрытая критика, которую следовало бы учесть антиавторитаристам, если они хотят сослаться на Маркузе: «Студенты выступают очень резко, ибо они потеряли надежду. Безнадежность может быть мотором эффективных политических акций. Негры в американских гетто сжигают свои собственные дома. Это — не революционная акция. Это — выражение безнадежности...».

И что же рекомендует Маркузе студентам? «Я бы сказал студентам, что в настоящее время ничего иного нельзя ожидать, кроме больших манифестаций, какие происходят повсюду, даже во Франции, и при этом в ситуации, которая даже не является предреволюционной...».

Итак, как мы уже говорили, имелся целый ряд моментов, свидетельствующих о том, что Маркузе вступал в четвертый период своего творчества. С нетерпением ожидали его новых работ, чтобы увидеть, являются ли подобные высказывания больше, чем лишь тактическим маневром. Мы весьма сомневались, что он перейдет рубикон хотя бы в одном из «критических вопросов», то ли в признании роли рабочего класса, включая необходимость революционной боевой партии пролетариата, то ли в признании ре-

ального социализма, и прежде всего диктатуры пролетариата, и в отказе от главных аспектов империалистического антикоммунизма, то ли в ориентации на подлинно революционную стратегию и тактику массовой борьбы на различных этапах и во всевозможных формах. Это было бы, очевидно, необходимо, если он не желает и впредь в конечном счете интегрировать оппозиционные силы в капиталистическую систему, привязывая их к позиции «третьего пути»! Теперь мы, наконец, располагаем результатом его «дискуссии»: появилась его книга «Очерк об освобождении», который мы в заключение и рассмотрим.

«ОЧЕРК ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ»

Всякий, кто захочет заняться Гербертом Маркузе, попадает в роль зайца в истории о том, как еж соревновался с зайцем: едва успеешь написать критику, как появляется опять его новая книга. Так, некоторое время назад появился его «Очерк об освобождении», подводящий итог третьему периоду в его деятельности³¹. Ряд интервью и выступлений в периодической печати, особенно в «Шпигеле»³², служат популяризацией изложенных в этом очерке идей.

Несколько лет тому назад отдельные высказывания нашего автора содержали намек на возможность нового, четвертого периода в его развитии, для которого могло бы стать характерным сближение с рабочим движением. Но с тех пор он сам перечеркнул все эти намеки. Он, например, вначале выступил в роли трезвого критика анархистской части французского студенческого движения. Потом он стал активно участвовать в развитии тех романтических фантазий парижских чудо-интеллектуалов, в которых нуждается левая мелкобуржуазная интеллигенция, чтобы прикрыть себя тогой гегемона революционных сил и клеветать на коммунистов. «Очерк об освобождении» свидетельствует о том, что Маркузе нигде не перешел рамки третьего периода своего развития. Хотя и существует различие между капитализмом и социализмом, но, как он пишет, последний извращен политикой сосуществования и соревнования с капитализмом. Основой этого процесса он объявляет грандиозную производительность. Но раскол внутри социалистического лагеря, с одной стороны, и латиноамериканские партизаны, бунт студентов и восстания в гетто — с другой, создают на фоне ослабле-

ния империализма США альтернативу некой новой, «третьей» цели, промежуточной между империализмом и реальным социализмом. Отсюда должна исходить «критическая теория», давая новое определение «социализма» и его перспектив. Это движение окажется пугающим признаком как для империализма, так и для реального социализма. Оно внесет революцию и в социализм. Все основные догмы «левого» антисоветизма мы вновь находим в этой книге: тут и клевета на политику сосуществования; тут и раскол мира на «имущих» и «неимущих», причем США и СССР причисляются к «имущим»; тут и утверждение, будто США и Советский Союз объединяются общим коренным интересом против «неимущих» и новых «революционеров»; тут и клевета на советскую помощь Кубе и Вьетнаму; тут и восторг по поводу разногласий в социалистическом лагере. Теоретической основой «Очерка об освобождении» являются работы Маркузе «Структура инстинктов и общество», «Одномерный человек», «Критика чистой терпимости», а также идеи, высказанные им в 1966 году в Праге относительно диалектики. Социализм теперь им «углубляется»: общественная собственность и плановое хозяйство еще не устранили угнетение и эксплуатацию, ибо сохранена прежняя структура инстинктов, которая вследствие господства «принципа реальности» является репрессивной и создает репрессивную структуру потребностей. Отсюда Маркузе выводит необходимость распространения революции за сферу социально-экономических отношений на область и структуру инстинктов. При этом оппозиционной интеллигенции отводится роль вождя, ибо рабочий класс с помощью структуры потребностей прикован к системе, интегрирован и не может выполнить свою, хотя объективно и сохраняющуюся, революционную роль.

Все это — тот же старый Маркузе. Его последняя работа лишь яснее показывает частичный возврат к исходным экзистенциалистским и неогегельянским философским воззрениям первого этапа деятельности Маркузе. Имя Гегеля уже даже и не упоминается. Зато отчетливо проглядывает концепция «назад к Канту», опирающаяся на идеи неогегельянства и «философии жизни». Странный коктейль некоторых идей Маркса и Фрейда в эклектическом «Очерке об освобождении» позднего Маркузе «обосновывается» им тезисами из его комментария к Марксу, написанного в 1932 году: философские понятия молодого

(в интерпретации Маркузе) и политэкономические категории зрелого Маркса якобы выявили необходимость соединения социальной революции с революцией в структуре инстинктов³³. Относительно внутренней взаимосвязи социально-экономической революции и изменения человека по Марксу наш автор не высказывается. Маркузианский «социализм» оказывается неопределенным соединением полярных социально-экономической и «экзистенциальной» революций.

Для правильной оценки «Очерка об освобождении» необходимо учесть те основы этой отныне выдаваемой за «конструктивную» теории, которые в самом очерке лишь мимоходом упоминаются их автором. Речь идет об обосновании Фрейдом отношений господства и эксплуатации. Мы выше уже рассмотрели эту ревизию исторического материализма и марксистской диалектики. Политической основой этой ревизии оказывается проблема власти. Мелкобуржуазный интеллигент соответственно своему классовому положению слишком легко становится на антиавторитарные позиции (которые, как учит история, столь же легко превращаются в утверждающее авторитет поведение). Дело здесь в недialeктическом, неисторическом отношении к власти. Мелкобуржуазный интеллигент не хочет понять, что власть «как таковая» не существует. Она является центральным проявлением политики, которая, в свою очередь, порождается существованием антагонистических классов и их взаимной борьбой. В условиях охватывающей весь мир острейшей классовой борьбы между социализмом и империализмом Маркузе судит о социалистической власти: всякая власть «как таковая», государство «как таковое» и политика «как таковая» есть зло, в том числе и революционная власть. Это — суждение обывателя, аргументация на уровне пивной. В работе Маркузе нигде нет подлинного определения свободы. В контексте его книги она скорее всего определяется как отсутствие власти. Поскольку такой свободы еще нет в реальном социализме, то Маркузе требует революцию в социализме, мобилизацию анархических элементов против реального социализма³⁴. Для маскировки этой обывательской позиции возводится гигантская конструкция теорий: данное Марксом объяснение происхождения классовой борьбы, политики и государства считается недостаточным и должно быть «углублено» Фрейдом. Так, мифические построения позднего Фрейда включаются в

«критическую теорию», которая, однако, выдается за современную версию марксизма. Г. Г. Гельмс уже обращал внимание на этот ревизионистский подход Маркузе к вопросу о власти³⁵.

В «Очерке об освобождении» эта ревизия исторического материализма в одном отношении расширяется. Категории общественных наук должны теперь, по мнению Маркузе, заменяться новыми понятиями. Для Маркузе всякое понятие, отражающее положительное отношение, уже является позитивизмом. Он не делает различия между положительным, утверждающим отношением к эксплуататорскому и порабощающему обществу и положительным отношением к освобожденному от угнетения строю. Он осуждает «само по себе» всякое утверждение, позитивность, положительность. Несомненно, это совершенно не диалектическая абстрактная позиция.

За этим скрывается отождествление революционного и контрреволюционного насилия, его средств и последствий, которые, если говорить абстрактно, могут быть равнозначны. В этом смысле винтовка равна винтовке. Но это в лучшем случае мелкобуржуазный «беспартийный» страх перед капиталистической и социалистической властью и насилием, бегство в анархизм и пацифизм, которые оба перед лицом еще существующего и действующего империалистического насилия сводятся к сохранению этой власти. Таковы результаты моральных суждений и понятий, формулируемых в отрыве от критического общественного анализа. И именно таковыми являются «новые понятия», предлагаемые Маркузе.

Маркузе понимает, что в определенных кругах его аргументы вызывают положительные эмоции. Марксист на этом не останавливается, а идет дальше и выясняет, в чем же состоят причины и последствия этих положительных эмоций, и именно этим марксист отличается от буржуазного прогрессивного деятеля. Маркузе же чисто позитивистски принимает эти стихийные проявления сознания, не исследуя их, не используя их для формирования сознания. В этом мы упрекаем Маркузе. Он исходит из подобных «позитивных» явлений и провозглашает: «Нет необходимости в моральности и она не является первично идеологической»³⁶, а имеет сексуальное происхождение. Со времени появления исследований Кинсея о сексуальном поведении мы знаем, что специфические формы этого поведения характеризуют различные слои общества. Это

следовало бы подвергнуть социологическому исследованию. Но Маркузе этим не занимается, он просто постулирует в качестве нормы сексуальное поведение мелкобуржуазного интеллигента и кладет эту норму в основу своих суждений. С этой целью он просто превращает буржуазную мораль обывателя в ее противоположность: если первая осуждает сексуальную распущенность, то Маркузе возводит ее в высшую ценность. Если в буржуазной морали молча предполагается наличие репрессивных инструментов и их воздействие, то Маркузе ставит эти репрессивные инструменты (символом которых является генерал) в центр своих моральных характеристик и осуждений зла. Такой подход строится на том, что сексуальное поведение определенных социальных слоев кладется в основу оценки общественных явлений. В другом месте своего очерка Маркузе придает и эстетическим способам поведения человека такой же надобщественный характер. Тем самым его ревизия исторического материализма приводит к отрыву двух основных форм человеческого поведения от специфического общественного бытия, превращая их даже в предпосылку, в критерий общественных оценок.

В той мере, в которой речь идет об инстинктивных моментах общественных проблем, в основу положена теория инстинктов Фрейда. Согласно этой теории, инстинкт жизни означает стремление к максимальному, все возрастающему объединению живой субстанции, что можно истолковать в смысле формирования человеческих сообществ. Когда этот инстинкт жизни подвержен угнетению, репрессиям под воздействием враждебной среды, тогда и образование сообществ подвержено репрессивным помехам. Революция в структуре инстинктов устранила бы это угнетение и породила бы обусловленное новой структурой инстинктов жизнеутверждающее стремление людей к общению и братству. Формирование действительно социалистических отношений потребует поэтому такую революцию в структуре инстинктов. Таково обязательное следствие выведения угнетения из деформации наших первоначальных «добрых» задатков в сфере инстинктов. В обновленной форме мы здесь встречаемся с буржуазно-просветительскими представлениями о прирожденной доброте человека.

Буржуазно-просветительский характер этих идей является и в другом. Основой общественной теории у

Маркузе оказывается автономия субъекта: «Я и выбираемое самим этим я — Мы»³⁷, — так он описывает эту автономию. В условиях буржуазного общества, частной собственности на средства производства, острейшей конкуренции этот радикальный индивидуализм ни в коей мере не является революционным. Его использовали для выведения противоположности личности и массы, принципа фюрерства. И когда радикальный индивидуализм провозглашается основой сексуального поведения, мы тоже отнюдь не достигаем революционных позиций. В другой связи мы в этой работе уже отмечали скрытое наличие философской идеи о предустановленной гармонии как якобы автоматическом регуляторе общественных отношений. Эта идея в свое время нашла политическое отражение в представлениях манчестерского либерализма, этой классической формы буржуазного самосознания. В настоящее время подобная идея скрывается в крайнем индивидуализме.

В теоретическом плане Маркузе всегда исходит из явлений надстройки. Это и власть, и государство, и проблемы идеологии, но чаще всего вопросы потребностей. И когда мы вникаем в его теоретизирование об обществе, то оказывается, что в основу всех его рассуждений и «рецептов» для свободного мира положено вынесение за скобки всей сферы самого производства. Встречаются лишь мистические замечания о современной производительности, само понятие которой остается неопределенным. Для Маркузе существует лишь сфера обращения и распределения, то есть не «базис», а надстройка внутри производства. Такая ориентация в экономической области является характерным моментом мелкобуржуазных общественных теорий и их рецептов устранения фундаментальных конфликтов путем иного распределения собственности. Доступность или недоступность произведенных благ считается главным и определяющим, а репрессия — зависящей от этой доступности. «...Контрреволюция коренится в структуре потребностей»³⁸. Это оказывается социальной философией потребления или непотребления, социальной философией потребляющих, но не производящих общественных сил. С этим связан своеобразный эстетизм в мышлении Маркузе. Потребности становятся первичными. Они возникают исключительно в сфере обмена и распределения и манипулируются с помощью политической надстройки. Отсюда возникает связь мелкобуржуаз-

ного (осуждаемого у Маркузе) обожествления государства с мелкобуржуазной потребительской философией.

Марксизм раскрыл исторический характер наших потребностей. Он показал, что последней основой модификации наших потребностей или развития новых потребностей является производство и способ производства. В противоположность часто апологетической аргументации Маркузе марксизм исходит из того, что целью капитализма является не удовлетворение потребностей, а погоня за максимальной или оптимальной прибылью. Революция в производительных силах приводит также к перевороту в наших привычных потребностях, в их структуре. Конечно, это происходит не краткосрочно и не автоматически. В этой сфере тоже необходимо вести идеологическую борьбу, решать задачи воспитания и применять материальные стимулы. Но возникшие и сложившиеся в ходе тысячелетней истории эксплуататорского строя бесчеловечные черты в наших потребностях и в их удовлетворении преодолеваются социализмом. В этой области в борьбе за равноправие мужчины и женщины, за гуманизацию многих, в том числе и сексуальных, явлений в области культурной революции и воспитания солидарности и т. п. социализм достиг уже многого. Недооценивать это может лишь тот, кто ищет спасение в некоей диалектике внезапного скачка к освобожденному от всякой нужды существованию, кто поэтому презирает мучительные усилия конкретного пути к социализму. Маркузе, правда, пытается придать своей теории потребностей видимость солидного обоснования. Для этого он часто незаметно подменяет понятия и проблематику. Такие термины, как агрессия, репрессия, производительность, применяются как в психоанализе и при изучении поведения, так и в общественной науке марксизма, имея при этом совершенно различный смысл. Смазывая эти различия, Маркузе часто создает своеобразную многозначность своих основных понятий и аргументации. С этим мы сталкиваемся также, когда он обыгрывает понятия: потребность и удовлетворение потребности. Между биологическими, то есть естественными, потребностями (которые тоже социально модифицируются) и непосредственно общественными потребностями не проводится четкого разграничения. Органобиологические основные потребности являются «базисом» жизни, всякой жизни вообще, и на этой основе потребности и их удовлетворение

вообще, в отрыве от основополагающих условий способа производства, возводятся в ранг органобиологической основы самой общественной жизни. Так «незаметно» с позиции теории инстинктов подвергается ревизии исторический материализм. Главной проблемой революции объявляется создание у индивида новых потребностей, ведь социальную базу человеческой жизни Маркузе уже исключил. Так якобы разрушается непрерывность репрессивной структуры инстинктов³⁹.

Такова его «новая теория», включающая и «новую тактику». Необходимо методически отказываться от участия в этом механизме удовлетворения потребностей, нужна радикальная переоценка и отказ от всех старых форм восприятия⁴⁰, революция должна проникнуть в структуру инстинктов и тем самым создать новую биологическую основу социализма⁴¹. Это стало возможным благодаря новым производительным силам, позволяющим осуществить новый принцип реальности⁴². Тем самым мы подошли к его понятию социализма. Но в этой связи нужно еще предварительно рассмотреть воззрения Маркузе на высокоразвитый капитализм и на путь к революции.

Странные противоречия имеются в той картине капитализма, которую рисует Маркузе. То он изображает высокоразвитый капитализм как систему удовлетворения потребностей (и при этом постепенно у него исчезает погоня за прибылью), то есть как хорошо налаженную систему, интегрирующую массы и манипулирующую ими посредством этого удовлетворения потребностей⁴³, как систему демократическую⁴⁴, так что революционеры вынуждены даже оправдывать себя перед этой системой⁴⁵. Под воздействием конфликта с реальным социализмом все силы внутри этого высокоразвитого капитализма сближаются и это содействует организованности и стабильности системы.

То в нарисованной тем же автором картине появляются совершенно иные краски. Желая отмежеваться от коммунистов и показать другие способы борьбы за социализм, Маркузе вдруг рисует полное бессилие капитализма. Этот капитализм разобщен, он приближается к такому моменту, когда чуть ли не сам по себе начнет распадаться, для борьбы с ним уже не нужны централизованные массовые партии. Новой формой борьбы и организации провозглашаются мелкие разбросанные стихийно действующие группы⁴⁶. Централизация «уже не служит

формулой для взаимопонимания», все должны понять, «что сегодня эта система подвижна, изменчива, менее компактна, что ее центры разбросаны и ее действенность перенесена в местные, частные сферы»⁴⁷.

Как же тут должны действовать эти мелкие группы? Оказывается, они должны начать с морального просвещения, разлагать старые эмоции и порождать новые, вызывать стыд за существующую систему. Такой стыд имеет сексуальную основу. Эту основу морали надо разложить, а для этого необходимо объявить войну всем сексуальным запретам, надо отказаться от их соблюдения, окружив их презрением, бунтуя против них. Основой политического оказывается моральный радикализм, коренящийся в сексуальной базе морали. Тем самым революция проникает в структуру инстинктов, то есть в основу основ⁴⁸. Подобная подготовка индивида к настоящей антикапиталистической борьбе должна начаться уже внутри существующей системы⁴⁹.

Все это достигается радикальным просвещением, которому служат и средства провокации.

Отложим на время критику теоретических построений Маркузе. Рассмотрим вопрос о предложенном им просвещении. Кто будет его осуществлять? К кому он должен обращаться? Должно ли это просвещение осуществляться и посредством агитации? Как это делать? Какими средствами следует просветить и вызвать стыд у давно сексуально извращенных людей? Ведь Маркузе, как мы помним, должен обосновать свой метод с помощью негативной диалектики. А последняя не допускает никаких переходных ступеней от старой, отвергаемой формы морали и поведения к новым: такой переход допустим лишь как внезапный неопосредованный скачок. Что тут может сделать просвещение?

Теперь рассмотрим, как Маркузе пытается решить проблему революционных потенций. Он отрицает не объективную роль, а субъективную способность пролетариата осуществить революцию. Ленинскую идею о необходимости политического катализатора для рабочего класса Маркузе фальсифицирует в том смысле, будто таким фактором является интеллигенция, обладающая знанием относительно современных освободительных возможностей⁵⁰. А моральную революцию ныне совершают студенты⁵¹. Действительные движущие силы студенческого бунта Маркузе не исследует. Мы выше на это уже обращали

внимание. При этом оказывается, что первичными двигательными силами студенческого бунта являются отнюдь не сексуальные вопросы, а конкретные общественные проблемы. Сексуальные проблемы молодых людей — это отнюдь не новый вопрос. Если бы они явились причиной студенческого бунта, то следует все же спросить: почему этот бунт в различных странах разразился приблизительно в одно и то же время? Почему он не является в сущности постоянным явлением? Почему этот бунт в настоящее время в основном развивается в левом направлении? Ведь в прошлом, во всяком случае у нас в Германии, студенческие движения часто характеризовались уклоном вправо. Дело в том, что Маркузе просто перенес на студенческий бунт свою сокровенную мечту о революции в структуре инстинктов.

В ходе обсуждения вопроса о революционных потенциях Маркузе подправил некоторые свои прежние воззрения. Но это чисто словесная и без теоретических последствий поправка. Мы уже упоминали о том, что Маркузе в последние годы внешне, по-видимому, признал объективно революционную роль рабочего класса. Но в «Опыте об освобождении» получается следующее: традиционный рабочий класс уже не является больше могильщиком капитализма⁵². Не является им и «новый» рабочий класс, рабочие в «белых воротничках»⁵³. Студенческое движение, хотя и является революционным, но оно, «быть может, даже не является авангардом до тех пор, пока нет масс, способных и желающих к нему присоединиться» (!). «Все же оно оказывается ферментом надежд в ...метрополиях»⁵⁴. Этим ясно сказано, что Маркузе готов признать рабочий класс в качестве, быть может, борющейся силы, но не как революционного вождя. Таковым вождем у него выступает мелкобуржуазная интеллигенция. (А ведь в своем очерке Маркузе справедливо отмечает, что студенческое движение Индонезии в большой степени несет ответственность за страшную резню сотен тысяч индонезийских коммунистов и тех, кого к ним причислили; ему должно быть ясно, что не таким уж простым оказывается вопрос о прогрессивном характере студенческого руководства!) Его теория не обладает новизной. Мы находим ее и в трудах Мангейма. На практике мы с ней сталкиваемся в той политике всех буржуазных революций, когда рабочий класс борется, а буржуазия крадется к власти.

Высказывания Маркузе относительно различных со-

циальных сил оппозиции сводятся к следующим положениям.

Во-первых, пролетариат не оказывается революционной силой, а основательно заинтересован в увековечении капиталистической системы⁵⁵.

Во-вторых, традиционные революционные партии рабочего класса вросли в систему, в парламент и стали ее опорой⁵⁶.

В-третьих, реальный социализм помогает своему противнику стабилизироваться и организоваться⁵⁷.

В-четвертых, политика сосуществования также стабилизирует капитализм и содействует продлению его существования⁵⁸.

В-пятых, пример Кубы не повторится, ибо враг учел этот урок⁵⁹.

В-шестых, хотя студенты являются актуальной революционной силой, но они изолированы⁶⁰.

В-седьмых, население гетто и аналогичные ему расово и национально-угнетенные части народов в различных капиталистических странах тоже изолированы, а иногда даже втянуты в расовые взаимные распри и поэтому выпадают из борьбы.

В итоге все возможные революционные потенции по существу отрицаются. И при позитивистском подходе некоторые положения могут показаться верными. Но что отсюда следует? Нужны огромные усилия, чтобы объективно готовые к революции силы сделать субъективно способными на революцию и обеспечить их взаимодействие. Нужны сильные революционные партии, обладающие идеологической ясностью, политическим и организационным единством. На такой принципиальной основе эти партии должны развивать разнообразную тактику, множество форм организации и борьбы, чтобы формировать сознание, организовать союзы различных сил во всех частях мира и слоях населения. Этих выводов нет у Маркузе. Наоборот, он неоднократно проповедует разрыв и противопоставление различных потоков мирового революционного процесса. Хочет ли он этого или нет, но объективно любой раскол революционных сил служит существующей империалистической системе.

Ранее мы рассмотрели и то, как Маркузе изображает интеграцию рабочего движения. Следует заметить относительно якобы демократического интегрирующего капитализма, о котором пишет Маркузе: разве гитлеровская

Германия, Италия Муссолини, франкистская Испания, современная Греция черных полковников являются случайными авариями в истории и представляют лишь исключения внутри капиталистической системы? Кто осмелится предсказать, что у фашизма «нет будущего» в развитых капиталистических странах? Не следует ли отсюда чудовищный характер апологетических утверждений Маркузе о «демократически действующем» капитализме?

Мы также уже дали должную отповедь клевете Маркузе в адрес реального социализма и политики сосуществования. Добавим лишь следующее. Разве возрастающая доля социалистических стран в мировом производстве и мировой торговле действительно стабилизирует капитализм? Разве та социалистическая ориентация во многих районах мира, которая связана с реальным социализмом, в действительности является фактором, укрепляющим империализм? Если мирное соревнование усиливает капитализм, то почему же ведущие империалистические державы направляют такие усилия на подрыв этого соревнования, пытаясь повсюду, где это не создает прямой угрозы дальнейшему существованию капитализма, заменить его применением военных средств?

Наиболее фантастической оказывается нарисованная Маркузе картина легко достигаемого развала капитализма. Отрицая необходимость революционной массовой партии с ее кадрами, Маркузе закрывает глаза на наличие у империалистических противников высокой степени организации и централизации таких мощных средств, как государство, армия и полиция. Перед лицом этих фактов разглагольствование о слабосильном капитализме, падающем под ударами стихийных эмоциональных бунтарей, опровергается всем общественно-историческим опытом. Это равнозначно обращению к революционным силам: отвергайте всякую организацию! Отказывайтесь хотя бы от централизации! Это равнозначно политическому разоружению оппозиции и требованию отказаться от изменения существующего положения вещей.

Революционные силы, как заявил Маркузе, должны оправдаться в глазах этой налаженной системы. Это оправдание выводится им из противоречия между буржуазным требованием свободы и действительностью буржуазной свободы. При этом необходимость переворота вытекает из подлинно буржуазных требований. В чем же тогда цель переворота, который лишь хочет привести в соответ-

ствие действительность с буржуазными требованиями? Строго говоря, этой целью оказывается подлинно буржуазный строй. Мы же, марксисты, выводим наше требование революции не из каких-то моральных факторов или из противоречий между провозглашенными претензиями и действительностью самой капиталистической системы. Внутренние законы самого капитализма привели ко все возрастающей концентрации собственности на средства производства в руках все более узкой, но могущественной группы крупных капиталистов. При этом производство все более приобретает общественный характер. А этому противоречит частный способ присвоения, так что даже капитализм вынужден переходить к государственному регулированию, государственной экономической политике, что по существу несовместимо с частнокапиталистическими методами хозяйствования. Капитализм страдает «только» от факта частного присвоения продуктов общественного производства. Дальнейшее прогрессивное развитие возможно только в направлении к общественной собственности на средства производства, то есть к социализму. Невозможно увековечить капиталистическую систему, ибо невозможно остановить историю, и нет другого пути вперед. Поэтому в наше время есть только два основных класса, два основных общественных строя, две основные идеологии — и нет ни третьей идеологии, ни «третьего пути». Капитализм или социализм — таков объективный масштаб, такова мера для оценки всех общественных процессов. Необходимо поддержать все, что ведет к социализму, и осудить, отвергнуть все, что ему противодействует, что противостоит общественному прогрессу, мешает истории и потому является реакционным.

Маркузе связывает социализм с общественной собственностью, коллективным контролем и планированием. Но затем он выдвигает «выходящие за эти пределы» требования⁶¹. Они сводятся к защите стихийности и анархизма, противостоящим социализму⁶². Социалистический строй должен освободиться от «агрессивных способов труда», от эксплуатации и террора, утверждает Маркузе⁶³. Он постулирует тождество целей и средств⁶⁴. Его социализм должен быть свободным от принципа производительности⁶⁵, от принуждения и необходимости, должен дать свободу фантазии, освобождая и науку, и технику для «игры фантазии»⁶⁶. Труд должен стать игрой. Закон экономии времени должен быть преодолен как преодоле-

ние отчуждения. Труд перестанет быть материальным⁶⁷, чем снимается овеществление⁶⁸. Необходимость должна быть преодолена свободой. Маркузе постулирует автономию субъекта, творящего самого себя и свои условия жизни⁶⁹. По его мнению, социализм мог бы означать конец погони за прогрессом, признание достаточности достигнутого⁷⁰.

В существующей действительности нет никаких предпосылок для такого социализма — и это Маркузе знает⁷¹. Отсюда, как мы показали, он выводит необходимость своей «новой», негативной диалектики, негативного мышления⁷².

Вместе с тем Маркузе выдвигает определенную программу в противовес реальному социализму. Он требует разложения политической власти рабочего класса, ее партии в социалистических странах. Свои антисоциалистические положения он разрабатывает не как ученый, а в стиле журналиста бульварной прессы — нет даже намека на доказательство его основных утверждений о наличии угнетения и эксплуатации в условиях реального социализма⁷³.

Социализм не может не быть формой власти рабочего класса и его союзников. А ведь эксплуатация всегда означает неоплаченное присвоение произведенного трудящимися слоями народа прибавочного продукта производящей частью этого народа. Плохо скрытая основа всей аргументации Маркузе — это положение первоначально сформулировал троцкизм — это клеветническое утверждение о бюрократическом перерождении реального социализма. Речь идет о том, может ли реальный социализм обойтись без партии и государства, без партийных и государственных работников, без момента централизма внутри демократизма, и о том, каков действительный классовый смысл такой клеветы под видом «критики» реального социализма. И в этой связи следует затем рассмотреть те мелкобуржуазно-социалистические представления, которые группируются вокруг центрального лозунга «контроль снизу непосредственными производителями», «автономия производственных единиц».

В методическом отношении за упреками в адрес «бюрократического режима» реального социализма скрывается отрыв экономического базиса от политической власти. Никакого анализа действительных проблем бюрократизма сторонники этих упреков нигде не дают. Они не видят,

что бюрократизм является типичным проявлением в эксплуататорском строе, ибо здесь действительно существует и должна существовать принципиальная противоположность между политической властью и народом. Утверждение о «бюрократическом перерождении» социализма по существу означает отрицание того, что при социализме ликвидируются эксплуатация и тем самым первопричины, приводившие к противоположности между властью и народом⁷⁴. Кое-кто из рядов мелкобуржуазной интеллигенции, быть может, подпадает под влияние мифологии о бюрократизме, ибо ему не ясна подлинная роль и значение империализма. Поэтому он и не понимает жестокости международной классовой борьбы. Возмущенный этим, он поддается внушению, что причина тому в деформации социализма. И тогда он противопоставляет выдуманную, абстрактную модель социализма тому социализму, который возникает под действием объективных законов. Подобная модель соединяет несовместимое, то есть безотказно действующую буржуазную демократию и социалистический базис. Последний к тому же обычно мысленно строится в духе прудонистского или бакунинского федерализма. Так базис отрывается от надстройки и отвергается историко-материалистическая теория социально-экономических формаций.

За мелкобуржуазной моделью автономного социализма с автономными производственными единицами скрывается ряд чисто философских идей, в особенности толкование человека как автономного индивида.

Стихийность этого индивида должна стать базисом якобы нового демократического социализма, а его стихийно возникающая структура потребностей и его поведение как свободного потребителя, то есть рынок, должны стать последним регулятором основных экономических процессов. Это отнюдь не новая концепция. Мы уже показали ее родство с основными идеями буржуазного просвещения.

Но за этим воззрением скрывается и определенный взгляд на роль государства в социалистическом способе производства, на взаимосвязь политической власти и собственности при социализме. Когда речь идет о постепенном превращении мелкой собственности на средства производства в социалистическую собственность, то ближайшим путем к этому оказывается коллективная, кооперированная собственность. Но как обстоит дело с крупными производственными единицами в высокораз-

витой промышленности с ее далеко идущим разделением труда? Если решать эту проблему с позиции мелкобуржуазно-ревизионистской теории, требующей автономии производственных единиц и групповой собственности рабочих на фабрики и заводы, то возникают следующие вопросы: кто или что обеспечит единство общественного процесса воспроизводства? Произойдет ли это стихийно? Если нет, то как определить взаимоотношение учреждений, планирующих и организующих процесс воспроизводства, то есть государства к этим производственным единицам, автономность которых должна оставаться неприкосновенной? Это оказывается неразрешимым противоречием. Что произойдет с теми тысячами предприятий, которые зависят от крупных автономных производственных единиц? Разве эти зависимые предприятия не имеют права на автономию? Как это конкретно будет выглядеть?

В подобной системе экономические процессы протекают в наше время очень быстро, глубоко воздействуя на структурные изменения, все шире охватывая все общество целиком, производство и рынок. Это требует перспективных прогнозов, стратегических решений, охватывающих все общество. Как же при этом согласовать частный и общественный интерес на благо всего общества, но на основе автономных производственных единиц? Кто и как предотвратит ошибки плана, структурные кризисы и т. п.?

Каким образом можно предотвратить разрушение классовой солидарности эгоизмом групп, в том числе когда социалистическая система выступает на капиталистическом мировом рынке? Как в подобной системе разрешить основную задачу социализма: общественное присвоение того, что является продуктом общественного производства? Это ведь невозможно осуществить на базе отдельных предприятий.

Достаточно серьезно вдуматься в эти и подобные им вопросы, чтобы понять неизбежность возникновения еще более сложных проблем, а отнюдь не их разрешение с помощью лозунга об автономии. Вся эта проблематика неразрешима без сочетания всеобщих и особых частных процессов и без необходимых для этого органов: пока существуют классы, классовая борьба и капиталистические государства, такие социалистические органы должны иметь государственный характер. Лишь на этой основе возможно рационально решить и проблему контроля снизу, о чем мы выше уже говорили.

Остановимся еще кратко на мнении Маркузе о соотношении свободы и необходимости в процессе труда. Маркузе, как мы уже отмечали, нигде не дает серьезного определения свободы. Что же следует в философском смысле действительно называть свободой? Мы столь часто в этой книге останавливались на этом вопросе, что можем теперь лишь напомнить: кто не связывает свободу с существованием, познанием и признанием необходимости, тот сам разрушает предпосылки, творческой, то есть свободной деятельности людей. Момент свободы внутри необходимости процесса труда состоит в творческой комбинации объективных возможностей деятельным субъектом. Понятие «игры» внутри процесса труда не может подразумевать большего. «Игру» в сфере процесса труда возможно истолковать лишь на основе материалистической теории, а не на базе субъективизма Маркузе.

Этот субъективизм побуждает Маркузе к альтернативам свободы или тоталитаризма⁷⁵, свободы или варварства⁷⁶. Куда же мы придем — этого он нам не говорит. К чему нам тогда эта теория? Это мы все знали и без нее. Такая теория ничем не отличается от восхваления стихийных действий. Вся якобы новая «критическая теория» Маркузе, призванная «углубить» марксизм, оказывается теперь по существу преклонением перед стихийностью. Мы этому противопоставляем исторический опыт ряда победоносных социалистических революций, свершенных под знаменем марксизма-ленинизма. После сказанного не вызывает удивления наш отказ перенять хоть что-либо из этой «критической теории» в марксизм.

Это лишний раз подтверждается и на примере уже упомянутого пересмотра Маркузе некоторых положений своей теории. Г. Г. Гольц и я ранее критиковали отсутствие в «критической теории» Маркузе гегелевской категории «опосредования», что означало возврат диалектики Маркузе к догегелевскому уровню. Подробно я это разбираю на примере отношения Маркузе к буржуазному гуманизму⁷⁷. Теперь же Маркузе заявляет, что нельзя отказываться от категории «опосредования»⁷⁸, что «Великий отказ» не означает отбрасывания всей буржуазной культуры, что мы неизбежно оказываемся в положении наследников этой культуры. В этой связи он даже подчеркивает необходимость работать внутри буржуазных учреждений⁷⁹. Все это хорошо, но что говорится по этому поводу в «Опыте об освобождении», там, где ему

приходится точнее определять свою позицию? Оказывается, что марксизм нуждается в ревизии, ибо он еще приковывает новое общество к старому, хотя между ними нет опосредования, есть лишь непреодолимая пропасть⁸⁰.

Чтобы меня не поняли неправильно: между капитализмом и социализмом (коммунизмом) действительно существует самый радикальный разрыв. Но здесь речь идет не о том, чтобы подчеркивать это, а о том, что это еще не вся истина: существует также и момент непрерывности, например, в отношении развитых производительных сил. Как и в этом примере, моя критика направляется не против того, что правильно в критикуемых текстах Маркузе, а против пренебрежения другими, существенными сторонами соответствующей проблемы. Маркузе в 1966 году в Праге изгнал из диалектики категорию «опосредования». Теперь в «Очерке об освобождении» он требует сделать именно то, чего добивались реакционеры всех мастей в своей критике справа буржуазно-демократического строя: «отказаться от 9-й симфонии», аннулировать буржуазную гуманистическую культуру, причем он прямо ссылается на «Доктора Фаустуса» Томаса Манна, но умалчивает о том, что Манн именно эту позицию обвиняет как профашистскую⁸¹. Маркузе категорически отклоняет всю традиционную политическую практику, партии, комитеты, группировки на всех уровнях, объявляет себя противником всякого сотрудничества в них и всякого использования их методов⁸². Все это, по его словам, настолько дискредитировало себя, что ничего нельзя спасти. Тут уже остается лишь лозунг «бегство из капитализма»! Само собой разумеется, оппозиция в таком случае не может уже больше действовать внутри учреждений системы, она должна быть внепарламентской оппозицией⁸³.

Она не может признавать никакого существующего закона, так как это всегда закон системы⁸⁴. Для Маркузе не существует интересного и подтвержденного историей тезиса Бебеля, изложенного им в 1910 году и развитого Лениным, о том, что именно капитализм вследствие своего реакционного развития вынужден атаковать свои собственные законы, причем даже защита законов, которых первоначально добивался класс капиталистов, может стать существенно важной для революционных сил. Для него буржуазная демократия устарела, но разве не такую же позицию занимали предшественники фашизма?

Разве защита этой демократии от фашистских нападков не содержит возможности расширения антиимпериалистического фронта? Маркузе не признает никаких вождей, какими бы левыми они ни были. Отказу на практике от категории «опосредования» соответствует и громогласный тезис о том, что цепь империализма должна быть разорвана не в ее самом слабом, а в самом мощном звене⁸⁵. И опять это не абсолютно неправильно. Только этот тезис становится фразой и основой совершенно неправильной стратегии из-за пренебрежения к процессу опосредования, который ведет к разрыву цепи в самом мощном звене, а более слабые звенья, разорванные в ходе этого процесса, наверняка, не являются самыми незначительными.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ВЫВОДЫ

Начнем с систематической, но краткой характеристики самых общих философских и политических особенностей деятельности Маркузе, с которыми мы встречались во все периоды его развития.

Каковы же наиболее общие характерные черты его философствования?

На протяжении всего своего развития Маркузе всегда остается на почве субъективизма, который предполагает индетерминированность субъекта. Этот субъект в конечном счете является определяющим и окончательным критерием для оценки общественных процессов и состояний. Следовательно, отвергается философский материализм (как выражение овеществленного сознания). В такой взаимосвязи диалектика может быть лишь духовным и практическим процессом индетерминированного субъекта. Свобода и необходимость не могут находиться в диалектической связи, так как они растворяются в направлении индетерминированного субъекта. Объективных законов не существует, а то, что принимают за них, есть лишь овеществленно-отчужденные формы субъективности. Общество является своего рода флюидом антропологического. Его основные категории всегда интерпретируются против Маркса, например категория труда, или вообще игнорируются или изображаются как вторичные, как, например, категория производственных отношений. Внутри этой системы диалектика Маркузе является тогда «более радикальной», чем марксова диалектика, ибо она не признает никакого опосредования элементов противоречия; она «катастрофична», ибо отрицает диалектическое соотношение реформы и революции, количества и качества, прерывности и непрерывности. Ее отрицание является не определенным, конкретным, а абстрактным, негативным отрицанием в духе формальной логики или тотального «отречения» Хайдеггера.

Метод Маркузе является в конечном счете антиисторическим, антиобщественным, духовно-исторически дедуктивным, феноменологически описательным.

Он делает зачастую обобщения без достаточного анализа, на основе частично правильного и феноменологически описательного материала, то есть без учета существенных различий.

Эти общие признаки характеризуют его философствование на протяжении всех периодов его развития. Они допускают лишь ревизионистское отношение к философии Маркса, причем этот ревизионизм на различных этапах развития Маркузе проявляется по-разному.

Во всех периодах развития (а зачатки возможного четвертого периода мы должны исключить, пока они остаются лишь зачатками) у Маркузе имеются также характерные основополагающие политические элементы.

Он всегда был мыслителем политического действия, но никогда не занимал действительно пролетарские социалистические позиции. Он всегда придерживался той точки зрения, будто революция возможна в любое время; чтобы она свершилась, необходимо лишь развить соответствующее революционное сознание (это — отражение его взглядов о примате идеологической, политической надстройки, которые составляют также основу его тезиса о всесии манипуляции и об особой роли интеллигенции). Как следствие основной философской позиции, его социализм по своему характеру оказывается индивидуалистическим, обосновывается этически. В политике Маркузе всегда презирует реформы, что объективно ведет к активистско-путчистской тактике. Отрицая общественные законы и признавая качественную диалектику, Маркузе одобряет любую форму оппозиции против существующих порядков, включая реакционную оппозицию справа. Он полагает, что тем самым обосновывает особую радикальность оппозиции.

Почему же такая философская и политическая концепция является концепцией «третьего пути» между буржуазией и пролетариатом, между империализмом и социализмом? Если исходить из содержания и целей классово-борьбы между двумя основными классами, если учитывать реальную власть буржуазии, а тем самым и трудности революционной, социалистической борьбы, то становится понятным великое значение правильной теории познания для определения врага, собственных сил,

возможных путей к цели. Мы достаточно часто показывали, что действительно целеустремленные, свободные действия связаны с существованием и познанием объективных законов. Отрицание объективной реальности, ее законов, ее познаваемости наносит ущерб (как бы ни приветствовался социализм на словах) целеустремленности, ясности, организационным формам, политике союзов, выбору необходимых тактических средств и определению стратегических этапов социалистической освободительной борьбы таким роковым образом, что объективно помогает сохранению буржуазного режима. В этом смысле это никакой не третий, а буржуазный путь.

Ложная видимость некапиталистического «третьего пути» возникает у таких мыслителей как следствие их гуманистического побуждения. Во многих случаях оно, несомненно, существует, хотя и на субъективистской основе, равно как и связанная с этим, зачастую весьма меткая критика антигуманного характера капитализма. Что касается Маркузе, то следует учесть и его личное активное участие в борьбе против таких антигуманных действий капитализма (против фашизма и агрессии США во Вьетнаме).

Но что «третий путь», тем не менее, лишь в воображении является антикапиталистическим путем, подтверждает тот факт, что одновременно Маркузе стремится с помощью ловко замаскированного антикоммунизма привязать к существующей системе интеллигенцию, приведенную в движение видениями «третьего пути». Ударное направление теории Маркузе, выдаваемое им за прогрессивное деяние,— подрывная деятельность против социалистических стран. И это им открыто признается. Создается впечатление, что движение идет влево. В действительности же оно происходит по параболе и на пути, ведущем влево, осуществляется иммунизация по отношению к марксистско-ленинским левым. Независимо от фактического содержания тех или иных позиций, «антиавторитарное» направление стратегически находится в благоприятном положении, поскольку оно не тормозится традиционными антикоммунистическими предрассудками, направленными в ФРГ в первую очередь против ГДР и СССР. К этому следует добавить, что все «еретические» построения левых выглядят привлекательными как раз для молодежи, поскольку они не отягощены исторической практикой. Становится понятным, почему в

либеральных публикациях и издательствах ФРГ много места предоставляется высказываниям и теориям этого направления (но не коммунистического или левосоциал-демократического). Подобная «щедрость» вызвана тем, что критика СССР, ГДР и ГКП со стороны антиавторитарного студенческого движения, хотя она раздается «слева», проникнута враждебностью к этим государствам, к коммунистам.

Почему мы различаем три или даже четыре периода в развитии этого «третьего пути» у Маркузе?

В развитии Маркузе ясно обозначаются этапы, которые по крайней мере «внешне» совпадают с основными поворотными моментами в международной классовой борьбе между буржуазией и пролетариатом — 1933 и 1945 годы. Это относится как к его философской и политической деятельности, так и к специфическому резонансу этого развития.

В первом периоде Маркузе в философском плане — сторонник Хайдеггера. В политическом отношении он приближается к левому социал-демократическому направлению в рабочем движении. Первоначально его влияние ограничивается узким кругом интеллигенции. К концу периода, выступая в печати левого социал-демократизма и австромарксизма, оно становится ощутимым в этой части рабочего движения. Оно осуществляется в направлении этической антропологической интерпретации и ревизии марксизма от имени «молодого Маркса».

Во втором периоде, основу которого составляет антифашистский союз рабочего движения и гуманистическо-демократической мелкой буржуазии, Маркузе в философском плане идет по пути современного левогегельянства, так называемой франкфуртской школы, которая интерпретирует Гегеля не как предшественника фашизма, а стремится проложить мост от Гегеля к Марксу на левогегельянской основе и действует с этой позиции в культурно-критическом и социально-критическом плане. В политическом отношении он в этот период — активный борец-антифашист, причем к концу периода его антифашистская деятельность развивается в рамках высших органов ведущего империалистического государства — США. В эти годы влияние Маркузе распространяется прежде всего среди левых и леволиберальных кругов интеллигенции, действие его влияния проявляется в плане вышеописанной «параболы».

В третьем периоде, основу которого составляет разрыв антифашистского союза вследствие американской политики холодной войны, Маркузе в философском плане отходит от левого гегельянства и создает свою «критическую теорию», представляющую собой своеобразный конгломерат экзистенциализма, гегельянства и отдельных элементов марксизма, Фрейда и социологии знания. В политическом плане Маркузе становится главой активных мелкобуржуазных сил «третьего пути». Он отрицает революционные потенции пролетариата развитых капиталистических стран, изображает реальный социализм как извращенный фактор мировой политики, стабилизирующий капитализм, и ориентирует все надежды на борьбу «третьей» силы вне развитого капитализма или социализма.

Наметки возможного изменения его позиции проявлялись лишь в области политики, хотя их диалектическая суть вела бы к ревизии неправильно толкуемых соотношений реформы и революции.

Тенденции, отмеченные выше в развитии Маркузе в третьем периоде, приобретают особое значение потому, что по отмеченным уже причинам именно в эти годы его влияние среди левобуржуазной интеллигенции стало весьма глубоким и широким.

Почему мы характеризовали работы Маркузе как «сумму» попыток обосновать некий «третий путь» между капитализмом и социализмом?

В его произведениях сливаются основные тенденции идеологического и политического развития гуманистической и демократической буржуазной интеллигенции. Если попытаться кратко и в соответствии с исторической последовательностью охарактеризовать их, то следует сказать, что прежде всего речь идет о формах идеологического и политического реагирования этой части интеллигенции на следующие события или процессы.

Начатый Октябрьской революцией во всемирном масштабе процесс перехода от капитализма к социализму поставил под вопрос основы существования буржуазии.

В лоне империализма возникло противоречие между монополистическим формированием общества и буржуазно-индивидуалистской спонтанностью, которое обостряется с началом развития общего кризиса капитализма.

Борьба против фашизма усилила буржуазно-демократические тенденции и расширила возможности антифашистского союза. В результате возникла проблема гегемонии в этом союзе.

С развитием современных производительных сил возрастает роль производителей, растущая интеллигенция все больше втягивается в процесс производства и воспроизводства, многие ее представители становятся, по меткому выражению Грамши, «органической интеллигенцией». Вместе с государственно-монополистическим регулированием и соревнованием между капитализмом и социализмом в целом возрастает значение интеллигенции также и в капитализме, что в условиях государственно-монополистических процессов формирования еще более побуждает к оппозиции.

Агрессивные действия империализма и прогрессирующее урезывание буржуазно-демократических прав в государствах «свободного мира» вызвали в последнее время к жизни буржуазно-пацифистское, гуманистическое, антифашистское, антиимпериалистическое движение протеста части молодой интеллигенции, воспитываемой в высших учебных заведениях, хотя и в меньшей степени, чем раньше, в буржуазно-демократическом духе. Одновременно вышеназванные основные проблемы углубляют характер этой оппозиции.

С другой стороны, постоянно нарастала мощь социалистического лагеря, произошло крушение старой колониальной системы, расширился мировой революционный процесс, что определило дальнейшее увеличение рядов оппозиции в империалистических метрополиях и укрепление ее самосознания, причем зачастую в таких масштабах, что появилась и усиливается тенденция недооценки реальных сил империализма.

В связи с этими процессами, как никогда ранее, особую остроту приобрела проблема союза и идейно-политической гегемонии в рядах мировых революционных сил, в которые входят разнообразные, социально-противоречивые, идеологически неоднородные слои.

Конкретным проявлением борьбы за гегемонию является дискуссия о том, правильно ли, что революционное рабочее движение империалистических метрополий ориентируется на выводы, содержащиеся в работах В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в социалистической революции», «Детская болезнь «левизны» в комму-

низме», в решениях III и VII конгрессов Коминтерна, а также в документах Международных Совещаний коммунистических и рабочих партий 1960 и 1969 годов, соответствует ли современным условиям борьбы коммунистическая теория о связи демократической и социалистической борьбы, единого фронта с народным или национальным фронтом. Этой политике противопоставляется тактика, основу которой составляет пессимизм относительно ставшего массовым коммунистического рабочего движения, которое за пятьдесят лет в целом весьма успешного мирового революционного процесса не смогло потрясти основы империалистического господства в своих странах и в настоящее время вынуждено проводить политику борьбы за коренные реформы. Это революционное рабочее движение изображается как социал-демократизированное, а его аппарат — как обюрократившийся. Необходимы новые организационные формы и методы работы, которые в своем практическом развитии должны частично соответствовать старому леворадикализму и его «теории наступления».

Таковы основные тезисы, которые мы находим в работах Маркузе, по крайней мере с 1952—1953 годов.

Буржуазно-спонтанный характер бунта интеллигенции порождает индивидуалистическое понятие социализма, которое становится основой критики реального социализма. Такие тезисы мы находим в работах Маркузе начиная с 1937 года. Одновременно мы видим в этом причину, почему это течение, во-первых, выдает себя за «подлинный социализм» и, во-вторых, претендует на роль «третьего пути» между капитализмом и социализмом. Притязания подобного рода мы обнаруживаем в «Предисловии» к книге Маркузе против «советского марксизма». Благодаря этим свойствам теория Маркузе оказывает подрывное действие, проникая в социалистические страны.

Буржуазно-индивидуалистическим характером этого течения объясняется и то, что врагом провозглашается не классовое содержание общественной системы, а ее формы как таковые, например парламент, организации, авторитеты. Формально отождествляя феноменологически аналогичные организационные признаки, оно рассматривает капитализм и социализм как принципиально одинаковые формы индустриального общества, против которого надо направлять борьбу оппозиции. Социаль-

ную силу этой оппозиции составляют массы «третьего мира», а в метрополиях — «непривилегированные» и «привилегированные» слои в лице студентов (при этом некоторые идеи заимствованы из теории накопления Розы Люксембург). Эта теория направлена, с одной стороны, на разобщение рабочего и студенческого движения и, с другой — на отрыв освободительного движения стран «третьего мира» от социализма.

В этом мы также видим проявление борьбы за гегемонию, ибо «непривилегированные» или не принадлежат к пролетариату, или составляют его наименее сознательную и организованную часть. «Привилегированные» студенты объявляются революционными, поскольку они, мол, не интегрированы. Это означает удивительную недооценку манипулятивной силы буржуазной высшей школы. Маркузе сам, отчасти верно, отмечает, что ослабленное буржуазно-демократическое содержание этого образования тоже «аффирмативно». Мы имеем дело с формой самооценки интеллигенции, которая дается, например, маннгеймовской социологией знаний и впервые введена в дискуссию о марксизме Карлом Коршем. При этом Маркузе и иже с ним не отворачиваются от рабочих, видят в них необходимый вспомогательный инструмент революции. Но так же поступали и революционные движения прошлого. Мы имеем дело лишь с конкретно-политическим отражением проблематики гегемонии.

Все названные здесь основные взгляды буржуазной оппозиции против империализма встречаются в работах Маркузе. Под его пером они выступают в соединении с основными тенденциями развития буржуазной и мелкобуржуазной философии. Я причисляю к ним экзистенциализм, антропологию, современные левогегельянские формы культурно-социальной критики, ультралевое толкование Фрейда. Происходит процесс мнимого усвоения учения Маркса, прерванный в связи с переходом Маркузе к буржуазному и мелкобуржуазному философскому теоретизированию. Так, первый период в творчестве Маркузе прошел под знаком попытки соединить учение Маркса с экзистенциализмом, второй — под знаком усилий низвести марксистскую теорию до уровня гегелевской философии истории и философии права, а в третьем периоде Маркузе пытался исправить Маркса в духе Фрейда. На протяжении всех этих периодов Маркузе стремился ослабить пролетарскую философию. Этим

частично объясняется также сильная реакция, конечно, без возмущения, буржуазного «истеблишмента» на деятельность Маркузе.

Показательно следующее: с некоторого времени мы обнаруживаем в интерпретациях марксизма правокатолической и протестантской «критикой марксизма» положения, весьма близкие к взглядам молодого Маркузе. Так, Гоммес, Ландгребе и Веттер в принципе трактуют марксов материализм, его теорию диалектики и практики так же, как Маркузе, и подобно Маркузе 1932 года или Лукачу 1923 года утверждают, будто Энгельс изменил марксову философию.

С другой стороны, Лукач пошел по пути к коммунизму, хотя с ревизионистскими колебаниями, а Корш так и остался абстрактным теоретиком, все дальше уходящим вправо от своих полумарксистских взглядов 1923 года.

Книги этих теоретиков того периода, когда они разрабатывали аргументы «третьего пути», в настоящее время стали пользоваться растущей популярностью среди «шатающихся» левых в Федеративной Республике. И их переиздают.

В отличие от этих и от праворадикальных критиков марксизма-ленинизма, Маркузе не стал коммунистом, но и не стал правым, а всегда оставался на «третьем пути», правда с тактическими колебаниями. Он сумел при этом выработать способность излагать свои взгляды более популярно, глубоко и интересно, чем большинство других теоретиков «третьего пути», без того жаргона, из-за которого Адорно и Хоркхеймер сами изолировали себя. Благодаря использованию социологического материала он создает видимость «обоснования» своих концепций. Но прежде всего Маркузе всегда был и остается политическим деятелем, теоретиком и сторонником активных действий, что в решающей степени объясняет его влияние среди молодой мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции и отличает его от Адорно и Хоркхеймера.

Если к тому же учесть еще эклектический характер его взглядов, импонирующий самым различным лицам и облегчающий им принятие его идей, то мы имеем перед собой важнейшие причины, почему маркузианская версия «третьего пути» стала в настоящее время самой популярной формой этой концепции среди молодых буржуазных и мелкобуржуазных левых.

Влияние Маркузе в кругах мелкобуржуазной оппозиционной интеллигенции объясняется как раз тем, что его теория представляет собой своеобразную мешанину слабых и сильных сторон. С большой силой убеждения описывает и анализирует он важные, глубокие, антигуманные процессы капитализма, но в то же время не гнушается использованием идей антикоммунизма, что ставит его в один фронт с защитниками существующей капиталистической системы. Мнимое стремление указать «третий путь» в действительности ведет его назад, в тупик капитализма. Он отстаивает правильную точку зрения, что мы по-прежнему живем в классовом обществе, что буржуазия и пролетариат составляют два основных класса, что надо отказаться от буржуазных «правил игры», что революция необходима, но он не понимает диалектики классовой борьбы, революции, ее субъекта, конкретных путей, форм и методов классовой борьбы в современных условиях, утверждает, будто отсутствует материальная база революционной практики, классовую борьбу подменяет «Великим отказом», социальную революцию — чуть ли не религиозно окрашенной «трансценденцией», революционную науку — утопией и призывами этического характера, пролетариат — солянкой из «привилегированных» (студенты) и «непривилегированных» слоев (негры, белые аутсайдеры).

Маркузе согласен с К. Марксом в том, что, в отличие от апологетов капитализма, следует различать истинное и ложное сознание, истинные и ложные интересы, потребности; но он видит механистическую детерминированность нищеты и революции, с одной стороны, и удовлетворения потребностей и «интеграций» — с другой. И Маркузе сам распространяет сказку о все более устойчивом империалистическом обществе благоденствия. Он говорит, что империализм виновен в гонке вооружений и в агрессии, в развязывании войны во Вьетнаме, но, с другой стороны, при объяснении агрессии исходит не из общественных основ, а из биологической структуры инстинктов. Он разоблачает попытки маскировать империалистические классовые интересы рассуждениями об общенациональных и объективно-рациональных интересах, показывает подлинное лицо плюрализма и толерантности в империалистической системе, но сам в то же время твердит о конвергенции социализма с империализмом, распространяет миф о коммунистическом «тотали-

таризме». Он признает необходимость организованной борьбы против существующей системы, но в то же время поставляет аргументы врагам пролетарской организованности — врагам коммунистической партии и социалистического государства.

Подобных противоречивых моментов в деятельности Маркузе можно было бы привести множество. Они помогают понять влияние Маркузе в кругах той молодой интеллигенции, которая в своей антиимпериалистической оппозиции находится на возможной переходной ступени между буржуазией и пролетариатом и идейные воззрения которой еще противоречивы. Поскольку она мыслит в категориях таких противоречий, она еще не окончательно потеряна для буржуазии. Поэтому с этой стороны Маркузе восхваляется как «современный марксист» теми, кто коварно надеется использовать его идеи для интеграции оппозиции. Ибо тот, кто окажется в плену этих идей, уже не попадает в сферу теоретического и практического влияния марксизма-ленинизма, социализма.

Какую же политическую линию должны выработать марксисты-ленинцы по отношению к Маркузе и его сторонникам? Необходимо иметь в виду, что его юные сторонники не состояли и не состоят на службе у американской разведки. Их воззрения и поступки отражают объективные процессы. Дело не в Маркузе, а в тех, воззрения которых он воплощает.

Полемика с Гербертом Маркузе и его сторонниками навязана нам практикой борьбы. Если бы деятельность Маркузе и целого ряда других, называющих себя представителями «критической теории» не вызывала никаких проблем с точки зрения классовой борьбы революционного рабочего движения, если бы она, говоря в положительном плане, была бы в основном помощью в этой борьбе, тогда мы могли бы такую полемику и не вести. В чем же состоит главная проблема, делающая необходимой такую полемику? Как уже говорилось выше, главный вопрос — это вопрос о гегемонии в антиимпериалистическом движении, весьма противоречивом в социальном, идеологическом и политическом отношениях.

Полемика с этим течением по политическим и философским вопросам необходима. Было бы неправильно не видеть, что «третий путь» не является социалистическим, но и не соответствует современному государственно-монополистическому капитализму. Речь идет о буржу-

азно-индивидуалистическом течении в империалистических странах, которое нередко весьма смело и изобретательно изобличает агрессивный антидемократический, государственно-монополистический характер современного капитализма. Зачастую эта оппозиция выступает против капитализма как системы, и тогда она считает себя социалистической. Но независимо от того, как следует оценивать в целом связи Маркузе с американской стратегической разведкой, речь идет об оппозиции, имеющей глубокие объективные причины, которые будут действовать в течение длительного времени и с нарастающей силой. Следовательно, силы и значение этой части антиимпериалистической оппозиции будут расти. Мы должны в наших рядах уяснить связанные с этим идеологические и политические проблемы. Нам следовало бы вступить в открытую дискуссию, но вести ее в антиимпериалистическом духе, видя различие между объективным характером этой оппозиции и субъективными мотивами многих ее представителей или сторонников, считающих, что они борются за социализм.

Следовательно, была бы ошибкой как «тактика объятий», так и такая критика, которая ставила бы Маркузе и его сторонников на одну доску с апологетами капитализма. Печальные последствия могло бы иметь смешение философских и политических аспектов, отказ от георетической полемики ради политического союза с этими силами. Некоторые философы из «Праксиса» как раз смешивают эти стороны. Это вело и ведет к серьезным ошибкам ревизионистского толка. Неправильно было бы идти на, в узком смысле, философский союз с маркузианцами. Недопустимо отказываться от каких бы то ни было теоретических позиций марксизма. Маркузианство ни в одном вопросе не развило марксистскую теорию, даже в частности. (Здесь я совершенно не согласен с Г. Г. Гольцем³.) Оно также ничем не обогатило марксизм (даже использованием психоаналитического опыта). В этой области нет никаких возможностей для объединения. Наоборот, здесь, в области теории, как показывает наша работа, в которой затрагиваются далеко не все аспекты деятельности Маркузе, необходимо проводить четкое разграничение, вести теоретическую дискуссию, которая должна охватывать широкий спектр основных проблем философии, социологии, политики (в особенности о роли пролетариата и его государствен-

ной власти, о классовом характере всех общественно-политических вопросов, в том числе пока и в социалистических странах, которые ведь не развиваются в условиях одной лишь мировой социалистической системы), культуры, теоретических основ различных философских дисциплин и отдельных отраслей науки.

Но, как мы уже подчеркивали, было бы также неправильно недооценивать двойственный характер позиции «третьего пути». Для многих сторонников этого пути (я имею в виду не таких критиков социализма, как Эрнст Фишер, которые, покинув коммунистические позиции, высказывают суждения, в принципе идентичные со взглядами сторонников Маркузе) существует возможность отойти от своих позиций (влево, т. е. вперед, или вправо, т. е. назад). Это зависит от многих факторов. К их числу безусловно относятся также наша идеологическая работа, развитие наших аргументов, нашей теоретической, а не только экономической и политической мощи. Мнимые уступки, а на деле отказ от принципиальных теоретических позиций, действительно наносят вред политике союза!

Поэтому необходимо тщательно учитывать гуманистические, социально-критические и культурно-критические аспекты идейных воззрений и действий этих сил и на этой основе разрабатывать политику союза. Здесь имеется общий интерес, здесь возможно единство действий.

При этом мы, марксисты-ленинцы, не должны забывать, что теоретическая и политическая половинчатость и ошибки сторонников «третьего пути» — это не главный наш теоретический и политический противник. Больше того, полемика с этими сторонниками Маркузе и другими теоретиками «третьего пути» надо всегда вести под углом зрения борьбы против главного врага — империализма, имея в виду, что кое-кто из сторонников «третьего пути» станет завтра нашим союзником.

Что касается ФРГ, то надо к тому же считаться с тем, что в настоящее время в этой стране существует относительно слабая политическая оппозиция. В этих условиях тезисы Маркузе одно время способствовали полевению студенческого движения, некоторому повышению его сознательности. Этот процесс, как показало, например, движение против чрезвычайных законов, протекало и протекает отнюдь не гладко. В связи со слабостью революционного рабочего движения в ФРГ, в отличие от Фран-

ции или Италии, для него возникает не только проблема гегемонии в антиимпериалистической борьбе, но даже проблема политическо-идеологического существования. Для нас крайне важно и принципиально необходимо добиваться того, чтобы шедшие за Маркузе представители молодой интеллигенции помогали в борьбе за демократию и социализм и на ее отдельных этапах. Эта помощь будет тем эффективнее, чем больше с помощью политической практики и теоретической дискуссии они будут освобождаться от неправильных воззрений о пролетариате, его партии, социализме, власти рабочего класса, абстрактной свободе и демократии, от псевдорадикального сектантства.

Итак, имеется немало причин, почему в ФРГ необходимо, отвергая всякий компромисс в принципиальных вопросах теории, стремиться установить политический союз с этими силами, по крайней мере по отдельным вопросам, на основе гуманистической и демократической борьбы. Самой практикой, борьбой расчищается почва для устранения неясностей по многим вопросам, по которым сегодня еще имеются принципиальные разногласия. Практика, наряду с теоретической полемикой, является тем средством, которое поможет значительной части «антиавторитаристов» действительно найти путь влево, к социализму, стать в ряды революционного рабочего движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ «Die "Frankfurter Schule" im Lichte des Marxismus! Zur Kritik der Philosophie und Soziologie von Horkheimer, Adorno, Marcuse und Habermas, Frankfurt a. M., 1970, S. 99.
- ² Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, стр. 25.
- ³ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий, Москва, 1969», Прага, 1969, стр. 26.
- ⁴ См. Bernfeld, Reich, Jurinetz, Sapir, Stoljarow, Psychoanalyse und Marxismus. Documentation einer Kontroverse, Einleitung von Hans Jörg Sandkühler, Frankfurt a. M., 1970.

Введение

- ¹ Н. Н. Holz, Kritik der kritischen Kritik, oder: Die Irrtümer Herbert Marcuses, in: "Kürbiskern, Literatur und Kritik", München, 1968, Nr. 3, S. 431.
- ² "Antworten auf Herbert Marcuse", hrsg. v. J. Habermas, Frankfurt a. M., 1968, S. II.
- ³ Там же, сн. 25. Так, например, он говорит о «развитии интернационального общества по ту сторону коммунизма и капитализма» (см. H. Marcuse, Das Individuum in der Great Society, II, Diskus, Frankfurt a. M., 17 Jg., Juni, 1967, S. 4).
- ⁴ Н. Н. Holz, Kritik der kritischen Kritik, oder: Die Irrtümer Herbert Marcuses, a. a. o., S. 431/32.
- ⁵ Ibid., S. 432.
- ⁶ См. весьма разоблачительную рецензию И. Рюле на книгу Фишера "Kunst und Koexistenz" в литературном приложении "Die Welt der Literatur", in: "Die Welt", 1966, Nr. 25. Рюле восхваляет Фишера, называя его «ферментом разложения в Восточном блоке», и видит в нем, равно как и в Колаковском, Хавемане, «дыхание будущего». Выражая в этом вопросе несбыточные, но опасные мечты своего хозяина, ультраправого «газетного короля» ФРГ А. Шпрингера, И. Рюле призывает в рамках «новой восточной политики» использовать идеи Ростоу и Фишера для идеологических диверсий в социалистических странах.

Глава I

- ¹ "Materialien zum nonkonformistischen Sozialismus", hrsg. von den "Studien von Zeitfragen", Frankfurt a. M., Sondermaterial N 5/1968, 6. Juni, 1968, S. 4 (см. также заявления Р. Дучке и К. Неверманна о Маркузе, в: "Der Spiegel", 1967, Nr. 25, S. 103; 1967, Nr. 3, S 97f.).
- ² Герберт Маркузе сам обращает внимание на это: «Благодаря своей ключевой позиции эта группа (он имеет в виду техников, инженеров, специалистов, ученых. — *Р. Шт.*), кажется, действительно объективно должна представлять собой ядро преобразующей общество силы, но одновременно она является сегодня любимцем существующей системы и ее сознание подчинено этой системе» (Н. М а г с u s e, Psychoanalyse und Politik, Frankfurt a. M., 1968, S. 57).
- ³ Это как раз один из отправных тезисов «критической теории» Г. Маркузе; см. все его работы, по крайней мере с 1954 года.
- ⁴ Герберт Маркузе сам обращает внимание на подобные факторы (см. Н. М а г с u s e, Psychoanalyse und Politik, S. 57f.).
- ⁵ В качестве примера можно было бы назвать: А. К ü n z l i, Dialog mit Mao, in: "Neues Forum", Wien, Mai, 1968, XV Jahr, Heft 173, S. 309ff.; см. также: Н. М а г с u s e, Das Ende der Utopie, В., 1967, S. 137.

Глава II

- ¹ R. Hilferding, Das Finanzkapital. Eine Studie über die jüngste Entwicklung des Kapitalismus, В., 1947, S. 462.
- ² Маркузе критикует подобно другим левобуржуазным деятелям (например, Iring Fetscher, Karl Marx und der Marxismus, München, 1967, S. 89f.) ленинскую теорию о внесении социалистического сознания в рабочее движение. Это тем более удивительно, что он сам связывает проблему оппозиции с «привилегированными, сознание и инстинкты которых (1 — *Р. Шт.*) могут прорвать направляющую силу общества или уйти из-под ее воздействия. Я имею в виду те слои общества, которые на основе их позиции и воспитания еще имеют доступ к фактам, доступ по-настоящему достаточно трудный, доступ ко всей совокупности фактов» (см. Н. М а г с u s e, Psychoanalyse und Politik, S. 56). Если знать это и все же выступать против тезиса Ленина, то окажешься на позициях снобистской элиты.
- ³ См. I. Fetscher, Karl Marx und der Marxismus, S. 89.
- ⁴ В своем сочинении "Der Kampf gegen den Liberalismus in der totalitären Staatsauffassung" (см. "Kultur und Gesellschaft I", Frankfurt a. M., 1955) Маркузе показывает, что это относится и к фашистской антропологии. Упомянуть об этом важно потому, что известные философы группы «Праксис» не видят этого (см. К. К о s i k, Die Dialektik des Konkreten, Frankfurt a. M., 1967).
- ⁵ См. прежде всего следующие места в трудах В. И. Ленина: В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 40—42; т. 17, стр. 17—26; т. 19, стр. 372—376; т. 20, стр. 89—99; т. 27, стр. 299—426; т. 30, стр. 163—174.
- ⁶ G. Lukacs, Geschichte und Klassenbewusstsein, Studien über marxistische Dialektik, В., 1923. Здесь и дальше в тексте цитаты по но-

вому расширенному изданию этой книги Лукача (Neuwied und Berlin, 1969).

- ⁷ См. "Existentialismus und Marxismus, eine Kontroverse zwischen Sartre, Garaudy, Hyppolite, Vigier und Orcel", Frankfurt a. M., 1965, SS. 23, 29, 90f. История является творением человека и наоборот. Человек одновременно может быть в истории и поэтому исследовать ее (SS. 30, 90f). Но природа является для него чем-то внешним, куда ему нет доступа (SS. 30, 37). Следовательно, имеется диалектика именно истории, познание истории, но не природы. Эта диалектика природы — вывод из постулата о единстве знания, сконструированный по аналогии путем расширения диалектики истории (S. 23).
- ⁸ См. G. Lukacs, Geschichte und Klassenbewusstsein, Studien über marxistische Dialektik, S. 379.
- ⁹ Ibid., S. 380.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid., S. 210.
- ¹² Ibid., S. 192.
- ¹³ Ibid., S. 175.
- ¹⁴ Ibid., S. 309.
- ¹⁵ Ibid., S. 173.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ О том, какое влияние оказывают сегодня тогдашние взгляды Лукача на теорию студенческого мятежа, показывает, например, тезис Дучке: «Познание общества есть (! — P. Шт.) изменение общества» (см. Bergmann, Dutschke, Lefevre, Rabehl. Rebellion der Studenten oder: Die neue Opposition, Hamburg, 1968, S. 40). Этот тезис выдвинут молодым Лукачем (см. G. Lukacs, Geschichte und Klassenbewusstsein, Studien über marxistische Dialektik, S. 471ff.).
- ¹⁸ G. Lukacs, Geschichte und Klassenbewusstsein, Studien über marxistische Dialektik, S. 309f.
- ¹⁹ Ibid., SS. 175, 396.
- ²⁰ Ibid., S. 387.
- ²¹ Ibid., S. 348.
- ²² Ibid., S. 347.
- ²³ Ibid., SS. 59, 193, 227.
- ²⁴ Ibid., S. 206.
- ²⁵ Ibid., S. 193.
- ²⁶ Ibid., S. 214f.
- ²⁷ "G. Lukacs zum 70. Geburtstag", В., 1955, S. 229. Другое критическое замечание к его раннему труду (см. G. Lukacs, Essays über den Realismus, В., 1955, SS. 157—158) психологически очень интересное и поучительное для антиавторитаристов наших дней. Сравни также предисловие к новому изданию.
- ²⁸ Непосредственно после первой публикации «Истории и классового сознания» вокруг этой книги развернулась принципиальная дискуссия (см. Ladislaus Rudas, Orthodoxer Marxismus? in: "Arbeiterliteratur", Wien, 1924, Heft 9, SS. 493—517; Ladislaus Rudas, Die Klassenbewusstseinstheorie von Lukacs, (ebenda).

Heft 10, SS. 669—697; Ladislaus Rudas, Die Klassenbewusstseinstheorie von Lukacs, II, ebenda, Heft 12, SS. 1064—1089; A. Deborin, Lukacs und seine Kritik des Marxismus, ebenda, Heft 10/1924, SS. 615—640). К проблематике диалектики природы в трудах Маркса и Энгельса см. Kurt Reiprich. Die philosophisch-naturwissenschaftlichen Arbeiten von Karl Marx und Friedrich Engels, B., 1969.

²⁹ G. Lukacs, Geschichte und Klassenbewusstsein, Studien über marxistische Dialektik, S. 19.

³⁰ K. Korsch, Marxismus und Philosophie, Frankfurt a. M., 1966.

³¹ Здесь следовало бы назвать, к примеру, Эйнштейна, Генриха и Томаса Манна, Лиона Фейхтвангера, Арнольда Цвейга, Адорно, Хоркхеймера, Фромма, Поллока, самого Маркузе.

³² Ясперс сделал из этого следующие выводы. Политическое воздержание вредно. Нужно бороться за свободу. Эту свободу он отождествлял вначале с Западом. Из этого вытекает его «философия атомной бомбы», против которой в свое время совершенно правильно выступили марксисты. Потрясение, вызванное наступлением на демократию в Федеративной Республике, привело к изменению позиции Ясперса: во имя защиты свободы он уже довольно давно выступал против политического курса правящих сил Федеративной Республики. У него по-прежнему имелись иллюзии в отношении США, которые он считал форпостом свободы. Под давлением событий во Вьетнаме это отношение Ясперса было, однако, поколеблено. Я опираюсь в этой оценке и на устные сообщения людей, которые встречались и беседовали с К. Ясперсом.

³³ Реакционные клерикальные силы были особенно подходящими носителями этой критики по следующим причинам. При всем своем участии в фашистской системе они были достаточно дезинтегрированы, чтобы нельзя было говорить об их идеологическом тождестве. С одной стороны, существовал христианский антифашизм, с другой — фашистский антиклерикализм. В то время как в Германии все нефашистские формы буржуазной идеологии отказались в 1933 году от самостоятельного существования и, таким образом, «потерпели крах» вместе с крахом нацизма, клерикальные силы, поддержанные западными оккупационными державами, смогли медленно начать свободно действовать. При этом им помогло то обстоятельство, что они имели собственные издательства, типографии, финансовые средства, широкие международные связи, крепкие организации, сохранившиеся в основном кадры. В социально-психологическом отношении они также находились в благоприятном положении, имея возможность использовать чувство вины, охватившее значительную часть нашего народа. К тому же немало главных нацистских преступников оказалось под защитой церкви. Все это, а также наличие, прежде всего у католической церкви, относительно цельной системы мировоззрения облегчило именно этим кругам взять на себя роль воинствующих критиков марксизма.

³⁴ "Heute und Morgen", 1955, Nr. 8, S. 476.

³⁵ C. Brockmüller S. J., Chritentum am Morgen des Atomzeitalters, Frankfurt a. M., 1955.

³⁶ См. "Marxismusstudien", Tübingen, 1954, S. IV der Titelei.

³⁷ I. Fetscher, Karl Marx und der Marxismus, München, 1967, S. 242.

³⁸ Ibid.

³⁹ L. Landgrebe, *Das Problem der Dialektik*, in: "Marxismusstudien", 3. Folge, 1960, S. 59.

⁴⁰ В католической критике марксизма эти тенденции появляются впервые у И. Гоммеса. См. J. Hommes, *Der technische Eros*, Freiburg, 1955. Он там пишет: «Те действительные вещи, которые по Энгельсу отражаются в голове человека, ни в коей мере уже не являются больше природой как таковой, существующей независимо от человека» (S. 80). В диалектике человек на самом деле кладет самого себя в основу всему бытию. С точки зрения подлинного марксизма, предметный мир является якобы лишь овеществленной человеческой практикой. «Если диалектический метод раскрывает всю свою сущность, ...то он не может больше признавать сущность окружающей действительности как заранее данную для жизни и деятельности и как обязательную для него» (S. 84).

Иезуит Г. Веттер в своей книге ("Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion", Freiburg, 1953) еще отвергал этот тезис, но затем использовал его в адаптированном виде, работая над пятым изданием этой книги. В издательстве Ровольта (ФРГ) в 1958 году появилась переработанная им пятая глава второй части его книги в виде самостоятельного издания как часть серии издаваемой Ровольтом «Энциклопедии» (под заглавием: G. Wetter, *Philosophie und Naturwissenschaft in der Sowjetunion*). И там Веттер на стр.13—14 выдвигает тот же тезис: в отличие от диалектики Энгельса, диалектика Маркса носит «надвременный» характер. У Маркса существование человека оказывается внейшей предпосылкой. Поэтому «хотя в истории и выявляется единство, охватывающее природу и человека», однако «конституирование» этого единства «онтологически (не во времени) предшествует этому развертывающемуся во времени выявлению единства» (стр. 13). Из такой конструкции Веттер делает вывод: здесь идеальный фактор вновь оказывается включенным в «процесс основополагающего конституирования действительности» (стр. 13). Это уже явно не материализм. Природа больше не первична. И он прямо ставит вопрос, может ли вообще диалектический материализм быть построен на такой основе.

По своему философскому содержанию точка зрения Гоммеса и Веттера, а также точка зрения Ландгребе совпадают с толкованием марксистской философии Лукачем (в известных частях его произведений) и — как это еще будет показано — Маркузе. Однако из этого вытекают различные оценки и выводы. У Лукача и Маркузе они выглядят иначе, чем у Гоммеса и Веттера.

⁴¹ L. Landgrebe, *Das Problem der Dialektik*, a. a. O., S. 52.

⁴² См. A. Schmidt, *Beitrag zu: "Existentialismus und Marxismus, eine Kontroverse zwischen Sartre, Garaudy, Hyppolite, Vigier und Orcel"*, S. 101 ff., а также его диссертацию: "Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx. Frankfurter Beiträge zur Soziologie, 1962.

⁴³ См. "Existentialismus und Marxismus, eine Kontroverse zwischen Sartre, Garaudy, Hyppolite, Vigier und Orcel".

⁴⁴ См. "Marxistische Blätter", Frankfurt a. M., 1968, Nr. 3, SS. 45—52.

- ¹ Речь идет о следующих статьях и книгах Маркузе: Beiträge zu einer Phänomenologie des Historischen Materialismus, in: "Philosophische Hefte", Heft 1, Juli 1928, Über konkrete Philosophie, in: "Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", 1929, Band 62; Transzendentaler Marxismus, in: "Die Gesellschaft", 1930, 7. Jhg.; Zum Problem der Dialektik, in: "Die Gesellschaft", 1931, 8. Jhg.; Neue Quellen zur Grundlegung des Historischen Materialismus. Interpretation der neuveröffentlichten Manuskripte von Marx, in: "Die Gesellschaft", 9. Jhg., Nr. 8, 1932, SS. 136—174; наконец, о докторской диссертации Маркузе: "Hegels Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit", Frankfurt a. M., 1932.
- ² К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956.
- ³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 8.
- ⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 370—371.
- ⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 245.
- ⁶ На это, в частности, указывают: Т. И. Ойзерман, Формирование философии марксизма. М., 1962, стр. 304—315; W. Tuchscheeger, Bevor "Das Kapital" entstand, В., 1968; ders., Zur Entwicklung der ökonomischen Lehre von Marx, in: "Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung", Sonderheft zum 150. Geburtstag von Karl Marx, 1968, S. 75ff; P. K ä g i, Genesis des Historischen Materialismus, Wien — Frankfurt a. M., — Zürich, 1965, insbes, S. 272ff.
- ⁷ I. Fetscher, Karl Marx und der Marxismus, München, 1967, S. 13ff.
- ⁸ H. Marcuse, Neue Quellen zur Grundlegung des Historischen Materialismus, a. a. O. — Работа была вновь перепечатана в книге H. Marcuse, Ideen zu einer kritischen Theorie der Gesellschaft, Frankfurt a. M., 1969. Число, данное курсивом в последующих ссылках на источники к этой работе, касается этого нового издания.
- ⁹ Вот перечень ряда марксистских комментариев к «Экономическо-философским рукописям 1844 года» Карла Маркса: Т. И. Ойзерман, Формирование философии и марксизма, М., 1962; О. Корню, К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность, М., 1959—1968, т. 2, М., 1961; W. Schuffenhauer, Feuerbach und der junge Marx. Zur Entstehungsgeschichte der marxistischen Weltanschauung В., 1965; G. M e n d e, Karl Marx Entwicklung vom revolutionären Demokraten zum Kommunisten, В., 1954, 1955, 1960; M. B u h r, Entfremdung — philosophische Anthropologie — Marx-Kritik, in: "DZ f Ph", 1966, Nr. 7, SS. 806—834; G. L u k a c s, Zur philosophischen Entwicklung des jungen Marx, in: "DZ f Ph", 1955. Буржуазные комментарии см. Wz. P. K ä g i, Genesis des Historischen Materialismus, Wien — Frankfurt a. M.—Zürich, 1965; H. P o p i t z, Der entfremdete Mensch, Frankfurt a. M., 1967; E. T h i e r, Die Anthropologie des jungen Marx nach den Pariser ökonomisch-philosophischen Manuskripten, in: "Nationalökonomie und Philosophie". Köln — Berlin, 1950.
- ¹⁰ M. B u h r, Entfremdung-philosophische Anthropologie — Marx-Kritik, a. a. O., S. 800.

- ¹¹ Ibid., S. 813f.
¹² Ibid., S. 815ff.
¹³ H. Marcuse, Neue Quellen zur Grundlegung des Historischen Materialismus, S. 136.
¹⁴ Ibid., S. 7.
¹⁵ Ibid., S. 136f.
¹⁶ См. редакционные статьи специалиста по антикоммунизму В. Гюнцеля в «Ди Вельт», 3 сентября 1968 г.
¹⁷ См. W. Tuchscherer, Bevor "Das Kapital" entstand, В., 1968.
¹⁸ H. Marcuse, Vernunft und Revolution, Neuwied — Berlin, 1962, S. 260.

Глава IV

- ¹ Главные работы Маркузе этого периода следующие: "Der Kampf gegen den Liberalismus in der totalitären Staatsauffassung", in: "Zeitschrift für Sozialforschung", III/2, Paris, 1934; "Über den affirmativen Charakter der Kultur", in: ebenda, VI/1, Paris, 1937; "Philosophie und kritische Theorie", in: ebenda, VI/3, Paris, 1937; "Zur Kritik des Hedonismus", in: ebenda, VII/1—2, Paris, 1938. Все эти статьи и очерки были переизданы без изменений в ФРГ в 1965 году. Важнейшей работой этого периода является вторая книга Маркузе о Гегеле — «Разум и революция. Гегель и основные теории об обществе» ("Reason and Revolution. Hegel and the Rise of Social Theory", New York), 1941. Цитируемое в нашей книге немецкое издание вышло в ФРГ в 1962 году: "Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie", Neuwied — Berlin, 1962.
² H. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, Frankfurt a.M., 1965.
³ Ibid., S. 7.
⁴ Ibid., S. 8.
⁵ Ibid.
⁶ H. Marcuse, Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, S. 361.
⁷ H. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, S. 8.
⁸ Ibid., S. 9.
⁹ Ibid., S. 10.
¹⁰ Ibid.
¹¹ Ibid.
¹² M. Horkheimer, Kritische und traditionelle Theorie, in: "Zeitschrift für Sozialforschung", VI/2, Paris, 1938, S. 245ff.
¹³ H. Marcuse, Über den affirmativen Charakter der Kultur in "Kultur und Gesellschaft 1".
¹⁴ Ibid., S. 56.
¹⁵ Ibid., S. 57.
¹⁶ См. М. Heidegger, Sein und Zeit, Tübingen, 1963 (особенно введение).
¹⁷ H. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, S. 59f.

- 18 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 448.
- 19 Н. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, S. 71.
- 20 Ibid., S. 62.
- 21 Ibid., S. 63.
- 22 Ibid., S. 66.
- 23 Ibid., S. 71.
- 24 Ibid., S. 76.
- 25 Ibid., S. 74.
- 26 Ibid., S. 77.
- 27 Ibid., S. 82.
- 28 Ibid.
- 29 Ibid., S. 85.
- 30 Ibid., S. 86f.
- 31 Ibid., S. 87.
- 32 Ibid., S. 88.
- 33 Ibid., S. 89.
- 34 L. Kofler, Zur Theorie der modernen Literatur, Neuwied — Berlin, 1962, S. 231.
- 35 Н. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, S. 92.
- 36 Ibid., S. 93.
- 37 Ibid., S. 94.
- 38 G. W. F. Hegel, Die Wissenschaft der Logik, Leipzig, 1948, Bd. 1, S. 69.
- 39 Heraklit, vergl. Diels, Die Fragmente der Vorsokratiker, fr. des Heraklit No 53. См. «Антология мировой философии», т. 1, ч. 1, М., 1969, стр. 276.
- 40 Г. В. Ф. Гегель, Наука логики, т. 1, М., 1970, стр. 466—467.
- 41 Н. Marcuse, Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, S. 130.
- 42 Г. В. Ф. Гегель, Наука логики, т. 1, стр. 107.
- 43 Н. Marcuse, Vernunft und Revolution, Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, S. 130.
- 44 Ibid., SS. 136, 139.
- 45 Н. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, S. 99.
- 46 Н. Marcuse, Der Kampf gegen den Liberalismus in der totalitären Staatsauffassung, in: "Kultur und Gesellschaft 1", S. 37f.
- 47 Н. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, S. 99.
- 48 Ibid., S. 99.
- 49 Ibid., S. 47.
- 50 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 18.
- 51 В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 301.
- 52 Там же, стр. 303.
- 53 Там же.
- 54 Там же, стр. 304.
- 55 В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 40—43.

- ⁵⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 115—150.
- ⁵⁷ H. Marcuse, Philosophie und kritische Theorie, in: "Kultur und Gesellschaft 1", S. 103.
- ⁵⁸ Ibid., SS. 102—103.
- ⁵⁹ Ibid., S. 104.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ M. Buhr, Der Denkeinsatz der klassischen bürgerlichen Philosophie, in: "DZfPh", 1968, Nr. 3, S. 292ff. Эта статья затем вошла в книгу М. Буhr, G. Irrlitz, Der Anspruch der Vernunft. Die klassische bürgerliche deutsche Philosophie als theoretische Quelle des Marxismus, B., 1968.
- ⁶² Ibid., S. 293.
- ⁶³ Ibid., S. 295.
- ⁶⁴ Ibid., S. 296.
- ⁶⁵ Ibid., S. 297.
- ⁶⁶ H. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, S. 105.
- ⁶⁷ Ibid., S. 106.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Ibid., S. 109.
- ⁷⁰ Ibid., S. 111.
- ⁷¹ Ibid., S. 110.
- ⁷² Ibid., S. 111.
- ⁷³ Ibid., S. 113.
- ⁷⁴ Ibid., SS 112—113.
- ⁷⁵ Ibid., S. 116.
- ⁷⁶ Ibid., S. 124.
- ⁷⁷ M. Buhr, Der Denkeinsatz der klassischen bürgerlichen Philosophie, a. a. O., S. 302.
- ⁷⁸ H. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, S. 117.
- ⁷⁹ Ibid., S. 121.
- ⁸⁰ Ibid., S. 122.
- ⁸¹ См. H. Marcuse, Der eindimensionale Mensch, Neuwied — Berlin, 1967, S. 268.
- ⁸² H. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, S. 126f.
- ⁸³ A. Rosenberg, Der Mythos des 20 Jahrhunderts, München, 1931.
- ⁸⁴ H. Marcuse, Vernunft und Revolution, Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, S. 106f.
- ⁸⁵ Ibid., SS. 41, 76f, 149.
- ⁸⁶ Ibid., SS. 149, 166.
- ⁸⁷ Ibid., S. 209.
- ⁸⁸ Ibid., S. 140.
- ⁸⁹ Ibid., S. 144.
- ⁹⁰ См. Diels. Die Fragmente der Vorsokratiker.
- ⁹¹ Гегель, как известно, нигде не сделал этой ошибки. Тем не менее, в его отношении к проблеме формальной или диалектической ло-

гики тоже имеется элемент «перевернутого позитивизма». Если из-за недиалектических манипуляций с формальной логикой некоторых «метафизиков» отрицать саму эту логику, то становится невозможной и диалектическая логика. С этим связано наличие определенных коррелятов формальной логике в объективной реальности. Возникает вопрос, какая из двух видов логик является первичной — формальная или диалектическая? Мы считаем, что эволюционные связи должны быть первичными по отношению к структурным, поскольку иначе последние должны были бы возникать с бесконечной скоростью, что невозможно согласно специальной теории относительности. Следовательно, структурные связи должны возникать, они являются одним из видов эволюционных связей, именно таким видом, который возникает с большей скоростью, и затем в течение длительного времени остаются относительно стабильными. При ином решении этой проблемы, между прочим, аннулировались бы и эволюционные и сами структурные связи. В методическом отношении мы видим тут основу для нашего ответа в споре со сторонниками структурализма относительно того, какой из двух методов является правильным: диалектический эволюционный или структуралистский.

Мы согласны с Гегелем, когда он защищает примат диалектики перед формальной логикой, но мы настаиваем на необходимости и формальной логики.

«Позитивизм» Гегеля имеет не только указанные исторические, но и гносеологические корни: овеществление его собственной теории. На это указывает Маркузе, отмечая, «что диалектический момент... отступает на задний план, обозначая возрастающее влияние овеществления, которое вторгается в гегелевские понятия». И в мышлении Гегеля, по мнению Маркузе, происходит тот же процесс, в силу которого отношения между людьми превращаются в отношения между вещами. У него личность гибнет от своей собственности, но лишь на основе этой собственности она является личностью. Вследствие этого у Гегеля право личности выступает как право собственности, и подобным овеществлением проникнут весь дальнейший гегелевский анализ. (H. Marcuse, *Vernunft und Revolution, Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie*, SS. 173—175).

⁹² H. Marcuse, *Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie*, SS. 98, 172, 214, 223.

⁹³ *Ibid.*, S. 214.

⁹⁴ *Ibid.*, S. 206.

⁹⁵ *Ibid.*

⁹⁶ *Ibid.*, S. 59.

⁹⁷ *Ibid.*, S. 177.

⁹⁸ *Ibid.*

⁹⁹ *Ibid.*, S. 194.

¹⁰⁰ *Ibid.*, S. 250.

¹⁰¹ *Ibid.*, SS. 79, 106, 108f, 126, 136f, 145f, 177, 194, 205, 218, 229—292.

¹⁰² *Ibid.*, SS. 276, 353, 368, 371.

¹⁰³ *Ibid.*, SS. 276—277.

- 104 Ibid., S. 250.
- 105 M. Buhr, Entfremdung — philosophische Anthropologie — Marx-Kritik, in: "DZfPh", 1966, Nr. 7, S. 800.
- 106 H. Marcuse, Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, S. 224.
- 107 Ibid., S. 225f.
- 108 Ibid., S. 226.
- 109 Ibid.
- 110 Ibid.
- 111 Ibid., S. 227.
- 112 Ibid.
- 113 Ibid.
- 114 Ibid.
- 115 Ibid.
- 116 Ibid., S. 228.
- 117 Ibid., S. 227.
- 118 Ibid., S. 228.
- 119 Ibid.
- 120 Ibid., S. 224.
- 121 Ibid., S. 229.
- 122 Ibid., SS. 229. 232.
- 123 Ibid., S. 275.
- 124 Ibid., S. 229.
- 125 Ibid., S. 231.
- 126 Ibid., S. 231f.
- 127 Ibid., S. 232.
- 128 Ibid.
- 129 Ibid., S. 224.
- 130 Ibid.
- 131 W. R. Beyer, Tendenzen bundesdeutscher Marxbeschäftigung, Köln, 1968, S. 120.
- 132 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 21.
- 133 H. Marcuse, Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, S. 233.
- 134 Ibid.
- 135 Ibid., S. 224.
- 136 Ibid., S. 228.
- 137 Ibid., S. 241.
- 138 Ibid., S. 136f.
- 139 Ibid., S. 79.
- 140 Ibid., S. 106.
- 141 Ibid., S. 107f.
- 142 Ibid., S. 126.
- 143 Ibid., S. 145f.

- 144 Ibid., SS. 175, 177, 183.
- 145 Ibid., S. 183f.
- 146 Ibid., S. 218.
- 147 Ibid., S. 274ff.
- 148 Ibid., S. 276.
- 149 Ibid.
- 150 Ibid., S. 277.
- 151 Ibid., S. 280.
- 152 Ibid., S. 278.
- 153 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 9—10.
- 154 H. Marcuse, Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, S. 280.
- 155 Ibid., S. 278.
- 156 Ibid., S. 279.
- 157 Ibid., S. 41.
- 158 Выступая на конференции на острове Корчула в 1964 году, Маркузе прямо называл себя марксистом (см. "Praxis", Zagreb, 1965, Nr. 2/3, S. 268).
- 159 H. Marcuse, Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, S. 276.
- 160 Ibid., S. 279.
- 161 Ibid., S. 253.
- 162 Ibid., S. 352.
- 163 Ibid., S. 250.
- 164 Ibid.
- 165 Ibid.
- 166 Ibid., S. 283f.
- 167 Ibid., S. 227.
- 168 Ibid., S. 311.
- 169 Ibid., S. 369.
- 170 Я столкнулся с трудностями при попытке дать по возможности объективную оценку службе Маркузе в американской разведке. Перед завершением работы над немецким изданием этой книги в печати появились статьи, в которых приводятся новые данные об этой стороне его деятельности. Я должен был в своей работе исходить из того, что Маркузе как буржуазный антифашист вступил в разгар второй мировой войны в Отдел стратегической службы США («ОСС») по мотивам, которые я не могу просто осудить. Первоначально задача этой службы состояла в том, чтобы добывать военную и политическую информацию о нацистской Германии и ее союзниках. Маркузе, по-видимому, не представлял ясно классовую роль империалистического американского государства. Но этого еще недостаточно для резкой полемики по поводу его деятельности в «ОСС», учитывая к тому же, что непосредственно перед переходом на работу в «ОСС» Маркузе написал наиболее последовательные буржуазно-демократические работы против фашизма.

Но по-иному оборачивается дело, когда «ОСС» в 1943 году

изменила свои функции, «деятельность этой организации, с ведома или без ведома Рузвельта, была распространена на ведение шпионажа против Советского Союза. Одним из ведущих «кремленологов» тех лет был Герберт Маркузе» (L. Matthias, in: "Bulletin des Fränkischen Kreises", Würzburg, Nr. 121, Mai, 1969, S. 14). Маттиас указывает далее, что после окончания войны Маркузе не только остался служить в «ОСС», но получил даже особое задание: по указанию Службы разведывательных исследований, одной из организаций — преемниц «ОСС», Маркузе переехал во Франкфурт-на-Майне, где он должен был — по словам Маттиаса — создать центр всей американской шпионской службы в Западной Европе. У него был тогда такой титул: «Начальник центрального европейского филиала Службы разведывательных исследований Государственного департамента США» (см. там же). Следовательно, Маркузе служил госдепартаменту. Маттиас пишет, что между разведслужбами возникло соперничество. Поэтому Трумэн создал этот особый разведцентр под руководством госдепартамента, в котором и работал Маркузе. Из этого центра позднее возникло ЦРУ. «Поскольку Маркузе продолжал оставаться во Франкфурте, то он в результате этой реорганизации стал служащим ЦРУ». В целях маскировки отдел Маркузе был передан в подчинение «Оффис оф Юропеен Аффферс». Его шефом был Фрэнк Визнер, сотрудник ЦРУ, один из его главных специалистов по организации «черных операций» (таких, например, как переворот в Гватемале). Маттиас утверждает, что Маркузе был посредником между Визнером и западногерманским генералом Геленом. «Что побудило Маркузе, в конце концов, покинуть свой пост во Франкфурте, неизвестно. В 1951 году он возвратился в США и с этого момента работал в Русском институте Колумбийского университета. Тогда этот институт еще считался подразделением Колумбийского университета, но несколько лет назад стало известно, что он финансировался ЦРУ так, что Маркузе, следовательно, остался, так сказать, «на своей прежней службе». Руководителями Русского института были тогда Збигнев Бжезинский и Иван Свитака...» (там же).

Издаваемая в Швейцарии «Базелер национальцейтунг» опубликовала 22 октября 1969 г. интервью с проф. Л. Л. Маттиасом относительно этих обвинений, выдвинутых им против Маркузе. Из этого интервью следует, что Маттиас опирается на обвинения, выдвинутые третьими лицами. Подтверждение своей правоты он видит в том, что Маркузе не прибегает к судебной защите против этих обвинений, а также в том, что Маркузе в пенсионном возрасте сохраняет свою кафедру в США, в то время как действительно левые граждане в этой стране, как правило, не могут сохранить свое место работы. Но это в лучшем случае лишь косвенное доказательство. Маттиас сам подчеркивает, что он не утверждает, будто Маркузе и сегодня еще работает в ЦРУ, а лишь то, что он там работал в прошлом.

Маркузе сам никогда не отрицал, что он работал в «Службе стратегической информации США», но в том же номере «Базелер национальцейтунг» он отвергает упреки Маттиаса. Он, например, указывает на то, что после второй мировой войны никогда не бывал длительное время в Европе.

Вообще я считаю, что борьбу с Маркузе надо вести на идеологической основе, и потому не занимаюсь невыясненными по су-

шеству обвинениями в его адрес. Деятельность Маркузе надо оценивать на основе ее конкретных последствий. В начале третьего периода развития его творчества идеологическая продукция, выходящая из-под его пера, была составной частью психологической войны главной империалистической державы. Это особенно относится к его книге «Советский марксизм». Выступления Маркузе на летних курсах югославской группы «Праксис» на острове Корчула (1964, 1968 гг.) и, быть может, его выступления в Западном Берлине в 1967 году, на Пражском гегелевском конгрессе в 1967 году и в Париже в мае — июне 1968 года объективно были составной частью контрреволюционного аспекта созданной им концепции «третьего пути». Однако, по-моему, было бы упрощением оценивать всю деятельность Маркузе на третьем этапе как контрреволюционную.

Несомненно, идеи Маркузе имеют влияние в капиталистических странах Западной Европы и в некоторых социалистических странах. Во-первых, они стимулируют мелкобуржуазно-радикальные движения в главных империалистических странах и прививают этим движениям «иммунитет» против воздействия марксизма-ленинизма; во-вторых, они оказывают влияние на ревизионистские силы в некоторых социалистических странах; в-третьих, они препятствуют созданию союза и установлению единства действий между ведущими интеллектуальными силами в оппозиционных движениях стран так называемого третьего мира и социалистическим лагерем, а также с рабочим движением империалистической метрополии, что объективно помогает империализму. В США, где идеи Маркузе впервые приобрели влияние, дело обстоит несколько иначе: участие Маркузе в борьбе против американской агрессии во Вьетнаме, в поддержку движения за гражданские права, его — пусть временная — роль как символической фигуры «новых левых» примерно с середины 60-х годов оказывается, очевидно, несовместимой с его прежней деятельностью в «ОСС». Упомянутые движения представляют серьезную опасность для господствующих кругов США. И это нельзя уже трактовать так, будто некто вызвал к жизни духов, с которыми теперь уже не справляется. Нет оснований полагать, что империалисты могли поручить кому-то выступить инициатором этих движений! И Маркузе не присоединился к ним после их возникновения, а с самого начала участвовал в организации таких движений.

Для его политических позиций последних лет характерны основные черты мелкобуржуазного радикализма, козыряющего левой фразой. Работы Маркузе перекликаются с маоистскими идеями, с теориями Дебре и Фанона, а также Суизи и Барана. Подобные идеи требуют дифференцированного подхода в принципиальной марксистско-ленинской критике.

Глава V

¹ H. Marcuse, Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus, Neuwied — Berlin, 1964, S. 9.

² H. Marcuse, Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, Berlin — Neuwied, 1962, S. 369.

Ibid.

- ⁴ Ibid., S. 370.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid., SS. 370—371.
- ⁷ Ibid., S. 371.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Критика идеологии «третьего пути» Маркузе должна учитывать и те конкретные трудные внутренние и международные условия, в которых развивался и развивается реальный социализм. Маркузе и вся антиавторитарная оппозиция в буржуазном мире совершенно не понимают и не желают понять сложную диалектику переходного от капитализма к социализму периода и трудностей построения нового социалистического общества. На фоне непонимания антиавторитаристами этой проблематики и реальных путей ее действительного разрешения некоторые левые буржуазные гуманисты и особенно правые оппортунисты в коммунистических рядах развертывают на базе уже названных нами буржуазных и антикоммунистических теорий свою «критику» реального социализма, претендуя при этом часто даже на звание «подлинных марксистов».
- ¹¹ H. Marcuse, Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, S. 371.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid., SS. 371—372.
- ¹⁴ Ibid., S. 372.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid., S. 373.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid., SS. 373—374.
- ¹⁹ Ibid., S. 374.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² На это обращают внимание: J. Habermas, Praktische Folgen des wissenschaftlich—technischen Fortschritts (см. Gesellschaft, Recht und Politik. Wolfgang Abendroth zum 60. Geburtstag, Neuwied—Berlin, 1968; C. Offe, Technik und Eindimensionalität. Eine Version der Technokratietheese? in: Antworten auf Herbert Marcuse, hrsg. v. J. Habermas, Frankfurt a. M., 1968).
- ²³ H. Marcuse, Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie, S. 374.
- ²⁴ H. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, Vorwort.
- ²⁵ Ibid., S. 11.
- ²⁶ Ibid., S. 12.
- ²⁷ Ibid., S. 13.
- ²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 480—481.
- ²⁹ H. Marcuse, Kultur und Gesellschaft 1, S. 14.
- ³⁰ Ibid., S. 16.

- ³¹ Baran, Sweezy, Monopolkapital, Ein Essay über die amerikanische Wirtschafts- und Gesellschaftsordnung, Frankfurt a. M., 1967. Критика этих идей Баран и Суизи см. P. Hess, Zu einem Versuch der Analyse der amerikanischen Wirtschafts- und Gesellschaftsstruktur, in: "Wirtschaftswissenschaft", B., 1967, Heft 2, S. 306ff; H. Jung, Baran/Sweezy, Monopolkapital, in: "Marxistische Blätter", Frankfurt a. M., 1968, Heft 2, S. 75ff.
- ³² Из произведений и очерков третьего периода в творчестве Маркузе здесь должны быть названы следующие: Triebstruktur und Gesellschaft, Frankfurt a. M., 1965; Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus, Neuwied—Berlin, 1964; Der eindimensionale Mensch, Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft, Neuwied—Berlin, 1967; Kritik der reinen Toleranz, Frankfurt a. M., 1966; Kultur und Gesellschaft 2, Frankfurt a. M., 1965.
- ³³ H. Marcuse, Trieblehre und Freiheit; Die Idee des Fortschritts im Lichte der Psychoanalyse, in: "Psychoanalyse und Politik", Frankfurt a. M., 1968, S. 43f.
- ³⁴ Ibid., S. 42.
- ³⁵ Ibid., S. 46f.
- ³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 162 и далее.
- ³⁷ G. Heberger, Der Ursprung des Menschen. Unser gegenwärtiger Wissensstand, Stuttgart, 1968.
- ³⁸ H. Marcuse, Trieblehre und Freiheit, а. а. О., S. 47.
- ³⁹ На это указал и проф. В. Холличер (Австрия).
- ⁴⁰ H. Marcuse, Trieblehre und Freiheit, а. а. О., S. 48.
- ⁴¹ Г. Г. Гольц в своей книге «Утопия и анархизм. К критике критической теории Герберта Маркузе» утверждает, что как взгляды Фрейда — Маркузе, так и учение Маркса и Энгельса по вопросу о первобытной истории человечества носят гипотетический, а не эмпирический характер. «Все м моделям этого рода присуща герменевтическая, но не историко-описательная функция; поэтому они не могут быть подтверждены или опровергнуты фактами, которые можно обнаружить...», их можно лишь считать пригодными или непригодными моделями. «Этнологические уточнения поэтому мало затрагивают как Фрейда, так и Энгельса» (Н. Н. Holz, Utopie und Anarchismus. Zur Kritik der kritischen Theorie Herbert Marcuses, Köln, 1968, S. 38). Это, просто говоря, неверно. В действительности между обеими «моделями» существует то принципиальное различие, что «модель» Маркса и Энгельса достаточно обоснована этнологически и, следовательно, является научной. Напротив, модель Фрейда — Маркузе имеет под собой не исторические, а мифические идеологические основания: биологизация общественного, объяснение власти и конкуренции из «самой природы». Характер подобных социал-дарвинистских тезисов достаточно известен. Маркузе сам критиковал эти взгляды в 1934 году в своем очерке против фашизма. Тезис Г. Гольца о том, что можно признать и Маркса, и Фрейда, ибо ни первого, ни второго нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить, является релятивистским и прагматическим с точки зрения ориентации на критерий «пригодности». Это надо подчеркнуть, поскольку Гольц не желает послать ни релятивистом, ни прагматиком.

- 42 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 23—178; Eildermann, Die Urgesellschaft, В., 1950.
- 43 Н. Marcuse, Trieblehre und Freiheit, а. о. О., S. 30.
- 44 Ibid., S. 35ff.
- 45 В работе "Psychoanalyse und Politik", а. а. О., S. 72. уже встречается это понятие «сверхрепрессия».
- 46 Н. Marcuse, Triebstruktur und Gesellschaft, S. 143.
- 47 Ibid., SS. 91f, 69f, 72ff.
- 48 Ibid., S. 93ff.
- 49 См. и другие его многочисленные антидетерминистские «аргументы»: "Kultur und Gesellschaft 1", SS. 110ff, 125f.; "Vernunft und Revolution", SS. 276ff, 278ff, 352, 369ff.; "Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus", SS. 37, 45ff, 54ff; "Der eindimensionale Mensch", SS. 14ff, 42ff, 232ff, 261ff. Целиком против детерминизма направлены и такие написанные им под влиянием Фрейда работы, как «Структура инстинктов и общество».
- 50 Н. Marcuse, Triebstruktur und Gesellschaft, S. 158.
- 51 Ibid., SS. 180, 191, 196.
- 52 Ibid., SS. 161, 163, 172.
- 53 Ibid., S. 162.
- 54 Ibid.
- 55 Н. Marcuse, Der eindimensionale Mensch, SS. 22ff, 256.
- 56 Ibid., S. 254ff.
- 57 Ibid., S. 248f; См. Н. Marcuse, Triebstruktur und Gesellschaft, SS. 164ff, 213.
- 58 Н. Marcuse, Triebstruktur und Gesellschaft, SS. 158ff, 171ff, 195ff, 219ff; Н. Marcuse, Der eindimensionale Mensch, S. 91ff.
- 59 Н. Marcuse. Kultur und Gesellschaft 1, Vorwort, S. 123.
- 60 Н. Marcuse, Triebstruktur und Gesellschaft, S. 163.
- 61 Ibid., SS. 121, 130, 152, 155, 158, 160, 168, 186, 190, 227ff.
- 62 Н. Marcuse, Trieblehre und Freiheit, а. а. О., S. 15.
- 63 Еще одним подтверждением правильности нашей интерпретации идей Маркузе служит его доклад на IV Зальцбургской встрече по вопросам гуманизма (10—13 сентября 1968 г.) на тему «Мир как утопия». Доклад опубликован в журнале «Нойес форум» (Вена, ноябрь—декабрь 1968 года; ссылки на страницы даются ниже в тексте по этому журналу): мир, по мнению Маркузе, требует окончания нынешней истории. Это «предполагает определенное отрицание существующих систем как на Западе, так и на Востоке, хотя весьма различным способом: на Западе — как отрицание трудовой морали, принципа обмена, частной собственности на средства производства, на Востоке — как отрицание бюрократически авторитарного господства, социализма с капиталистическими побудительными мотивами и целями, с социалистической конкуренцией и политикой силы» (стр. 706). Это высказывание полностью соответствует линии «третьего пути» и, по примеру ревизионизма, направляет основной удар против диктатуры пролетариата. Но нас в данном случае интересуют «позитивные» представления Маркузе о революции. Сперва он заявлял: «Революция также не может сделать этого, если она, хотя и меня институты

общественного базиса, но на новом базисе увековечивает исторически отжившую систему потребностей и все более расширяет и укрепляет ее в ходе «прогресса». Именно вследствие сохранения старых потребностей и их удовлетворения продлевается существование репрессивной системы» (стр. 706).

Выступая на летних курсах на о. Корчула в том же, 1968 году, Маркузе сказал примерно следующее: «Производство должно исходить из новых ценностей. Для этого необходима «революция до революции»: социальной революции должна предшествовать революция в человеке, радикальное изменение всех аспектов... Это вопрос воспитания и с этого нужно начать уже сегодня» (стр. 749). Разумеется, социализм должен изменить и характер потребностей; с просто заимствованной у капитализма структурой потребностей нельзя даже завершить строительство социализма, не говоря уже о переходе к коммунизму. Тем не менее, здесь речь идет об историческом процессе, чего Маркузе явно не хочет учитывать. Но более важное значение имеет его ссылка на то, что революции должно предшествовать тотальное революционизирование человека, что может быть достигнуто лишь воспитанием. При этом верно, что формирование новой морали у социалистических революционеров необходимо начать еще до революции. Но у Маркузе это оказывается возрождением старого реформизма, с позиций которого еще К. Каутский вел борьбу против Октябрьской революции. В. И. Ленин справедливо ответил Каутскому вопросом: как же можно осуществить такое воспитание, если тот, кто должен воспитывать и воспитываться одновременно, связывает это с революционным преобразованием материальных исторических условий?! Маркузе требует «радикального изменения системы потребностей, которая стала решающим фактором стабилизации, укрепления и воспроизводства агрессивного общества... Это означает... радикальное изменение человеческой природы и... структуры инстинктов», которую он обвиняет в том, что человек рассматривает под ее влиянием вещи как «ценности для обмена, как материю господства» (стр. 706). Тем самым существование капитализма и господства вновь объясняется структурой инстинктов. Чтобы преобразовать эту структуру, нужно покончить с существующими институтами, «не только с экономией, но и с тоталитарностью традиционной культуры, включая тоталитарность более высокой культуры, десублимация которой является решающим аспектом этого разрыва» (стр. 706). Маркузе требует «подлинной переоценки всех ценностей», «мятежа инстинктов» и выражением этого считает «глобальное восстание молодежи, в особенности студентов» (стр. 706).

⁶⁴ Ваган, *Unterdrückung und Fortschritt*, Essay, Frankfurt a. M., 1968, S. 75 (см. "Periodikum für wissenschaftlichen Sozialismus", Heft 14, 1959).

⁶⁵ S. Freud, *Gesammelte Werke*, Bd. 15, L., 1946, S. 194.

⁶⁶ H. Wessel, *Die kritische Theorie bleibt negativ*, in: "Forum", Berlin, 1968, Nr. 2—5 (см. H. Marcuse, *Agressivität in der gegenwärtigen Industriegesellschaft*, in: "Neue Rundschau", 78, Heft 3/1967).

⁶⁷ "Der Spiegel", 1967, 21. Aug.

⁶⁸ H. Marcuse, *Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus*.

Neuwied — Berlin, 1964 (см. Soviet — Marxism: A Critical Analysis, Columbia University Press, 1957).

- ⁶⁹ Ibid., S. 9.
- ⁷⁰ Ibid., S. 167.
- ⁷¹ Ibid., S. 11.
- ⁷² Ibid., S. 193f.
- ⁷³ Ibid., S. 105.
- ⁷⁴ Ibid., S. 14f.
- ⁷⁵ Это тоже было позже взято на вооружение ревизионистскими силами в ЧССР, что видно на примере атак ренегата Лёбля на исторический материализм (См.: E. Löbl, CSSR im Umbruch. Berichte, Kommentare, Dokumentation, Frankfurt a. M., 1968).
- ⁷⁶ H. Marcuse, Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus, S. 26.
- ⁷⁷ Ibid., S. 27.
- ⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7 и далее.
- ⁷⁹ H. Marcuse, Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus, S. 47.
- ⁸⁰ Ibid., S. 37.
- ⁸¹ Ibid., S. 43.
- ⁸² Ibid., S. 48.
- ⁸³ Ibid., S. 47ff.
- ⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 37; см. также работу Ф. Энгельса «К жилищному вопросу» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18).
- ⁸⁵ Уже молодой Маркс выдвинул требование о соединении философии с рабочим движением (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 420—429). В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс подчеркнули, что коммунисты имеют перед остальными массами пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общего результата пролетарского движения. Основоположники марксизма никогда не исходили из стихийно образующегося пролетарского революционного сознания всей массы этого класса. И Маркузе сам вынужден косвенно это признавать, например, в одном из своих докладов в Западном Берлине. И тем не менее, он упорно нападает на ленинское учение о партии и на тезис о привнесении социалистического сознания в рабочее движение как задачу партии (см.: H. Marcuse, Das Problem der Gewalt in der Opposition, in: H. Marcuse, Psychoanalyse und Politik, Frankfurt a. M., 1968); vergl. J. P. Kandel's, Marx' und Engels' Lehre von der Partei und die heutigen bürgerliche und revisionistische Geschichtsschreibung (in: "Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge", Berlin, 1968, Nr. 9, SS. 913—928).
- ⁸⁶ H. Marcuse, Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus, S. 50.
- ⁸⁷ Ibid., S. 51.
- ⁸⁸ Ibid.
- ⁸⁹ Ibid., S. 58.
- ⁹⁰ Ibid.

- ⁹¹ Ibid., S. 81.
⁹² Ibid., S. 83.
⁹³ Ibid., SS. 89—90.
⁹⁴ Ibid., S. 92.
⁹⁵ Ibid., SS. 92—93.
⁹⁶ Ibid., S. 140.
⁹⁷ Ibid., S. 141.
⁹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 185.
⁹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 18.
¹⁰⁰ H. Marcuse, Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus, S. 145.
¹⁰¹ Ibid., S. 147.
¹⁰² Ibid.
¹⁰³ Ibid.
¹⁰⁴ H. Marcuse, Neue Quellen zur Grundlegung des Historischen Materialismus. Interpretation der neuveröffentlichten Manuskripte von Marx, in: "Die Gesellschaft", 9. Jg., Nr. 8, Berlin, 1932, S. 141; ср. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 586.
¹⁰⁵ "Praxis", 1965, Nr. 2/3, S. 268.
¹⁰⁶ H. Marcuse, Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus, SS. 11—21.
¹⁰⁷ Ibid., S. 11.
¹⁰⁸ Ibid., S. 15.
¹⁰⁹ Ibid., S. 16.
¹¹⁰ Ibid.
¹¹¹ Ibid., SS. 16—17.
¹¹² Ibid., S. 17.
¹¹³ Ibid., S. 19.
¹¹⁴ Ibid.
¹¹⁵ Ibid.
¹¹⁶ Ibid., S. 21.

Глава VI

- ¹ H. Marcuse, Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft, Neuwied — Berlin, 1967.
² Ibid., S. 15.
³ Ibid., S. 232.
⁴ Ibid., S. 14.
⁵ Ibid.
⁶ Ibid., S. 15.
⁷ Ibid.
⁸ Ibid.

- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid., S. 16.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid., S. 17.
- ¹⁴ Ibid., SS. 17, 31, 32.
- ¹⁵ Ibid., S. 17.
- ¹⁶ Ibid., S. 18.
- ¹⁷ Ibid., SS. 168f, 246.
- ¹⁸ Здесь Маркузе явно употребляет термин сартра («проект»). Это понятие встречается уже в докладе Маркузе «Учение об инстинктах и свобода» в 1955 году (стр. 30). Г. Гольц справедливо указывает на экзистенциалистский характер таких основных терминов Маркузе, как «проект», «первоначальный выбор», «провал», «Великий отказ». Та характеристика рационального знания в качестве господствующего знания, которая дается в «Одномерном человеке», перекликается с аналогичными идеями у М. Шелера.
- ¹⁹ H. Marcuse, Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft, SS. 18, 170ff.
- ²⁰ Ibid., S. 19.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid., S. 139.
- ²⁴ Ibid., S. 140.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid., S. 141.
- ²⁷ Ibid., S. 144.
- ²⁸ См. Платон, Менон.
- ²⁹ H. Marcuse, Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft, S. 145.
- ³⁰ Ibid., S. 245.
- ³¹ Ibid., S. 145.
- ³² Ibid., S. 146.
- ³³ Ibid., S. 147.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid., S. 147f.
- ³⁶ Ibid., S. 148.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Ibid., S. 148f.
- ⁴⁰ Ibid., S. 149, Fussnote.
- ⁴¹ Ibid., S. 150.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ibid., S. 151.
- ⁴⁴ Ibid., S. 152.

- 45 Ibid., S. 152f.
- 46 Ibid., S. 153.
- 47 Ibid., S. 154.
- 48 Ibid.
- 49 Тезис о социал-демократизации западноевропейских коммунистических партий Маркузе высказал в 1964 году, выступая на «летних курсах» на острове Корчула (vergl.: "Praxis", Zagreb, Nr. 2/3, 1965, S. 268).
- 50 H. Marcuse, Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft, S. 267.
- 51 Ibid.
- 52 Ibid., S. 263.
- 53 На это указывают также: J. Bergmann, in: "Antworten auf Herbert Marcuse", hrsg. v. J. Habermas, Frankfurt a. M., 1968, S. 89ff.
- 54 H. Marcuse, Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft, S. 233.
- 55 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 116—117.
- 56 C. Offe, in: "Antworten auf Herbert Marcuse", S. 81ff.
- 57 H. Marcuse, Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft, S. 180f.
- 58 Ibid., S. 247.
- 59 Не случайно и профсоюзы ФРГ, находящиеся под доминирующим влиянием СДПГ, обсуждали проблемы последствий автоматизации на двух специальных крупных международных конференциях и выработали свои концепции по этим вопросам, в то время как официальные государственные представители капиталистической системы ФРГ внешне равнодушно относятся к этой проблематике или же пытаются преуменьшить опасные для трудящихся последствия, связанные с автоматизацией при капитализме. Принципиально ошибочно, что Маркузе, исходя из условий США, приравнивает отношение капиталистов к научно-технической революции к отношению к ней социалистов.
- 60 Это положение опирается на тезис, выдвинутый еще в конце прошлого века немецкой буржуазной социологией, в частности Теннисом, — тезис о противоречии между общностью и обществом, культурой и цивилизацией. Разнообразно проявляющиеся противоречия между жизнью, природой, естественным, эмоциональным искусством, с одной стороны, и мертвым, технически аппаратным, машиноподобным — с другой, отождествляются с антиномией. Отсюда исходит начало «философии жизни» в буржуазной социологии. Альфред Вебер эту идею развил в эклектическую теорию истории, в которой механистически детерминированный технический процесс противопоставляется процессу цивилизации и культуры (см. критику этого направления: Р. Штейнвальд, Апологетическая задача буржуазного толкования времени, «Дойче цайтшрифт фюр философи», ГДР, 1963 г., № 5, стр. 600 и далее). Философия техники в книге Маркузе «Одномерный человек» связана с этим направлением в буржуазной социологии. Она опирается еще и на экзистенциалистский вариант этого направления, который знает лишь механистическое толкование детерминизма, в духе

Лапласа, и справедливо отвергает такой детерминизм, признавая за человеком способность «отрицания». Вся диалектика сводится затем к «человеческой исторической» диалектике, а диалектика природы — как якобы чисто механистическая — отрицается. В русле этой традиции Маркузе предпочитает «прогрессу» «трансцензус» (А. Вебера) или «перешагивание» (М. Хайдеггера), ибо прогресс якобы присущ лишь технике, но невозможен в том смысле, в котором его понимают социалисты (см. H. Marcuse, *Psychoanalyse und Politik*, 1968, S. 43ff).

- ⁶¹ H. Marcuse, *Philosophie und kritische Theorie*.
- ⁶² H. Marcuse, *Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus*.
- ⁶³ См. также вводную часть.
- ⁶⁴ H. Marcuse, *Das Ende der Utopie*, Berlin, 1967, S. 67.
- ⁶⁵ H. Marcuse, *Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft*, S. 46.
- ⁶⁶ *Ibid.*, S. 267.
- ⁶⁷ *Ibid.*, S. 233.
- ⁶⁸ “*Philosophisches Wörterbuch*”, Freiburg, 1947, S. 143.
- ⁶⁹ H. Marcuse, *Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft*, S. 253.
- ⁷⁰ G. Donath, *Zur Diskussion über Herbert Marcuses “Der eindimensionale Mensch”*, in: “*Die Wahrheit*”, Berlin — West, 29. 8.1967; H. H. Holz, *Utopie und Anarchismus*, Köln, 1968, S. 83ff.
- ⁷¹ D. Klein, *Karl Marx und die inneren Widersprüche des Kapitalismus*, in: “*Forum*”, DDR, Berlin, 1968, Nr. 7; H. Lumer, *Armut in USA*, Berlin, 1967.
- ⁷² G. Donath, *Zur Diskussion über Herbert Marcuses “Der eindimensionale Mensch”*, a. a. O.
- ⁷³ F. Pollock, *Zur Anwendung des Elektronenrechners in der hochindustrialisierten Gesellschaft*, in: “*Zeugnisse*”, Frankfurt a. M., 1963, S. 399.
- ⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 23, стр. 770—773.
- ⁷⁵ H. Wessel, *Die kritische Theorie bleibt negativ*, in: “*Forum*”, Berlin, 1968, Nr. 2—5, dort, Nr. 4.
- ⁷⁶ См. J. Schleifstein, *Gegenwartsprobleme des revolutionären Kampfes*, in: “*Marxistische Blätter*”, Frankfurt a. M., 1967, Nr. 6, S. 3f.
- ⁷⁷ См. “*Praxis*”, Zagreb, 1965, Nr. 2/3, S. 268.
- ⁷⁸ Итоги тех выборов во Франции показали, что большинство трудящихся еще не были готовы поддержать радикальные цели и методы борьбы. Хотя левосоциалистическая партия, переняв ультралево-лозунги, и получила по сравнению с выборами 1967 года больше голосов, но это объясняется и тем, что она выставила своих кандидатов в три раза больше числе избирательных округов, чем в прошлом. Там, где она и в 1967 году выставяла кандидатов, там она — и именно в рабочих районах — потеряла голоса.
- ⁷⁹ S. Mallet, *Sozialismus und die neue Arbeiterklasse*, in: “*Neue Kritik*”, Frankfurt a. M., 1965, Nr. 32, S. 17.
- ⁸⁰ См. Р. Ульяновский, *О некоторых особенностях современного этапа национально-освободительного движения* («*Правда*», 3 ян-

- варя 1968 г.), См. "Der Zerfall des Kolonialsystems und der Aufschwung der nationalen Befreiungsbewegung, Kleines Nachschlagewerk", В., 1967.
- ⁵¹ Интересные марксистские исследования советских авторов, которые опровергают ошибочные взгляды, получившие распространение в кругах ультралевых «критиков» современного рабочего движения, опубликованы на немецком языке в журнале "Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge", 1968, Nr. 5, 6 и др.
- ⁵² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 218.
- ⁵³ См. глубокий, творческий анализ этих вопросов в материалах международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году.
- ⁵⁴ Согласно моим записям на дискуссии о «Ложных и возможных альтернативах», организованной Социалистическим немецким студенческим союзом во Франкфурте-на-Майне 29 мая 1964 г., Г. Маркузе заявил там после доклада М. Фёстера «О борьбе за коренные демократические реформы»: «Мне кажется, что я все это уже читал у Эдуарда Бернштейна. Разве это все не есть реформизм?».
- ⁵⁵ I. Fetscher, Karl Marx und der Marxismus, München, 1967, S. 10.
- ⁵⁶ Ibid., S. 11. Vergl. H. Marcuse, Ethik und Revolution, in: "Kultur und Gesellschaft 2", Frankfurt a. M., 1967. В этой статье Маркузе дал свое «этическое обоснование» социализма.
- ⁵⁷ H. Marcuse, Ideen zu einer kritischen Theorie der Gesellschaft, Frankfurt a.M., 1968, S. 186.
- ⁵⁸ Ibid., S. 187.
- ⁵⁹ Ibid., S. 187f.
- ⁶⁰ Ibid., S. 188.
- ⁶¹ Ibid., S. 189.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Ibid., S. 190.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 38—39.
- ⁶⁷ H. Marcuse, Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft, S. 233.
- ⁶⁸ О качественной диалектике и ее критику см. G. Lukacs, Die Zerstörung der Vernunft, В., 1955, S. 198. Г. Г. Гольц справедливо указал на родство маркузианской идеи отрицания с понятием отрицания в «негативной теологии». Это не удивляет, ибо одним из источников негативной диалектики являются работы С. Кьеркегора, выдвинувшего идеи «качественной диалектики». Идейным отцом современной негативной теологии является Р. Бультман — в прошлом друг Хайдеггера. Итак, круг замыкается (см. Н. Н. Holz, Utopie und Anarchismus, SS. 56—57).
- ⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 446.
- ¹⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 20.
- ¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 129 и стр. 131 и далее.

- ¹⁰² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 110—115.
- ¹⁰³ H. Marcuse, *Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft*, S. 233.
- ¹⁰⁴ В этой связи стоит отметить, что Маркузе в стилистическом плане часто излагает свои аргументы в сослагательном наклонении, в логической форме неопределенных условных импликаций, в теоретико-познавательном плане близкой к эстетствующему «интеллектуальному созерцанию» Шеллинга (игнорируя при этом критику Гегелем и Лукачем этой иррационалистической теории познания).
- ¹⁰⁵ H. H. Holz, *Utopie und Anarchismus*, S. 47f.
- ¹⁰⁶ См. “*Der Spiegel*”, 1967, 21. Aug.; H. Marcuse, *Psychoanalyse und Politik*, Frankfurt a. M., 1968, S. 51.
- ¹⁰⁷ H. Marcuse, *Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft*, S. (Titelei).
- ¹⁰⁸ H. H. Holz, *Utopie und Anarchismus*, S. 60f.
- ¹⁰⁹ *Ibid.*, S. 118.
- ¹¹⁰ При рассмотрении этого вопроса я опираюсь на письменные советы проф. В. Р. Байэра (Зальцбург).
- ¹¹¹ H. Marcuse, *Vernunft und Revolution. Hegel und die Entstehung der Gesellschaftstheorie*, S. 11.
- ¹¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 38—39.
- ¹¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 40.

Глава VII

- ¹ H. Marcuse, *Vietnam, Analyse eines Exempels*, in: “*Neue Kritik*”, Frankfurt a. M., 1966, Nr. 36/37, S. 36.
- ² “*Praxis*”, 1965, Nr. 2/3, S. 268.
- ³ *Ibid.*, S. 269.
- ⁴ H. Marcuse, *Vietnam, Analyse eines Exempels*, a.a.O., S. 37.
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ H. Marcuse in “*Praxis*”, 1965, Nr. 2/3, S. 260.
- ⁸ H. Marcuse, *Ist die Idee der Revolution eine Mystifikation*, in: “*Kursbuch 9*”, Juni, 1967.
- ⁹ H. Marcuse, *Das Problem der Gewalt in der Opposition*, in: “*Psychoanalyse und Politik*”, Frankfurt a. M., 1968.
- ¹⁰ *Ibid.*, S. 54.
- ¹¹ *Ibid.*, S. 66.
- ¹² *Ibid.*, S. 55.
- ¹³ *Ibid.*, S. 65.
- ¹⁴ *Ibid.*, S. 56.
- ¹⁵ *Ibid.*
- ¹⁶ *Ibid.*, S. 56f.
- ¹⁷ *Ibid.*, S. 57.
- ¹⁸ *Ibid.*, S. 66.

- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid., S. 67.
- ²¹ H. Marcuse, Vietnam, Analyse eines Exempels, a.a.O., S. 37.
- ²² H. Marcuse, Das Problem der Gewalt in der Opposition, a.a.O., SS. 67, 64.
- ²³ Ibid., S. 64.
- ²⁴ H. Marcuse, Interview mit dem "Tagebuch", Wien, Oktober — November, 1967, но здесь, в этой ориентации на просвещение, как раз отсутствует у Маркузе важнейший элемент: критика материального базиса, экономики.
- ²⁵ H. Marcuse, Repressive Toleranz, in: "Kritik der reinen Toleranz", Frankfurt a. M., 1967.
- ²⁶ H. Marcuse, Trieblehre und Freiheit: Die Idee des Fortschritts im Lichte der Psychoanalyse, in: "Psychoanalyse und Politik", S. 51; "Der Spiegel", 1967, 21. Aug., S. 114. В этом интервью журналу «Шпигель» Маркузе указывает на реакционный характер философии Платона.
- ²⁷ H. Marcuse, Das Ende der Utopie, B., 1967, S. 68.
- ²⁸ H. Marcuse, Interview mit "Tagebuch", Wien, Oktober — November, 1967. «Возрождение концепции «Советов» — это возможно лишь после революции. Внутри старой системы — вспомните хотя бы заводские советы — это всегда (! — *P. Шт.*) будет конформизмом».
- ²⁹ H. Marcuse, Das Problem der Gewalt in der Opposition, a.a.O., S. 67.
- ³⁰ "Le Monde", 11 mai, 1968.
- ³¹ H. Marcuse, Versuch über die Befreiung, Frankfurt a. M., 1969 (An Essay on Liberation, USA 1969).
- ³² "Der Spiegel", 1969, 28. Juli.
- ³³ Ibid., S. 106.
- ³⁴ H. Marcuse, Versuch über die Befreiung, a.a.O., S. 132.
- ³⁵ H. G. Helms, Fetisch Revolution, Neuwied — Berlin, 1969.
- ³⁶ H. Marcuse, Versuch über die Befreiung, a. a. O., S. 22.
- ³⁷ Ibid., S. 129f.
- ³⁸ Ibid., S. 25.
- ³⁹ Ibid., S. 45.
- ⁴⁰ Ibid., S. 19.
- ⁴¹ Ibid., S. 34.
- ⁴² Ibid., S. 17f.
- ⁴³ Ibid., S. 79.
- ⁴⁴ Ibid., S. 95.
- ⁴⁵ Ibid., S. 127.
- ⁴⁶ Ibid., SS. 130—131.
- ⁴⁷ H. Marcuse, Thesen über die Revolution in der Industriegesellschaft, in: "Links", Sozialistische Zeitschrift, Offenbach, 1969, Okt., S. 18.
- ⁴⁸ H. Marcuse, Versuch über die Befreiung, a.a.O., S. 25.

⁴⁹ Ibid., S. 43.

⁵⁰ Ibid., SS. 79, 83, 92.

⁵¹ Ibid., S. 79.

⁵² Ibid., S. 82.

⁵³ Ibid., S. 85f.

⁵⁴ Ibid., S. 92.

⁵⁵ Ibid., S. 33.

⁵⁶ Разногласия между нами и Маркузе с его ультралевыми сторонниками в оценке буржуазного парламентаризма, вероятно, очень незначительны. Но только мы делаем из этого совершенно иные выводы. Государственно-монополистическая верхушка настойчиво стремится превратить парламент в лишенное власти прикрытие этой системы и вместе с тем сохранить его для обмана народа. Отсюда следует, что проникновение революционных сил в этот полезный для системы инструмент отнюдь не бесполезно. Люди, боящиеся, что революционеры могут в парламенте подвергнуться идеологическому подкупу, обвиняют этот инструмент, то есть парламент, в том, что это — средство подкупа, «забывая» при этом, что внутри всей существующей системы нет вообще никакого инструмента, с помощью которого нельзя было бы подкупать. Но прежде всего при этом не видят, что возможность идеологического разложения зависит от идейно-политической слабости тех, кого тут лишают их политического лица. А это зависит не от парламента.

По существу «антипарламентаристы» в такой же степени, как и буржуазные апологеты, возводят отношение к парламенту в ранг критерия политической позиции. Этим они лишь выдают свою скрытую сущность — буржуазный характер своей чисто формальной позиции. К тому же они выдают и свой страх — как бы не запачкаться в борьбе с оппортунизмом. Это своего рода капитуляция перед оппортунизмом во имя «радикальности» этих героев. И при этом они просто игнорируют такие факты, как революционный парламентаризм в период народного фронта в Испании и указания В. И. Ленина, который, хорошо понимая роль буржуазного парламентаризма, рекомендовал революционерам использовать парламент.

⁵⁷ H. Marcuse, Versuch über die Befreiung, a.a.O., S. 125.

⁵⁸ Ibid., S. 124.

⁵⁹ Ibid., S. 116.

⁶⁰ Ibid., S. 92. Ссылки Маркузе на студентов, молодых рабочих и на другие силы как неинтегрированные части общества на редкость далеки от действительности. Разве сознание этих слоев общества формируется вне общества, вне классовых отношений? Дело в том, что необходимо с помощью марксистской общественной науки основательно исследовать подлинные идеологические процессы у этих частей населения. Хорошим примером в этом направлении может служить статья М. И. Новинской «Молодежь в условиях современного капитализма» («Вопросы философии», М., 1969 г., № 3).

⁶¹ H. Marcuse, Versuch über die Befreiung, a.a.O., S. 128.

⁶² Ibid., S. 132.

⁶³ Ibid., S. 48.

⁶⁴ Ibid., S. 130. Как выглядит это тождество цели и средств, если,

например, врач, чтобы избавиться от боли (цель), вынужден причинять боль (средство)? Столь гладкий, по-видимому, тезис Маркузе на деле очень поверхностен и отнюдь не диалектичен!

⁶⁵ Ibid., S. 51.

⁶⁶ Ibid., S. 53.

⁶⁷ Ibid., S. 77.

⁶⁸ Ibid., S. 78.

⁶⁹ Ibid., 129f.

⁷⁰ Ibid., S. 132.

⁷¹ Ibid., S. 127.

⁷² Ibid., SS. 127—128.

⁷³ Ibid., S. 16.

⁷⁴ Несомненно, на первых порах строительства социализма у него как наследника капитализма, имеются еще пережитки прошлого, например использование кадров буржуазного происхождения, в начале часто еще мыслящих и поступающих не по-социалистически, или же некоторый отрыв частей от целого, появление элементов бюрократизма. Но отсюда тем более следует необходимость твердой марксистско-ленинской партии, начинающей, руководящей и доводящей до конца процесс социалистического перевоспитания и противодействующей процессам отрыва отдельных частей от целого.

⁷⁵ H. Marcuse, Versuch über die Befreiung, a.a.O., S. 10.

⁷⁶ Ibid., S. 128.

⁷⁷ См. Robert Steigerwald, Bemerkungen zur Dialektik Marcuses, in: „Marxistische Blätter“, Sonderheft 1/1968.

⁷⁸ H. Marcuse, Versuch über die Befreiung, a.a.O., S. 75.

⁷⁹ Ibid., S. 104f.

⁸⁰ Ibid., S. 18.

⁸¹ Ibid., S. 73f.

⁸² Ibid., S. 95.

⁸³ Ibid., S. 99.

⁸⁴ Ibid., S. 100.

⁸⁵ Ibid., S. 121.

Заключительные замечания и выводы

¹ См. „Studium von Zeitfragen“, Frankfurt a. M., 1968, Nr. 5, S. 2f.

² H. H. Holz, Utopie und Anarchismus, S. 31f.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	19
Глава I. Некоторые особенности современного «бунта интеллигентов»	25
Глава II. Источники философии и политики «третьего пути»	34
Глава III. Ранний период деятельности Маркузе (1928—1932 гг.)	54
Периодизация деятельности Маркузе	54
Маркузе ревизует молодого Маркса	56
Итоговые критические замечания к первому периоду деятельности Маркузе	62
Глава IV. Второй период деятельности Маркузе (1933—1941 гг.)	69
Программа очерков второго периода	69
Очерки по критике культуры	73
О «критической теории»	93
О гегелевской и маркузианской критике позитивизма	108
О свободе и закономерности	114
Еще одно «толкование» Маркса	117
Ревизия диалектики Маркса и Ленина	133
Пауза между вторым и третьим периодами развития концепций Маркузе	142
Глава V. Третий период деятельности Маркузе. Разработка «критической теории»	145
Предисловия и послесловия к новым изданиям старых работ	146
«Структура инстинктов и общество»	157

Поход Маркузе против «советского марксизма» . . .	178
«Предисловие» 1960 года	198
Глава VI. Критика концепции «одномерного человека» . . .	205
О содержании книги «Одномерный человек» . . .	206
К теоретической и методологической критике . . .	215
К критике тех фактов, на которые ссылается Маркузе	231
От «Одномерного человека» к «Очерку об освобождении»: еще раз о диалектике Герберта Маркузе	252
Глава VII. Несколько вынужденных шагов вперед	269
«Очерк об освобождении»	279
Заключительные замечания и выводы	298
Примечания	312

Р. Штейгервальд

«Третий путь» Герберта Маркузе

Редактор А. Е. Могилевчик. Оформление художника М. В. Серегина. Художественный редактор Г. Ф. Скачков. Технический редактор Л. С. Андреева. Корректор А. А. Волошина

Сдано в набор 22/VII 1971 г. Подписано в печать 11/X 1971 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2.
Усл. печ. л. 18,06. Уч.-изд. л. 18,90.
Тираж 15 000 экз. Изд. № 96-Э.

Издательство «Международные отношения»
Москва, И-90, Мещанская, 7.
Зак. № 527.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 1 руб. 24 коп.